ЭКОЛОГИЯ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Дуглас Вайнер (Уинер)

ЭКОЛОГИЯ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

АРХИПЕЛАГ СВОБОДЫ: заповедники и охрана природы

DOUGLAS R. WEINER

MODELS OF NATURE
Ecology, Conservation, and Cultural Revolution in Soviet Russia

Indiana University Press
Bloomington and Indianapolis

Дуглас Вайнер (Уинер)

ЭКОЛОГИЯ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

АРХИПЕЛАГ СВОБОДЫ: заповедники и охрана природы

Перевод с английского
Е. П. Крюковой

Послесловие и редакция
Ф. Р. Штильмарка

Москва
«Прогресс»
1991

ББК 28.08
В 14

Редакция литературы по географии, экологии и народонаселению

Заведующий редакцией О. Д. Катагощин

© Indiana University Press, 1988

© Перевод на русский язык Е. П. Крюковой, редакция и послесловие Ф. Р. Штильмарка, 1991

Одно из преимуществ нового издания любой книги состоит в том, что автор имеет возможность учесть замечания и пожелания читателя, более критически подойти к материалу и, что наиболее важно, отразить новые взгляды на проблему. В течение прошедшего года, после выхода американского издания этой книги, я вновь и вновь обращался к событиям 20-х и 30-х годов в России и пришел к некоторым выводам, которыми с любезного разрешения издательства «Прогресс» хочу поделиться с советским читателем.

В 70-е годы многие американцы оказались весьма обеспокоены уровнем качества окружающей среды в своей стране. Они захотели знать, как обстоит дело в Советском Союзе, где отсутствует алчное частное предпринимательство и где господствующая идеология более энергично провозглашает в качестве главной цели общественное благосостояние и охрану качества окружающей среды. Изучение вопроса обнаруживает, однако, что проблемы качества окружающей среды для советского руководства обладают столь же низким приоритетом, как и для западного. Это подтверждают ныне многие авторы, как советские, так и американские (Goldman, 1972; Комаров, 1978; Pryde, 1972; Ярошенко, 1989 и др.).

Исследователи, изучающие советскую политику в области охраны природы, склонны распространять плачевное состояние дел в этой области также и на далекое прошлое, что является, хотя и понятной, но ошибкой. Заявления советских авторов относительно роли Ленина в деле охраны природы расценивались их американскими коллегами как обычное агиографическое преувеличение. Разумеется, некоторые исследователи были в курсе событий, происходивших при возникновении движения за охрану природы в России, однако они относили «золотой век» охраны природы в России к десятилетию, предшествовавшему революции 1917 г., а все последующие считали непрекращающимся разорением страны большевиками.

Советские авторы вольно или невольно способствовали сохранению этого впечатления тем, что до последнего времени почти не

занимались изучением истории движения за охрану природы в России первой половины нашего столетия. В значительной степени это связано с серьезными политическими трудностями, с которыми сталкиваются советские историки, пытаясь изучать события конца 20-х и 30-х годов. Скудность литературы по начальному этапу движения за охрану природы в Советском Союзе несчастным образом сочетается с тем, что это общественное движение с середины 30-х по конец 50-х годов влачило жалкое существование. Зловещая тень И. И. Презента и Т. Д. Лысенко легла на первые годы существования движения за охрану природы и развития экологии в Советском Союзе и была для них не менее пагубна, чем для генетики. Однако «дело Лысенко» получило всемирную известность, тогда как судьба охраны природы и экологии в Советском Союзе остается в тени.

Почему именно так произошло, сказать трудно, однако ясно, что в этом важную роль сыграло сочетание нескольких факторов. Прежде всего, в экологии и охране природы не было своего Вавилова. Ни в одной из этих областей не было ученого, сравнимого по своей международной известности с этим знаменитым генетиком растений (или такого, история трагической гибели которого стала бы столь же известной), и потому Презенту и Лысенко было легче набросить покров исторического забвения на судьбы своих менее знаменитых противников-экологов.

Вторая причина коренится в различии судеб самих этих наук. Когда современная синтетическая эволюционная теория — «менделизм-вейсманизм-морганизм», как она насмешливо именовалась в Советском Союзе в конце 40-х годов,— была отвергнута Лысенко и его последователями в пользу искаженной версии ламаркизма, то образованные люди во всем мире испытали потрясение. Взгляды подавляющего большинства ученых международного научного сообщества были в политических целях произвольно объявлены реакционными и ошибочными. Более того, через некоторое время механизмы наследственности и эволюции, третировавшиеся несколько десятилетий назад, утвердились в ранге официальной науки. Тяжелые испытания советской генетики стали ярким примером науки, раздавленной политикой и идеологическим догматизмом.

Положение в деле охраны природы и в экологии сообществ было совершенно иным. Не существовало единых взглядов относительно каких бы то ни было фундаментальных постулатов ни в экологической теории, ни в природоохранительной практике. Напротив, для этих областей были характерны разнообразие и противоречивость. Поэтому подавление подходов, развивавшихся советскими учеными в экологии и теории охраны природы,

не выглядело столь вопиющим подавлением полноправной эмпирической науки, как в случае с генетикой. По той же причине отсутствия согласия в отношении основных экологических принципов альтернативные экологические представления, выдвигавшиеся Презентом и Лысенко, не выглядели столь бессмысленными и невежественными, как пропагандировавшиеся ими идеи о природе наследственности и механизмах видообразования.

Возможно, в этом играли также роль некоторые глубоко воспринятые убеждения, разделявшиеся как советскими, так и западными учеными. Долгое время в рамках наших культур развивались преимущественно те науки, которые, подобно физике и химии, давали возможность предсказывать природные явления и управлять ими. В биологии областью, наиболее приблизившейся к такому механистическому идеалу, была генетика. Напротив, экология, в особенности до 60-х годов, представляла собой в основном описательную науку, имевшую дело с «плохо упорядоченными» живыми системами, если воспользоваться удачным выражением Р. Г Уиттекера. Вряд ли может показаться удивительным, что ориентированная на силу научная культура быстро прореагировала на разгром генетики, но осталась относительно безразличной к гибели «беспомощной» описательной науки.

Эта книга представляет собой попытку восстановить историческую справедливость. В своем исследовании я столкнулся с тонким хитросплетением бюрократической интриги, научного политиканства, трагедии и славы. Для многих будет удивительно, что еще в 20-х годах и в начале 30-х Советский Союз был на переднем крае развития теории и практики охраны природы. Русские первыми предложили выделять специально охраняемые территории для изучения экологических сообществ, и Советское правительство было первым, кто воплотил эту идею *. Более того, русские были первыми, кто понял, что планирование регионального землепользования и восстановление разрушенных ландшафтов должны строиться на основе экологических исследований. В настоящее время этими идеями и концепциями руководствуются, разрабатывая политику в области охраняемых территорий, не только в Советском Союзе, но и во многих других странах. Эти же идеи получили международное воплощение в программе биосферных заповедников ЮНЕП.

Достижения русских экологов начала века и первого послереволюционного периода в области экологии сообществ — и это центральная тема нашего исследования — производит не менее

---

* Основы заповедного дела заложены в дореволюционной России.— *Прим. ред.*

сильное впечатление. Достаточно сказать, что русские ученые были в числе первых, разрабатывавших теорию размещения растений, основывающуюся на взаимодействиях между отдельными растениями (фитосоциология), а также парадигмы трофодинамики и экологической энергетики. Одна из целей этой книги состоит в том, чтобы воссоздать эти пропущенные страницы общей истории биологии.

История, которая здесь рассказана,— это история неравной борьбы между малочисленной российской интеллигенцией, стремившейся отстоять свой образ жизни и свои ценности, прежде всего уважение к разнообразию мнений, интеллектуальную свободу, а также глубокую убежденность в своем праве на важную политическую роль в жизни народа, и набирающей силу бюрократической коалицией, возглавлявшейся Сталиным и использовавшей контроль над гигантской государственной машиной для утверждения своих взглядов на политику и жизнь.

Честность требует признать, что у автора, так же как и у большинства читателей (как он надеется), есть собственная точка зрения. Хотя его приверженность к идеям разнообразия и интеллектуальной свободы в такой же степени вопрос убежденности, как и любая другая система взглядов, однако он не приносит извинений за свою пристрастную симпатию к первым советским деятелям движения за охрану природы и к их готовности отстаивать эти ценности. Точно так же автор не склонен скрывать свою убежденность в том, что жестко прагматический взгляд на природу и на людей, которого придерживались сталинисты, был и остается мировоззрением чрезвычайно ограниченным. Ибо, как поведал нам Джон Родман в своем замечательном эссе «Освобождение природы?» (R o d m a n J. Liberation of Nature? — "Inquiry 20", Spring 1977, № 1), в тот самый момент, когда мы вычленяем себя из непрерывного потока жизни и времени, мы ставим ограничения собственным возможностям.

Автор посвящает свой труд светлой памяти русских экологов и общественных деятелей XX века, отдававшим все силы трудной борьбе за отечественную природу.

Эта книга стала возможной благодаря поддержке многих лиц и организаций. Я с глубокой благодарностью вспоминаю о помощи, оказанной мне всеми, хотя на этих страницах могу поблагодарить лишь сравнительно немногих. Эта работа не могла бы быть успешно осуществлена без организационной поддержки, оказанной Комиссией по международным обменам (IREX) и Министерством высшего и специального среднего образования СССР (ныне Госкомобразование), давших мне возможность работать в СССР в 1979—1980 гг. Я безмерно благодарен лицам и организациям,

принимавшим меня в Советском Союзе, в особенности Зоологическому музею Московского государственного университета и его директору Ольге Леонидовне Россолимо. Дополнительную финансовую поддержку оказали Национальный научный фонд, фонд Эндрю В. Меллона, Русский исследовательский центр Гарвардского университета и Национальная академия США. Все это в сочетании с гостеприимством, оказанным мне Академией наук СССР в 1986 г., дало возможность закончить эту монографию.

На структуру и содержание этой книги влияли в первую очередь Лорен Р. Грэхем, научный руководитель моей диссертационной работы, Феликс Робертович Штильмарк, научный редактор данного издания, знаток и защитник советских заповедников, без авторитетной помощи которого эта книга не смогла бы появиться, и ныне покойный Андрей Александрович Насимович, который щедро делился со мной своими обширными знаниями и опытом. Кроме того, эту работу обогатили своими помощью и советами следующим лица: Марк Б. Адамс, Даниил Александрович Александров, ныне покойный Кендалл Э. Бейлс, ныне покойный Андрей Григорьевич Банников, Анатолий Георгиевич Воронов, Николай Николаевич Воронцов, Арон Гаре, Дэвид Жоравский, Дмитрий Николаевич Кавтарадзе, Шарон Кингсланд, Марк Кучмент, Юрий Николаевич Куражковский, ныне покойный Евгений Михайлович Лавренко, Эдуард Николаевич Мирзоян, Надежда Константиновна Носкова, Павел Михайлович Рафес, Николай Федорович Реймерс, ныне покойный Дональд Ритчи, Татьяна Борисовна Саблина, покойный Олег Измайлович Семенов-Тян-Шанский, Роберт Г. Скотт, Валерий Николаевич Сойфер, Сьюзен Гросс-Соломон, Леопольд Г. Хеймсон, Шейла Фитцпатрик и Питер Г. Ювилер, Джон Т. Шьявоне, Сергей Рожков, Сергей Георгиевич Самбук и Валерий Неронов также помогли мне своим содействием, за что я им благодарен.

Особо признателен я сотрудникам следующих организаций: Библиотеки Колумбийского университета, отдела славистики Нью-Йоркской публичной библиотеки, Архива Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Библиотеки Академии наук СССР, Научной библиотеки им. А. М. Горького МГУ и библиотеки биофака МГУ, библиотеки зоомузея МГУ, библиотеки МОИП, библиотеки конгресса США, библиотеки Американского музея естественной истории, Главного управления архивов СССР, Архива Академии наук СССР, Центрального государственного архива РСФСР, Всесоюзной государственной библиотеки им. В. И. Ленина, библиотеки Гарвардского университета, Института истории естествознания и техники, Ботаническо-

го института АН СССР, а также архива Чарльза Кристофера Адамса в Западном Мичиганском университете.

Я хотел бы выразить здесь благодарность моему редактору в Индиана Юниверсити Пресс Джанет Рабинович, Николаю Николаевичу Воронцову, а также Олегу Дмитриевичу Катагощину, отличному переводчику Елене Петровне Крюковой, редактору Владимиру Сергеевичу Мухину и издательству «Прогресс» в целом за помощь в издании этой книги.

И наконец, я хочу поблагодарить свою любящую семью и друзей, которые духовно поддерживали меня в этой долгой и нелегкой работе.

История развития человеческого общества... это путь от рабства слепого преклонения перед стихийными силами природы через отрицание природы и борьбу с ней к покорению ее... в широких интересах человеческого общества.

Пролетарская революция стала критическим моментом в этом процессе... В условиях социализма... природные ресурсы не сковывают экономику, а предоставляют условия для ее неограниченного развития.

Вейцман Х. С. Заповедник будущего.— «Природа и социалистическое хозяйство», 1934, № 7, с. 105.

Как могло общество, гордившееся своей научной раскрепощенностью, взлелеять Трофима Денисовича Лысенко и дать ему возможность неограниченно властвовать в биологических нуках? Почему система, создавшая культ рационализма, отступила от него при планировании в области охраны окружающей среды? Какова была роль специфических русских и советских культурных и экономических факторов в формировании столь же специфического отношения к природе?

За этими вопросами кроется сложная и малоизвестная история о том, как некоторая часть русского научного сообщества противостояла противоречивому процессу экономической модернизации и социальных изменений. Одним из ответов на этот процесс было стремление сохранить природу. Среди ее защитников были и те, кто страшился осквернения природы по причинам этического и эстетического характера, и послереволюционные деятели, проявлявшие беспримерное внимание к научному обоснованию охраны природы и опасавшиеся экологической дестабилизации. Как бы то ни было, предвидения кризиса природной гармонии заметны в 30-е годы на страницах самых разных публикаций, особенно биологических.

Оборотная сторона медали состоит в том, что модернизация имела сильных сторонников. Они не ограничивались беспрестанными восхвалениями удобств и прелестей, которые несет технический прогресс. Русские модернизаторы, в особенности революционного толка, видели себя миссионерами, призванными создавать новое, справедливое общество на основе завоеванной, поко-

ренной природы, управляемой «новым человеком», познавшим весь мир и сознающим себя всемогущим хозяином на Земле.

Чтобы ответить на поставленные в начале введения вопросы, необходимо изучить обе позиции. Исследуя их, мы придем в конечном итоге к выводу: борьба между приверженцами «сознательного» над «стихийным» и защитниками природы наложила отпечаток на развитие русской и советской культуры. Хотя эта тема уже замечательно исследована Раймондом Бауэром применительно к психологии и Катериной Кларк — к литературе, ее нельзя проиллюстрировать лучше, чем путем изучения советской русской политики и развития взглядов на природу.

Основываясь на работах видных американских исследователей советской науки Л. Грехема, Д. Жоравского, К. Бэйлса, Л. К. Д. Кристоф и др., эта книга представляет собой попытку понять корни советского прометейства*, получившего особенно гротескное воплощение в биологии, и противостоящего ему движения в защиту природы.

Если идеи прометейства, как утверждают Кристоф и Кларк, проистекают из культурных идеалов революционной интеллигенции эпохи царизма, а также из биологических теорий XIX в., то родословная движения за охрану природы ничуть не менее древняя. Истории прометейства и природоохранного движения в России — это части единого и неделимого целого, рожденного в процессе слепых поисков интеллигенцией способов превратить негодное социальное устройство в нечто рациональное и построить новый, «сияющий град на холме».

Для сохранения целостности повествование построено в основном хронологически, что позвляет проследить, как в тесном сплетении развивались охрана природы, экология и прометейство — от их зарождения в предреволюционные времена через превратности 1917 г., гражданской войны, НЭПа и культурной революции**. Повествование завершается становлением зрелой сталинистской системы к середине 30-х годов, когда уникальные

* «Прометейство» широко используемое в западной литературе, особенно социологической, понятие, включающее в себя комплекс превосходства человека над природой и стремление преобразовать ее для нужд людей. — *Прим. перев.*

** Термин «культурная революция» в широко распространенной американской интерпретации (например, в недавнем сборнике Шейлы Фитцпатрик (Fitzpatrick, 1984), сравнительно мало известен советскому читателю и нуждается в пояснении. Если в первые годы после Октябрьского переворота под этим понимались ликвидация неграмотности и общий подъем уровня знаний народа, то в конце 20-х начале 30-х годов, в период перехода от НЭПа к сталинскому «социализму», данное понятие означало воинственное преодоление остатков «буржуазии» (старой, подлинной культуры, традиций, привычек и т. п.) с активной заменой всего этого материалистической революционной идеологией, строго выдержанным «коммунистическим» содержанием. *Прим. ред.*

эксперименты в области охраны природы были свернуты и сменились неукротимым стремлением к преобразованию окружающей среды. Все же я надеюсь, что читатель найдет в исследовании такой малоизученной темы нечто большее, нежели просто перечень конкретных событий. Ученого, занимающегося историей или политикой, может заинтересовать анализ того, как формировались групповые интересы, происходило становление технократизма, шло приспособление научного сообщества к изменяющимся политическим условиям, какова была роль большевистских лидеров, согласовывавших деятельность науки и общества, а также попытка понять сущность культурной революции.

Ни для кого уже не секрет, что наиболее плодотворным подходом к пониманию конфликта между различными ведомствами в СССР в 20-е годы стало изучение интересов участвующих в нем групп. Даже если мы примем как данность существование в советском партийном и правительственном аппарате некоторого идеологического единообразия, необходимо по достоинству оценить проявляющуюся в среде бюрократов мощную тенденцию к формированию и утверждению собственных узкогрупповых интересов, затрагивающих уровень финансирования, распределение сфер влияния, значимость в рамках установленной иерархии. В затянувшемся послереволюционном соперничестве между Народным комиссариатом по просвещению РСФСР (Наркомпросом РСФСР) и противостоявшими ему министерствами — в особенности Народным комиссариатом земледелия РСФСР (Наркомземом РСФСР) — видно, как эти две расходящиеся линии — идеологическая и бюрократическая — оформились в две различные министерские концепции: взгляды на науку, социализм и социальное благо у Наркомпроса и его соперников существенно разнились. Если не обращать внимания на идеологические аспекты, то можно было бы легко объяснить стремление Наркомзема и Наркомвнешторга (Народного комиссариата внешней торговли) заполучить контроль над системой заповедников Наркомпроса лишь алчностью и жаждой власти. Однако прагматично настроенные руководители и научные сотрудники этих «экономических» комиссариатов были искренне убеждены, что природа бесполезна, до тех пор пока она не подвергается активной эксплуатации. Неприкосновенные заповедники Наркомпроса, предоставленные в основном для теоретических экологических изысканий, рассматривались их врагами как олицетворяющие интересы «науки для науки» и вследствие этого были чужды духу «социалистического строительства». Напротив, люди, занимавшие официальные посты в Наркомпросе, подчеркивали важность роста знаний, причем именно через изучение дикой природы, как обязательную

предпосылку рационального «социалистического» экономического развития. Они представляли своих оппонентов людьми с упрощенным мышлением, культурными варварами. Тем не менее при поверхностном подходе можно не придать должного значения кажущемуся ныне нелепым «империалистическому» аспекту этого соперничества, особенно усилившемуся с конца 20-х годов. Наркомпрос под угрозой потери входящих в его подчинение исследовательских и учебных учреждений в свою очередь стремился установить монопольный контроль над природоохранной деятельностью, отчаянно пытаясь противостоять своему превращению в министерство-фикцию. С другой стороны, экономические наркоматы находились под не меньшим давлением — необходимо было добиться установления и выполнения безрассудных плановых заданий по кожам, лесу, сельскохозяйственным и другим продуктам. Наркомпросовские природные резерваты мерцали, подобно маякам вдали, как бы олицетворяя те немногие возможности, с помощью которых экономические наркоматы могли свести концы с концами.

Кендалл Бэйлс в книге «Технология и общество при Ленине и Сталине» (Bailes, 1978) описал технократические тенденции, присущие советской технической интеллигенции, и ясно выраженную реакцию партии на эти тенденции. Все это весьма хорошо применимо также к экологам и людям, занимавшимся охраной природы. Эти группы являли собой пример технократической оппозиции большевистской монополии на принятие решений. Исходя из уверенности в том, что рациональное использование природных ресурсов возможно лишь на основании научной экспертизы, экологи и защитники природы добивались права вето в области экономической политики и стратегии развития. Они аргументировали это тем, что при столь хрупком балансе в природе и столь большом разрушительном потенциале современных производительных сил совершенно необходимо проводить консультации с учеными на каждом этапе экономического планирования. Игнорировать необходимость таких экспертиз значило идти к экологической катастрофе и лишиться природных ресурсов в будущем. Конечно, партия не могла воспринять этот технократический вызов сколько-нибудь хладнокровно. Для того чтобы доказать преимущества высшего идейного знания над знаниями ученых, партия начала руководить наукой. Такой ход событий имел подчас самые тягостные последствия как для науки, так и для режима.

Другая тема, связанная с предыдущей, затрагивает изменения характера и предмета природоохранного движения, происходившие благодаря глубоким сдвигам в русской политической культуре с времен царизма до середины 30-х годов. Если до революции

главенствовали этические и эстетические взгляды на природу, то в советский период их сменила система представлений, кичившаяся своим наукообразием. Нетрудно видеть, что такому исходу сильно способствовал господствовавший «материалистический» философский климат, установленный большевиками.

Другие изменения в природоохранном движении отражают развитие само́й советской политической культуры. Когда защитников природы обвиняли в противостоянии технократическому развитию, которое они считали порочной экономической политикой, они в ответ немедленно изобретали поразительно эффективные стратегии защиты от многочисленных и могущественных критиков. В частности, с конца 20-х годов на экологах и защитниках природы лежало клеймо занятости «наукой ради науки» и «природой ради самой же природы». Поскольку не было предпринято явных попыток отстоять правомерность поисков знания ради знания как законного эстетического стремления, для защиты фундаментальной науки от подобных обвинений приходилось прибегать к антропоцентрическим аргументам, основывавшимся не только на возможности использовать достижения «чистой науки» в народном хозяйстве, но и на той роли, которую она может играть в формировании материалистического мировоззрения. Другим путем защиты правомерности охраны природы было использование ее сторонниками высокопарной риторики «социалистического строительства». Изменялась терминология в их публикациях вплоть до смены наименования самой природоохранной деятельности. Сходным образом в ответ на притязания марксистских философов на надзор над наукой подчеркивались диалектические аспекты экологической и природоохранной теорий наряду с принижением или даже отвержением всего остального. Даже если многие экологи и защитники природы были искренни, заявляя, что между их доктринами и социализмом (в их понимании) не было расхождений, кажется несомненным, что эти заявления давали их авторам преимущество в условиях постоянного давления на ученых в обществе, ведущем войну с природой. Для удобства автор объединил разнообразные приспособленческие реакции защитников природы — искренние и неискренние — под общим названием «защитная окраска».

Автор считает политику «защитной окраски» конструктивной и до некоторой степени успешной, однако опасается, что те, кому хочется, чтобы эта история развивалась по безупречному сценарию, найдут в ней ряд обескураживающих подробностей. Как и можно было ожидать, способность ученых идти на все большие уступки невежеству и безрассудству неизбежно была исчерпана. Даже зная, что за упорство придется дорого заплатить, некото-

рые из них не смогли заставить себя отступиться от фундаментальных научных постулатов. Они видели перед собой неизбежность выбора: сохранить верность науке или пополнить растущий лагерь оппортунистов. В конечном счете у многих серьезных биологов верность своим научным убеждениям взяла верх, что имело трагические последствия и для них самих, и для их науки. Необходимость выбора между профессиональным крахом и моральным падением была характерной чертой сталинской эпохи. В этом, к сожалению, экология и охрана природы не составили исключения.

Утверждение послевоенной историографии о «монолитности» большевистской партии в настоящее время скорее воспринимается как фикция, а не как факт. Довольно странно (хотя и неудивительно) было узнать о том, что некоторые старые большевики оказывали активное и временами действенное покровительство зарождавшемуся советскому природоохранному движению. Наиболее известными из них были А. В. Луначарский, возглавлявший Наркомпрос, и П. Г. Смидович *, бывший председатель Моссовета, который был тесно связан со многими гуманитарными движениями. К этой группе можно причислить также В. И. Ленина и даже Н. В. Крыленко, председателя Верховного Трибунала, отправившего сотни действительных и мнимых политических противников на «свалку Революции».

Последнее время много внимания уделялось культурной революции, или, как окрестил ее Сталин, «великому перелому». Этот интерес оправдан, поскольку историки все больше осознают тот факт, что культурная революция разделила советскую историю на две эпохи. По крайней мере для экологов и деятелей охраны природы путь от благополучия времен НЭПа к мрачным тридцатым годам был отмечен трехэтапным наступлением со стороны разнообразных приспешников культурной революции. Первый этап, ярко описанный Шейлой Фитцпатрик (Fitzpatrick, 1984) был, по существу, бунтом младших против старших. Несмотря на то что люди, осуществлявшие культурную революцию, были вооружены утопическими представлениями и лозунгами, их атаки на сторонников охраны природы и экологов не затрагивали идеологии последних. Они были направлены в основном против конкрет-

* Смидович Петр Гермогенович (1874–1935) — профессиональный революционер, видный деятель партии и Советского государства, председатель Моссовета в 1918 г., председатель Московского губсовнархоза в 1918–1919 гг. Был председателем Комитета народов Севера, Центрального бюро краеведения, Комитета по заповедникам при Президиуме ВЦИК, членом Президиума ВЦИК и ЦИК СССР. Его имя присвоено Мордовскому государственному заповеднику. Так же как и Луначарский А. В., действительно, играл важную роль в поддержке движения за охрану природы в 20–30-х гг. — *Прим. ред.*

ных лиц и основывались на «классовом» происхождении и социальном положении этих ученых. Кроме того, нападкам подвергались научные общества: их обвиняли в предоставлении этим классовым врагам незаслуженного убежища и насмешливо сравнивали с заповедниками.

Позднее, после триумфальной победы фракции А. М. Деборина * в Коммунистической академии в 1929 г., деятели охраны природы и экологии попали под обстрел за свои взгляды, не соответствовавшие марксистским представлениям о природе. Труды классиков марксизма, в особенности «Диалектика природы» Энгельса, считались вместилищем абсолютной научной истины, с которой должны были согласовываться любые научные направления. Теории и концепции, выглядевшие несовместимыми с догмами марксизма, объявлялись буржуазной лженаукой.

Влиянию сторонников Деборина в начале 1931 г. пришел конец. Их падение ознаменовало третий период культурной революции в биологии, во время которого, с одной стороны, персонифицированные нападки первого периода (теперь расценивавшиеся как левый уклон), а с другой — философские высказывания последователей Деборина проложили дорогу новой «охоте на ведьм» в науке. Важной теперь стала совместимость научных теорий и исследований не с положениями классиков марксизма, а с конкретной и притом изменяющейся общественно-экономической политикой Советского государства. Определяющим в суждении о том, является ли данный научный подход пролетарским (т. е. допустимым) или буржуазным (то есть недопустимым), стало его соответствие текущей политике.

Взлеты и падения разного рода лидеров в биологии происходили в жестком соответствии с этими этапами культурной революции. Молодые, горячие, классово сознательные ниспровергатели уступили место членам Коммунистической академии, воспринимавшим Маркса и Энгельса с чрезвычайной серьезностью. Эти деятели академии в свою очередь были смещены последней группой, достигшей максимального преуспевания благодаря своим лидерам, особенно Исаю Израилевичу Презенту (1902—1969), осознавшему, что в сталинской России научная истина определяется политикой и высказываниями вождей.

Каждый, кто интересуется историей экологии и охраны природы, найдет много волнующего в этом повествовании. В теоретическом плане эра от расцвета фитосоциологии (ранние исследования растительных сообществ) через пионерные изыскания В. В. Сапожникова в области географической динамики (структуры

* Деборин (Иоффе) Абрам Моисеевич (1881—1963) — советский философ, академик АН СССР был подвергнут критике в 30-х гг.— *Прим. ред.*

потоков энергии в трофических цепях) к его же последующему диалектическому переосмыслению природы биоценозов (экологических систем) была временем интенсивных размышлений и плодотворного теоретизирования. Оглядываясь ныне на дискуссии первых советских экологов о том, как устроена живая природа, мы видим, как невообразимо сложна проблема и насколько мало мы продвинулись в ее решении за последние пятьдесят лет. История развития концепции заповедников (природных резерватов) не утратила значения и для нынешней международной культуры, искушенной в проблемах окружающей среды. Сейчас, когда мы пытаемся экспериментально определить, какие минимальные природные пространства необходимы для сохранения всего комплекса видов, уроки советского опыта особенно полезны.

Возможно, еще более важный урок, который экологи и все заинтересованные лица могут извлечь из этой истории, состоит в том, что наша приверженность определенным взглядам на организацию природы тесно связана с пристрастием к специфическому ви́дению деяний человека. Лишь отдавая себе отчет в неспособности экологической науки как прежде, так и теперь с полной достоверностью объяснить, как устроены природные системы вокруг нас, можно осознать, что мы избираем в качестве эталона такую природу, какой нам самим хочется ее видеть.

Глава 1

Памятники природы

Вымирание живых форм — неотъемлемая часть процесса эволюции природы. Изменения климата и естественной среды обитания вели к гибели бесчисленного множества видов доисторической фауны. Однако в последнее время рост числа вымирающих видов является следствием деятельности человека. Развитие сельского хозяйства и урбанистической цивилизации повлекло за собой такие значительные изменения природной среды, как обводнение и осушение больших территорий, эрозия почв, высыхание озер, окультуривание «диких» земель и повсеместное уничтожение областей с девственной природой.

Мы сейчас приходим к осознанию того, что имеющиеся в нашем распоряжении многие природные ресурсы конечны. Мы также понимаем необходимость охраны существующего разнообразия живых форм, ландшафтов и разумного — как правило, ограниченного — использования невозобновимых ресурсов. Исчезновение навсегда многих видов ресурсов кажется нам сейчас невосполнимой потерей для человечества как в настоящем, так и в будущем. Мы считаем, что, коль скоро мы являемся важнейшими действующими лицами в изменении и разрушении природы, мы сможем остановить или даже обратить вспять этот процесс.

В России отдельные элементы такого типа природоохранного мышления проявились еще при Петре Великом. Заметим, что еще в допетровские времена растущий недостаток дичи заставлял московских правителей и правителей соседних районов заботиться об охране царских охотничьих угодий (Дементьев, 1956; Реймерс, Штильмарк, 1978). *

Царствование Петра (1696—1725) ознаменовалось, однако, коренным изменением проводившейся ранее природоохранной политики. Наиболее важным было то, что Петр стал первым царем, узаконившим природоохранные мероприятия, направленные на благополучие всего русского государства, а не только собственных угодий. Среди наиболее существенных акций такого рода за время его царствования можно назвать его указы об охране леса.

* Элементы охраны природы и заповедания особо ценных ее объектов на языческой культовой основе прослеживаются у древних славян и в Киевской Руси задолго до эпохи Петра.— *Прим. ред.*

Впервые учреждались постоянные лесозаготовки, а леса России подразделялись на две категории: охраняемые и эксплуатируемые. В основном к охраняемым относились леса, способствующие предотвращению эрозии вдоль водных путей, и дубовые леса, которые были необходимы для кораблестроения (Чефранова, 1960; Pryde, 1972).

Впоследствии монархи занимались вопросами охраны природы и использования ресурсов лишь эпизодически. Хотя императрица Екатерина II Великая в 1763 г. специальным Указом установила запрещенный для охоты сезон, охрана природы не была предметом пристального внимания правителей вплоть до конца XIX столетия (там же).

В России первые проявления современного природоохранного сознания относятся к 50-м годам XIX в., когда происходило оживление в различных сферах общественно-политической жизни. Эти умонастроения особенно ярко проявлялись среди зоологов и агрономов, связанных с Московским университетом и Московским сельскохозяйственным обществом. Ориентируясь на Запад, они в основном интересовались проблемами реформирования сельского хозяйства России и ее общественного устройства. Наиболее выдающимися представителями этой группы были Карл Францевич Рулье — профессор зоологии Московского университета,— его ученики Анатолий Петрович Богданов, Сергей Алексеевич Усов и Николай Алексеевич Северцев, а также Степан Алексеевич Маслов — секретарь Московского сельскохозяйственного общества. Восприняв современные французские теории, связанные с именами Ламарка и Жоффруа Сент-Илера, они стали убежденными приверженцами теории эволюции. Но если обновление идеологии эта группа связывала только с эволюцией, то в области модернизации экономики и сельского хозяйства они делали упор на акклиматизацию экзотических растений и животных, создание новых видов при помощи гибридизации (!) и охрану природы. Можно сказать, что эти предписания составили первую русскую «концепцию эффективности».

Эта концепция вызвала переворот в российской общественной мысли, поскольку утверждала, что посредством науки люди смогут сами определять свою судьбу, перестав пассивно полагаться на Бога и царя. Неудивительно, что такая секуляризация представлений о вселенной была тесно связана с развитием идей прогресса в России.

Хотя основной вклад в переосмысление места человечества во вселенной внесли теории французских эволюционистов, англо-американское влияние, особенно в геологии, также сказалось на развитии научной мысли в России.

Представление о человеке как о новой мощной геологической силе, впервые прозвучавшее в «Основах геологии» Чарльза Лайеля, было подробно развито в книге Джорджа Перкинса Марша «Человек и природа». Прослеживая рост влияния человека на окружающую среду, Марш не ограничивался восхвалением идей Фрэнсиса Бэкона. Прежде всего он приводил систематизированное описание ущерба, нанесенного человеком природе, с указанием его конкретных причин. В 1866 г. основополагающие работы Лайеля и Марша были переведены на русский язык, и с ними смогли ознакомиться в России (4) *.

Не менее важным было возникшее представление о том, что человечество само по себе является также и мощной эволюционирующей силой. Ни одна другая идея в сфере биологии не захватила так русских натуралистов — особенно прогрессивных приверженцев московской школы,— как открывшаяся перед человеком возможность управлять происходящими в природе процессами. Цитируя английского натуралиста и теолога Генри Драммонда, Николай Феофанович Кащенко, ученик А. П. Богданова, писал: «Отныне человек должен заботиться об эволюции точно так же, как до сих пор был на ее попечении. Отныне его отбор должен встать на место отбора естественного; его суждение должно руководить борьбой за жизнь; его воля должна определять для каждого растения на Земле, должно ли оно цвести или блекнуть, для каждого животного — должно ли оно вырастать, или изменяться, или вымереть...» (Кащенко, 1898, с. 30).

Хотя Кащенко допускал, что эта могучая сила может быть применена человечеством неразумно, он был полон оптимизма относительно идеи господства человека над природой. Выражая научный энтузиазм эпохи, он приветствовал новую проблему как «задачу, достойную человека», основой для решения которой будет «целесообразность». Он видел в разумном воздействии человека на природу гарантию выживания видов, находящихся под угрозой исчезновения, а также возможность свободного созидательного творчества человека в доселе неслыханных масштабах:

---

* Представления об охране природы в России XIX в. даны автором весьма конспективно. См. на эту тему: Благосклонов К. Н. и др. Охрана природы.— М.: «Высшая школа», 1967; Новиков Г. А. Очерк истории экологии животных.— Л.: «Наука», 1980; История биологии. С древнейших времен до начала XX века.— М.: «Наука», 1972; Рахилин В. К. Общество и живая природа.— М.: «Наука», 1989. Заметим, что книга Лайеля (Лайэль Ч. Основные начала геологии или новейшие изменения земли и ее обитателей; в 2-х тт. Была впервые издана в России (М., тип. Глазунова) в 1866 г., одновременно с книгой Марша Дж. П. Человек и природа (СПб., тип. Полякова).— *Прим. ред.*

мы станем творцами видов и заменим разумом слепые силы природы.

Другие ученые считали господство над природой непременным условием выживания самого человечества. Народник И. Д. Лукашевич, геолог по образованию, задавался вопросом: способен ли человек подчинить себе силы, управляющие эволюцией растений и животных, или он, подобно своим предшественникам, сойдет с исторической арены, так и не решив проблемы выживания? Подобно Кащенко, Лукашевич видел в попытке править природой счастливую возможность построить свой «город на холме». «Если уже в настоящее время человек занял почетное место в природе среди других геологических факторов, то в будущем для его гения раскрываются необъятные горизонты... Силы людей будут направлены не на взаимную борьбу, а на переработку внешней природы сообразно нуждам человечества» (Лукашевич, 1911; цит. по сб.: Природа и общество, 1968, с. 143).

Одновременно с появлением новых идей во второй половине XIX в. росло сознание того, что идет разбазаривание природного наследия русской земли. В 80-е годы многих русских стали беспокоить тревожные масштабы исчезновения лесов. Согласно генеральным топографическим картам России, с 1775—1804 по 1880 г. в центральных и южных районах европейской части России площадь лесов уменьшилась по крайней мере на четверть (Максимов, 1962). Недаром Хрущев, герой пьесы А. Чехова «Леший» (а позднее доктор Астров в пьесе «Дядя Ваня»), провозглашал: «Рубить леса из нужды можно, но пора перестать истреблять их. Все русские леса трещат от топоров... опустошаются жилища зверей и птиц, мелеют и сохнут реки, исчезают безвозвратно чудные пейзажи... Надо быть безрассудным варваром, чтобы... разрушать то, чего мы не можем создать» (Чехов, 1970, т. 12, с. 140).

С 50-х годов прошлого века еще один аспект оскудения природных богатств привлек внимание российской общественности. В журналах Императорского российского общества акклиматизация животных и растений и различных охотничьих обществ все большее число авторов выражали тревогу по поводу урона, наносимого дикой природе. В 80-х годах появился целый ряд статей, выражавших озабоченность сокращением количества дичи (Сабанеев, 1883 *).

Кащенко, преподававший в Томском университете зоологию, был одним из первых русских, с тревогой указавшим не только на сокращение количества дичи, но и на гибель флоры и фауны вооб-

* Сокращенное переиздание этого указателя недавно осуществлено издательством «Физкультура и спорт» (Сабанеев Л. П. Охотничьи птицы. Труды по охоте.— М.: «ФиС», 1989).— *Прим. ред.*

ще. Среди живых форм, которые «обязаны своей гибелью», он называл стеллерову морскую корову, уничтоженную полностью на протяжении тридцатилетней вакханалии, последовавшей за ее открытием экспедицией Витуса Беринга, и тура (Bos primigenius), прямого предка современной коровы, обитавшего в России еще в XVII в. Он опасался, что такая же участь постигнет и другие виды, причем даже в бóльших масштабах (Кащенко, 1898).

В конце 80-х годов даже правительство забеспокоилось и начало действовать. Возрождением петровской традиции защиты лесов стал Лесной кодекс, принятый в 1888 г. и дополненный в 1889 и 1891 гг. специальными инструкциями и поправками (Реймерс, Штильмарк, 1978).

3 февраля 1892 г. для европейской части России были приняты особые правила об охоте. Правилами вводилась ежегодная оплата права на охоту и устанавливались сезоны охоты для трех широтных зон, определенных законом. Пять лет спустя, в 1911 г., заключением соглашения между Россией, Канадой, Японией и Соединенными Штатами увенчались усилия, направленные на предотвращение вымирания обитающих в Тихом океане северных морских котиков (Pryde, 1972).

Несмотря на эти меры, ресурсы живой природы в России продолжали неуклонно сокращаться. Неэффективность Лесного кодекса была очевидной. Хотя с 1887 по 1905 г. европейская часть России и Кавказ потеряли всего 4% оставшихся лесов, ситуация в некоторых областях часто становилась катастрофической (Максимов, 1962) *.

Охотничье законодательство также имело множество недостатков. Во-первых, оно не затрагивало промысловой охоты и действовало лишь в некоторых областях европейской части России; большие площади в империи не подпадали под действие закона. Более того, оно давало землевладельцам неограниченное право охоты в своих, часто очень больших, владениях. Показательны для ситуации цифры поставок шкурок куницы и соболя, наиболее важных пушных зверей России. С 1896 по 1913 г. добыча соболя снизилась со 100 тыс. до 35 тыс., а куницы — с 80 тыс. до 30 тыс. (Макаров, 1947).

*. Критика лесного законодательства содержится в кн.: Фалеев Ф. И. Лесное право (Спб., изд-во Сытина, без даты) и Орлов М. Об основах русского государственного лесного хозяйства (Пг, 1918).— *Прим. авт.*

Литература по лесному и охотничьему законодательству в России весьма обширна, и проблемы эти сложны, но общие тенденции указаны автором объективно.— *Прим. ред.*

С начала столетия природоохранная литература уже не только провозглашала наступление кризиса в состоянии природных ресурсов — русские консервационисты начали говорить о том, почему необходимо охранять природу. Их аргументы могут быть объединены в три большие группы: утилитарные, культурно-эстетико-этические и научные *.

Утилитарный подход предполагал разделение живых форм на «полезные» и «вредные». На вершине пирамиды, выстроенной утилитарно настроенными экономистами, находились животные, которые могли быть непосредственно использованы в качестве объектов охоты или промыслового разведения. Ниже их, но все же в «полезной» группе помещались животные, вносившие опосредованный вклад в сельское хозяйство,— уничтожавшие сельскохозяйственных вредителей. Еще ниже помещались те, чье влияние было неоднозначным, а в самой нижней части — животные, вред от которых для жизни, здоровья и благосостояния человека не оправдывался очевидной экономической выгодой (Силантьев, 1913).

Примером приверженности правительства традиционному утилитарному подходу стал закон об охоте 1892 г., разрешавший круглогодичный неограниченный отстрел «вредных» зверей — например, тигров, леопардов и волков (там же). В. В. Диц, попечитель императорских охотничьих угодий, считал, что увеличение количества дичи возможно только путем уничтожения хищников.

Возможно, наиболее значительным «правительственным памятником» утилитарным взглядам стало принятие в октябре 1916 г. Государственной думой первого закона об охраняемых территориях, предоставлявшего Министерству сельского хозяйства право учреждать охотничьи заповедники и управлять ими «для сбережения и размножения» дичи на государственных землях (1). Этот закон послужил основанием для создания 29 декабря 1916 г. на восточном берегу Байкала Баргузинского охотничьего заповедника. Этот термин означал «угодья для разведения дичи». В 20-х годах некоторые ученые высказывали сомнение, можно ли столь утилитарно использовавшиеся территории называть заповедниками в широком смысле, поскольку в дальнейшем это слово приобрело более специальное значение охраняемой территории, предназна-

* Как пример такого подразделения можно привести работы: Талиев В. И. Охраняйте природу (Харьков, 1913) и Силантьев А. А. Охрана зверей и птиц, полезных в сельском хозяйстве (Пг., 1915), написанные с резко различных позиций.— *Прим. авт.*

ченной для научного изучения природы, а не для разведения конкретных видов животных. Однако фактически Баргузинский охотничий заповедник, имевший 200 тыс. га земли, питомник для разведения соболей и штат из восемнадцати лесников, был единственным заповедником, учрежденным правительством Российской империи до революции 1917 г. (Брызгалин, 1917)*.

Наряду с традиционным правительственным существовал и прогрессивный утилитарный подход, корни которого уходят к московским зоологам 1850-х годов и нигилистам последующих десятилетий. Прогрессисты, соединявшие научные доктрины с утопическими взглядами на политику, были гораздо больше захвачены идеей создания земного рая путем господства науки над природой, чем правительственные утилитаристы, чьи интересы ограничивались получением доходов. Однако обе группы были убеждены в одном: природа имеет лишь узкое экономическое, инструментальное значение, ее компоненты могут быть разделены на полезные и вредные и она подчиняется управлению человека, осуществляемому на основании первых двух постулатов.

В это время в Германии и Швейцарии получил развитие иной подход к природоохранной деятельности, резко контрастировавший с утилитарным. Внимание там сосредоточивалось на культурных, эстетических и этических аспектах охраны природы. Эти идеи, проникнутые духом неоромантизма, антипатией к нововведениям и индустриализации, стремлением к возврату в пасторальный «золотой век», не могли не распространиться в России.

Германский консервационизм обогатил молодое русское природоохранное движение не только идейно — прежде всего проповедью необходимости охраны ландшафтов (Landschaftspflege), — но и терминологически. Например, природные объекты, нуждающиеся в охране, стали называть в России «памятниками природы», что является дословным переводом немецкого слова «Naturdenkmal», впервые использованного Александром Гумбольдтом. Позднее этот термин был возрожден Г Конвентцом (см. ниже) и прочно усвоен русским пионером охраны природы, академиком И. П. Бородиным, близким другом Г Конвентца.

Весьма важно также и то, что Россия могла позаимствовать у Германии и Швейцарии организационные модели. Эти две страны были в числе первых европейских государств, где одновремен-

* Автор справедливо подчеркивает, что Баргузинский заповедник был единственным в России государственным (учрежденным правительством) заповедником. Фактически же заповедники создавались и раньше (Вайка и Морицсала в Прибалтике — 1911, 1912 гг., Саянский в Южной Сибири — 1915 г. — и др., не говоря уже о частных, например Аскании-Нова, заложенной в конце прошлого века). — *Прим. ред.*

но сформировались официальные и неправительственные природоохранные организации. К 1903 г. в Саксонии и Тюрингии были созданы комитеты по охране природы, искусству и развитию Отчизны, а в 1906 г. прусское правительство утвердило Комиссию по памятникам природы, возглавленную великим пионером природоохранного движения Гуго Конвентцом *. Швейцарский зоолог Пауль Саразин, другой выдающийся представитель консервационизма, примерно в это же время создал первое в Европе Народное общество охраны природы (Бородин, 1910).

Германское движение за охрану природы было окрашено некоторыми элементами идеалистической философии. В частности, считалось, что культивирование любви к природе среди молодежи будет одновременно способствовать воспитанию нравственности и чувства патриотизма. Изучение природы будет прививать уважение ко всему живому и любовь к красоте. Природная гармония должна была служить эталоном для человечества. Эти мотивы ясно прослеживаются в природоохранной работе Рижского общества естествоиспытателей (например, в тексте воззвания «Щадите наши памятники природы!») и Хортицкого общества охранителей природы, многие члены которого были немцы по национальности **.

Наиболее авторитетным из российских консервационистов начала XX в., стоявших на эстетико-этических позициях, был ботаник и бывший вице-президент Императорской Академии наук Иван Парфентьевич Бородин. Его доклад на XII съезде русских естествоиспытателей и врачей (1910), сухо озаглавленный «Об охране участков растительности, интересных с ботанико-географической точки зрения», содержал страстную пропаганду дела охраны природы. Характерно, что, когда на будущий год эта речь была опубликована, она уже носила название «Охрана памятников природы», что вполне соответствовало высказанным в ней эстетическим идеям (Бородин, 1910) ***. Автор призывал

---

* На русском языке опубликована одна работа Г. Конвентца: «Попечение о памятниках природы».— *Прим. ред.*

** Хортицкое общество охранителей природы (с. Верхняя Хортица Екатеринославской губернии на Украине) создано в 1910 г. и признается старейшей общественной природоохранной организацией (см.: Бородин, 1912, а также: Борейко В. Е. Деятельность первых общественных природоохранных организаций Украины (до 1917 г.).— Бюлл. МОИП, т. 92, вып. 4, 1987, с. 136). Общество основано сельским учителем Бузуком П. Ф. В 1915 г. было распущено.— *Прим. ред.*

*** Работа академика И. П. Бородина «Охрана памятников природы» (СПб., 1914) была издана природоохранительной комиссией Императорского русского географического общества отдельной брошюрой, где указано, что она повторяет (с небольшими дополнениями) статьи под тем же названием в «Трудах Юрьевского ботанического сада» (1910) и в «Лесном журнале» (1911 г.).— *Прим. ред.*

своих коллег охранять природу и выполнять тем самым «наш нравственный долг», сравнивая это дело с охраной исторических памятников.

В те годы в России в отличие от Пруссии, где проходила деятельность друга Бородина Конвентца, не нужно было отыскивать клочки нетронутых земель для учреждения памятников природы. Ее просторы позволяли создать национальные парки наподобие американских — величественные храмы во славу природы и нации. Храня верность неоромантическим традициям, Бородин гораздо больше интересовался уникальными природными объектами, нежели широко распространенными. Любой памятник природы, неважно — большой или маленький, представляет собой, по его мнению, национальное сокровище. «Это такие же уники, как картины, например, Рафаэля — уничтожить их легко, но воссоздать нет возможности» (Бородин, 1910, с. 316).

Практическая деятельность в области охраны природы в дореволюционной России содержала в себе значительный элемент эстетики. Ею проникнуты двадцатилетние усилия Уральского общества естествоиспытателей, направленные на сохранение Шарашских утесов от разработки там полезных ископаемых, и кампания Хортицкого общества охранителей природы, первого в России, по спасению живописных утесов на Днепре (Бородин, 1912; Кнорина, 1960).

Наряду с утилитарным и эстетико-этическим подходами к охране природы возник и третий — научный. К началу 1890-х годов богатые практические традиции в агрономии, лесоустройстве и луговом хозяйстве в России послужили основой для создания науки, названной фитосоциологией * и занимавшейся изучением растительных сообществ (см. ниже). Возможно, под влиянием такой традиционной для России ценности, как соборность (объединение усилий для достижения общей цели), пионеры фитосоциологии видели в разнообразной девственной природе образец гармонии, целесообразности и продуктивности, которому должен стараться следовать земледелец. Экологи раннего периода подчеркивали, что для того, чтобы дать сельскому хозяйству действительно прочную основу, в первую очередь необходимо изучать нетронутые природные сообщества — их возникновение и развитие в пространстве и во времени (Дохман, 1973). Наилучшим образом это может быть сделано в местах, специально отведенных для этой цели, где дикая растительность может служить эталоном для сравнения с обрабатываемыми землями. Такой подход был опи-

* В настоящее время термин «фитосоциология» заменен понятием «фитоценология» (учение о растительных сообществах и взаимоотношениях растений).— *Прим. ред.*

сан ботаником Николаем Ивановичем Кузнецовым в 1890 г.— и, вероятно, впервые в научной литературе вообще (Дохман, 1973).

Несколько позже, после экспедиции в южные степи, организованной Лесным департаментом Министерства сельского хозяйства, почвовед Василий Васильевич Докучаев и его коллеги конкретизировали призыв к созданию охраняемых участков дикой природы. Докучаев отправился в юго-восточные степи для решения практических вопросов: там случилась жестокая засуха и разразился голод. Министерство сельского хозяйства обратилось к ученому с просьбой выяснить, можно ли что-нибудь сделать — и если можно, то что — для того, чтобы степное сельское хозяйство стало более жизнеспособным. Докучаев считал, что замена дикой степи возделанными полями серьезно нарушит целостность природной системы и резко снизит способность почвы впитывать и накапливать влагу. Он предлагал положить в основу степного сельского хозяйства использование естественных лугово-пастбищных угодий, оберегая всю сохранившуюся дикую степь и восстанавливая утраченную. Важную роль в этом призваны были играть охраняемые территории *.

Одна из таких территорий была создана на Велико-Анадольском участке степи коллегой Докучаева Г. Н. Высоцким, который, подводя итоги, писал: «...естественная растительность вырабатывает те или иные более или менее... поучительные формы приспособления к местным условиям своего произрастания... знакомство с естественными растительными формациями какой-либо поверхности может служить до значительной степени руководством при выборе приемов и объектов, а также наиболее рациональных для нее культур — полевой, лесной и пастбищно-луговой. Таково практическое (помимо чисто научного) значение геоботанических исследований, предпринятых на Велико-Анадольском участке» (Высоцкий, 1898; цит. по: Дохман, 1973, с. 112).

Однако в середине 1890-х годов научная общественность России еще не была готова к восприятию этих идей, и прошло тринадцать лет, прежде чем такой подход был вновь предложен московским зоологом Григорием Александровичем Кожевниковым.

Кожевников родился 15 сентября 1866 г. в г. Козлове (по иронии судьбы, ныне Мичуринск) в Тамбовской губернии в семье куп-

* Автор, к сожалению, не приводит замечательных высказываний В. В. Докучаева о научно-практической значимости заповедных степных участков (см.: Докучаев В. В. Труды экспедиции, снаряженной Лесным департаментом... СПб., 1895, с. 23—25; см. также: Насимович А. А. Научные основы заповедного дела.— Бюлл. МОИП, отд. биол., т. 79, вып. 5, 1974, и сб.: Опыт работы и задачи заповедников в СССР.— М.: «Наука», 1979, с. 9—10).— *Прим. ред.*

ца. После окончания Первой московской гимназии Кожевников поступил на службу в лабораторию зоологического музея Московского университета, возглавлявшуюся Богдановым. В 1905 г. он получил степень доктора наук, должность штатного профессора зоологии беспозвоночных Московского университета и директора зоологического музея, для которого в 1908 г. под его руководством был выстроен комплекс зданий *.

В том же году Императорское Русское общество акклиматизации животных и растений отметило юбилейным собранием свое пятидесятилетие. Как президент общества, Кожевников посвятил свой основной доклад вопросам охраны природы. Кожевников не был новичком в проблеме охраняемых территорий. Он познакомился с американскими парками во время поездки по Соединенным Штатам, посетив бостонский заповедник Blue Hills (Голубые Холмы). В 1907 г. он побывал в Германии. Несмотря на свое восхищение успехами, достигнутыми Конвентцом в организации государственной охраны изолированных территорий, Кожевников был поражен и огорчен открывшимся ему трагическим обстоятельством: как бы энергично ни проводилась природоохранная работа, например в Германии, определенные виды так или иначе обречены на вымирание. Общую причину этого он видел в постепенном наступлении цивилизации (Кожевников, 1909, 1960) **.

Безусловно, признавал Кожевников, не каждое место, куда распространила свое влияние цивилизация, станет безжизненным. Часто, замечал он, плотность растений и животных в полуестественных или измененных условиях обитания превышает плотность в исходных сообществах. В качестве примера Кожевников дает обобщенное описание хорошо ухоженного леса германской модели.

«Представьте себе, что в лесу, носившем раньше первобытный характер, проведены широкие просеки и построены дома. На просеках сделаны богатые посадки, много цветущих кустарников, жи-

---

* Полной биографии Г. А. Кожевникова не существует, есть только некоторые сведения в очерке Б. Н. Мазурмовича (1960) и некрологах (Огнёв, 1933, «Труды...», 1935).— *Прим. авт.*

** Знаменитый доклад Г. А. Кожевникова «О необходимости устройства заповедных участков для охраны русской природы» был впервые опубликован в «Трудах Всероссийского юбилейного акклиматизационного съезда 1908 г. в Москве» (вып. I «Общие собрания съезда».— М., 1909, с. 18—27) и тогда же издан отдельным оттиском (именно по нему даны в этой книге две последующие цитаты со страницы 7). С некоторыми неуместными сокращениями статья опубликована также в бюллетене «Охрана природы и заповедное дело в СССР» (вып. IV, 1960, с. 90—97).— *Прим. ред.*

вых изгородей, много таких деревьев, которых прежде в лесу не было. Все это пышно разрослось и служит приютом многочисленным птицам. В лесу запрещено стрелять, и это соблюдается. Целый ряд хищников остается здесь на гнездовьях, гнездятся даже цапли, есть белки, зайцы, даже барсуки и лисицы... Получается довольно оживленная картина животной жизни...» (Кожевников, 1909, с. 7).

Непрофессионалу эта картина может показаться настоящей идиллией. Но это впечатление обманчиво. С научной точки зрения, подчеркивает Кожевников, лес лишился значительной части своей былой сложности и естественности. Говоря об упрощении биоты в плотно населенной Германии, Кожевников предостерегает от подобного процесса в России.

«И если мы не примем специальных мер в охране первобытной природы (как фауны, так и флоры), то она исчезнет бесследно, и заступившая на ее место измененная культурой природа только обманет нас своим односторонним богатством, затушевав образ исчезнувшего прошлого» (там же).

Тем, у кого мог возникнуть вопрос, почему общество должно стараться сохранить дикую природу, если очеловеченная природа может быть столь же красива и богата, Кожевников отвечал, используя аргументы первых фитосоциологов: по-настоящему рациональная экономическая деятельность невозможна без предварительного научного изучения дикой природы. Развитие науки самой по себе, в отрыве от ее практических приложений также требовало такого изучения. Кожевников говорил о важнейших проблемах биологии, которые навсегда останутся нерешенными, если иметь «...перед собой для изучения сперва опустошенную, а затем культивированную природу и не имея для сравнения ни уголка природы более или менее первобытной...». Более того, Кожевников считал возможным достичь понимания «биологического равновесия, господствующего в природе» (Кожевников, 1909, с. 8, и 1911, с. 374) *.

В этом докладе Кожевников обращается к идее создания таких заповедников, важнейшей организационной чертой которых является режим неприкосновенности. В этих резерватах не должно быть выстрелов, нельзя проводить чистки леса, собирать урожай, косить траву, сеять и даже собирать плоды; «не надо ничего устранять, ничего добавлять, ничего улучшать. Надо предоста-

* Во втором случае цитируется работа Г. А. Кожевникова «О заповедных участках», которая была опубликована в «Трудах Второго Всероссийского съезда охотников (17—19 ноября 1909 г.).».— М., 1911 (отсюда взята цитата) и тогда же издана отдельным оттиском.— *Прим. ред.*

вить природу самой себе и наблюдать результаты» (Кожевников, 1909, с. 9).

Следовательно, заповедники задумывались не как места паломничества туристов. Отдавая себе отчет в возможных последствиях, Кожевников добивался прекращения или сведения к минимуму влияния на заповедники окружающей их среды. В частности, он опасался контактов человеческих поселений или возделываемых территорий и культурных видов с заповедниками. Соответственно он высказывался за то, чтобы заповедники занимали большие территории и были окружены обширными буферными зонами.

Заповедники Кожевникова являли собой резкий контраст с такими уже известными охотничьими заповедниками, как императорские охотничьи угодья в Крыму и в Беловежской Пуще. Он противопоставлял управляемые охотничьи заповедники, в которых нарушался экологический баланс с целью максимального увеличения избранных видов, природному равновесию, которое, по его мнению, должно было главенствовать в заповедниках, где «всякие меры, нарушающие естественные условия борьбы за существование... недопустимы» (Кожевников, 1909, с. 8). Поэтому он возражал против самого использования термина «заповедник» в подобных случаях.

Однако было очевидно, что неуправляемый характер заповедников и перспектива того, что они будут служить пристанищем для хищников, сельскохозяйственных вредителей и других вызывавших опасения животных, неизбежно спровоцируют полемику вокруг планов Кожевникова. Первые возражения прозвучали уже при обсуждении доклада на юбилейном собрании Общества акклиматизации. Николай Юрьевич Зограф и Николай Михайлович Кулагин, видные представители академической утилитарной школы, указывали, что на охраняемых территориях «может существовать опасность для проживающих рядом местных жителей, поскольку вредители могут размножиться в огромных количествах и... нанести большой ущерб, распространившись с охраняемых участков на посевы» («Труды...», 1909, с. 28).

На II Всероссийском съезде охотников дискуссия возникла в связи с горячим обсуждением предложенного законодательства, предусматривавшего сохранение разрешения круглогодичного отстрела большого числа хищников и других «вредных» животных («Труды...», 1911, с. 46—55, 243—248). Кожевников был обрадован поддержкой, которую получило его экологически обоснованное убеждение в том, что ни одно животное нельзя в принципе объявлять «вне закона». Однако его утилитарно мыслившие противники (А. А. Силантьев, В. В. Диц и др., возглавлявшие заседа-

ние) одобрили 32 голосами против 16 резолюцию, поддержавшую прежнее истребление леопардов, снежных барсов, тигров и волков *.

Ответ Кожевникова, данный им тогда критикам, вытекал из его целостного экологического мировоззрения. Он считал, что не существует «полезных» и «вредных» живых существ — все они в равной степени важны для поддержания природного равновесия, и «это естественное равновесие является весьма важным фактором в жизни природы» (Кожевников, 1911, с. 373). Незнание основ экологии и эволюции, отмечал он, не позволяло многим заметить полезность и даже необходимость хищников для охотничьего хозяйства, «так как они содействуют проявлению естественного отбора» (там же). Совместное процветание хищников и жертв или паразитов и их хозяев было для Кожевникова решающим доказательством действия в природе «законов равновесия». Опасения охотников и животноводов, что неконтролируемые хищники уничтожат их стада и отары, не имели под собой никаких оснований. Не существовало фактических свидетельств того, что какие-либо виды приближаются к вымиранию из-за хищников, категорично заявлял он. В самом деле, «единственная, вполне доказанная причина истребления видов — человек, который своим вмешательством в жизнь природы нарушает ее равновесие» (там же, с. 374).

Отвечая на обвинение в том, что заповедники могут стать базой для размножения сельскохозяйственных вредителей, Кожевников иронически замечал, что не природные территории, а возделываемые земли представляют благоприятные условия для такого размножения («Труды...», 1909, с. 28).

В неопубликованной статье Кожевников или один из его ближайших соратников, развивая эту мысль, доказывал, что дикая природа со всем ее многообразием — это здоровая природа, тогда как сельскохозяйственные монокультуры, скорее, представляют собой нечто патологическое. В монокультурах, поясняет автор, природные враги насекомых-вредителей часто не могут найти подходящих экологических ниш. Напротив, естественный лес с его богатым разнообразием пристанищ и пищевых возможностей гарантирует, что у вредителей здесь окажется достаточно

* В наше время леопард (барс), снежный барс (ирбис) и тигр, сохранившиеся лишь в отдельных уголках своих прежних местообитаний, занесены в союзную и республиканские Красные книги; что же касается волка, то продолжает действовать и по сей день прежний порядок «круглогодичного истребления» с выплатой больших премий. Экологи выступают за продуманное регулирование численности волка с отказом от явно не оправдавшей себя стратегии «тотальной борьбы», но ученые-охотоведы (Гусев О. К., Павлов М. П. и др.) весьма настойчиво поддерживают административно-государственные меры.— *Прим. ред.*

врагов, регулирующих их численность. Рассматриваемые с экологической точки зрения, заповедники скорей могли бы быть названы островками естественного контроля за вредителями, чем источниками их вспышек (2).

Программа создания сети экологических заповедников, предложенная Кожевниковым, оказала влияние и на биологию, и на управление ресурсами в России. С одной стороны, это был укор естествоиспытателям, которые, по мнению ученого, заперлись в своих кабинетах и похоронили себя там, изучая микроскопическую структуру и систематику животных на основании лабораторных образцов, и в результате стали чужаками среди живой природы. С другой стороны, это был призыв к биологам принять участие в планировании ресурсов и организации землепользования. Изучение живой природы как «здоровой природы», а экономически эксплуатируемой природы — как «патологической» давало биологам возможность путем их сравнения определить путь лечения «больной» природы на основании того, что они узнавали о «здоровой». Заповедники должны были служить моделями, или эталонами, здоровой природы.

«Теплый луч солнца»

Когда через некоторое время Кожевников представил свои предложения в третий раз, на XII съезде русских естествоиспытателей и врачей в декабре 1909 г., его планы были одобрены многими ведущими русскими биологами («Съезд...», 1911). Среди замечательных ученых, поддержавших эти предложения, отметим Георгия Федоровича Морозова, одного из основоположников русской лесной биоценологии и крупнейшего лесоведа, Ивана Васильевича Новопокровского, Михаила Ивановича Голенкина. Ту же позицию вскоре активно развил будущий академик и классик биогеоценологии Владимир Николаевич Сукачев в своей опередившей время работе «Об охране природы Жигулей», где дана одна из первых программ научных исследований для условий заповедника (Сукачев, 1914). Сходные мысли — даже ранее — высказаны ботаником Владимиром Михайловичем Савичем в статье о лесных заказниках (Савич, 1910). Его предложения были весьма примечательны, поскольку он считал, что природные объекты и экологические сообщества обладают гораздо более высокой способностью к адаптации, чем сельскохозяйственные культуры, которыми их замещает человек.

Желательность создания заповедников именно с научными целями была вполне понята и поддержана такими выразителями

эстетических и этических взглядов (и в то же время крупнейшими учеными), как И. П. Бородин и А. П. Семенов-Тян-Шанский *. Старший сын знаменитого географа, выдающийся зоолог (энтомолог), уделявший много внимания проблемам охраны природы, Андрей Петрович Семенов-Тян-Шанский (1866—1942) опубликовал в газете «Новое время» 11 (24) декабря 1913 г. статью «О заповедниках природы», в которой утверждал, что заповедники должны развернуть широкую и содержательную картину природной гармонии, продемонстрировать свойства природных сообществ, находящихся в равновесии. Он считал, что условия их жизни существуют лишь до тех пор, пока они не разрушены деятельностью человека. Слова «природная гармония» приобрели для этого ученого скорее этическое и моральное значение, нежели научное.

И Бородин и Кожевников предостерегали, что любое промедление в организации заповедников могло стать гибельным, принимая во внимание быструю экспансию сельского хозяйства и переселение, вызванное реформами П. А. Столыпина.

Хуторское сельское хозяйство оказывало разрушительное воздействие на дикую природу (Силантьев, 1913 и др.). Поэтому прежде всего гибель угрожала уникальному сокровищу России — ее диким степям. Следовательно, наиболее неотложной задачей природоохранного движения было учреждение степных заповедников. Особенно подчеркивал эту точку зрения ученик В. В. Докучаева И. В. Новопокровский в ряде устных и печатных выступлений **.

Неудивительно, что первые частные инициативы по охране сохранившихся участков дикой природы сконцентрировались на степных регионах. Докучаев сыграл важную роль в достижении договоренности о передаче Деркульской степи в ведение С.-Петербургского общества естествоиспытателей в качестве охраняемого участка. В 1898 г. выдающийся эколог Иосиф Конрадович Пачоский *** убедил просвещенного землевладельца Фридриха Эдуардовича Фальц-Фейна выделить и сделать заповедными

---

* См. ниже, а также статью: Дементьев Г. П. А. П. Семенов-Тян-Шанский.— Бюлл. МОИП, отд. биол., т. 51, вып. 3, 1946.— *Прим. ред.*

** См.: Новопокровский И. В. О сохранении целинной степи для почвенных и ботанических наблюдений и об организации при опытных полях защитных участков целины.— В кн.: Труды областного совещания по опытному делу в Новочеркасске в 1911 г. Новочеркасск, 1911; его же: Об организации заповедников на юго-востоке.— В кн.: Труды Юго-Восточной комиссии, т. III, 1923 г. К сожалению, попытки создания степного заповедника на юго-востоке (в Ростовской области) не увенчались успехом до сего дня и заветы В. В. Докучаева в этом отношении не осуществлены.— *Прим. ред.*

*** О нем см.: Пузанов И. И., Гольд Т. М. Выдающийся натуралист И. К. Пачоский.— М.: «Наука», 1965.— *Прим. ред.*

500 га дикой степи в своем имении Аскания-Нова, расположенном в низовьях Днепра в Таврической губернии (ныне Херсонская область), около г. Каховки. Сходная инициатива вскоре была проявлена князем Карамзиным, графиней Паниной и Донским политехническим институтом (Бородин, 1910; Белоусова, 1960) *.

В течение нескольких лет охраняемые памятники природы появились в самых разных географических зонах. При поддержке Академии наук в 1911 г. на Кавказе были взяты под охрану реликтовые рощи (Пицунда, Лагодехи и др.). То же самое было сделано в отношении живописного острова Морицхолм в Прибалтике на следующий год. Одновременно создавались и частные заповедники на землях Шереметьевых, графа Потоцкого на Волыни, а также Соловецкого и других монастырей («Охрана природы на Кавказе», 1914; Реймерс и Штильмарк, 1978) **.

Среди наиболее значительных достижений кануна первой мировой войны была также реализация взлелеянного Бородиным проекта создания центрального природоохранного органа: под эгидой Императорского русского географического общества была создана Постоянная природоохранительная комиссия. Межведомственный характер комиссии был очевиден: в ней были представлены такие правительственные департаменты, как горный и лесной, считавшиеся «естественными врагами» природоохранного движения. Тем не менее их присутствие, как и присутствие других скептически настроенных членов, таких, как представители Министерства иностранных дел, Главного управления землеустройства и земледелия и Министерства императорского двора и уделов, в конечном итоге обеспечивало обмен взглядами между бюрократией и деятелями природоохранного движения. Дружественные ведомства, в особенности Академия наук и Географическое общество, также были представлены в комиссии ***, а Бородин

---

* Князь Карамзин заповедал участок девственной степи (600 га) в Бугурусланском уезде Самарской губернии. В имении графини Паниной было учреждено два охраняемых участка — Хреновской на территории конного завода и Панинский (Валуйский уезд Воронежской губернии). С Донским политехническим институтом связаны усилия И. В. Новопокровского заповедать участок степи у Персияновки в области Войска Донского.— *Прим. ред.*

** Морицгольм (Морицсала) на Узмайтенском (Усмас) озере в Курляндской губернии — ныне заповедник Морицсала (Латвийская ССР). Частный заповедник графа Шереметьева — ныне (частично) госзаповедник «Лес на Ворскле» (Белгородская область). «Заповедник Пилявин» графа Потоцкого в Новоград-Волынском уезде (Волынская губерния), по сути, представлял собой хозяйство-зоопарк, куда были завезены зубры, олени и многие другие ценные животные (разгромлен и уничтожен в годы революции). Соловецкий, Печенгский и многие другие монастыри имели обширные «заповедные» территории.— *Прим. ред.*

*** Создана в 1912 г., председателем был министр земледелия А. С. Ермолов (см.: «Бюллетень...», 1912, «Лесной журнал», 1914; Бородин, 1914).— *Прим. ред.*

стал заместителем председателя и фактически ее руководителем.

Вслед за Рижским и Хортицким обществами по всей стране начали появляться неправительственные природоохранные группы. Такие группы возникли в Гатчине, Казани, Оренбурге, Симферополе, Орле и в Польше либо как отделения существовавших обществ естествоиспытателей, либо как самостоятельные организации.

Наиболее успешно действовало общество, созданное в Харькове: все его начинания были пронизаны особым энтузиазмом его членов.

В 1911 г., когда Бородин создавал свою Постоянную природоохранительную комиссию, один из его наиболее горячих сторонников, профессор ботаники Валерий Иванович Талиев, основал Харьковское общество любителей природы. Отходя от элитарности и замкнутости, традиционных для научных обществ, харьковская группа открыла свои двери для всех желавших принять участие в новом деле охраны природы. В своем вступительном слове 17 октября 1911 г. Талиев особо подчеркнул мысль о том, что наука не должна замыкаться в башне из слоновой кости, а составляет неотъемлемую часть общества.

«Перед деятелями науки... открывается необходимость... разлить за тесные пределы лабораторий атмосферу чистого знания, открыть перспективы, рисуемые наукой. Они должны показать, что тот свет, который исходит от научного творчества, не есть холодный бесстрастный электрический свет, а теплый луч солнца, который сам вызывает к жизни мертвое» *.

Одной из первых официальных акций группы Талиева была организация журнала, посвященного природоохранной тематике,— «Бюллетеня Харьковского общества любителей природы». Талиев более, нежели какой-либо другой консервационист в России в то время, понимал ключевую роль популяризации идеи охраны природы среди простых людей. Осознание важности популяризаторской деятельности проявилось также при организации им первой русской выставки, посвященной охране природы, проводившейся зимой 1913/1914 г.

Хотя старой России приходилось видеть самые разные выставки, эта не была похожа ни на одну предыдущую. Три недели подряд плакаты в Харьковском женском медицинском институте призывали людей: «Охраняйте природу! Защищайте памятники природы!» Были представлены сотни интересных экспонатов: картины, фотографии, образцы растений и чучела животных. Учебный материал был систематизирован примерно по пятнадцати разделам, среди которых были такие, как «Специфические формы

* Отчет..., 1912, с. 4. Фактически текст написан Талиевым В. И.— *Прим. авт.*

и результаты разрушения природы человеком», «Жизнь леса, находящегося под воздействием человека», «Красота природы», «Национальные парки Северной Америки», «Вымершие, находящиеся под угрозой исчезновения и редкие животные и растения» и «Биография дерева, рассказанная им самим». Путеводитель, написанный Талиевым в помощь посетителям, разъяснял, что истинный смысл выставки состоит в попытке «обрисовать картину внутренней красоты волшебного храма природы, в котором мы живем, и его разрушения руками человека» («Бюллетень...», 1914, № 1, с. 34).

Ярко продемонстрировав озабоченность общества тем, в каком направлении развивается охрана ландшафтов и красот природы, а также редких и уникальных живых форм, харьковская выставка оказалась завершением краткой, но бурной главы в истории русского природоохранного движения — менее чем через семь месяцев Россия погрузилась в пучину войны и социальной разрухи.

Необходимо упомянуть еще об одном событии, оставившем след в истории становления движения за охрану природы в России. 17 ноября 1913 г. в Берне открылась первая международная конференция по охране природы, организованная швейцарским зоологом Саразиным. Россию представляли Бородин и Кожевников *. Речь Саразина произвела огромное впечатление на обоих русских ученых. Кожевников вскоре воспроизвел обширные цитаты из нее в своей статье и брошюре «Международная охрана природы» (Кожевников, 1914, 1914а), а пятнадцать лет спустя он вновь цитировал ее по случаю смерти Саразина.

Особенно интересны были замечания Саразина, касавшиеся влияния на природу технологии при капитализме. В качестве иллюстрации губительных для нее последствий развитой технологии, поставленной на службу погони за прибылью, он использовал состояние стад китов. «Когда непрерывная погоня за прибылью сопровождается введением новой эффективной технологии, тотальное уничтожение китов неизбежно»,— мрачно предрекает Саразин («Мировая охрана...», 1915, с. 18). Особенно поражен был Кожевников выводом Саразина о том, что участь диких местностей и их обитателей была предопределена распространением «акционерных компаний, которым необходимо заботиться

* См. сб: Мировая охрана природы. Отчет академика И. П. Бородина о командировке в Берн на конференцию по международной охране природы. Перев. с фр. Е. Ереминой. Под ред. В. А. Дубянского, СПб., 1915. Статья Г. А. Кожевникова «Международная охрана природы», о которой идет речь ниже, была первоначально опубликована в журнале «Землеведение», кн. 1—2, 1914 г., а затем в брошюре совместно с Д. Н. Анучиным (М., 1914).— *Прим. авт. и ред.*

о высоких дивидендах, какою бы ценой они ни покупались». Перефразируя Саразина, Кожевников добавлял в своей брошюре, что «только с помощью капиталистических предприятий были возможны такие бойни, как... избиение бизонов в Соединенных Штатах в 70-х годах» (Кожевников, 1914а, с. 53). Саразин, осознав гибельное объединение технологии и жажды наживы, дал жесткие рекомендации — он требовал не допустить эксплуатацию живых существ корпорациями,— но угроза целостности природы со стороны капитализма, по мнению сторонников ее охраны, требовала принятия столь же экстренных мер. Кожевников и его коллеги знали это по опыту непосредственного соприкосновения с зарождавшимся жадным русским капитализмом. А. Н. Мазармович (1912), посетив Нижегородскую губернию, убедительно писал о необходимости охраны памятников природы от разрушения. «Такие создания природы должны быть изъяты из варварских рук частных собственников, переданы во владение государства... и объявлены национальной собственностью» (цит. по: Кнорина, 1960, с. 103).

Не только чувства страха и антипатии, которые порождал у многих защитников природы капитализм, но и их убежденность в том, что права частной собственности должны быть вытеснены заботой об общественном благе, привели к тому, что они видели в правительстве главную движущую силу в борьбе за спасение живой природы. Кожевников называл учреждение научных заповедников делом первостепенной государственной важности; в то же время А. П. Семенов-Тян-Шанский даже поднимал вопрос о возможности отчуждения частных земель в пользу охраняемых территорий *.

Однако правительство даже отчасти не оправдало надежд, возлагавшихся на него защитниками природы **. Несмотря на только что принятый закон об охотничьих заповедниках, учреждение Баргузинского соболиного заповедника и ограниченное участие правительства в Постоянной природоохранительной комиссии, вклад правительства в природоохранное движение был незначителен. Кожевников, обращаясь ко многим своим коллегам, писал: «К сожалению, в настоящее время мы не видим со стороны Главного управления государственными имуществами никаких шагов к тому, чтобы охранять памятники природы; наоборот, мы видим яркие примеры уничтожения их» (Кожевников, 1911, с. 377). Таким образом, неудивительно, что в марте 1917 г. лишь немногие защитники природы сожалели о падении старого режима.

---

* Семенов-Тян-Шанский А. П. О приютах природы и их значении в Средней России.— «Новое время», 23 мая (5 июня) 1911 г., № 1264.— *Прим. авт.*

** С этим трудно согласиться, учитывая условия военного времени.— *Прим. ред.*

Глава 2

Охрана природы и революция

Отречение от престола императора Николая II положило начало новой эпохе в истории России. Временным комитетом Государственной думы было утверждено Временное правительство, которое с момента своего формирования 15 марта 1917 г. до своего свержения 7 ноября выступало от имени народов России.

Среди наиболее горячих энтузиастов этого переворота были активисты русского природоохранного движения. «Да здравствует новая, свободная Россия!» — провозглашал В. И. Талиев в редакционной статье первого номера «Бюллетеня Харьковского общества любителей природы» за 1917 г. «Из страны замаскированного чисто восточного деспотизма, со всеми чертáми глубокой дегенерации правящей кучки,— писал он,— мы сразу встали перед широчайшими перспективами максимальной свободы и полного народовластия». Не может быть, считал он, чтобы это не отразилось на развитии науки, так как «судьбы науки в каждой стране органически неотделимы от ее политических условий». В данном случае влияние революции на науку должно было быть исключительно благотворным. «Дух свободной критики и творчества, лежащий в основании свободной мысли, несовместимы с режимом гнета... Русская наука это всегда так ясно чувствовала! Народ, исполненный потенциальных творческих сил, веками ставился в возможность развивать их. И наука, созданная им, еле теплилась, не будучи в состоянии разгореться ярким пламенем. Теперь внешние цепи сняты» (Талиев, 1917).

Точка зрения Талиева в высшей степени сходна со взглядами В. И. Вернадского, который также подчеркивал, что свободомыслие (и стабильность) есть центральный элемент в процессе создания нового, разумного порядка (Bailes, 1981).

«Кошмарные эксцессы»

Однако для ученых, которые добивались совмещения либеральной демократии с политической культурой, имевшей свои корни в рационализме, наступили трудные времена. Всего три месяца спустя после написания своей восторженной передовицы Та-

лиев с тревогой говорит об ужасающих социальных потрясениях, переживаемых Россией, и о потенциальной опасности интересам науки и охраны природы («Хроника», 1917, текст Талиева).

Талиев призывал обратить особое внимание на тех, кто задавался вопросом: «...нужна ли нам вообще старушка европейская наука и выросшая на ней культура?» Талиеву «вся абсурдность такого вопроса очевидна» (там же). Но как бы то ни было, если мысленно перенестись в лето и осень 1917 г., становятся понятны опасения, которые он и другие интеллектуалы испытывали перед Пролеткультом, анархистами и другими проповедниками исключительно «пролетарской» науки.

Новая организация, Свободная Ассоциация для развития и распространения достоверных знаний, привлекала в Москве и Петрограде огромные толпы слушателей своими выступлениями в защиту традиционной науки. Даже Максим Горький, «чья позиция в отношении к науке,— писал Талиев,— была не всегда ясна», внес свой вклад в деятельность этой организации (там же).

Если русской науке опасность грозила со стороны радикалов, то угроза российской природе и ее охране исходила от анархической и бунтующей деревни, взбудораженной революцией. Дело не ограничивалось тем, что, по словам Талиева, перед лицом яростного гнева, вызываемого нерешенными проблемами сельского хозяйства, идея охраны природы может выглядеть излишне сентиментальной. В действительности все то, что было достигнуто кропотливой работой частных лиц или усилиями Постоянной комиссии по охране природы, могло быть напрочь сметенным. Газеты призывали «вызвать содрогание в сердцах тех, кто печется о памятниках природы», писал Талиев в журнале «Природа» (Талиев, 1917а).

На страницах журнала «Природа» Академии наук приводилось множество примеров бессмысленного уничтожения парков, садов, лесов и усадеб и расправ с их владельцами или управляющими. Одним из наиболее «кошмарных эксцессов», названных Талиевым, было убийство князя Б. Л. Вяземского и разорение его имения в Тамбовской губернии, представлявшего собой участок девственной степи. Эти земли князь намеревался передать государству или какому-либо научному обществу, с тем чтобы учредить на них заповедник. Участки девственной степи, предназначенные для охраны, были захвачены крестьянами также в имении князя Карамзина Полибино в Самарской губернии. Даже всемирно знаменитый степной заповедник и акклиматизационный парк Аскания-Нова оказался под угрозой из-за обострившегося социального конфликта. Свидетельством масштаба этого конфликта может служить резолюция Кронштадтского Совета солдат-

ских и рабочих депутатов, принятая на другом конце страны и призывавшая правительство направить специального комиссара в Асканию для спасения этого комплекса (см. ниже).

Другим источником огромных разрушений была первая мировая война. Разгоревшаяся у западных границ России, она произвела опустошение среди обитателей белорусских лесов. Катастрофически пострадало от войны стадо европейских бизонов, «осколок старины, наша национальная гордость» *. «Под шум событий,— замечает зоолог Николай Васильевич Шарлемань,— мы не заметили гибели самого крупного и вместе с тем самого редкого из млекопитающих нашего отечества» (Шарлемань, 1917). До войны в Беловежской Пуще обитало около 700 этих косматых чудищ. К концу 1917 г., несмотря на организацию немцами специального Военного лесного управления для Пущи, учет, проведенный Конвентцом, обнаружил, что уцелело лишь 200 бизонов (Захаров, 1917).

И хотя последний дикий бизон пал жертвой не солдатской, а браконьерской пули 12 апреля 1919 г. (Сидоров, 1928), кайзеровские оккупационные власти в большей степени несут ответственность за эту бойню. Журнал «Die Woche» даже опубликовал фотографии, изображающие принца Руперта Баварского, взгромоздившегося на гору бизоньих туш. Единственным смягчающим вину обстоятельством может служить лишь то, что два огромных быка были доставлены живыми в Берлинский зоопарк (впоследствии дикую популяцию в 20-х годах удалось восстановить на основе потомства, полученного в немецких и шведских зоопарках) **.

Одним из наиболее впечатляющих описаний бед, вызванных беспорядками, мы обязаны Г. А. Кожевникову. Выступая на открытии съезда русских естествоиспытателей и врачей в конце лета 1917 г., он говорил, что трудно себе представить условия, менее подходящие для обсуждения проблем охраны природы, чем те, при которых мы встретились сегодня. Он выразил скорбь по поводу того, что война повлекла за собой не виданные ранее опустошения. По его словам, ученым приходится вести речь об охране природы в то время, когда не только весь старый государственный строй разрушен, но даже самые принципы законности временно попраны (1).

* Европейский бизон (Bos bonasus L), иногда называем по-немецки Wisent, по-русски именуется зубром.— *Прим. авт.*

** Последние дикие зубры были убиты браконьерами на Кавказе уже в середине 20-х годов. История восстановления этого вида освещена в специальных трудах М. А. Заблоцкого и других зоологов (см.: Млекопитающие Советского Союза, т. 1.— М., «Высшая школа», 1961).— *Прим. ред.*

Кожевников утверждал, что к числу факторов, усугубляющих разрушительные последствия войны и революции, относятся вопиющая отсталость, бескультурье, отсутствие развитой технологии и какого-либо гражданского чувства долга.

Кожевников сформулировал три этапа становления отношения человека к природе, и, по его мнению, Россия находилась на стадии, переходной от первого — первобытного, хищнического — этапа ко второму, ориентированному на рост и развитие. Даже при отсутствии войны и социальных потрясений мощные структурные факторы должны были бы пока препятствовать быстрому переходу к третьему этапу, ориентированному на охрану природы. Основываясь на этом утверждении, Кожевников выступал за рационализацию и модернизацию экономики России и ее социальной структуры; позднее эти взгляды привели его к сотрудничеству с новым советским режимом.

Несмотря на то что политические события 1917 г. имели ужасающие негативные последствия, они тем не менее породили некоторые надежды у российских деятелей охраны природы. Начиная с лета их активность значительно возросла. Несколько собраний Общества акклиматизации было посвящено исключительно вопросам охраны природы; в это же время по инициативе Ф. Э. Фальц-Фейна, владельца Аскании-Нова, переехавшего к этому времени в Москву, было образовано новое Московское общество охраны природы (см. об этом: «Хроника», 1917; Талиев,1917а).

Среди учредителей этого общества были генетик Н. К. Кольцов, зоолог Н. М. Кулагин и другие видные ученые *.

Тем временем в Петрограде Постоянная комиссия по охране природы Географического общества также активизировала свою деятельность. С 30 октября по 2 ноября 1917 г. прошла большая конференция по охране природы, организованная этой комиссией (Талиев, 1917а). Это было воистину воссоединение вдохновителей и деятелей этого движения. И. П. Бородин, Г. А. Кожевников, В. И. Талиев, Андрей и Вениамин Петровичи Семеновы-Тян-Шанские собрались вместе в штаб-квартире Географического общества **. Больше они уже никогда не собирались как единая группа.

---

* Ф. Э. Фальц-Фейн был избран председателем этой недолго действовавшей комиссии (он уехал в Берлин, где вскоре умер).— *Прим. ред.*

** Семенов-Тян-Шанский Вениамин Петрович (1870—1942) — брат Семенова А. П., член Природоохранительной комиссии ИРГО, разработавший по ее поручению первый перспективный план географической сети заповедников в СССР (см. ниже, а также кн.: Полян П. М. Вениамин Петрович Семенов-Тян-Шанский.— М., «Наука», 1989).

Острый интерес вызвал подготовленный и представленный С. В. Завадским проект закона, предусматривавший создание специального центрального правительственного ведомства с широкими правами на конфискацию земель с целью их охраны (Талиев, 1917а). Еще более важным для будущего охраны природы в России был первый план национальной сети заповедников, глубоко продуманный В. П. Семеновым-Тян-Шанским,— «О типичных местностях, в которых необходимо организовать заповедники по образцу американских национальных парков» (Штильмарк, Аваков, 1977). Этот план, в котором предусматривалось создание 46 заповедников, расположенных в самых различных географических зонах России, не привлекал к себе серьезного внимания официальных органов в течение пяти последующих мучительных лет гражданской войны. Но впоследствии он послужил основой для создания новой советской сети заповедников, и к концу 70-х годов почти 80% местностей, перечисленных Семеновым-Тян-Шанским, превратились в охраняемые территории (там же).

Временное правительство проявляло больший интерес к охраняемым территориям, чем предшествовавшее ему царское правительство. Представители управления земледелия Министерства сельского хозяйства в обращении к Петроградской конференции по охране природы выразили «полное сочувствие» задачам охраны природы и заявили о готовности министерства к законодательному содействию в их решении (Талиев, 1917а).

Отвечая на многочисленные конкретные вопросы, например касающиеся Аскании-Нова, министерство не уклонялось от принятия временных мер. Еще летом 1917 г. министерство направило ботаника И. К. Пачоского, а затем известного путешественника генерала Петра Кузьмича Козлова в Асканию в качестве специального комиссара, чтобы обеспечить защиту заповедника (там же). Тем же летом Временное правительство назначило симферопольского зоолога В. Е. Мартино комиссар-директором императорского охотничьего заказника в крымских горах недалеко от Алушты, поручив ему преобразовать его в национальный парк (Троицкий, 1927).

Во вспышке активности российских деятелей охраны природы осенью 1917 г. содержится грустная ирония: в то время как деятели охраны природы все более и более уповали на государственную защиту природы от людей, положение политиков, с которыми они имели дело, становилось все более шатким. Самый типичный пример тщетности этой деятельности являет собой план проведения первого заседания Московского общества охраны природы. Оно должно было состояться в большой аудитории Университета Шанявского 12 ноября 1917 г. Публичные лекции Н. А. Ши-

лова об американских национальных парках и эколога В. В. Алехина о диких степях в имении покойного князя Б. Л. Вяземского должны были сопровождаться демонстрацией диапозитивов и даже такой новинки, как кинофильм. Это заседание, однако, так никогда и не состоялось. Большевики взяли власть в Петрограде 7 ноября, и пять дней спустя в Москве шли ожесточенные уличные бои, сделавшие заседание невозможным (Талиев, 1917а). После того как месяцы работы были потрачены на установление рабочих отношений с Временным правительством, движение за охрану природы снова было вынуждено начинать все с самого начала.

Неизвестная политическая величина

В начале ноября 1917 г. неизвестны были даже основы аграрной политики большевистской партии, не говоря уже о политике в отношении охраны территорий или ресурсов; эти вопросы никогда подробно не обсуждались в партийной литературе. Кроме того, ни один из известных деятелей охраны природы не был членом большевистской партии. Таким образом, отношение большевиков к охране природы было загадкой. Фактически само представление о том, что существует единая большевистская позиция в отношении охраны природы, было глубоко ошибочно.

Однако если один голос среди большевиков и был «первым среди равных», то это был голос Ленина. Документов, по которым можно было бы составить представление о взглядах Ленина на взаимоотношения между природой и людьми, очень мало. Не вдаваясь глубоко в общефилософские проблемы, Ленин касался вопросов о месте, занимаемом человеком в природе, в некоторых дискуссиях практического характера, иногда вскользь. Одна из выдающихся особенностей его стиля мышления, однако, как это отмечалось и советскими и западными исследователями, состояла в стремлении к рациональности (Zile, 1971). Хотя лозунг Ленина «Социализм есть советская власть плюс электрификация всей страны» несомненно являет собой крайне упрощенную формулировку его взглядов в то время, этот лозунг тем не менее проливает свет на то, как представлял себе Ленин сущность социализма: планирование, государственная собственность и контроль, модернизация. По Ленину, наиболее характерной особенностью социализма была его эффективность. Свидетельство этому можно усмотреть в его горячих симпатиях к тейлоризму и научной организации труда, в его восхищении немецким государственным капитализмом военного времени.

Хотя Ленин делал упор на развитие производительных сил России, оно должно было осуществляться с соблюдением законов

природы. «Заместить силы природы человеческим трудом, вообще говоря, также невозможно, как нельзя заместить аршины пудами,— писал он в работе «Аграрный вопрос и "критики Маркса"».— И в индустрии и в земледелии человек может только пользоваться действием сил природы, если он познал их действие, и облегчить себе это пользование посредством машин, орудий и т. п.» (Ленин, ПСС, 5-ое издание, т. 5, с. 103).

Позднее Ленин развил эту мысль в «Докладе о концессиях» на заседании коммунистической фракции ВЦСПС 11 апреля 1921 г. «Для того, чтобы охранить источники нашего сырья, мы должны добиться выполнения и соблюдения научно-технических правил. Например, если речь будет идти о сдаче леса, то надо предусмотреть, чтобы правильно велось лесное хозяйство. Если речь идет о сдаче нефти, то надо предусмотреть борьбу с обводнением. Таким образом, тут нужно соблюдение научно-технических правил и рациональная эксплуатация» (там же, т. 43, с. 174).

Ленинское замечание относительно аршина и пуда, по-видимому, означает существование некоторых незыблемых качественных особенностей в организации природы, которые не могут быть заменены или адекватно смоделированы человеческой технологией. Цель, следовательно, состоит в том, чтобы действовать возможно более эффективно в той степени, в какой это допускают законы природы, а для этого насколько возможно глубже познавать эти законы.

С этой точки зрения наука должна была служить основой экономического планирования: фундаментальная наука посредством расширения нашего познания природных процессов, а прикладная — способствуя применению полученных при этом знаний для совершенствования производительных сил.

Руководствуясь этими соображениями, Ленин охотно принял мир, предложенный Академией наук в апреле 1918 г. Столь же охотно были приняты предложения о сотрудничестве с деятелями природоохранительного движения.

Хотя Ленин и не рисковал принимать участие в каких-либо дискуссиях по проблемам биологической организации природы, однако современники утверждают, что он проявлял глубокий интерес к биологии под влиянием своего старшего брата Александра, изучавшего зоологию (Куражковский, 1969). Скрываясь после июльских событий 1917 г., Ленин читал книгу М. Н. Богданова «Из жизни русской природы», взяв ее в библиотеке М. В. Фофановой, своей тогдашней хозяйки (и будущий секретарши) *. В ее би-

* Прекрасная книга известного зоолога Модеста Николаевича Богданова (1841—1888) «Из жизни русской природы», впервые изданная в 1889 г., выдержала до Октябрьской революции более двадцати изданий в Петербурге и Москве, но

блиотеке было немало книг по земледелию, биологии и сельскому хозяйству. Еще более интересна для нас другая книга из того же собрания, которую, как говорят, Ленин внимательно прочитал, а именно «Болота: их образование, развитие и свойства» (СПб., 1914) В. Н. Сукачева (Куражковский, 1969). Узнав из этой книги, как много болот в России, Ленин с изумлением рассказывал об этом Фофановой и возбужденно говорил о возможностях использования огромных запасов дешевого топлива — торфа — для электрификации народного хозяйства. Мы можем предположить, что на Ленина также произвел большое впечатление дух экологической целостности, которым пронизана эта пионерная работа В. Н. Сукачева по экологии сообществ.

Наконец, вероятно, полезно хотя бы вкратце сказать об интересе Ленина к отдыху на лоне природы, о чем он почти не упоминает в своих многочисленных трудах. Несмотря на такое умалчивание, Ленин, по-видимому, искренне любил природу. С самого детства он был неизменным участником продолжительных прогулок с ночевками на лоне природы. Летние каникулы он проводил с отцом на реке Свияге под Симбирском, где на всю жизнь пристрастился к охоте и рыбалке. Позднее, в 1890 г., в компании шести или семи молодых революционеров он спустился вниз по Волге к Жигулевским скалам (которые благодаря усилиям И. И. Спрыгина и В. Н. Сукачева в 20-х годах были объявлены заповедником). Ленин был покорен красотой этих мест и впоследствии часто вспоминал о них, желая побывать там снова. Во время жизни в эмиграции вместе с Н. К. Крупской в Западной Европе Ленин часто совершал прогулки в Альпах, Юрских горах, в Татрах. Когда эмигранты-большевики решали, как провести свободное время, Ленин всегда попадал в партию «прогулистов» — так называли тех, кто проводил свободное время за городом, в отличие от противоположной партии, «кинемастов» — любителей кинематографа. Эти привычки сохранились после возвращения Ленина в Россию, и он часто, когда это позволял его крайне напряженный график работы, отправлялся на охоту. Разумеется, все это отнюдь не говорит о том, что Ленина можно считать экспертом в вопросах биологии или охраны природы. Однако это может помочь пониманию решений и действий, предпринимавшихся Лениным, когда он был у власти.

О лесах

Через два дня после взятия власти в свои руки ленинское правительство провозгласило декрет «О земле» (2). Этим декретом

почти не переиздавалась за годы Советской власти.— *Прим. ред.*

все леса, воды и полезные ископаемые объявлялись государственной собственностью и переходили в исключительное пользование государства, т. е. сбывалась одна из надежд деятелей охраны природы. Однако национализация была лишь прелюдией к формированию политики более рационального использования ресурсов, и деятели охраны природы скоро обнаружили, что в условиях хаоса гражданской войны государственные заготовки древесины могут быть столь же хищническими, как были и при свергнутом режиме. В начале 1918 г. журнал «Леса республики» протестовал: «Леса сводились... по велениям законной власти. Не было ни плана, ни системы. Кто мог и хотел, тот урывал из общего блага нужный кусок. Лесного хозяйства, по существу, не было вовсе» (Кравчук, 1970, с. 13).

Для пресечения хаотических порубок леса правительство приняло декрет «О лесах», окончательный проект которого был утвержден на заседании Совнаркома РСФСР под председательством Ленина 14 мая 1918 г. (3). Ю. П. Кравчук утверждает, что Ленин полностью сознавал необходимость охраны лесов и, говорят, часто цитировал специалиста по экономике сельского и лесного хозяйства Ф. А. Щербину, изучавшего историю сведения лесов в России после отмены крепостного права (Кравчук, 1970). Этим законом для организации государственного планирования и управления использованием огромных лесных ресурсов было учреждено Центральное управление лесов Республики. Оно должно было управлять лесным хозяйством на основе планирования рубок и посадок. Леса были поделены на эксплуатируемые и охраняемые. Последние должны были обеспечить предотвращение эрозии почв, охрану водных бассейнов и, что особенно важно, охрану памятников природы.

Декрет «О лесах» был принят в условиях относительно мирных, но, когда разгорелась гражданская война, жизненно важные потребности Советского государства вступили в противоречие с мудрым законодательством. Основные запасы топлива, такие, как угольные залежи Донецкого бассейна, оказались вне досягаемости правительства, и приближение зимы 1918/19 г. сулило серьезный топливный кризис. Решения Центрального управления были вскоре отменены сперва наделенной чрезвычайными полномочиями «тройкой», а затем Высшим советом народного хозяйства («Лесозаготовительная политика», 1921).

Такого рода крайние меры помогли Советской власти выстоять в гражданской войне. Однако после окончания гражданской войны и отказа от политики военного коммунизма стало ясно, что методы управления периода гражданской войны изжили себя. В соответствии с новым духом новой экономической поли-

тики (НЭПа) государство намеревалось поощрять наиболее активных и эффективных производителей, поставляющих свою продукцию на рынок. Вместо централизованной разверстки лесных ресурсов вводилась конкуренция за получение прав на их эксплуатацию. Каждый лесозаготовитель действовал теперь в качестве свободного производителя, поставляя свою продукцию на рынок и получая на конкурсной основе право на вырубку определенных участков леса на относительно длительное время от губернских или местных органов лесного надзора, входивших в Наркомзем РСФСР и осуществлявших всю полноту власти в этой области.

В намерения государства не входило, однако, уступать командные высоты в лесопользовании рыночной стихии. Как отмечал Ленин; лесопользователи должны находиться под контролем в условиях, когда они в соответствии с НЭПом преследуют собственные экономические интересы. В соответствии с этим Лесное управление Наркомзема РСФСР (преемник Центрального лесного управления Республики, сокращенно именовавшегося Центральным лесным отделом) исполняло функции сторожевого пса. 7 июля 1923 г. был принят новый Лесной кодекс (Гуров, 1924). Так же как и декрет 1918 г., которому он пришел на смену, кодекс был проникнут духом рационального использования лесных ресурсов на основе планомерных рубок и лесовосстановления. Он также предусматривал категорию охраняемых лесов, включая памятники природы и заповедники.

В кодексе были и другие положения, направленные на охрану лесов. В губерниях и уездах, в которых невозделанные земли составляли менее 8% территории, лесозаготовки не допускались. Губернские земотделы могли давать разрешение на рубку леса лишь в уездах, в которых залесенная территория составляла не меньше 35% общей, при этом площадь отдельных вырубок не должна была превышать 50 га. Во всех остальных случаях право выдачи разрешений принадлежало Центральному лесному отделу. Это было очень важно, поскольку именно в центральных и южных губерниях с уже сильно вырубленными лесами, многочисленным населением промышленных городов и земельным голодом потребность в древесине и, соответственно, стремление к вырубкам было максимальным.

До 1928 г. и новых веяний, связанных с первым пятилетним планом, лесное хозяйство России велось в соответствии с кодексом 1923 г. Принимая во внимание предшествовавший хаос и рассматривая лесное хозяйство в целом, можно сказать, что его ведение было не худшим из возможных с точки зрения охраны природы.

Об охоте

Одним из вопросов, вызывавших наиболее горячие дискуссии в кругу русских деятелей охраны природы, был вопрос об охоте, поскольку охота занимала важное место в национальном образе жизни. В особенности это относится к промысловой охоте, доходы от которой составляли значительную долю национального дохода. Охота в России была более развита, чем в какой-либо из европейских стран. Охота традиционно обеспечивала определенную статью дохода России от экспорта мехов и других продуктов, пополняя необходимые запасы иностранной валюты, которой всегда не хватало. Эти факторы, а также привлекательность самих объектов охоты возбуждали энергию активистов движения за охрану природы в еще большей степени, чем судьба лесов. Кроме всего прочего, все хорошо помнили об истреблении бизонов и других крупных копытных, начиная с лося *.

После неудачной попытки решить вопрос о законности спортивной охоты при социализме усилия в этом направлении были возобновлены в феврале 1919 г. Был составлен проект советского охотничьего законодательства. Серьезную работу в этом направлении провела специальная комиссия научно-технического отдела Всероссийского Совета народного хозяйства (НТО ВСНХ), в состав которого входили такие специалисты по охотничьему хозяйству, как Ф. Ф. Шиллингер, Б. М. Житков, А. В. Смоляров (президент Московского охотничьего общества) и Г. А. Кожевников **.

Впечатляющее изложение материалов работы этой комиссии можно прочитать в журнале «Леса республики», 1918, № 17—19, с. 996—997. О судьбе первого закона об охоте имеются материалы в фонде Г. А. Кожевникова (Архив МГУ, ф. 200), в частности его «Объяснительная записка к проекту декрета об охоте» (не датировано; по-видимому, 1918 г.).

Обнаруживая лучшее понимание современной им системы ценностей по сравнению с предыдущим авторским коллективом, Шиллингер и его коллеги выделили вопрос об охране популяций лося из общего корпуса законодательства и к началу весны разработали проект самых неотложных мер. Этот проект был утвер-

* Лось не относился к числу истребленных крупных животных, но его численность в ряде регионов (например, в центральных областях) была подорвана неумеренной охотой.— *Прим. ред.*

** Шиллингер Франц Францевич (1874—1942) — выдающийся деятель охраны природы 20—30-х годов, репрессирован в 1938 г., погиб в заключении (см. ниже).

Житков Борис Михайлович (1872—1943) — профессор МГУ, видный зоолог и педагог. К числу указанных автором лиц следует добавить крупного охотоведа и зоолога Сергея Александровича Бутурлина (1878—1938).— *Прим. ред.*

жден Лениным 27 мая 1919 г., опубликован как декрет «О сроках охоты и о праве на охотничье оружие» и стал первым советским законодательным актом, относящимся к проблеме охраны фауны (4).

Будучи временным документом, предшествовавшим разрабатывавшемуся комиссией общему законодательству, декрет о сроках охоты тем не менее содержал несколько важных положений. Первостепенное значение имело запрещение охоты на лося и диких козлов и повсеместное на территории РСФСР закрытие летней и весенней охоты. Это было основное требование ориентированных на охрану природы охотничьих обществ еще до революции. Для того чтобы усилить действенность этого положения, были запрещены поставки свежей дичи до 1 августа — нового официального срока открытия охоты. И наконец, декрет предписывал Наркомзему РСФСР и Научно-техническому отделу ВСНХ совместно подготовить проект постоянно действующего законодательства, наметив для представления его в Совнарком РСФСР оптимальный срок 15 июля того же года.

Слегка опоздав к назначенному сроку, усовершенствованный проект был готов к 1 августа 1919 г. Однако после этого дальнейшее прохождение проекта таинственным образом затягивается. Проходят месяцы, в течение которых о его судьбе ничего не известно. Готовившая проект комиссия поручает Шиллингеру выяснить, в чем дело. Наконец ему удается установить, что окончательный вариант проекта был послан в научный отдел Наркомпроса РСФСР и там его не утвердили. Причины задержки в Наркомпросе были не пустячные. Суть дела заключалась в начавшейся и продолжавшейся затем 14 лет борьбе Наркомпроса с Наркомземом за главенство в природоохранной политике Советской России*.

Судьбоносная встреча

Как случилось, что Наркомпрос, т. е. организация, ведающая проблемами образования, получила право вето на охотничье законодательство? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к некоторым событиям января 1919 г. В середине месяца армии Колчака перешли Урал и двигались по направлению к сердцу Советской России. Правительство Ленина боролось за жизнь. Однако утром 16 января Ленин лично, среди других своих дел, уделил время проблемам охраны природы, приняв Николая Николаевича Подъяпольского. Обстоятельства встречи Ленина с Подъяполь-

* Докладная записка Ф. Шиллингера по этому вопросу имеется в фонде Г. А. Кожевникова (Архив МГУ, ф. 200).— *Прим. авт.*

ским, агрономом и заместителем комиссара астраханского отдела Наркомпроса, весьма характерны для высоко персонализированной структуры Советской власти. Подъяпольский, представитель Астраханского губернского исполнительного комитета, прибыл в Москву со множеством вопросов. Одна из его просьб к Наркомпросу, а именно об организации университета в Астрахани, была довольно обычной. Вторая его просьба к центральному правительству — одобрить создание в дельте Волги заповедника,— первого заповедника, создаваемого при Советской власти *.

Подъяпольский планировал встретиться только с Анатолием Васильевичем Луначарским, колоритным наркомом просвещения, и Луначарский без задержек утвердил прошение ученого о создании университета (Подъяпольский, 1929). Предложение Подъяпольского об организации заповедника встретило энергичную поддержку комиссара, широкий круг интересов и темпераментный характер которого были хорошо известны **. Тотчас же, не сходя с места, Луначарский продиктовал рекомендательное письмо Ленину: «Прошу Вас принять и выслушать тов. Подъяпольского, крупного советского работника из Астрахани. Думаю, что разговор с ним будет полезен» (Подъяпольский, 1929, с. 35). Позднее Подъяпольский вспоминал, что в конце встречи нарком сказал, чтобы в беседе с Лениным он подчеркнул полную симпатию Луначарского к этому проекту.

Пройдя сквозь двойные белые двери ленинского кабинета в Кремле, Подъяпольский рассказал обо всех просьбах Астраханского губисполкома и замолчал, ожидая ответа Ленина. Позднее он вспоминал: «Задавши мне несколько вопросов о военном и политическом положении в Астраханском крае, В. И. выразил одобрение всем нашим начинаниям, в частности относительно проекта устройства заповедника. Сказал, что дело охраны природы имеет значение не только для Астраханского края, но и для всей республики и что он придает ему срочное значение» (там же, с. 36).

После этого Ленин предложил Подъяпольскому написать проект общего декрета об охране природы, который был бы пригоден для всей территории РСФСР. На следующий день после бесплод-

* Речь шла не об одном, а о двух заповедниках — в дельте Волги и Солонцово-Степном (в районе великих соляных озер); последний не был организован ни тогда, ни позже. Наряду с Астраханским первым советским заповедником может считаться также Пензенский, учрежденный тоже в 1919 г. (позднее он слился со Средне-Волжским, в 1951 г. был ликвидирован. Отдельные его участки вновь стали заповедными под названием «Приволжская лесостепь», в 1989 г.).— *Прим. ред.*

** О кураторстве Луначарским в начале 20-х годов просвещения и культуры см. у Шейлы Фитцпатрик (см.: Sheila Fitzpatrick. The Commissariat of Enlightenment: Soviet Organization of Education and the Arts under Lunacharsky. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1970).— *Прим. авт.*

ных попыток отыскать каких-либо юристов или активистов охраны природы, способных помочь ему, Подъяпольский сам кое-как набросал проект и успел подать его Ленину вовремя. Столь же поразительно быстрым образом он в тот же день через секретаря Совнаркома РСФСР В. Д. Бонч-Бруевича получил рассмотренный проект обратно.

Проявляя отеческую и, возможно, несколько избирательную внимательность к процедурным аспектам деятельности молодого государственного аппарата, Ленин дал указание, чтобы декрет был возвращен в исполнительный комитет Наркомпроса для его окончательного утверждения. Это было принципиальное решение, поскольку это — первое свидетельство того, что Ленин специально поручал Наркомпросу общую ответственность за дела, связанные с охраной природы. Как впоследствии подчеркивал Федор Николаевич Петров, один из участников событий и ведущий сотрудник Наркомпроса, Ленин умышленно поступил таким образом потому, что у Наркомпроса были «совершенно чистые руки» *. Не было другого способа заниматься проблемами охраны природы, обеспечивая по меньшей мере экономическую незаинтересованность и непричастность к эксплуатации природных ресурсов и земельным проблемам. Комментарии Ф. Н. Петрова приводятся, в частности, в статье К. Н. Благосклонова и В. Г. Гептнера (1970).

К сожалению, вскоре после встречи Подъяпольского с Лениным Луначарский уехал из Москвы, и Подъяпольский был вынужден работать с его сотрудниками. После того как 1 февраля Подъяпольский встретился с историком М. Н. Покровским, заместителем Луначарского, дело застряло на мертвой точке, поскольку проект был послан на рецензию астроному П. К. Штернбергу, возглавлявшему научный отдел Наркомпроса. Только резкая записка самого Луначарского в июне 1919 г. вырвала проект из бюрократических тисков (Подъяпольский, 1929).

Как бы то ни было, текст Подъяпольского о государственной охране богарных и орошаемых земель продолжал путешествовать со стола на стол почти полтора года. Только когда гражданская война осталась позади, закон, подготовленный на основе проекта Подъяпольского, увидел свет. Подписанный Лениным 16 сентября 1921 г., этот новый закон был скромно озаглавлен «Об

* Подразумевается отсутствие у Наркомпроса прямых хозяйственных функций. Советские специалисты рассматривают разделение функций освоения и охраны природы как важный принцип так называемого ленинского этапа (в отличие от всех последующих, когда охрана подчас подменялась использованием природных ресурсов).— Петров Ф. Н. (1876—1973) — старый большевик, был начальником Главнауки Наркомпроса в 1923—1927 гг.— *Прим. ред.*

охране памятников природы, садов и парков» (5). Наиболее важной чертой этого документа было то, что полная ответственность за охрану природы возлагалась на Наркомпрос.

Четвертая статья документа специально возлагала эти обязанности на Главный комитет по делам музеев (Главмузей) Наркомпроса, которым заведовала Н. И. Троцкая. В соответствии с декретом Наркомпрос уполномочивался «по соглашению в каждом отдельном случае с заинтересованными ведомствами» и учреждениями объявлять «участки природных земель и их отдельные компоненты» обладающими «особой научной и культурно-исторической ценностью», т. е. фактически присваивать им ранг памятников природы, заповедников или национальных парков.

Более того, декрет запрещал любую эксплуатацию природных ресурсов в заповедниках и национальных парках, в частности охоту, рыбную ловлю и сбор яиц без разрешения соответствующих органов Наркомпроса. Такое положение давало возможность Наркомпросу осуществлять надзор за охраняемыми территориями, подчинявшимися другим наркоматам и ведомствам, в частности Наркомзему, которым также было предоставлено право (в частности, декретом «О лесах») учреждать свои собственные заповедники.

Ходатайство Подъяпольского об организации заповедника в дельте Волги увенчалось успехом быстрее. В отличие от его проекта закона предложение об организации Астраханского заповедника было рассмотрено научным отделом Наркомпроса 1 февраля 1919 г., и Отделу просвещения Астраханской губернии было поручено содействовать принятию губисполкомом соответствующего решения *.

Астраханский заповедник, основанный 11 апреля 1919 г., находился в местном, а не республиканском подчинении.

Третьим результатом январской встречи 1919 г. было образование весной того же года Временной комиссии по охране природы, впоследствии переименованной в Научный комитет, а затем в Государственный комитет по охране памятников природы. Эта Временная комиссия, действовавшая в рамках музейного отдела (Главмузей) Центрального академического управления (Акадцентр) Наркомпроса, привлекла к своей работе ряд наиболее уважаемых ученых-естественников. (Акадцентр вскоре был преобразован в Главное управление научных институтов Наркомпроса.)

---

* См. об этом также «Отчет о деятельности государственного комитета по охране памятников природы в 1920 г.» (машинописная копия, без даты и подписи, архив МГУ, ф. 200).— *Прим. авт.*

проса РСФСР — Главнауку.) Возглавляли список членов комиссии академик Д. Н. Анучин, географ и антрополог, и минералог А. Е. Ферсман. В состав комиссии вошли также зоологи А. Ф. Котс и С. И. Огнев, эколог Сергей Алексеевич Северцов, Григорий Александрович Кожевников и Борис Михайлович Житков. Председателем комиссии был большевик Вогран Тигранович Тер-Оганесов, астроном, пользовавшийся большим влиянием в Наркомпросе (там же).

За короткое время Временная комиссия достигла значительных результатов; среди них — участие комиссии в создании первого заповедника республиканского подчинения в районе Миасса на юге Урала, которое имело наиболее далеко идущие последствия.

Идея организации Ильменского минералогического заповедника, как и в случае с Астраханским заповедником, возникла в годы, предшествовавшие первой мировой войне. Ее выдвинули три наиболее уважаемых в России геолога: академики А. Е. Ферсман и В. И. Вернадский и профессор Николай Михайлович Федоровский. Они считали, что миасские отложения принадлежат к числу наиболее интересных в России и что их изучение может много дать для понимания геологических процессов (Парамонов, Коробочкин, 1979). К тому же это предложение исходило от людей, пользующихся не только высокой научной репутацией, но и политическим доверием, хотя и не полным, со стороны Ленина. Более того, их глубокое проникновение в прикладные аспекты науки делало их, возможно, в тот момент в глазах политиков фигурами более симпатичными по сравнению с тремя экологами-теоретиками. Как бы то ни было, предложение, внесенное членом комиссии Ферсманом 25 сентября 1919 г., было принято в качестве проекта декрета. 4 мая 1920 г. этот проект был представлен в Совнарком РСФСР заместителем наркома просвещения Луначарского М. Н. Покровским и был подписан Лениным.

Учреждение Ильменского заповедника открывало широкие перспективы не только потому, что означало образование первого национального заповедника в Советской России. Это была также первая охраняемая территория, созданная правительством исключительно в целях научного изучения природы.

В декрете было дано определение заповедника как «национального достояния, предназначенного исключительно для выполнения научных и научно-технических задач» (6). Заповедник, насколько нам известно, был первой созданной правительством территорией для такого специально научного использования (Шапошников, Борисов, 1958; McIntosh, 1983). В этом качестве он символизировал растущий интерес Наркомпроса к пробле-

мам охраны природы и организации охраняемых территорий.

Еще в январе 1919 г., задолго до декрета 1921 г. «О памятниках природы», в Наркомпросе считали, что Лениным возложена на них особая ответственность не только за судьбу заповедников, но и за дело охраны природы в стране в целом. Руководствуясь таким пониманием, Наркомпрос добивался отмены охотничьего законодательства, которым ответственность за охотничье хозяйство возлагалась на Наркомзем РСФСР, предлагая организовать Государственный комитет по охране памятников природы, в компетенцию которого входило бы также и охотничье хозяйство.

В Наркомземе

Судьбу проекта декрета об охотничьем хозяйстве, предложенного Шиллингером, решило, возможно, следующее обстоятельство. Шиллингер по совместительству работал заведующим отделом охраны природы научного управления Наркомпроса (такое совместительство в те годы было широко распространено), и можно предположить, что он убедил своих коллег по Наркомпросу, что предлагаемое им решение отвечает интересам дела. Как бы то ни было, декрет «Об охоте» был подписан Лениным 24 июля 1920 г., обрел силу закона и стал поворотной точкой в судьбах законодательства об охране природы на последующее десятилетие и далее.

В соответствии с этим декретом полная ответственность за организацию охотничьего хозяйства возлагалась на Наркомзем. Для текущего детального регулирования порядка охоты, охраны промысловых животных и организации их разведения в неволе, было создано Управление охоты. Оно также осуществляло надзор за производством охотничьих ружей, боеприпасов и другого охотничьего снаряжения, а также за деятельностью охотничьих кооперативов и других охотничьих организаций. Оно устанавливало сроки охоты, нормы добычи дичи, организовывало лаборатории и звероводческие фермы, заповедники, заказники и питомники для промысловых животных и птиц. Позднее — и это очень характерно и показательно для общепрагматического уклона в деятельности Наркомзема — на Управление охоты была возложена организация борьбы с вредителями и хищниками, в первую очередь с волками.

Декрет «Об охоте» определил основные черты организации охотничьего хозяйства на следующее десятилетие (7). Вскоре после принятия декрета в Наркомземе было образовано Центральное управление охотничьего хозяйства (Центрохота). В первые годы, когда его возглавлял будущий нарком юстиции СССР

Н. В. Крыленко, деятельность Центрохоты породила большие надежды у активистов охраны природы. В Научный отдел Центрохоты входили многие выдающиеся ученые, известные и как биологи и как общественные деятели,— Ф. Ф. Шиллингер, С. А. Бутурлин, В. А. Каверзнев и Б. М. Житков. Возглавлял эту группу Г. А. Кожевников, старейшина дела охраны природы.

Однако к 1922 г. выявились серьезные недостатки в управлении заповедником на Байкале, учреждаемым на восточном берегу озера, недалеко от уже созданного ранее Баргузинского заповедника *. Экспедиция, осуществленная летом 1922 г. (Туров, 1923), нашла его в плачевном состоянии, а Ф. Шиллингер в докладной записке Госкомитету по охране памятников (Архив МГУ, ф. 200) охарактеризовал Байкальский заповедник как «погибающий». Последствия были столь явными, что Ленин персонально заинтересовался этим делом, и его разочарование привело к полному прекращению ассигнований на охрану природы на весь 1922 г. ** Неудовлетворительная работа в сфере охраны природы стала причиной проявления серьезного недовольства со стороны ряда работавших в Центрохоте ученых (Туров, 1923; Шиллингер, 1928, и др.). В глазах Шиллингера и других биологов-охотоведов Наркомзем из года в год не справлялся со своими обязанностями и предавал дело охраны природы. Неудивительно поэтому, что русские натуралисты проявляли все возрастающий интерес к более энергично действовавшим органам охраны природы в системе Наркомпроса. К 1925 г. Шиллингер и Кожевников заняли ключевые посты в органах охраны природы, связанных с Наркомпросом, и навсегда распростились с Центрохотой, которая была преобразована в подотдел Охоты, в котором остались только немногие функционеры (Бутурлин, 1925).

---

* Здесь и далее речь идет об участках на Байкале (в частности, полуостров Святой Нос и Чивыркуйский залив), которые намечалось взять под охрану в соответствии с подписанным Лениным В. И. декретом СНК РСФСР от 31 января 1921 г. «О Байкальских государственных заповедниках». Его фактическим автором был Ф. Ф. Шиллингер, который в 1911—1912 гг. проводил экспедиционные работы на озере. Но фактически этот «Байкальский заповедник», о котором пишет автор (не путать с ныне действующим одноименным заповедником на юге Байкала, учрежденном в 1969 г.!), не был создан и не функционировал. С. С. Туров обследовал в 1922 г. намеченные под этот заповедник участки.— *Прим. ред.*

** Это мнение из неопубликованных материалов Шиллингера Ф. Ф. нуждается в дополнительном уточнении.— *Прим. ред.*

Глава 3

Охрана природы при НЭПе

В период между 1920 и 1922 гг. Государственный комитет по охране памятников природы при Наркомпросе сделался, бесспорно, руководящим и координирующим центром природоохранных мероприятий, связавшим удаленные провинциальные группы по охране природы в единую информационную сеть, сходящуюся в Москве. Когда сюда поступали сообщения о необходимости начать или усилить охрану какой-либо территории, Госкомитет немедленно делал соответствующее заявление или выражал протест, например в адрес Наркомзема, когда над лесом на Ворскле, будущим заповедником, принадлежавшим этому наркомату, нависла угроза заготовки древесины.

При необходимости Госкомитет непосредственно брал дело в свои руки, как это было, когда он весной 1920 г. организовал защиту лесов, принадлежавших Косинской биологической станции (в будущем заповеднику), от порубок деревьев на дрова. Эта задача, конечно, оказалась более легкой, чем в случае с Ворсклой, так как территория принадлежала не Центральному лесному отделу Наркомзема, а непосредственно наркомпросовскому Главному управлению научных, научно-художественных, музейных и по охране природы учреждений (Главнауке) *.

Многие из проектов Госкомитета представляли собой попытку возродить наиболее важные начинания, преданные забвению за годы гражданской войны. Был возобновлен проект учреждения музея охраны природы, выдвинутый в последние дни существования Временного правительства Московским обществом охраны природы; прилагались усилия для организации охраны оставшихся нетронутыми участков природы. Однако эти действия еще не подчинялись какому-либо общему плану создания сети охраняемых территорий, и все инициативы такого рода исходили от не связанных между собой ученых или возникали независимо друг от друга на периферии.

* Первоначально Главнаука подчинялась Акадцентру Наркомпроса, но в 1922 г. стала независимым и весьма значительным главком. В 1930 г. реорганизована в сектор науки НКП РСФСР.— *Прим. авт.*

В Наркомпросе для ведения новых дел, касающихся охраны природы, в составе Главного комитета по делам музеев (Главмузея) Главнауки в дополнение к Госкомитету был создан официальный подотдел по охране природы. Руководимый сначала недолгое время Шиллингером, а затем Тер-Оганесовым, новый подотдел привлек многих сотрудников, занятых в Центрохоте или работавших в Госкомитете: Анучина, Кожевникова, Огнева, Ферсмана, Житкова, Бутурлина и др. (Штильмарк, 1979).

Финансовые тиски НЭПа

Все открывавшиеся при НЭПе возможности достижения социального примирения, возрождения надежд на будущее, плюрализма и определенной интеллектуальной свободы ограничивались сильнейшими финансовыми трудностями. Природоохранные организации испытывали такие же затруднения еще до введения НЭПа. Из-за нерасторопности, проявленной СНК РСФСР при распределении финансов, расходы на Госкомитет не были предусмотрены бюджетом республики 1921 г., и он оказался в полной зависимости от щедрот исполнительного комитета Наркомпроса, материально поддерживавшего его за счет собственного диксреционного фонда (Архив МГУ, ф. 200). В следующем году оказалось, что охрана природы вновь «выпала» из республиканского бюджета. На сей раз это произошло из-за недовольства советских руководителей темпами организационной деятельности в новом Байкальском заповеднике Наркомзема *. На самом деле Наркомпрос не следовало бы наказывать за грехи Наркомзема, но в 1922 г., когда все субсидии на развитие промышленности были исчерпаны и фабрики были предоставлены самим себе, центральное правительство искало любые возможности для сокращения расходов.

Одной из первых реакций активистов движения была подача петиции, призывающей правительство выделить 2 млн. руб. на охрану природы на 1922 г. Эту работу возглавил Кожевников, пытавшийся вместе с Шиллингером создать «единый фронт», включающий ведущих ученых, важнейшие организации и научные общества и — как писал Шиллингер — «даже военных в лице Троцкого» для поддержки своих требований (там же).

Однако сокращение бюджета ударило не только по Госкомитету и подотделу по охране природы, но и по вышестоящим организациям, особенно по Главмузею, которые лицом к лицу столкнулись с проблемой, как существовать, не имея денег. Было

* Байкальский заповедник фактически не функционировал (см. выше).— *Прим. ред.*

предложено несколько способов преодоления трудностей, вызванных хозрасчетом — политикой НЭПа, направленной на перевод организаций и предприятий на самофинансирование. Эта проблема была основной, обсуждавшейся в Госкомитете в течение двух последних месяцев 1921 г.

Высказывались предложения о продаже естественно-исторических коллекций, собранных в заповедниках. Например, Николай Николаевич Смирнов, геолог, тесно связанный с Ильменским минералогическим заповедником, предлагал предоставить заповедникам возможность получать доход от продажи коллекций самоцветов или развития туризма в Ильменском заповеднике (1). Шиллингер пошел еще дальше. Заповедники, уверял он, могут продолжить линию, проводимую национальными парками США, взимая плату за вход, пользование гостиницами и проведение экскурсий. Можно также торговать путеводителями, специальной литературой и фотографиями. Все это, говорил Шиллингер, уже делается в Йеллоустонском национальном парке без видимого ущерба для природы. Шиллингер даже высказал «крамольную» идею: Советское правительство может, по аналогии с другими отраслями экономики, пригласить иностранцев для организации «национальных парков» в РСФСР на концессионной основе. При этом он исходил из малоубедительного для того времени тезиса о том, что стремление к охране природы в конечном итоге носит международный характер (там же).

Однако коллеги Шиллингера по Госкомитету, возглавляемые бдительным Кожевниковым, отнюдь не были увлечены радужной перспективой создания иностранцами советских «йеллоустонов». Враждебность большинства к идее торговли заповедниками отразилась в принятой резолюции, где отмечалось, что правительство отвечает за финансирование заповедников и что подобная их эксплуатация, как некоторых промышленных предприятий, противоречит их изначальной сути. Заготовка леса, интенсивный сбор «даров природы» и даже сухостоя в дикорастущем лесу объявлялись «непозволительными» (там же).

В конечном итоге под мощным давлением материальных обстоятельств Госкомитет решил, что коллекции самоцветов могут собираться без вреда для Ильменского минералогического заповедника, а зоологические заповедники могут продавать скелеты и шкуры погибших животных, а также ограниченное число живых животных для зарубежных зоопарков. Одновременно отмечалось, что лучшим решением было бы создание вокруг каждого заповедника буферных зон, которые могли бы использоваться персоналом для добычи средств к существованию, не затрагивая собственно заповедника (там же).

В мае 1923 г. ситуация в деле охраны природы еще более ухудшилась. В начале этого месяца по решению исполкома Наркомпроса подотдел (по охране природы) в Главмузее был ликвидирован. Спасла положение ревизия, проводившаяся в Наркомпросе активным защитником природы проф. Н. М. Федоровским. В своем отчете он потребовал от Наркомпроса немедленно восстановить природоохранное ведомство в ранге не под-, а самостоятельного отдела. Он также поддержал заключение, сделанное ранее Подъяпольским, о необходимости учреждения нададминистративного органа по охране природы, который бы подчинялся непосредственно СНК РСФСР или ВЦИК, номинальному советскому парламенту (Шиллингер, 1930) *.

Охрана природы была возвращена к жизни в виде отдела, находившегося в непосредственном подчинении Главнауки, но длилось это недолго. В начале 1924 г. вновь перевесили материальные соображения, и было решено ликвидировать не только отдел по охране природы, но и (в марте 1924 г.) Госкомитет по охране памятников природы. Только давление со стороны Государственной плановой комиссии (Госплана), также присоединившей свой голос к защитникам отдела (и к тем, кто добивался учреждения надминистерской организации по охране природы), заставило Наркомпрос проявить стойкость. Г. М. Кржижановский, председатель Государственной плановой комиссии, в одном из выступлений отметил, что «основная задача охраны природы заключается в обеспечении здорового развития нашей страны», и рекомендовал создать сильный центральный орган для управления природоохранной деятельностью (2).

Заповедники борются за выживание

Для заповедников первые годы после войны также были годами бедствий. Как это было с Крымским заповедником, для Кавказского заповедника ** введение Совнаркомом специальных льгот никоим образом не решило всех проблем. Вплоть до 1926 г. вся восточная часть заповедника контролировалась бандитами. Безрассудные попытки проф. Исаева проводить научные наблюдения окончились его гибелью от рук преступников.

В каком-то смысле проблема безопасности, ставшая столь бо-

* Предложение о создании специального государственного органа по охране природы при высшей власти страны неоднократно выдвигалось в 1918—1922 гг *Прим. ред.*

** Кавказский заповедник учрежден в 1924 г., но проект его организации (включая границы) разработан еще до Октябрьской революции (в частности, Н. М. Кулагиным).— *Прим. ред.*

лезненной, была продолжением спорной проблемы границ заповедников. Наиболее серьезный конфликт возник в связи с притязаниями Адыгейской автономной области на использование альпийских лугов заповедника в качестве пастбищ. Хотя принятое в 1927 г. в результате длительных обсуждений решение было благоприятным для заповедника, перспективы установления безопасных и четко обозначенных границ оставались весьма сомнительными. В октябре того же года экспедиция, руководимая проф. Д. П. Филатовым, подтвердила худшие опасения директора и научных сотрудников заповедника: в то время когда обсуждалось положение в заповеднике, дикая популяция кавказских зубров была уничтожена, как это случилось и с родственной популяцией зубров на северо-западе страны в Беловежской Пуще (Розанов, 1928).

Профессор Павел Евгеньевич Васильковский и другие известные консервационисты были настолько разочарованы бесконечными задержками, бюрократической волокитой и неуверенностью, проявившимися в действиях правительства, что обратились к активистам охраны природы с призывом надеяться только на самих себя, на свои собственные силы. Васильковский считал, что успех дела зависит не от законов, а от самого общества, которое должно взять на себя охрану природных богатств. В качестве примера он ссылался на Германию, где процветали сотни природоохранных обществ (Васильковский, 1922).

Однако в России для подавляющего большинства советских деятелей охраны природы, хорошо знавших общественную жизнь республики, было ясно, что они могут возлагать какие-то надежды только на правительство.

Реальным воплощением этих надежд были существовавшие к 1924 г. четыре государственных заповедника системы Наркомпроса (Ильменский, Крымский, Косинский и Кавказский), несколько заповедников местного подчинения, также руководимых органами Наркомпроса (Астрахань, Пенза и Галичья Гора), восемьдесят два парка и сада, входивших в ту же систему, единственный подчинявшийся Наркомзему РСФСР государственный заповедник (Баргузинский) и украинский заповедный и акклиматизационный парк Аскания-Нова, подчиненный Наркомзему Украины. Свои намерения осуществлять охрану природы власти продемонстрировали также и на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, проходившей в Москве летом 1923 г. Как бы откликаясь на лозунг экспозиции Соединенных Штатов, гласивший, что лучшим мерилом цивилизованности общества служит его отношение к охране природы, в павильоне Главнауки демонстрировались фотографии, диаграммы и рисунки, показывавшие «разрушительное

воздействие человека на природу». Были там и рисунки видов животных, находящихся под угрозой исчезновения, фотографии заповедников; посетителям читались лекции об охране природы (3).

Лебединая песнь эстетического подхода

Картина природоохранного движения в период с 1917 по 1924 г. будет неполной, если не упомянуть о недолгом расцвете и последующем увядании эстетико-этического направления этого движения. Мировая и гражданская войны сильнейшим образом повлияли на более глубокое осознание русскими биологами и другими учеными необходимости усиления охраны природы. Мерзости войны (да и всего современного общества) заставили некоторых исследователей-естественников занять активные природоохранные позиции.

В первые дни существования Советской власти эстетические аспекты охраны природы выдвинулись на первый план вследствие специфической ситуации, существовавшей в стране с 1919 по 1923 г. Когда Наркомпросу понадобилось решить, в какой из своих наиболее благополучных отделов можно было бы включить подотдел по охране природы, выбор пал на Главный комитет по делам музеев. Поскольку Главмузей был центром охраны памятников искусства, археологии и архитектуры, было вполне естественно, что его ведущие сотрудники рассматривали охрану природы как создание «музеев природы» (Семенов-Тян-Шанский, 1922). Автором этого термина был один из наиболее ярких выразителей эстетического подхода, энтомолог Андрей Петрович Семенов-Тян-Шанский. Работая долгое время старшим сотрудником Зоологического музея Академии наук, председателем Биогеографической комиссии Русского географического общества и президентом Русского энтомологического общества, он обладал высоким научным авторитетом. В своей области — систематике и биогеографии форм насекомых — он прославился открытием и описанием более чем 900 новых видов (и 133 родов) насекомых и написанным в 1910 г. и получившим широкую известность трудом о природе видов (Семенов-Тян-Шанский, 1910). Его коллекция насекомых, включавшая не менее 700 000 экземпляров и завещанная Зоологическому музею, была одной из самых больших в мире.

Своей известностью среди русской интеллигенции А. П. Семенов-Тян-Шанский был обязан как своим философским взглядам, так и своей научной деятельности. «Гуманист в лучшем смысле этого слова»,— писал о нем зоолог С. И. Огнев. Семенов-Тян-Шанский в самом деле был человеком высокой культуры.

Тонкий ценитель поэзии, он и сам был хорошим поэтом, глубоким знатоком и исследователем творчества Пушкина. Воспитанный в классических традициях, он первым перевел на русский язык многие стихотворения Горация. Он хорошо знал искусство и музыку, увлекался оперой, и немало оперных певцов были ближайшими его друзьями. На склоне лет, почти совсем ослепший, он продолжал посещать оперу, помня все либретто на память (Огнев, 1946, с. 126).

Более чем кто-либо другой, А. П. Семенов-Тян-Шанский не скрывал своей неприязни к современному индустриальному обществу, капиталистическому или социалистическому. Мечтая о возвращении «золотого века», когда мир еще не был осквернен тем, что он называл «пороком индустриализации», Семенов-Тян-Шанский выражал взгляды, разделявшиеся и другими представителями старой русской интеллигенции, тосковавшей по тесной связи с природой, отчужденной от них социальным развитием. Человек века техники, говорил он,— это «геологический парвеню», «разрушающий теперь всю гармонию жизни в свободной природе... кем, как не ею, обучены мы и музыке, и живописи, и ваянию, и зодчеству?» (Семенов-Тян-Шанский, 1919, с. 201).

Хотя Семенов-Тян-Шанский считал, что «грехопадение» человека стало возможным в силу его «хищнической природы», оно произошло лишь тогда, когда эти хищнические инстинкты воплотились в возможности истреблять другие живые формы «благодаря появлению крупного капитала» на мировой арене. Особенно опасной для диких животных он считал зарождавшуюся авиацию, олицетворявшую в его глазах тесный союз «крупного капитала» и технологии (Семенов-Тян-Шанский, 1921, с. 195).

Семенов-Тян-Шанский осуждал не только хищнические устремления индустриального капитализма. Во время кровавой гражданской войны он писал, что его эстетико-этическое неприятие современного общества в равной мере относится и к послереволюционному укладу. Он отмечал, что «несмотря на высоту подъема волны социалистических идей», последние также основываются лишь на борьбе за собственные интересы и чисто материалистических стремлениях. Следовательно, в моральном отношении они не более прогрессивны, чем капиталистические (Семенов-Тян-Шанский, 1919, с. 213).

Острота его критических высказываний отчасти объяснялась отвращением, которое он испытывал к бессмысленному разрушению природы, происходившему в те жестокие годы, к «неистовым событиям, перевернувшим все вокруг». Разрушение, начавшееся с приходом (мировой) войны, продолжается до сих пор, временами совершенно бессмысленное, считал он. Особенно по-

разило и глубоко опечалило его полное истребление большинства садов, частных парков, монастырских и других рощ (он же, 1921). Как ни странно это было для того времени, но эти сады и парки в усадьбах, являвшиеся для бунтующих крестьян символом ненавистного старого порядка, Семеновым-Тян-Шанским воспринимались как последние осколки благородного «золотого века», к которому Россия, временно свернувшая на неверный путь обреченного на неудачу эксперимента, должна постараться вернуться.

Языком, непривычным для других приверженцев эстетических взглядов, он писал, что та степень, в какой человечество будет способно на духовное развитие, зависит от того, покровительствует ли ему природа. В своем выступлении на конференции музеев Наркомпроса в Петрограде в феврале 1919 г. он подчеркивал, что просвещенные умы не могут не сознавать, что свободная природа, не осквернённая целиком или частично человеком, является великим комплексным музеем, не зависящим от нашей будущей просвещенности или умственного развития, музеем, который, если будет разрушен, не сможет быть восстановлен руками человека. Этот «великий музей», как А. П. Семенов-Тян-Шанский называл природу, служил источником, питавшим не только искусство, но также и науку.

Важнейший вывод, который делал ученый,— это то, что природа, «великая книга всего сущего», служит ключом к моральному развитию человечества. Природа не только давала людям «ничем не заменимые эстетические наслаждения», но также и «возвышала его душу». «Природа не только выкормила нас,— писал ученый,— она нас и ныне кормит, учит и воспитывает». В самом деле, продолжал он, только благодаря различным силам Природы человек в начале своего существования стал человеком (его же, 1919). В свою очередь утверждал ученый, и «на нас лежит большой нравственный долг перед природой — сыновний долг перед матерью».

Его взгляды напоминали представления древних греков, считавших, что все живое появилось из лона Геи. Индустриальное общество, с его сверхъестественным разрастанием человечества за счет других организмов, привнесло во взаимоотношения с матерью-Природой опасную степень аморальности. Подобно древним грекам, А. П. Семенов-Тян-Шанский полагал, что человечество в конце концов должно быть наказано за свое высокомерие. «Нарушая это равновесие жизненных сил, безудержно гася очаги жизни природы, расхищая и растрачивая ее основной фонд, мы сами себе роем яму,— предсказывал он,— готовим потомству нашему печальное будущее» (там же, с. 214).

Он призывал людей вернуться к жизни в гармонии с природой.

частью которой они в конечном итоге являются. Для того чтобы добиться гармоничного единения с природой, люди должны будут оставить свои претензии на онтологическое господство над остальной природой и осознать, что живая природа имеет собственные права. «В настоящий многотрудный для всех нас момент,— настаивал он,— надо особенно деятельно стремиться к тому, чтобы скорее восстановилось не только широкое право на существование и дальнейшее развитие человеческой жизни во всем многообразии ее духовного склада, но и попираемое человеком право на существование всего живого на Земле!» (там же, с. 212 и 214).

Столь же архаическими, какими должны были представляться в ту пору революционного энтузиазма взгляды А. П. Семенова-Тян-Шанского, выглядели и другие проявления эстетических воззрений, в равной степени неприемлемые и враждебные большевизму. Одним из таких проявлений стала неожиданная статья, написанная профессором гидротехники, инженером Всеволодом Евгеньевичем Тимоновым. Специалист по строительству портов и каналов, Тимонов ранее никак не высказывал своих симпатий к охране природы. Напротив, вся его предшествующая деятельность, особенно его план претворения в жизнь замысла Петра Великого, соединения Белого моря с Онежским озером судоходным каналом, создавала о нем впечатление как о человеке, весьма приверженном идеям преобразования природы. И было тем более удивительно, что в своей статье Тимонов особое внимание уделял вопросу о «природе и разрушительном действии человека вообще и в частности инженеров» (Тимонов, 1922). Не была ли его позиция инженера сходна с положением кающегося дворянина?

Разгадка перемен в мировоззрении Тимонова кроется в его пребывании в Германии в качестве военнопленного. Там он обрел особое восприятие мира эстетических потребностей и соображений. К тому же на него, по-видимому, произвели глубокое впечатление выступления Конвентца и Старбека об охране природы на Балтийском инженерном конгрессе, утвердившие его в собственной правоте.

Тимонов обвинял человечество также в том, что оно в погоне за сиюминутными прибылями разрушает «гармонию природы», не щадя в ней ничего, даже самого ценного. Перед ужасающими картинами экологических разрушений и катастроф, нарисованными Тимоновым, поблекли бы даже образы Дж. П. Марша.

«Труд его (человека.— *Авт.*) был бессистемным,— писал Тимонов в своей поистине обвинительной статье.— Воздух, почвы и воды заражались. Огромные пространства земли, лишившись растительного покрова, обратились в пустыни. Условия жизни

ухудшались. В довершение своей «победы» над природой человек понаставил среди наиболее привлекательных по красоте пейзажей отвратительные рекламы».

Эти удручающие тенденции приняли, по словам автора, «особенно уродливые формы в «век пара и электричества». Но самые резкие слова Тимонов приберег для описания загрязняющей деятельности заводов и фабрик, которые изрыгают в атмосферу «дурно пахнущие газы», отравляя окружающую природу. Он даже упомянул о явлении, которое мы сегодня называем «кислотными дождями».

«...Газы, вытекающие из фабричных труб и содержащие сернистую кислоту, серную кислоту, мышьяк, циан, хлор, хлористоводородную кислоту, аммиак, сероводород и проч., приносят большой вред растениям и животным даже на больших расстояниях. На зеленом покрове Земли эти газы делают желтые и коричневые пятна, где исчезает всякая жизнь. Также страдают от них кусты и деревья, причем хвойные в большей степени, чем лиственные. Металлургический завод "Julius Hütte" у Гослара в Гарце, выпускающий газы с сернистой кислотой, уничтожил 143 гектара елового леса. Возле доменных печей в Altenau, Klaustal и Lauental лесные плеши достигли 338 гектаров, к которым присоединяются еще 380 гектаров сильно поврежденного леса». Хотя фабрики могут оплатить нанесенный ущерб, а иногда даже и делают это, «потеря в красоте природы не может быть ни исчислена, ни возмещена»,—заключает Тимонов.

Автор считал, что во всем виноват традиционный рационализм, ибо «человек долго не понимал, что он должен искать красоту во внутренней и глубокой гармонии своих произведений и природы». Но на самом деле «сильнее и плодотворнее всего стремление к охране природы там, где оно коренится в любви к ней и к родине. Всякая здоровая любовь к отечеству связана неразрывно с любовью к его природе».

Здесь особенно сказалось его пребывание в Германии; аргументация, к которой он прибегает, как будто сошла со страниц "Heimatschutz und Naturschutz" или изданий Вандерфогельского движения. Он утверждал, что национальная культура в своем развитии и росте должна оберегать свои корни, берущие начало в девственной природе.

Соображения Тимонова, из которых вытекало крайне настороженное отношение к грядущей индустриальной экспансии, вряд ли могли оказать влияние на советских лидеров того времени: пророчества же А. П. Семенова-Тян-Шанского еще сильнее расходились с официальной большевистской версией будущего. «Задачи природоохранения... — провозглашал он,— сводятся в настоя-

щий момент к немедленному ограждению и защите всего того, что еще уцелело от беспорядочного и буйного натиска человека». Обращаясь к природоохранному движению, он призывал его служить «противовесом» все более распространяющемуся и усиливающемуся росту численности населения и захвату людьми все новых и новых земель... которые в интересах самого человечества должны оставаться нетронутыми (Семенов-Тян-Шанский, 1919) *.

После 1922 г. В. Е. Тимонов больше не писал статей, касающихся охраны природы **. Он продолжал работу в Высшей технической комиссии Наркомата транспорта и связи, связанную с завершением проектирования Беломорско-Балтийского канала. А. П. Семенов-Тян-Шанский на протяжении последующих десятилетий также не обнажал пера в защиту природы, нарушив свое молчание только после обнародования первых проектов сталинского плана великого преобразования природы. Другие лидеры эстетического направления в природоохранном движении, в частности Бородин и Талиев, также отошли от активной деятельности именно в этот период ***. Упадок целого течения стал результатом глубокой переориентации природоохранительного движения в начале 20-х годов. Такова была реакция на становление новой системы культурных ценностей, активно внедрявшейся большевистским режимом. Лорен Р. Грэхем, изучавший советскую историю, замечает, что «до того времени ни одно правительство не поддерживало науку столь открыто и энергично», как в Советской России. «Революционные лидеры Советского правительства видели в естественных науках средство решения и духовных и материальных проблем России; наука была для них не только сред-

---

* Эти взгляды, объективно, безусловно, справедливые и весьма глубокие, даже в наше время могут вызвать резкие возражения со стороны разного рода марксистов, особенно воспитанных в годы широкого распространения лживого лозунга «Всё для блага человека».— *Прим. ред.*

** Научное и производственно-практическое творчество В. Е. Тимонова поразительно по своей широте и значимости. Обзор его содержится в брошюре Будтолаева Н. М. «Всеволод Евгеньевич Тимонов — выдающийся деятель отечественной гидротехники» (М., «Морской транспорт», 1959), где имеется и список основных работ ученого по вопросам гидротехники и водного транспорта. К сожалению, автор брошюры не упоминает статьи в журнале «Природа». Относительно же пребывания Тимонова в Германии он лишь указывает, что В. Е. Тимонов был «задержан» там в 1914 г. при возвращении с Балтийского международного конгресса. «С большим трудом он смог оттуда уехать, доказав властям, что не является русским военным шпионом»,— указывает Будтолаев. В 1915—1916 гг. В. Е. Тимонов работал при штабе Северного фронта. Это был ученый необычайной активности и дарования, что отразилось в забытой ныне статье «Охрана природы при инженерных работах».— *Прим. ред.*

*** В архиве Г. А. Кожевникова (Архив МГУ) имеются письма А. П. Семенова-Тян-Шанского периода 30-х годов, проникнутые глубоко пессимистическими мотивами.— *Прим. ред.*

ством преодоления дремучего мистицизма, но и ключом к великим богатствам русской земли» (Graham, 1967).

В наибольшей степени эти настроения выражали Федор Николаевич Петров, начальник Главнауки, в непосредственном подчинении которого с 1923 г. находился отдел охраны природы Наркомпроса, В. Т. Тер-Оганесов, начальник отдела в середине 20-х годов, и А. В. Луначарский, нарком просвещения. Эти люди были глубоко уверены в том, что естественно-научное мировоззрение не только не противоречит марксизму, но и является непременным условием развития социалистического самосознания. (Хотя, как отмечал Дэвид Жоравский (Joravsky, 1961), не всегда существовало согласие по вопросу о том, являются ли природа или наука изначально диалектичными или они лишь должны быть таковыми.) Наркомпрос добивался материалистической ориентации всех работ, проводившихся в подчиненных ему организациях (хотя, как правило, не прибегая к диктату), и поощрялась при этом любая научная работа, фундаментальная или прикладная, безотносительно к тому, вдохновлялась ли она сознательно принципами марксистской философии.

Даже для этих наиболее свободно мыслящих большевиков, однако, идея существования этики, отличной от прагматической этики марксизма, идея о том, что природа может формировать определенные духовные особенности национальной психологии, должна была представляться чуждой. Философскому идеализму Тимонова или Семенова-Тян-Шанского не было места даже в относительно терпимом Наркомпросе. Тер-Оганесов четко выразил это в короткой статье, опубликованной в 1927 г.: «Для подавляющего большинства еще полной неизвестностью является вопрос о задачах охраны природы. А для многих под этим названием кроется ложное представление о сентиментально-слащавом подходе к природе и «боязливо-бережном» к ней отношении — своего рода «Общество покровительства природы». К сожалению, такого рода взгляды господствуют даже среди некоторых видных деятелей по охране природы, готовых охрану природы и покровительство животных слить воедино. Но само собой понятно, что, как бы почтенно и нравственно ни было занятие покровительством животных, задача охраны природы не имеет ничего общего с ним» (См.: «Крымский гос. заповедник...», 1927).

Голоса проповедников эстетизма затихли надолго. В то время такие ученые, как Кожевников, рационально обосновывавшие совместимость идей охраны природы с материалистическим мировоззрением новых правителей, все больше и больше становились выразителями идей движения. Благосклонное отношение к научному подходу в охране природы со стороны руководства Нарком-

проса сыграло решающую роль в такой переориентации природоохранного движения в период НЭПа.

Кроме угасания эстетического направления, этот период характеризовался также и развитием некоторых тенденций, которые, как сейчас можно судить ретроспективно, оказались предвестниками важных будущих событий. В этом плане знаменательно было решение об организации фондов заповедников, формируемых, при отсутствии адекватных государственных ассигнований, за счет эксплуатации их ресурсов. В любом случае, будь то торговля коллекциями минералов или продажа диких животных в зарубежные зоопарки, открытие заповедников для туристов — даже в умеренных масштабах — представляло собой временную уступку суровым условиям НЭПа и нарушало принцип неприкосновенности заповедника. Еще хуже было то, что организация таких коммерческих подразделений внутри заповедников создавала в них конфликтную ситуацию. Эти подразделения, утверждая, что они расширяют свою деятельность для лучшего обеспечения научных подразделений заповедника средствами для проведения исследований, начали захватывать все новые позиции и играть все более и более существенную роль в жизни заповедника в целом.

Но эти негативные тенденции отошли на задний план, поскольку экономическое развитие в период НЭПа породило новые возможности. К концу 1924 г. временные трудности, появившиеся с введением НЭПа, резко пошли на убыль и наступил гораздо более благоприятный для охраны природы период. По счастью, при Ленине был заложен солидный фундамент для дальнейшего строительства.

Некоторые ученые, особенно З. Л. Зайл (Zile, 1971), доказывали, что в последних советских публикациях достижения в области охраны природы в ленинское время сильно переоценены, тогда как на самом деле в то время в этой области не было создано ничего нового или долговечного. Приведенные здесь данные позволяют оценить в этом отношении ленинский период более позитивно.

Глава 4

Пределы роста

1925—1929 годы для молодого советского природоохранного движения были временем больших надежд. Оздоровление экономики и некоторое сглаживание основных социальных противоречий сделали общество более восприимчивым, чем когда-либо прежде, к вопросам охраны природы. Однако это экономически выздоравливающее общество проявило также растущие способности к хищническому расходованию запасов восполнимых ресурсов. Состояние наиболее важных биологических ресурсов в СССР — лесов и дичи — начало беспокоить как природопользователей, так и защитников природы и стало предметом заинтересованного обсуждения.

Проблема эксплуатации возобновимых ресурсов

Когда Государственная плановая комиссия и Совет народных комиссаров СССР составляли обзор советской лесной промышленности в 1928 г., они пришли к некоторым тревожным выводам. Почти все аспекты государственной политики управления лесами находились в плачевном состоянии; исчезновение лесов ставило под угрозу не только будущие доходы от лесной промышленности, но также и сельское хозяйство, коммерческую охоту и другие природные ресурсы (1). Казалось бы, прогрессивные положения Лесного кодекса 1923 г. должны были бы предотвратить столь неумеренную эксплуатацию. Однако, как и в случае со многими другими советскими законами того времени, теория не всегда соответствовала практике.

Помимо несоблюдения кодекса, среди других факторов, способствовавших быстрому сведению лесов, было несбалансированное использование лесных богатств СССР. Лишь 33% общего прироста древесины республики было доступно для использования, причем почти весь этот прирост приходился на районы, которые располагались западнее Урала (2). К тому же усиливались голоса тех, кто требовал использовать древесину в качестве источника твердой валюты: в 20-х годах лесная продукция практически

все время оставалась первой или второй статьей экспорта, составляя от 8 до 15% общего его объема (3). Народный комиссариат земледелия РСФСР и наркомземы других союзных республик, поставлявшие древесину, а также Народный комиссариат торговли СССР, монополизировавший после 1926 г. экспортную торговлю ресурсами, ориентировались на краткосрочную перспективу. Важен был выпуск продукции, а не охрана природы.

Конфликт между теорией и практикой переживало во времена НЭПа и управление охотничьим хозяйством. Подробные правила коммерческой охоты были изданы Наркомземом в августе 1922 г. и дополнены в 1924 г. В их основе лежало «абсолютное согласие» с принципом научно обоснованного непрерывного получения продукции. Вначале были объявлены незаконными определенные методы охоты: использование яда, ловчие ямы (западни), массовые отстрелы, ловчие петли и другие неизбирательные способы охоты. Это было сделано для того, чтобы гарантировать добычу лишь взрослых животных и сохранение молодняка. Правила содержали также список охраняемых животных, охота на которых была запрещена. На территории европейской части России в их число входили лось, соболь, олень и дикие горные козлы; по всей территории РСФСР была запрещена охота на лосят, молодых (до 1 года) оленей и горных козлов, взрослых бобров, выхухолей, зубров, сайгаков, пятнистых оленей и маралов (Емельянов, 1927).

Во времена НЭПа правила охоты предусматривали предоставление значительных прав местным органам. Местные органы охотинспекции, прикрепленные к сельскохозяйственным отделам местных Советов, сами исполкомы Советов и республиканские правительственные органы обладали правом закрывать охоту на любые конкретные виды. Такие запуски (ограничения на охоту) на соболя объявлялись, например, на Камчатке и по Дальневосточному краю в 1927 г., а также на степного хоря в Астраханской губернии в том же 1927 г. Нарушившего какой-либо пункт правил штрафовали в размере до 500 руб. или лишали свободы сроком до года. В 1927 г. эти наказания были смягчены до 300 руб. и трех месяцев исправительных работ соответственно. Кроме того, законодательство предусматривало охрану морских млекопитающих, запрещая советским гражданам охоту на морских львов и каланов севернее 30 ° с. ш. в Тихом океане; подтверждалась готовность соблюдать условия Международной конвенции 1911 г. о промысле морских котиков (4).

Помимо новых правил охоты, предусматривалась организация новых учреждений, призванных внести свой вклад в дело рациональной организации охотничьего хозяйства. Наиболее важным решением было расширение системы заповедников Нар-

комзема РСФСР, а также других союзных республик. Хотя меры, принимавшиеся вначале Наркомземом РСФСР по охране охотничьих животных, были половинчаты и потерпели неудачу, однако к концу 20-х годов они привели и к некоторым успехам, наиболее заметным из которых было предотвращение полного истребления бобров и даже возвращение в последующем этому зверю промыслового значения. Уже к началу 70-х годов в стране имелось более 130 тыс. бобров, потомков тех животных, которые сохранились на охраняемых заповедных участках (Банников, 1974).

С начала 20-х годов сложилась определенная система законодательных и организационных мер, направленных на охрану объектов охотничьего промысла. Однако под давлением первого пятилетнего плана идеал непрерывного повышения продуктивности охотничьего хозяйства оказался отодвинутым в отдаленное будущее. Рассказывая о докладе М. Н. Кулагина в Комиссии Академии наук по изучению производительных сил в СССР (КЕПС), журнал «Природа» приходил к заключению, что «...вопрос этот обстоит настолько неблагополучно, что приходится говорить прямо о нарастающей опасности, нависшей над пушным промыслом в Союзе» (5). К этой мрачной оценке ситуации присоединилась и редакция журнала «Пушное дело» в мартовском номере за 1928 г., с. 1 («Основные предпосылки восстановления пушномеховой базы»).

Это печальное заключение подтверждалось множеством исследований, наблюдений и конкретных количественных данных. В Белоруссии восемь лет охраны популяции лося, по-видимому, мало что дали. По оценке зоолога А. В. Федюшина из Минска, по всей республике численность этих животных не превышала 120 голов. Судьбу европейского зубра, выбитого в республике во время мировой войны, разделили европейский благородный олень и некоторые другие виды. Последняя рысь была уничтожена около 1927 г., и лишь изредка попадались на глаза охотникам бурые медведи, лесные куницы, косули, дрофы и глухари (Федюшин, 1972).

Самый ценный пушной зверь СССР, камчатский калан, или морская выдра, практически исчез, и журнал «Охотник» в 1927 г. писал, что ежегодно его численность снижается на 3—5%.

Численность другого важнейшего пушного зверя — соболя — в результате перепромысла упала с 18 945 в 1924—1925 гг. до примерно 11 тыс. в 1926—1927 гг. (Кулагин, 1928). «В деле добычи пушнины,— писал этот ученый,— как бы рубится сук, на котором сидят порубщики» (Кулагин, 1928а, с. 12).

Наиболее важными причинами, обусловившими падение численности промысловых животных, в особенности редких, та-

ких, как соболь, выдра и песец, были появление огромного рынка сбыта в США, выступивших в роли основного импортера всей мировой пушной продукции, и рост цен на меха на протяжении 20-х годов (6). С возобновлением торговых отношений между Советской Россией и основными западными государствами единственное серьезное ограничение на добычу пушнины и экспорт мехов из Советского Союза было устранено и открылся путь крупномасштабного беспрепятственного роста. Даже идеал рационального ведения охотничьего хозяйства оказался бессилен перед лицом слепой стихии рынка.

В середине 20-х годов торговля мехами стала одной из главных статей экспорта СССР. Доход от экспорта мехов занимал в 1924—1925 гг. второе место во внешнеторговом балансе после дохода от торговли лесом и древесиной и продолжал занимать высокое — третье или четвертое — место на протяжении следующего десятилетия, составляя более 10% общей суммы экспорта во второй половине 20-х годов (7). Доля России на международном пушном рынке существенно превышала 15%, и меха занимали центральное место в советской торговле с Соединенными Штатами. Таким образом, поскольку России было необходимо добиться устойчивого положения в мировой торговле и удовлетворить потребность в твердой валюте для покупки техники в рамках пятилетнего плана, значение экспорта мехов было трудно переоценить.

Созданные НЭПом условия сделали возможным для России быстрое и успешное возвращение на международный пушной рынок. До конца 20-х годов государственные внешнеторговые органы системы Наркомторга активно сотрудничали со множеством кооперативов, а также всесоюзных и смешанных советско-американских компаний и даже с представительствами других стран.

Эта деятельность имела и обратную сторону. Практика заготовки мехов не всегда строго отвечала букве закона. Газета «Советская степь» * в номере от 18 февраля 1928 г. писала, что в провинции заготовители мехов ведут себя буквально как грабители, проникают в районы, закрытые для охоты, скупают незаконно добытые меха, игнорируют официальные ограничения на цены. Многие агенты самого Госторга, входившего в систему Наркомторга, по свидетельству газеты «Советская Сибирь» от 28 декабря 1926 г., были фактически независимыми торговцами мехами, руководствовавшимися в новых условиях не только собственным

* Под этим названием выходили в свет газеты в ряде областей (Оренбург, Мелитополь), в них и фигурировали данные, приведенные С. А. Бутурлиным, а также Н. М. Кулагиным — *Прим. ред.*

профессиональным опытом, но и собственной «этикой» (Бутурлин, 1925; Кулагин, 1928).

Надвигающийся кризис вызвал ответные меры, одной из которых было создание местными властями заказников, т. е. выделение территорий, на которых охота была временно запрещена. 1 октября 1926 г. в СССР было 500 заказников, и их суммарная площадь составляла 5 млн. га. Всего лишь через два года число заказников утроилось, а их площадь удвоилась (Кудрявцев, 1929).

Хотя в центральных управлениях Госторга вполне отдавали себе отчет в том, что следует что-то предпринять, для того чтобы предотвратить истребление тех видов промысловых животных, которые приносят доход, Госторг тем не менее был далек от того, чтобы поощрять неконтролируемое распространение заказников и ограничений на охоту (так называемых запусков), вводимых местными властями. Как мы можем координировать экспортную политику, вопрошал Центр, перед лицом таких безапелляционных решений, как, например, запрет в Калмыкской области охоты на хорька или в Киргизской ССР — на добычу сурков? (8).

Осложняло ситуацию то, что ограничения на охоту вводились совершенно произвольно и фактически кем попало. В одном случае они вводились по распоряжению местного краеведческого общества, в другом — местным отделением Наркомзема РСФСР, в третьем — местным охотничьим кооперативом. Не существует единых методологических критериев, которые применялись бы повсеместно, жаловался Госторг.

Чтобы положить конец разгулу местной инициативы, Наркомторг и Госторг предприняли попытку полностью осуществить контроль над промысловой охотой в РСФСР. Еще в 1928 г. Наркомторг выдвинул идею о том, что главным условием организации охотничьего хозяйства на солидном фундаменте должна быть унификация и централизация существующей раздробленной и неупорядоченной структуры этой области народного хозяйства. Журнал «Пушное дело», отмечая, что Наркомзем не в состоянии справиться с задачами организации охотничьего хозяйства, призвал снять с него эту ответственность и переложить ее на Наркомторг СССР, превратив его в новый объединенный центр управления советским охотничьим хозяйством (1928, № 5, редакционная статья).

В позициях Наркомторга и соперничавшего с ним Наркомзема, как это ни парадоксально, было много общего. В обоих ведомствах все более и более укоренялся взгляд, что спасение охоты заключается в ее технологизации. Внимание концентрировалось в основном на двух программах: разведении в неволе ценных

в коммерческом отношении животных и акклиматизации новых видов в дополнение к аборигенным.

Еще с начала 20-х годов Госторг начал принимать участие в делах, связанных с разведением промысловых животных, финансируя исследования по размножению в неволе соболя и других пушных животных, которые проводили на Тимирязевской биологической станции Московского общества юных натуралистов молодые прагматически настроенные ученые. Затем Госторг начал сам организовывать зверофермы по разведению чистых линий белых и голубых песцов, черно-бурых лис и соболя. И наконец, Госторг разработал план крупномасштабной интродукции американского грызуна ондатры в СССР *.

Наркомзем, вероятно под влиянием упреков в отсутствие активности в области исследовательской работы, в конце 20-х годов также начал интересоваться разведением пушных животных в неволе и их акклиматизацией. В 1927 г. Управление лесного хозяйства преобразовало Биологическую станцию Московской пригородной лесной плантации в Центральную экспериментальную лесную станцию Наркомзема РСФСР и организовало на ее основе свою центральную исследовательскую базу (Житков, 1925). К этой деятельности был привлечен вполне сформировавшийся Отдел биологического и промыслового охотничьего хозяйства под руководством Б. М. Житкова.

Когда в 1921 г. 49-летний Б. М. Житков был избран заведующим кафедрой биологии леса московской Петровской сельскохозяйственной академии (вскоре переименованной в Сельскохозяйственную академию им. К. А. Тимирязева), он уже обнаруживал качества, которые стали особенно характерными для биологов-мичуринцев 30-х и более поздних годов: волюнтаризм, ориентацию на социальный заказ, предпочтение прикладных исследований перед фундаментальными и твердую уверенность в возможности акклиматизации и биотехники. В этом не было ничего удивительного: Житков развивал свою биологическую теорию и черпал свои идеи о роли науки в обществе, основываясь на работах классика русской трансформистской биологии XIX в. Анатолия Петровича Богданова.

Житков был представителем прагматически настроенной группы биологов, связанных в 20-х годах с наркоматами сельского хозяйства и торговли теснее, чем их ориентированные на охрану

* В деле акклиматизации ондатры в СССР, а также клеточного разведения соболя большую роль сыграл известный в свое время ученый-охотовед В. Я. Генерозов (1882—1963), роль которого в советской литературе замалчивалась (в частности, Мантейфелем и Лавровым), поскольку он был репрессирован в 30-х годах.— *Прим. ред.*

природы коллеги, покинувшие эти ведомства. Время способствовало такому сотрудничеству, и эти ответственные за экономическое развитие наркоматы под давлением растущей потребности в расширении экспорта были благосклонны к тем ученым, работы которых обещали практическую отдачу. В свою очередь Б. М. Житков, П. А. Мантейфель, Н. П. Лавров, В.Я. Генерозов и другие ученые искали возможности, которые могли предоставить эти наркоматы, для внедрения в практику своих идей относительно наследственности, приспособления и акклиматизации.

И вот здесь-то сыграла свою роль биотехника. Биотехника — термин, родившийся в Германии (technische Biologie); он означает совокупность методов, разрабатываемых учеными, для увеличения плодовитости животных или их продуктивности, в частности искусственное осеменение, акклиматизация и — позднее — яровизация. С начала 30-х и до конца 50-х годов биотехника провозглашалась ее апологетами — П. А. Мантейфелем, Н. П. Лавровым, И. И. Презентом, Т. Д. Лысенко — полноправной наукой. Однако эти заявления высмеивались другими советскими учеными как пустопорожние *.

Житков же, работавший в системе научно-исследовательских учреждений Наркомзема и одновременно организовывавший по поручению Госторга государственные стандарты качества мехов, оказался превосходным связующим звеном между этими наркоматами, помогая расширить экспорт. Основой совместных действий стала поддержанная и финансируемая обоими наркоматами крупномасштабная программа акклиматизации пушных животных и ценных для народного хозяйства видов, начиная с ондатры. Житков и его студенты пытались привлечь научную общественность к разработке этой программы, используя ранее занятые позиции в Сельскохозяйственной академии, Московском зоотехническом институте, Московском зоопарке и Лесном институте.

Среди наиболее активных продолжателей развиваемого им направления следует отметить уже упомянутых ранее Петра Александровича Мантейфеля (1882—1960) и Николая Петровича Лаврова (1903—1985). Первый из них долгие годы был сотрудником Московского зоопарка, руководителем кружка юных биологов при нем и посвящал свои работы практическим проблемам разве-

* В советской литературе принят термин «биотехния» (а не «биотехника»). Вокруг этого направления охотоведения велись и ведутся споры, но до настоящего времени ее сторонники, занимая официозные позиции, более многочисленны и сильны, нежели противники. К числу последних принадлежал профессор Василий Николаевич Скалон (1903—1976) — видный зоолог и охотовед, резко критически относившийся к биотехнической школе П. А. Мантейфеля. Его, очевидно, имеет в виду автор.— *Прим. ред.*

дения охотничьих животных. С 1929 г. он возглавляет кафедру в Московском зоотехническом (позднее — пушно-меховом) институте и становится одним из наиболее фанатичных проповедников биотехники, акклиматизации (см. выше) и других способов великого преобразования природы. В этом качестве он был одним из ближайших соратников Лысенко и Презента, поставивших свои подписи на его некрологе, помещенном в мартовском номере журнала «Агробиология» за 1960 г. (Лысенко и др., 1960)*.

Н. П. Лавров, в течение нескольких десятков лет читавший ряд курсов по биологическим дисциплинам будущим учителям (в Московском педагогическом институте), занимал центральное место в официальных кампаниях по акклиматизации животных в качестве ее историка и документалиста **.

Новые сотрудники Наркомзема также смогли найти общий язык с заправилами Наркомторга. Одной из таких фигур был Семен Анатольевич Петрушин, энергичный руководитель Подотдела охотничьего хозяйства начиная с конца 20-х годов. В качестве председателя кооперативного союза охотников (Всекохотсоюза) в начале 20-х годов он был сильно замешан в скандале, связанном с растратами, однако довольно легко отделался: его уволили с работы, но он сохранил ключевые посты в совместной компании по торговле мехами (9). Теперь этот хитрый, корыстолюбивый и довольно беспринципный политик готов был использовать свой богатый, накопленный в Наркомземе опыт, выступив в качестве главного действующего лица в торговле советскими мехами.

Уместно заметить, что после кадровых перестановок в марте 1928 г. в Наркомземе появились новые лица, ориентированные на более жесткую политику. На посту наркома А. П. Смирнова сменил сталинский ставленник Н. А. Кубяк, а заместитель Смирнова, сторонник Бухарина, А. И. Свидерский был переведен на работу в Наркомпрос. Однако утилитарные установки хозяйственных наркоматов довольно часто вызывали возражения.

В рамках основных научных обществ, а также независимо от них ученые начали энергично выступать против того, что они считали хищнической эксплуатацией природных ресурсов. В частно-

* Профессор Петр Александрович Мантейфель — личность яркая и неоднозначная — приобрел большую популярность как руководитель КЮБЗа (кружка юных биологов Московского зоопарка), но в период лысенковщины проявил себя отрицательно, поддерживая устно и письменно линию Т. Д. Лысенко. (см. о нем: Гусев О. Натуралист, педагог, писатель.— в кн.: Мантейфель П. А. Рассказы натуралиста. М. «Лесная промышленность», 1984).— *Прим. ред.*

** Н. П. Лавров (так же как и П. А. Мантейфель) наиболее ярко проявил себя в 50-х годах как рьяный деятель так называемой «передовой мичуринской науки»; это направление отвечало его преобразовательским устремлениям и активно внедрялось в сознание весьма многочисленных учеников.— *Прим. ред.*

сти, академик Владимир Иванович Вернадский попытался развеять эйфорию плановиков, высказав некоторые свои мысли относительно пределов роста. Обращаясь к всесоюзному конгрессу КЕПС 7 апреля 1926 г., он напомнил делегатам (как это уже однажды делал Ленин на другом съезде), что даже самая прогрессивная общественная система не может пренебрегать определенными биофизико-химическими реалиями.

«Естественные производительные силы суть силы потенциальные, силы естественные, т. е. не зависящие в своем содержании и в своих размерах от человеческой воли и разума, в какой бы концентрации и организации эти воля и разум ни проявлялись. Как бы эти силы ни казались необъятными, мы знаем, что они имеют границы, и эти границы реальны, они не выдуманы теоретически. Они могут быть выяснены научным изучением природы, и они для нас представляют непереходимую, естественную границу нашего творчества. Мы знаем сейчас,— заключает Вернадский,— что... для нашей страны эти естественные границы нашей силы очень узки и не допускают — без жестокой расплаты — расточительности в их использовании» (Вернадский, 1926, с. 3—4).

То, что Вернадский оказался вынужден обратить свое внимание на проблему невозобновимых ресурсов и заявить о необходимости поисков путей их использования, вполне понятно. Его широкий интеллектуальный кругозор, начиная с его профессионального опыта минералога и кончая его политическим опытом деятеля кадетский партии, которая ориентировалась на укрепление государственности, не мог не привлечь именно его к этому аспекту проблемы охраны природы.

Столь же естественным было внимание работников зоопарков к проблеме исчезающих видов. В Советской России первый аналог «Красной книги» с замечательными иллюстрациями вышел в 1928 г. Эта работа принадлежала перу Семена Александровича Сидорова, куратора аквариума Московского зоопарка (Сидоров, 1928). Совпадение во взглядах таких личностей, как Вернадский и Сидоров, было отражением общности умонастроений научных организаций и ученых. Практически на всех зоологических и ботанических съездах, проходивших в 20-х и начале 30-х годов, принимались резолюции о необходимости более строгой политики в области охраны природы. Это нашло отражение на страницах журналов «Краеведение» и др.

Кроме Всероссийского общества охраны природы (ВООП), вышедшего на сцену в 1924 г., наиболее сильная и содержательная поддержка делу охраны природы исходила не от научного сообщества в узком смысле слова, а от специфически русской организации, именовавшейся «Центральное бюро краеведения», или ЦБК, создание которого было официально провозглашено под эгидой Академии наук.

В состав первого президиума ЦБК входили Д. Н. Анучин в качестве почетного президента, С. Ф. Ольденбург в качестве президента и В. В. Богданов — вице-президента. Позднее к ним присоединились В. П. Семенов-Тян-Шанский и Н. Я. Марр (вице-президент), Д. О. Святский (ученый секретарь) и А. Ф. Вангенгейм, редактор «Известий ЦБК». Лишь с вхождением в президиум бюро в 1926 г. П. Г. Смидовича в его составе оказался первый человек, который не представлял собой официальную науку, однако он все же получил инженерное образование, прежде чем стал политическим деятелем-большевиком.

ЦБК не было, строго говоря, научной организацией в узком смысле слова. Уникальность этой организации и отчасти ее влиятельность в 20-х годах обусловливалась тем, что это была единственная возглавлявшаяся учеными группа, которую можно было с полным основанием назвать массовой организацией. К концу 20-х годов в 2270 краеведческих обществах состояло почти 60 тыс. членов (Смидович, 1930), в числе которых, несомненно, были не только сравнительно малочисленные в России натуралисты, связанные с академическими организациями, но и множество представителей провинциальной интеллигенции. По сравнению с ВООП ЦБК было огромной организацией. Его бюджет в 1927/28 фин. г. (а это довольно характерный год) составлял 53 042 руб. (10), что не менее чем в 6 раз превышало бюджет Общества охраны природы за тот же год (11).

С самых первых дней существования как центральная администрация ЦБК, так и его местные филиалы делали много больше, нежели просто проявляли интерес к охране природы. Охрана природы была неотъемлемой составной частью деятельности этой организации. В ней объединялись все те, кто интересовался изучением родного края во всей его полноте, включая историю, народные обычаи и ремесла, искусство, архитектуру, археологию и естественную историю. Во многих случаях эта любовь к родному краю была просто одним из проявлений любви к Родине. Иногда это общество оказывалось фактически одним из последних легальных пристанищ эстетически окрашенного патриотического чув-

ства (по крайней мере до тех пор, пока не был провозглашен лозунг построения социализма в одной отдельно взятой стране) и убежищем для всевозможных любителей природы. Краеведение сочетало в себе черты, характерные для различных общественных движений: патриотизм деятелей «Смены вех» *, интерес к народной старине и народному духу, присущий немецким краеведам, и просто любознательность членов Американского национального географического общества.

В значительной степени во главе Центрального бюро и органов охраны природы стояли одни и те же люди. Руководство этими организациями было тесно связано между собой. Метеоролог Алексей Феодосьевич Вангенгейм, редактор «Известий ЦБК» и будущий вице-президент общества, был членом Центрального совета ВООП, а впоследствии стал президентом этой организации. Михаил Петрович Потемкин, специалист в области преподавания биологии, также занимал два поста: ученого секретаря ЦБК и специалиста, ответственного за управление заповедниками Наркомпроса в Отделе научных учреждений Главнауки Наркомпроса. Впоследствии (в 1927 г.) в связи с сокращением бюджета отдел охраны природы был ликвидирован и повседневное руководство заповедниками Главнауки перешло в отдел научных учреждений.

Д. О. Святский, второй ученый секретарь ЦБК, был одновременно ученым секретарем Секции охраны природы Ленинградской конференции Госплана. Интерес вице-президента А. Е. Ферсмана к проблемам охраны природы хорошо известен. Действительно, он был единственным из выступавших на XV съезде ВКП(б), кто хотя бы упомянул о заповедниках России (12). А. П. и В. П. Семеновы-Тян-Шанские и П. Е. Васильковский (бывший заместителем Вангенгейма по редакции «Известий ЦБК») были активными деятелями ленинградского отделения бюро. Впоследствии президент ЦБК, начиная с середины 20-х годов, Петр Гермогенович Смидович быстро стал центральной фигурой политики в области охраны природы. Среди лидеров ЦБК лишь Н. Я. Марр, А. П. Пинкевич и несколько второстепенных фигур не были связаны с движением «зеленых».

В статье Потемкина на страницах издававшихся в Москве «Известий ЦБК» прозвучала тревожная нота. Он утверждал, что усилия, предпринимавшиеся в то время в охране природы, были «лишь каплей в море» и предупреждал:

«Узко понятым хозяйственным интересам, вернее, деятельности самих хозяйственных органов... мы не противопоставили еще

---

* «Смена вех» — движение в русской эмиграции в пользу поддержки советского режима в интересах возрождения сильной России.— *Прим. автора.*

широко организованной около цели охраны природы общественности» (Потемкин, 1928, с. 4).

По мнению Потемкина, «...это несомненно создает величайшую угрозу нормальному развитию общественного хозяйства, угрозу истощения природных ресурсов, а также истребления научных и культурных ценностей». Только срочная мобилизация сил может спасти положение, и первый шаг, который должны сделать ЦБК и Всесоюзное общество охраны природы,— это выступить «единым фронтом против хищнических посягательств на природу» (там же, с. 5).

Всероссийское общество охраны природы

Несмотря на то что в начале 20-х годов разговоры об охране природы велись многими людьми во многих организациях, важная ниша в этом движении оставалась незаполненной. В то время еще не существовало никакой общественной организации, специально занимавшейся формированием общественного мнения относительно охраны природы. Организации, основанные в Москве и Петрограде во время первой мировой войны, были сметены бурным потоком событий, и «постоянная» комиссия по охране природы географического общества исчезла, не оправдав своего наименования. В 1924 г., после того как отдел охраны природы Наркомпроса, пережив угрозу упразднения, все-таки уцелел, ядро группы российских деятелей охраны природы почувствовало, что пора вернуться к вопросам организации движения. Свое внимание и усилия они сконцентрировали на создании нового общества, Всероссийского общества охраны природы (ВООП).

В число организаторов общества входило много хорошо известных лиц. Председателем организационного комитета был Г. А. Кожевников, хотя инициатива его создания в не меньшей степени принадлежала Ф. Ф. Шиллингеру, занимавшему некоторое время пост заведующего Отделом охраны природы Наркомпроса. Н. Н. Подъяпольский в это время был сотрудником Наркомпроса, отвечавшим за проблемы питания и гигиены, и работал над включением вопросов охраны природы в школьные программы; в оргкомитете он занимал пост ученого секретаря. И даже В. И. Талиев сначала дал согласие использовать его известное имя в интересах дела.

Широко были представлены в комитете близкие сотрудники Кожевникова. Дмитрий Михайлович Россинский, профессор серологии Московского текстильного института, заместитель Кожевникова по доживавшему свои последние дни Обществу акклиматизаторов, занял пост вице-президента. Бывший студент Кожев-

никова, Иван Ильич Месяцев, профессор (а позднее — проректор) индустриально-педагогического института, начальник экспедиции океанографического института и — в течение некоторого времени — начальник отдела научных институтов Главнауки, также вошел в комитет. Членом комитета стал также коллега Кожевникова Борис Петрович Дитмар, таллинский геолог и лимнолог, бывший приват-доцентом Московского университета, а также главным библиографом библиотеки Государственного исторического музея.

В число основателей комитета входили также зоолог Михаил Павлович Розанов, Владимир Петрович Зылев, профессор математики Московского института инженеров транспорта и специалист по теории матриц, и Евдокия Григорьевна Блошенко, работавшая в ВООПе секретарем более десяти лет.

Среди основателей общества, кроме Шиллингера, были и другие ученые-практики. Среди них можно назвать Сергея Александровича Бутурлина, старейшину русского охотоведения и превосходного орнитолога, некоторое время активно сотрудничавшего с Центрохотой Наркомзема, а впоследствии, в качестве члена комитета ВЦИК по Северу, уделявшего много внимания нуждам малых народов, основным занятием которых были охота и промысел; Карла Иосифовича Покалюка из Пинска, специалиста по экономическим и практическим вопросам лесоведения и заместителя председателя научно-технического совета по лесному хозяйству ВСНХ, а также Николая Михайловича Кулагина, профессора зоологии Московского университета. Несколько выпадал из группы единственный политический деятель в ее составе, член партии с 1896 г. Федор Николаевич Петров, в прошлом — заместитель Председателя Совета Министров Дальневосточной республики и начальник Главнауки.

В соответствии с 1-й главой устава, утвержденного НКВД 29 ноября 1924 г., ВООП ставило перед собой цели, связанные не только с просвещением. Общество было уполномочено любыми возможными способами содействовать практической реализации охраны природы посредством распространения информации и пробуждения интереса к этой деятельности в обществе в целом. Рамки деятельности Общества, однако, не ограничивались пропагандой и, что важно, включали в себя «научные исследования проблем, связанных с охраной природы в РСФСР», причем эту последнюю задачу Общество склонно было рассматривать как первоочередную.

Для достижения этих целей Обществу предоставлялось право различного рода деятельности (13). Для финансового обеспечения этой деятельности Обществу было разрешено собирать ежегод-

ные членские взносы в размере 50 коп. Единственной обязанностью Общества было аккуратно составлять финансовые отчеты и ежегодно в двух экземплярах представлять в НКВД список своих членов, поскольку НКВД проявлял интерес к делам такого рода.

Из членов правительства образование нового общества одним из первых приветствовал А. В. Луначарский, нарком просвещения. Хотя он был тяжело болен и не мог принять участие в специальном заседании, посвященном образованию ВООП 15 февраля 1925 г. в Московском университете, он все же передал текст приветственной речи, которую собирался произнести, и эта речь была зачитана Кожевниковым. На заседании присутствовал Н. А. Семашко, нарком здравоохранения, который воспользовался предоставившейся ему возможностью и открыто осудил вырубки горных лесов Крыма.

Позицию Семашко можно легко понять. Находившиеся в ведении комиссариата здравоохранения санатории в первую очередь оказывались под угрозой учащавшихся селевых потоков с южных склонов обезлесенных Крымских гор, и существовала реальная опасность того, что репутация Крыма как «советской Ривьеры» будет похоронена под сходящими с гор потоками грязи (14; также Шиллингер, 1935).

Фактически ВООП начало свою деятельность 3 апреля 1925 г. В этот день состоялись первое общее собрание и выборы руководящих органов. На выборах обнаружилась склонность активистов общества выбирать в руководящие органы лиц, к мнению которых прислушивались в правительственных кругах страны. Новым президентом общества был единогласно избран старый большевик Н. М. Федоровский. Выборы других исполнительных органов ВООП также продемонстрировали готовность сотрудничать с режимом. Покалюк, специалист в области лесоведения, был избран вице-президентом, а пост ученого секретаря занял член партии Подъяпольский. Другой коллега Федоровского, минералог В. В. Аршинов, вошел в состав исполнительного комитета в качестве казначея.

Первый год деятельности общества был отмечен незначительными, но обнадеживающими достижениями. Вследствие того, что бюджет общества составлял всего лишь 1013 руб., из которых 313 руб. складывались из членских взносов и выручки от публикаций ВООП, а остальные 700 руб. составляли субсидию Наркомпроса (15), пропагандистская деятельность общества неизбежно была ограниченной. Тем не менее состоялось пять общих собраний общества, на которых обнаружился широкий общественный интерес к выступлениям наиболее знаменитых членов общества. Кулагин

рассказал об экологии европейского зубра, а Г. А. Кожевников прочитал отчет о своей поездке в Берлин в конце 1925 г., где он представлял ВООП и отдел охраны природы Наркомпроса на собрании Международного общества по охране европейского зубра. Среди выступавших были Н. Н. Подъяпольский и Ф. Н. Петров (16). В течение года совет общества собирался шесть раз, причем значительное внимание уделялось организационным и политическим вопросам. Активно развивались международные связи. Установились дружеские отношения со многими иностранными организациями, включая французское Общество охраны природы, американское Общество в защиту бизона, польский Совет (Раду) охраны природы и общество Pro Montibus в Италии; происходил обмен литературой. Были установлены контакты с такими правительственными организациями, как Служба национальных парков США и Канады.

В 20-х годах советские ученые очень одобрительно писали о национальных парках США (Кашкаров, 1929; Пузанов, 1928 б, и др.)*. Восстановилось тесное сотрудничество между русскими учеными, с одной стороны, и немецкими и швейцарскими — с другой. Это было развитие теплых дружеских отношений, сложившихся еще до первой мировой войны между Бородиным, Конвентцем, Кожевниковым и Саразиным. После смерти Г Конвентца новый глава Прусского государственного управления по охране природы и уходу за памятниками природы Вальтер фон Шенихен был избран почетным членом Всероссийского общества охраны природы. ВООП было представлено также на Кассельской выставке по охране природы в 1927 г., в экспозицию которой входило 45 фотографий и карта СССР с указанием местоположения заповедников («Отчет о деятельности ВООП», 1928).

Период до апреля 1929 г. был временем постоянного роста активности в различных направлениях. Число членов увеличилось до 1411, правда, сумма членских взносов при этом росла медленнее и достигла лишь 350 руб. Многие члены Общества нерегулярно платили взносы, что вполне объяснимо, поскольку почти 40% его членов составляли студенты. Выручка от чтения лекций составила 1616 руб., доходы от публикаций — еще 1112 руб.; субсидия Наркомпроса возросла до 5520 руб. В результате на счету Общества, за вычетом расходов, оказалось 6839 руб. («Отчет о деятельности ВООП», 1929).

К 1929 г. между ВООП и ЦБК установились тесные рабочие отношения. Было решено, что местным краеведческим органам будет поручено проведение Дня птиц, Дня леса («зеленого друга»)

* К национальным паркам США проявлял большой интерес В. Н. Макаров, в архиве которого сохранилась рукопись на эту тему.— *Прим. ред.*

и чтение радиолекций из серии «Краеведение и охрана природы». ВООП бралось за организацию пропаганды дела охраны природы на фабриках и заводах, среди крестьян, в Красной Армии и в пионерских дружинах и отрядах («Координационный план», 1930).

Наиболее крупным достижением общества в этот период была, несомненно, организация собственного журнала «Охрана природы», начавшего поступать в продажу с 1928 г. Привлекательный формат, множество иллюстраций и фотографий и демонстративная независимость (по тем временам) позволили этому выходившему раз в два месяца журналу при тираже около 3000 экз. привлечь к делу охраны природы множество новых друзей.

Журнал «Охрана природы» открывал для читателей целый новый мир; они могли перенестись в заповедники и национальные парки Польши, Испании, Франции, Италии, Германии, Канады, Швейцарии, Швеции и даже в экзотическое Конго. Могли читатели также познакомиться, например, с русским переводом высказываний Теодора Рузвельта о Йеллоустонском национальном парке (Пузанов, 1928 б). Еще более подробными были рассказы об охране природы в России. Заметки поступали со всех концов СССР, не только из РСФСР. Читателям предоставлялась возможность осознать общность проблем охраны природы в столь разных регионах, как Казахстан и Белоруссия, и познакомиться с уже существующими и предполагаемыми заповедниками. Журнал постоянно информировал читателей о деятельности природоохранительных органов Наркомпроса и ВООП, поскольку отдавал себе отчет в необходимости такого рода информации для лиц, интересующихся делом охраны природы. Большое внимание уделялось организованным Главнаукой с целью образования новых заповедников экспедициям.

Журнал затрагивал и исторические аспекты проблемы. Б. П. Дитмар (1928) публиковал очерки двухвековой истории дела охраны природы в России. Ближе к современности была замечательная история одного из заповедников — Кавказского,— опубликованная Х. Г Шапошниковым * (1928) в трех последовательных номерах журнала. Иногда публикации по охране природы были обращены к самому широкому читателю. Это были статьи о детях и для детей, о состоянии отдельных видов животных, находящихся под угрозой уничтожения, в частности о благородном олене, лосе, тигре, бобре, овцебыке, горном козле, европейском зубре и байкальской нерпе, и о растениях, таких, как пицундская сосна, водяной каштан и Polypodium vulgare.

* Этот активист заповедного дела также пал жертвой репрессий.— *Прим. ред.*

В журнале «Охрана природы» был опубликован даже такой идеологически «сомнительный» материал, как этнографическая статья проф. В. П. Налимова (1928), в которой он писал — хотя и очень осторожно — о положительной роли шаманства в поддержании постоянного уровня добычи промысловых животных.

Одну из наиболее важных задач журнала активисты ВООП видели в том, чтобы внушить народу и правительству мысль о принципиальной важности охраны природы. Российская природа столь необъятна и представляется столь неисчерпаемой, что очень трудно дать почувствовать среднему гражданину приближение кризиса. Кожевников осознал это еще в 1908 г., но проблема попрежнему оставалась актуальной и 20 лет спустя, когда он писал в журнале «Охрана природы»: «Говорить у нас об охране природы гораздо труднее, чем за границей. Там опустошение природы и искажение ее естественного облика зашли так далеко, что легко бить тревогу, легко взывать о необходимости сохранить немногочисленные остатки настоящего леса... У нас, где площадь лесов составляет 0,5 миллиона гектаров, где целые народности живут за счет охоты и рыбной ловли, где есть места с плотностью 0,4 человека на 1 кв. километр (Дальний Восток), как будто бы еще рано говорить об охране природы» (Кожевников, 1928, с. 6).

Ирония ситуации состояла в том, что советские деятели охраны природы усвоили уроки стихийного роста населения и промышленности других стран, но оказались неспособными передать этот опыт своим соотечественникам. Существовали, однако, и другие препятствия делу охраны природы. Не способствовало пользе дела, особенно когда хотели привлечь внимание правительства, и разнообразие концепций охраны природы, исповедовавшихся активистами этого движения. С самого начала туманны были цели и методы движения.

Отчасти причиной такого положения дел были относительная новизна и непривычность самой идеи охраны природы, о чем правильно писал журнал «Охрана природы» в редакционной статье, опубликованной в самом первом номере за 1928 год.

«Охрана природы — это понятие еще сравнительно новое для широких слоев нашего населения. И невольно это выражение вызывает ряд недоуменных вопросов: да что это такое, разве природа нуждается в нашей охране? Зачем и от чего нужно ее охранять, кто и как может ее охранять?»

Именно в отношении этих вопросов деятелям охраны природы и не удавалось достичь согласия. В лучшем случае это была взаимная терпимость. Редакционная статья заканчивалась обращением ко всем причастным к охране природы объединяться под эгидой Всероссийского общества охраны природы. Однако этот

призыв к единству не мог скрыть того факта, что движение за охрану природы — это лишь конфедерация разнообразных течений, объединенных термином «охрана природы», но сильно различающихся в его понимании. Скоро эти различия обрели реальное значение.

Местные организации охраны природы

К концу 20-х годов ВООП, оставаясь наиболее влиятельным добровольным обществом, посвятившим себя охране природы, перестало быть единственной организацией такого рода. На берегах Енисея, в Красноярске, сторонники охраны природы вели свои битвы под знаменами секции охраны природы Красноярского отделения географического общества (17).

Другой организацией регионального характера было Всеукраинское общество защиты животных и растений (ЖИВРАС), именовавшееся также Союзом защиты живой природы. Через 3 года после своего основания 15 февраля 1925 г., то есть почти одновременно с ВООП, оно насчитывало около 9 тыс. членов (5500 из них были харьковчанами), т. е. число членов было почти в 7 раз больше, чем у общества, образованного в Москве. В отличие от ВООП, однако, влиятельность которого совершенно не соответствовала его умеренной численности, многочисленность ЖИВРАС еще не обеспечивала ему какой-либо популярности. Причины этого коренились в резко различных направлениях деятельности этих двух групп. В то время как ВООП пыталось излагать свои доводы в пользу охраны природы на языке науки и «социалистической реконструкции», ЖИВРАС в своих весьма достойных, но туманных посланиях делало упор на необходимость гуманного обращения с животными, «этими безгласными и бескорыстными друзьями и помощниками людей» (18).

Хотя моралистические, сентиментальные послания ЖИВРАС многих трогали, его призывы вовсе не доходили до тех, чье мнение на этот счет было наиболее важным, а именно до партийной и правительственной верхушки. Руководители Наркомпросов РСФСР и Украины не составляли в этом отношении исключения. ЖИВРАС, которое в отличие от ВООП не заботилось специально о политической привлекательности своих лозунгов, было обречено на то, чтобы остаться одним из примеров организаций-однодневок периода позднего НЭПа.

Влиятельность движения за охрану природы, в значительной степени подобно влиятельности политических партий и церкви, определялась в первую очередь тем, в какой мере ему удавалось овладеть умами молодежи. Поэтому большое внимание уделя-

лось разработке вопросов охраны и изучения природы в школьных программах. Первый важный прорыв был осуществлен в апреле 1924 г., когда Наркомпрос выпустил серию инструкций, непосредственно преследовавших эти цели. Педагоги, причастные к делу охраны природы, включая Кожевникова, стремились к тому, чтобы на место варварского антисоциального поведения пришло уважение к человеческим и планетарным сообществам, основанное на моральных критериях. Давний враг индивидуалистической эксплуатации природных ресурсов, Кожевников после революции настойчиво подчеркивал общность интересов деятелей охраны природы и социалистов, питающихся идеей сообщества и уважением к общине. В своем пособии по охране природы для учителей он в качестве примера приводил школьников, забравших яйца из утиного гнезда во время прогулки по болоту. Школьники были убеждены в том, что эти яйца «ничьи». В соответствии с этой точкой зрения общее — это доступное для всех. Кожевников был не согласен с этим. «Эти яйца составляют собственность государства наравне со всею дичью, со всеми лесами и болотами, где они обитают. Чем больше будет дичи, тем выгоднее это для государства, а следовательно, для всего народа. Уничтожая в виде яиц будущие выводки дичи, мы, следовательно, наносим ущерб всему народному достоянию» (Кожевников, 1926, с. 15).

Кожевников подчеркивал, что «тут есть элемент общевоспитательный, на который нужно обратить самое серьезное внимание молодых граждан страны с социалистическим строем, разъяснить, что нет вещей никому не принадлежащих, что все принадлежит рабоче-крестьянскому государству» * (там же).

Деятели охраны природы уделяли много внимания молодежи, и молодежь сполна отблагодарила движение своей энергией и энтузиазмом. Основой движения за охрану природы в пору НЭПа были студенты. Они были основными участниками ежегодных демонстраций в защиту природы, проводившихся в День леса и в новый советский праздник — День птиц, которым ознаменовывалось возвращение перелетных птиц с юга (Пересветов, 1928). К 1927 г. этот праздник отмечался в РСФСР повсеместно. Ядро празднующих составляли 45 тыс. юных натуралистов. К ним присоединялись пионеры, комсомольцы и взрослые. Московские школьники собирались в Измайловском парке, где они развешивали скворечники и дуплянки, убирали мусор. Тысячи демон-

* Увы! То, что было вполне понятным «буржуазному» ученому с мировым именем (вскоре изгнанному из МГУ), оказалось недоступным нашим гражданам, нашим широким массам, которые все годы Советской власти видят в общегосударственном всенародном достоянии чаще всего как бы пустое место... — *Прим. ред.*

странтов заполняли улицы Иваново-Вознесенска, украшенные транспарантами с призывами охранять природу (19). Затем натуралисты проводили весенний учет прилетевших птиц. В некоторых местах эта деятельность продолжалась в течение целой недели. Посредством празднования Дня птиц советская молодежь впервые приобщалась к делу охраны природы на улицах российских городов и сел.

Таким образом, охрана природы начала занимать существенное место в жизни советского общества. В Москве, Ленинграде и даже в далекой Сибири люди организовывались, защищая сохранность и целостность естественной среды обитания. Мотивы, которыми они руководствовались, отражают плюрализм того времени. Под знаменем охраны природы проходили митинги, организуемые ЦБК и небольшими группами энтузиастов Красноярского отделения географического общества. В авангарде движения, медленно набиравшего силу, стояло Всероссийское общество охраны природы *.

---

* Забегая вперед, сразу отметим, что этот «золотой век» для ВООП, когда во главе его действовали подлинные энтузиасты охраны природы, был очень недолгим (см. ниже).— *Прим. ред.*

Глава 5

Госкомитет и заповедники

Почти год спустя после основания Всероссийского общества охраны природы было образовано новое правительственное учреждение, призванное заниматься охраной природы. 5 октября 1925 г М. И. Калинин, председатель Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК), подписал новый закон, который, в основном повторяя ленинский декрет 1921 г. об охраняемых территориях, содержал и некоторые новые положения. Наиболее важным из них было то, что Главному управлению Наркомпроса (Главнауке), занимавшемуся делами, связанными с охраной природы, поручалось организовать совершенно новое учреждение «для упорядочения и управления политикой различных комиссариатов и правительственных учреждений, относящейся к охране природы» (1) *. Это учреждение стало называться Государственным межведомственным комитетом по охране природы (Госкомитет).

Решение создать Госкомитет именно при Главнауке весьма осложнило работу по охране природы. Госкомитет не только не имел ранга самостоятельного министерства, но, более того, он сам подчинялся главку. При таком статусе он не мог непосредственно возбуждать ходатайства перед Совнаркомом РСФСР, а должен был действовать исключительно через свой родной комиссариат — Наркомпрос. Это сильно снижало эффективность его работы, хотя сам нарком просвещения А. В. Луначарский и многие его советники проявляли интерес к делу охраны природы. Другой недостаток, связанный с отсутствием административной автономии Госкомитета, состоял в том, что другие ведомства, прежде всего экономические комиссариаты, рассматривали его как детище Наркомпроса и уклонялись от участия в работе

* Первоначально, еще в июне 1920 г., при научной секции Наркомпроса был создан Комитет по охране памятников (культуры и природы.— *Ф. Ш.*), который не раз предлагалось сделать официальным государственным органом. В 1923—1925 гг существовал Всероссийский комитет по охране памятников природы при Главнауке НКП, но фактически он действовал как бы на общественных началах. Впрочем, это, по сути, относится и к Государственному межведомственному Комитету, учрежденному в 1925 г. Материалы о его деятельности имеются в Центральном архиве РСФСР и Московском отделе архива Академии наук СССР.— *Прим. ред.*

Госкомитета, отказывались выполнять большинство его рекомендаций и в конце концов повели фронтальную атаку на Наркомпрос с целью лишить его каких-либо функций, связанных с охраной природы.

Однако, несмотря на эти недостатки, решение возложить ответственность за деятельность Госкомитета на Главнауку было во многих отношениях удачным. Сам факт, что Госкомитет и Отдел охраны природы находились в ведении одного комиссариата, предоставлял превосходные возможности для обмена информацией и способствовал тому, чтобы некоторые организационные структуры и даже сотрудники использовались в обеих организациях. К тому же не было ведомства, более щедро финансировавшего охрану природы, чем Главнаука. Наконец, то обстоятельство, что в Госкомитете тон задавали поддерживаемые Главнаукой активисты природоохранного движения, позволяло этому учреждению развивать и совершенствовать уже начатую деятельность по расширению сети заповедников.

Поскольку в состав комитетов входило постоянно увеличивающееся число сотрудников различных правительственных учреждений, союзов и научных организаций, состав пленума Госкомитета был весьма изменчив. Структура же президиума, бывшего в Госкомитете реальным центром власти, была, напротив, гораздо стабильнее. Однако оба эти органа находились под определенным влиянием Главнауки. Главнаука назначала в президиум председателя, заместителя председателя и секретаря, которые были официальными представителями Наркомпроса в составе пленума Госкомитета. Четвертый член президиума также назначался Главнаукой, но уже из числа представителей других организаций и ведомств, входивших в состав пленума. Пятым членом президиума был официальный представитель Наркомзема РСФСР в составе пленума. Таким образом, если при голосовании на заседании президиума сотрудники Наркомпроса объединялись, то они всегда имели большинство как минимум в отношении 3:2. Хотя в конце 20-х годов президиум был расширен за счет включения в него шестого члена, Главнаука тем не менее никогда не теряла контроль над этим органом.

Влияние Главнауки на решения пленума Госкомитета было несколько менее определенным. В дополнение к уже упоминавшимся трем членам от Наркомпроса Главнаука имела право включать в состав пленума до пяти ученых или специалистов по охране природы, доводя тем самым число голосов в свою пользу при голосовании до восьми. Из семи оставшихся мест два занимали представители организаций, дружественно относившихся к Главнауке,— Академии наук и Географического общества.

Остальные пять принадлежали Госплану РСФСР, ВСНХ РСФСР и народным комиссариатам финансов, внутренних дел и сельского хозяйства. На протяжении последующих трех лет состав пленума был расширен за счет делегатов от Союза работников сельского хозяйства, ВООП, кооперативного союза охотников (Всекохотсоюза), Московского лесотехнического общества, Московского общества испытателей природы (МОИП) и наркоматов здравоохранения и рабоче-крестьянской инспекции РСФСР. Представители автономных республик РСФСР приглашались для участия в работе в тех случаях, когда рассматривались вопросы, затрагивающие интересы автономных республик.

В компетенцию Госкомитета входили как формирование общей политики в области охраны природы, так и контроль за ее реализацией. Госкомитет занимался вопросами планирования и расширения сети заповедников, заказников, зоопарков, парков, памятников природы и других охраняемых территорий в РСФСР, а также определял кадровый состав обслуживающего персонала, источники финансирования и научно-исследовательские программы. Тем самым Госкомитет нес ответственность за разработку основных направлений научных исследований в области охраны природы в целом, а именно за мобилизацию советской науки на исследование природы и применение новейших научных достижений в хозяйстве.

Внимательно относясь к экономическим интересам хозяйств за границами охраняемых территорий, Госкомитет контролировал любые действия пользователей ресурсов с точки зрения перспективных интересов охраны природы и выносил основанные на собственных экспертизах и исследованиях рекомендации по изменению характера природопользования в тех случаях, когда считал это нужным. Такие рекомендации через Наркомпрос направлялись на рассмотрение высших органов Советской власти. Кроме того, Госкомитет устанавливал связи с аналогичными ведомствами в других союзных республиках в целях координации политики в области охраны природы во всесоюзном масштабе.

Контроль и пресечение нарушений также занимали важное место в обязанностях Госкомитета. Любые действия государственных и общественных организаций, затрагивающие охраняемые территории РСФСР, находились под наблюдением Госкомитета. Он рассматривал также деятельность заповедников, других охраняемых территорий и их ежегодные отчеты о своей работе. Специальные комиссии Госкомитета, в состав которых входили также ученые, не являвшиеся сотрудниками Госкомитета, занимались текущей работой, готовили предложения по созданию новых заповедников.

Для выполнения этих функций Госкомитет мог использовать предоставленные ему права, а также процедуры, предусмотренные дополнительными распоряжениями, в частности особой «Инструкцией» (2). При наличии кворума, составлявшего одну треть членов Наркомпроса, Госкомитет мог принимать официальные решения, обязательные для всех входивших в его состав организаций, за исключением тех случаев, когда несогласные с решением ведомства заявляли официальный протест. В этом случае дело могло быть передано в СНК РСФСР для окончательного решения, причем точку зрения большинства в Госкомитете представлял Наркомпрос.

Местные межведомственные комиссии по охране природы

Закон, на основании которого был создан Госкомитет, одновременно предусматривал организацию еще одной важной сети учреждений, призванных заниматься охраной природы. Наркомпрос создавал межведомственные организации с теми же функциями, что и у Госкомитета, но не на общереспубликанском, а на местном уровне.

Структура этих местных организаций почти полностью совпадала со структурой Госкомитета. Местные межведомственные комиссии по охране природы были подчинены местным органам Наркомпроса, аналогично тому как Госкомитет был подчинен Главнауке. Председатель местной комиссии всегда был членом Наркомпроса, в идеале — местным представителем отдела охраны природы (нередко этот пост занимал работник местного заповедника). Состав комиссии был тоже довольно изменчив. Кроме представителя местных органов Наркомата земледелия, в нее входили представители местных органов Наркомпроса, местных советских исполнительных комитетов, кооперативного Союза охотников и местного заповедника — обычно директор. Было предусмотрено также делегирование членов местных научных обществ и исследовательских институтов. Наконец, состав комиссии мог быть расширен за счет членов, приглашаемых ее председателем.

Все официальные решения местных комиссий должны были утверждаться отделом охраны природы Наркомпроса, а позднее — Госкомитетом. Решения принимались простым большинством голосов, причем комиссии рассматривали вопросы как чисто местного характера, так и имеющие общенациональное значение. Они также контролировали исполнение решений, принятых на республиканском уровне, в части, касающейся подведомственной

им территории, и были, таким образом, глазами, ушами и набатным колоколом вышестоящих органов охраны природы.

В то время как Госкомитет финансировался непосредственно Главнаукой и, соответственно, располагался в Москве, местные комиссии по охране природы должны были укореняться на довольно негостеприимной почве провинциальной России и зависели от щедрот местных органов Наркомпроса. Противодействие или безразличие местных органов в сочетании с естественным нежеланием местных отделов Наркомпроса взваливать на себя дополнительное финансовое бремя создавали серьезные трудности в организации комиссий. К 1929 г. эти комиссии были созданы лишь в шести из одиннадцати областей республики, в одной автономной области (Хакасской АО) и шести автономных республиках — в большинстве этих административных единиц к тому времени уже существовали заповедники («Труды...», 1930, с. 12). Более оптимистическая оценка была дана ученым секретарем Госкомитета С. А. Северцовым, который полагал, что к концу 1927 г. общее число местных комиссий достигало тридцати трех (Северцов, 1928). Такое невнимание местных органов к вопросам охраны природы побудило Ф. Н. Петрова в циркуляре от 12 апреля 1928 г призвать местные органы просвещения к социальной ответственности. Второе письмо, от 11 декабря того же года, заместителя наркома В. Н. Яковлевой было выдержано в совершенно ином тоне: все местные органы обязывались приступить к созданию межведомственных комиссий там, где это еще не было сделано, и завершить их формирование в срок не более пяти недель (3).

Шатков равновесие

Бессменным председателем Госкомитета со дня его основания и до роспуска в 1933 г. был проф. Н. М. Кулагин. Как и Н. М. Федоровский в ВООП, Кулагин был на этом посту очень удачной компромиссной фигурой. В качестве члена-основателя ВООП он с полным правом мог считаться истинным защитником природы. Уважаемый в научном мире профессор зоологии Московского университета и член-корреспондент Академии наук, Кулагин воспринимался участвовавшими в природоохранном движении академиками старшего поколения как один из них. В то же время он был человеком, способным найти общий язык с работниками наркоматов, занимавшихся вопросами экономики.

Для «буржуазного» профессора у него была довольно благополучная политическая репутация: хотя он и не был членом коммунистической партии, но сотрудничал с Советской властью с самого ее установления. (Кроме того, положительным эпизодом

в его политической биографии было его участие в 1911 г. в протесте против политики тогдашнего министра просвещения Л. Кассо.) Равным образом, а может быть, и еще в большей степени политический облик Кулагина определялся его четко утилитарным подходом к природоохранным проблемам. Внимание, которое он уделял практическому применению научных знаний, отдавая им предпочтение перед фундаментальной наукой, его антипатия к идеям охраны природы «во что бы то ни стало», стремление к разумному природопользованию и его усилия, направленные не только на охрану, но и на расширение ресурсной базы Советского Союза, а также его особый интерес к промысловой охоте создавали основу для взаимодействия и взаимопонимания с экономическими комиссариатами, Наркомземом и Наркомторгом.

Заместителем Кулагина был В. Т. Тер-Оганесов, с 1925 г. возглавлявший Отдел охраны природы Наркомпроса и ставший заместителем председателя Госкомитета в соответствии с этой должностью. Хотя в отличие от Кулагина он не был биологом, он в большей степени, чем Кулагин, был склонен отстаивать необходимость сохранения дикой природы в нетронутом состоянии для расширения теоретического научного познания в биологии. К 1926 г. он становится заклятым врагом того, что сам называет «производственным уклоном», подразумевая под этим пренебрежение важностью теоретического научного познания в пользу будущего экономического роста, и гордо заявляет, что институты Наркомпроса могут выбирать для исследований сколь угодно абстрактные темы, поскольку любое познание есть познание законов природы и, следовательно, может способствовать обузданию сил природы (Тер-Оганесов, 1926). Цитируя последние речи Троцкого и Рыкова, он подчеркивал те места, где говорилось о том, что фундаментальные исследования дают незаменимое сырье для технологического прогресса и что пренебрежение в настоящее время последним может привести к замедлению темпов роста этого прогресса в будущем независимо от того, сколь большие средства вкладываются непосредственно в прикладные исследования.

Единственным профессиональным экологом в президиуме Госкомитета был его ученый секретарь Сергей Алексеевич Северцов, в течение нескольких месяцев 1925 г. занимавший пост заведующего Отделом охраны природы после Шиллингера и до Тер-Оганесова. После завершения своей деятельности в рамках Наркомпроса (Главнауки и Госкомитета) С. А. Северцов (1891—1947) был доцентом, а потом профессором Московского государственного университета, где читал курсы зоологии, эволюционной теории, общей экологии, биологических основ охотничьего хозяйства

и охраны природы. Он был увлечен возможностью обнаружения математических законов, управляющих экологическими процессами, в частности динамикой популяций. Установление таких закономерностей не только позволило бы предсказывать и, возможно, контролировать, например, вспышки численности вредителей сельского хозяйства, но и окончательно стереть с экологии налет дилетантизма и превратить ее в точную науку. Достижение этой цели было особенно важно именно в этот период, поскольку после революции явное предпочтение отдавалось точным наукам. Из всех членов Госкомитета Северцов наиболее определенно, четко и настойчиво выступал за создание сети заповедников, первостепенной задачей которых было обеспечение экологических исследований.

Остальные три члена комитета не были сотрудниками Наркомпроса. Наркомзем РСФСР в течение первых нескольких лет в Госкомитете представлял Василий Васильевич Перовский (1875—?), заведующий подотделом охотничьего хозяйства комиссариата и специалист по экономике лесного хозяйства *. В Госкомитет входил еще один специалист по лесному хозяйству, а именно Григорий Романович Эйтинген (1899—?). В отличие от Перовского Эйтинген был не экономистом, а лесоводом, и в центре его научных интересов находилось исследование лесных сообществ. Будучи профессором лесоведения Академии им. Тимирязева и директором ее экспериментальной лесной станции, он представлял в Госкомитете также Рабоче-Крестьянскую Инспекцию (РКИ). Заметим, что в начале 50-х годов он отвергал обвинения других ученых в том, что его работы включали в себя идеи, развиваемые «школой» Лысенко. Последний член президиума, Сергей Степанович Перов (1889—?), представлял ВСНХ РСФСР и был специалистом по коллоидной химии и ее приложениям. Он преподавал различные курсы химии в ряде вузов (в частности, в Московском пушно-меховом институте), был начальником сельхозотдела Политехнического музея в Москве, зам. директора научно-исследовательского института им. К. А. Тимирязева (не путать с ТСХА!) по изучению и пропаганде естественнонаучных основ диалектического материализма. Заслужив в 1936 г. звание академика ВАСХНИЛ, он получил известность как один из самых ярых соратников Т. Д. Лысенко («О положении...», 1948, и др.).

Перовский и Перов стояли на утилитарной позиции. В противоположность им взгляд на заповедники как центры экологических исследований отстаивался Северцовым и Тер-Оганесовым. И наконец, были две колеблющиеся фигуры: Эйтинген и Кулагин.

* В 1931 г. он был назначен цензором Госиздательства (ОГИЗ) по разделу краеведческой литературы.— *Прим. авт.*

Более восприимчивые по сравнению с Северцовым и Тер-Оганесовым к стремлению Советской власти получить немедленные практические результаты, они тем не менее лучше, чем Перов или Перовский, понимали значение фундаментальных экологических исследований для рационального планирования.

Уравновешенный таким образом президиум Госкомитета гармонично отражал интересы противостоящих друг другу фракций в течение первых трех лет своего существования (Северцов, 1929). Однако такое сотрудничество было возможно только постольку, поскольку комиссариаты, представлявшие в корне различные подходы к делу охраны природы, с уважением относились к разделению функций на этом поприще. К концу 1929 г. дух сотрудничества начал сходить на нет. Появившиеся между членами Госкомитета разногласия обнаружились впервые по двум вопросам: об организации лесного заповедника в Смоленской области и о квотах промысла в охотничьем хозяйстве.

Бельские леса

В 1926 г. в Отделе охраны природы возникла идея создания большого Центрального лесного заповедника для изучения экологии лесной дичи. Главнаука организовала несколько экспедиций для определения наиболее удобного места размещения такого заповедника. Был выбран лесной массив в Бельском уезде, замечательный не только тем, что в нем была полно представлена флора и фауна Центральной России, но и тем, что он расположен на водоразделе бассейнов Днепра, Западной Двины и Волги*.

Отдел охраны природы обратился в Смоленскую областную межведомственную комиссию по охране природы, поручив ей организацию заповедника местного значения, пока Главнаука не убедит центральные власти утвердить статус этого заповедника в качестве общегосударственного. Надо отметить, что с первых лет Советской власти государственные заповедники учреждались решениями правительства союзных республик и их расходы включались в республиканский бюджет. В отличие от таких «общегосударственных» (по существу, республиканских) местные заповедники учреждались и финансировались местными органами власти**.

* Речь идет об одном из вариантов территории нынешнего Центрально-Лесного заповедника, который располагается теперь (так же как и г. Белый) в пределах Тверской (бывш. Калининской) области.— *Прим. ред.*

** Важный принцип учреждения государственных заповедников на уровне правительства союзных республик берет свое начало с разработанного Подъяпольским Н. Н. в 1919 г. проекта декрета «О государственном заповедании с научной

Основная вышестоящая инстанция по отношению к областной комиссии по охране природы — Смоленский облисполком согласился выделить 60 000 га леса для организации в Бельском уезде заповедника системы Наркомпроса. Поэтому тем бóльшим было удивление в Госкомитете, когда там узнали, что лесозаготовительные организации двух его членов — Наркомзема РСФСР и ВСНХ РСФСР — продолжают вырубку лесов на территории нового заповедника.

На заседании 16 ноября 1928 г. большинство членов Госкомитета привлекло внимание этих ведомств к данному вопросу, надеясь, что этого будет достаточно, для того чтобы тресты-нарушители прекратили свою незаконную деятельность. Однако Наркомзем и ВСНХ никаких мер не предприняли, и тресты продолжали вырубку лесов в заповеднике. Ситуация продолжала накаляться.

О пренебрежительном отношении к охране природы со стороны Наркомзема свидетельствует беседа профессора Академии им. Тимирязева Н. И. Кибовского в профсоюзном клубе г. Белый 27 июля 1929 г. В ходе беседы Н. И. Кибовский заявил о намерении Наркомзема создать на землях, уже выделенных для заповедника, торфозаготовительный колхоз. Отвечая на вопрос, заданный из зала, Кибовский утверждал, что решение о создании заповедника останется на бумаге, поскольку решение о заготовке древесины на экспорт, строительстве электростанции и организации торфозаготовительного хозяйства, которое должно обеспечить топливом электростанцию, снабжающую электричеством весь район, было принято раньше, чем постановление о создании заповедника, и, следовательно, обладает преимуществом (Долгошов, 1929).

Немногим более месяца спустя бельское краеведческое общество провело общее собрание в Доме учителя. Краеведы обратились с настоятельным призывом в Наркомзем, ВСНХ РСФСР и Совнарком РСФСР изгнать все лесозаготовительные тресты с территории заповедника. На этой встрече краеведы решили обратиться также к предстоящему в сентябре Всероссийскому съезду по охране природы, чтобы он своим авторитетом поддер-

---

или художественной целью участков суши, вод и недр Земли» (Подъяпольский, 1929, с. 36). Только в 1982 г. стали официально различать «союзные» и «республиканские» заповедники, хотя многие специалисты считают неправомерным такое деление. Что касается «местных» заповедников, то иногда это были, по существу, лишь заказники (Лопаткинский на Камчатке, Валдайский и др.), но некоторые из них впоследствии стали официальными госзаповедниками (Столбы, Галичья Гора и др.).— *Прим. ред.*

жал требование спасти заповедник. Всеобщее внимание было прикована к вопросу, сможет ли Наркомпрос защитить один из своих заповедников, в особенности учитывая, что формально заповедник находился в подчинении всего лишь областного отдела комиссариата. Были опасения, что в этом испытании обнаружится малая политическая дееспособность Наркомпроса и Госкомитета.

Другим спорным вопросом был вопрос о нормах (квотах) добычи дичи. Его поставил перед Госкомитетом Кулагин 15 января 1929 г. Госкомитет принял решение переслать находящиеся в его распоряжении данные о численности промысловых животных в Центральное статистическое управление, с тем чтобы там уточнить контрольные цифры ЦСУ (Северцов, 1929). Кроме того, на специальном заседании президиума Госкомитета представители Наркомпроса настаивали на том, чтобы отложить утверждение каких-либо контрольных цифр, относящихся к охотничьему хозяйству, до завершения полевых учетов дичи. Кулагин и его коллеги из Наркомпроса утверждали, что только данные новых учетов численности дичи могут служить основой для формирования пятилетнего плана развития охотничьего промысла. («Хроника», 1929).

Тогда-то и выявилось, что согласие в Госкомитете было только видимостью. Экономические наркоматы отвергли призыв президиума к осмотрительности. Наркомзем представил свои пятилетние планы на заседании комитета 5 апреля 1929 г. В них он пытался сохранить компромисс, подсластив горькую пилюлю завышенных планов обещанием создать пять новых заповедников: три соболиных, один бобровый и один для охраны северного оленя. Наркомторг выбрал другой, еще более решительный курс, обвинив даже Наркомзем в чрезмерно робких намерениях.

В этот критический момент поддерживающее Наркомпрос большинство Госкомитета проявило верность своим убеждениям. Бросая вызов политике Советской власти в области охраны природы, оно на заседании 23 апреля заявило, что уровень промысла пушных животных уже достиг верхнего предела и дальнейшее увеличение промысла в сочетании с ускоряющимся обезлесением грозит катастрофическим падением численности (промысловых животных) в ближайшем будущем. **Все** контрольные цифры, предложенные экономическими комиссариатами на предыдущем заседании, были отвергнуты. Линия фронта обозначилась. Противоречия между требованиями правительства об увеличении экспорта пушнины и биологической продуктивности промысловых животных не разрешались пятилетними планами Наркомзема, Наркомторга и Всекохотсоюза. Большинство в Госкомитете решило

обратиться в «высшие правительственные органы», чтобы решить эту проблему («Хроника», 1929, с. 125).

Новые советские заповедники

Отдел охраны природы, выделившись в качестве вполне самостоятельного подразделения в рамках Главнауки, предпринимал решительные шаги по укреплению шаткой ситуации, сложившейся в уже существующих российских заповедниках, а также пытался организовать новые заповедники. За четыре года благодаря усилиям трех последовательно сменившихся заведующих суммарный бюджет шести государственных заповедников увеличился на менее чем в 10 раз (см. табл. 1). Хотя такой рост был весьма существенным, однако при этом к 1927 г. бюджет заповедников составлял всего лишь 2% общего бюджета Главнауки.

Как указывал В. Т. Тер-Оганесов (1926), в 1925—1926 гг. бюджет Главнауки составлял 1,038 млн. руб., но в отношении бюджета 1927—1928 гг. Мартын Лядов (руководитель Главнауки в 1929 г.) указывает значительно более крупную сумму — 12,744 млн. руб. *

Сравнительно невелико было также число постоянных научных сотрудников в заповедниках. В 1926 г. их было всего 72, тогда как общее число научных сотрудников в системе Главнауки составляло 5289, т. е. в заповедниках работало всего 1,4% общего числа научных сотрудников (Сергеев, 1926).

Эти цифры, однако, могут дать несколько превратное представление об уровне и объеме научных работ, проводившихся в заповедниках. В летние периоды заповедники посещали научные сотрудники и студенты из академических институтов и высших учебных заведений, проводившие здесь полевые исследования (Пузанов, 1960). К 1925 г. результаты научных исследований, выполненных в заповедниках, начинают появляться в печати. Особо можно отметить выход в свет в этом году двух первых выпусков в серии брошюр, издававшихся отделом охраны природы (серия «Труды по изучению заповедников»). Начиная с 1926—1927 гг. заповедники все более активно и тесно сотрудничают с научными коллективами специалистов самых различных областей знания.

---

* См.: Лядов М. Задачи организации и пути развития научно-исследовательской работы в СССР.— В кн.: Третий Всесоюзный съезд научных работников. Спутник делегата. М., 1929, с. 150. Вызывает удивление такой рост бюджета Главнауки, но более объективных данных найти не удалось.— *Прим. авт.*

Возможно, что это связано со значительным расширением функций Главнауки и общим ростом научных учреждений.— *Прим. ред.*

Биологи, например, приезжали в Ильменский минералогический заповедник, который к этому времени расширил свой узкоминералогический профиль и приобрел более комплексный характер. В Астраханском заповеднике группой исследователей, возглавляемой директорами заповедника В. А. Хлебниковым и А. Г Дюниным совместно с научным сотрудником К. А. Воробьевым, проводится изучение биологии и экологии гнездовий водоплавающих птиц, уделяется внимание фенологии и природным циклам в заповеднике начиная с апреля 1919 г. Эти данные затем включаются в «Летопись природы» — последовательную запись событий, позволяющую проследить долговременные тенденции состава и обилия различных представителей фауны и флоры, а также оценить последствия эпизодических явлений. Этот метод вскоре был принят на вооружение в большинстве заповедников, а позднее стал неотъемлемой составляющей исследовательских программ во всех заповедниках. Астраханский заповедник стал также пионером массового кольцевания перелетных птиц, начатого по инициативе орнитолога К. А. Воробьева в 1926 г. Повторные отловы окольцованных птиц позволяют многое узнать об их образе жизни (Доброхотов и Ермолаев, 1936) *.

С середины 20-х годов организуются научные экспедиции, ставящие целью инвентаризацию видов, обитающих в заповедниках. Одна из таких экспедиций, финансировавшаяся отделом охраны природы Главнауки, пересекла Кавказский заповедник осенью 1927 г. Из-за крайне ограниченных финансовых возможностей, что характерно для того времени, проводник был нанят на время экспедиции из Крымского заповедника (Розанов, 1928). Однако к концу 1930 г. Кавказский заповедник принял еще одиннадцать экспедиций, лучше финансировавшихся и использовавших растущие штаты самого заповедника. Это заложило фундамент для проведения заинтересованными научными учреждениями исследований в заповедниках, и, соответственно, увеличились ассигнования на них. В частности, А. Г Дюнин, директор Кавказского заповедника, утверждал, что его бюджет в 1928—1929 гг. увеличился до 89 тыс. руб. В заповеднике было 15 сотрудников, в том числе пять научных («Труды...», 1930, с. 169—171). Бюджет Иль-

---

* Программа экологических наблюдений, получившая впоследствии название «Летопись природы» (термин предложен проф. А. Н. Формозовым. в 1937 г.) была разработана главным образом проф. Г. А. Кожевниковым (см.: Филонов К. П., Нухимовская Ю. Д. Летопись природы в заповедниках СССР. Методическое пособие.— М.: «Наука», 1985).

Массовое кольцевание птиц в Астраханском заповеднике началось в конце 20-х годов. Ранее такие работы были осуществлены на орнитологических станциях Прибалтики (в частности, заповедник Вайка) и в Аскании-Нова.— *Прим. ред.*

менского заповедника достиг в 1928—1929 гг. 33,3 тыс. руб., а бюджет Средневолжского увеличился с 19,0 тыс. руб. в 1927-1928 гг. до 29,4 тыс. руб. в 1928—1929 гг. (там же, с. 77—78).

Наряду с тем, что заповедники Наркомпроса выполняли научные функции, им была присуща еще одна особенность, делавшая их уникальными. Если выбор мест для заповедников иного подчинения — как советских, так и зарубежных — происходил, как правило, бессистемно, то отдел охраны природы, напротив, действовал в соответствии с единым планом. Пересматривая предложение В. П. Семенова-Тян-Шанского, сделанное в 1917 г., Кожевников в 1923 г. утверждал, что при выборе мест для заповедников следует в первую очередь руководствоваться экологическими критериями, а не только физико-географическими (4). Хотя в середине 20-х годов бюджет отдела не позволял одновременно укреплять уже существующие заповедники и существенно расширять систему заповедников, само существование генерального плана давало сотрудникам Наркомпроса сознание важности и перспективности их работы.

Флагманами заповедной системы Наркомпроса РСФСР были шесть государственных заповедников: Кавказский (280,0 тыс. га), Крымский (21,2 тыс. га), Астраханский (22,9 тыс. га), Ильменский (15,5 тыс га), Пензенский (180 га) и Косинский (60 га). Кроме того, действовало семь местных заповедников: Галичья Гора (16 га), Олений Остров (1000 га), Аксу-Джабаглы (30,5 тыс. га), Столбы (3,9 тыс. га), Самурский (2,7 тыс. га), Живая Книга (27 га), Лес на Ворскле (134 га) *. Общая площадь всех этих заповедников достигала почти 378 тыс. га. Однако наркомпросы других республик не спешили следовать примеру Наркомпроса РСФСР, и образовавшийся вакуум стал заполняться усилиями республиканских наркоматов земледелия. В целом по СССР к 1925 г. площадь заповедников системы Наркомзема фактически почти вдвое превышала площадь заповедников, подчинявшихся Наркомпросу РСФСР (см. таблицу в приложениях).

В СССР в 1925 г. существовало девять государственных заповедников общей площадью 984 тыс. га, а также пятнадцать заповедников местного подчинения, занимавших 57 045 га. Вместе это составляло внушительную цифру — 1 041 045 га — примерно на

---

* Источники сведений: Кулагин, 1928б, Северцов, 1929а, см. также Приложения к гл. 5.— *Прим. авт.*

Пензенский заповедник был объединен с Жигулевским и стал называться Средневолжским. Олений Остров — временный охотзаказник в Кольском заливе; Самурский — в Дагестанской АССР; Живая Книга — садово-декоративный питомник под г. Богородск (ныне — Ногинск) в Подмосковье.— *Прим. ред.*

одну пятую больше, чем площадь Йеллоустонского национального парка. Через четыре года картина изменилась в лучшую сторону, что не могло не радовать деятелей охраны природы. К 1929 г. число заповедников в СССР выросло до 61, а их площадь — почти в четыре раза и составила 3 934 428 га.

Такое существенное увеличение отчасти произошло благодаря организации многочисленных заповедников местного подчинения, число которых выросло до 46, а занимаемая ими площадь — до 1 963 272 га. Тридцать один заповедник (общей площадью 187 400 га) принадлежал местным органам республиканских наркомпросов, тринадцать (1 740 800 га) — местным органам Наркомзема и два — другим местным организациям *. В первую очередь этому непосредственно способствовало законодательство 1925 и 1926 гг., предусматривавшее учреждение местных межведомственных природоохранных комиссий.

С 1926 г. природоохранные ведомства начали появляться в других союзных республиках под эгидой республиканских Главнаук, и одновременно по образцу законодательства РСФСР разрабатывались законы, предусматривавшие образование местных межведомственных природоохранных комиссий. На Украине к существовавшим местным заповедникам Наркомзема добавилось еще два, находящихся под юрисдикцией республиканского Наркомпроса. В других республиках — на Кавказе и в Средней Азии — особенно много заповедников появилось между 1925 и 1929 гг.

Как ни странно, неожиданный рост числа и размеров заповедников СССР в период с 1925 по 1929 г. связан главным образом с сильным расширением различных структур республиканских наркоматов земледелия. В РСФСР этот процесс был особенно заметен, что резко контрастировало с ущербностью Наркомзема РСФСР в конце гражданской войны и далеко не блестящими результатами его деятельности в середине 20-х годов. С переводом в 1927 г. Воронежского бобрового заповедника из местного подчинения в общегосударственное и учреждением огромных Кондо-Сосьвинского (в Зауралье) и Кроноцкого (на Камчатке) заповедников площадью соответственно 800 и 1500 тыс. га, Наркомзем РСФСР вновь стал мощной силой в природоохранном движении России. Действительно, Наркомзем РСФСР как бы поменялся ролями с Наркомпросом, ярким свидетельством чего было пятикратное превышение площадей, занятых его заповедниками, по сравнению с заповедными землями последнего (соответственно 3 056 477 и 598 827 га). Это территориальное превосходство Нар-

* Некоторые из них были только объявлены заповедниками, т. е. лишь формально значились существующими.— *Прим. ред.*

комзема над Наркомпросом в отношении заповедников сохранялось также и в некоторых других республиках.

Итак, накануне первой пятилетки претендовать на то, чтобы представлять интересы охраняемых территорий СССР, могли две силы: Наркомпрос РСФСР (и его союзники в наркоматах по образованию в других республиках) и Наркомзем РСФСР (и его аналоги в других республиках). Наркомзем имел несомненное, но лишь формальное преимущество в площади, зато Наркомпрос восполнял этот недостаток разнообразием своих заповедников, их местоположением, количеством, качеством управления и, главное, наличием научной концепции. Охрана обширных заповедников Наркомзема на Урале и в Сибири, по сути, отсутствовала.

Приблизительно до весны 1929 г. (именно в это время были заменены люди, стоявшие у кормила власти в обоих комиссариатах) системы Наркомпроса и Наркомзема дополняли друг друга. Называясь одним и тем же словом — «заповедники»,— охраняемые территории, находившиеся в ведении двух комиссариатов, выполняли различные функции. С одной стороны, заповедники Наркомпроса видели свою главную задачу в изучении динамики экологических сообществ на эталонных территориях для получения знаний природных механизмов, что позволило бы при разработке конкретных экономических мер руководствоваться предельно допустимыми нагрузками на природу. С другой стороны, заповедники Наркомзема использовались как резерваты — охраняемые территории, где могли беспрепятственно размножаться крайне истощенные популяции конкретных видов животных (в основном промысловая дичь и пушные звери).

Такое разделение преобладало до конца 20-х годов, когда каждая система, в общем, признавала за другой право на существование. Но после того, как вспыхнули и угасли последние отсветы НЭПа, задутые бурей политических и экономических перемен, рухнуло и это равновесие. В частности, Наркомзем и его союзники не желали более признавать законность существования заповедников Наркомпроса, которые, по их мнению, преследовали лишь цели «чистой науки». В свою очередь деятели Наркомпроса обвиняли Наркомзем в извращении самого понятия термина «заповедник». Итак, с 1929 г. термин не мог больше быть «слугой двух господ», и нестабильная ситуация двоевластия в охране природы привела к необходимости окончательного разрешения этой проблемы.

Заботившийся, как всякий образованный русский человек, о силе слова, Кожевников рано понял необходимость четкого определения различных понятий, относящихся к охране природы, и разработки соответствующей терминологии. В частности, он

осознавал важность выделения различных типов охраняемых территорий в соответствии с их задачами и функциями. Была очевидна необходимость стандартизованной типологии охраняемых территорий. Как писал в 1918 г. биолог-охотовед Дмитрий Константинович Соловьев, «у нас происходит необычайная путаница понятий в представлении о различных учреждениях и организациях, благодаря которым осуществляется сохранение природы. Так, например, считаются часто синонимами термины "заповедник" и "заказник"» (Соловьев, 1918, с. 4).

Готовясь к намеченной на октябрь 1917 г. Конференции по охране природы, Соловьев попытался упорядочить терминологию, относящуюся к охране природы, и разработать типологию охраняемых территорий. Однако его попытка мало прояснила суть дела, поскольку он в отличие от Кожевникова в качестве критерия различия между заповедником и заказником не использовал ни функции этих учреждений, ни характер охранного режима территории. По Соловьеву, ключевое различие состоит в том, что заповедник представляет собой постоянно действующее учреждение, тогда как на территории заказника охранные мероприятия осуществляются лишь время от времени. Соответственно, заповедник при этом может служить местом охраны объектов охоты, а также экологическим эталоном.

Несмотря на довольно произвольные критерии, типология Соловьева получила общее признание на конференции 1917 г. и применялась впоследствии.

В соответствии с этим, хотя Наркомпрос и Наркомзем создавали системы охраняемых территорий с сильно различавшимися функциями и охранным режимом, они тем не менее с полным основанием именовали эти территории заповедниками постольку, поскольку охранный режим на этих территориях действовал постоянно.

Законодательные акты вначале мало способствовали ликвидации терминологической путаницы. Положение, принятое 16 сентября 1921 г., толковало заповедник как территорию, обладающую либо научным, либо культурно-историческим значением, что близко к точке зрения Наркомпроса. Однако существовали также декреты времен гражданской войны «О лесах» и «Об охоте», в соответствии с которыми право основывать заповедники принадлежало и Наркомзему. Лишь постановление от 5 октября 1925 г., трактовавшее заповедник как «участок природы... обладающий в первую очередь научным значением», закреплял понимание, очень близкое к весьма специфической концепции Кожевникова.

В 1927 г. появилось новое подтверждение того, что в системе

Наркомпроса заповедники рассматриваются как учреждения в первую очередь научного характера. К этому времени Госкомитет в значительной степени перенял многие важные функции, ранее принадлежавшие отделу охраны природы. Вновь поставленная перед необходимостью сокращения административного аппарата в связи с очередной кампанией за «рационализацию», коллегия Наркомпроса решила раз и навсегда избавиться от злополучного отдела. При этом, однако, было необходимо перепоручить какому-то другому подразделению в рамках Наркомпроса управление повседневной деятельностью заповедников (в функции Госкомитета это не входило). Важно, что ответственность за это была возложена на отдел научных учреждений Главнауки, а не на Главмузей, как это было ранее. Тем самым был подтвержден статус заповедников как научно-исследовательских учреждений экологического профиля. Начался «золотой век» научных исследований в заповедниках.

Глава 6

Эталоны природы: заповедники и экология сообществ

Экологические исследования, особенно в области экологии сообществ, зародились в России задолго до начала XX столетия (наиболее убедительно это представлено в превосходных монографиях: Дохман, 1973; Трасс, 1976). В. В. Алехин справедливо утверждает, что центральную роль в развитии фитосоциологии — «молодой науки XX в.» — сыграли русские исследователи. С его точки зрения, это «вполне понятно, так как русская, сравнительно мало искаженная человеком природа... зовет к исследованию ее сообществ» (Алехин, 1924, с. 75). Надо отметить, что сам термин «фитосоциология» ввел в начале 1890-х годов известный ботаник Иосиф Конрадович Пачоский для обозначения науки о растительных сообществах. Характерно, что и в лимнологических работах (например, Д. М. Россинского) примерно того же времени системы организмов также рассматривались как социологические явления.

Ориентированный на исследование сообществ подход К. Линнея, «система природы» которого не получила развития в западной науке в начале XIX в. (Worster, 1977), нашел отклик у русских агрономов и лесоведов. Иван Комов рассматривал лес как сообщество еще в 1788 г.; в 40-х годах XIX в. Гильдеман подчеркивал, что природа предпочитает разнообразие монокультурам, а Теплухов пришел к заключению, что все виды равным образом важны в экономике природы, в особенности в процессе восстановления леса как единого целого (Дохман, 1973).

Путь, намеченный фитосоциологами 90-х годов (П. Н. Крылов, И. К. Пачоский, А. Н. Краснов, Г. Н. Высоцкий и С. И. Коржинский), достиг кульминации в исследовании лесной экосистемы Георгием Федоровичем Морозовым в 1904 г., отрицавшим механистический подход Линнея и принимавшим холизм всей душой. Близкая по духу работа была в том же году опубликована в США Фредериком Клементсом. «Лесное "насаждение",— писал Г. Ф. Морозов,— не есть механическая совокупность деревьев, а сложный организм, все части которого обусловливают друг друга, который живет своей собственной жизнью. Организм этот обладает различными свойствами... Изучать эти сложные организмы следует так же, как изучается всякий организм: в морфологическом отношении и со стороны его свойств, происхождения, пере-

мен, претерпеваемых в течение жизни, размножения или возобновления и т. д.» (Морозов, 1904, с. 152; цит. по: Дохман, с. 56).

До первой мировой войны изучение биотических сообществ в России (так же как и на Западе) в основном ограничивалось растительными сообществами (откуда и термин — фитосоциология). Растительные сообщества рассматривались как фундаментальная социальная единица природы; роль фауны в жизни растительности обычно считалась незначительной. С точки зрения фитосоциологов, растительность была «владельцем» абиотического субстрата, тогда как питающиеся растительностью животные играли в природе меньшую роль «арендатора».

Однако в 20-х годах под влиянием гидробиологов и таких выдающихся деятелей экологии животных, как Даниил Николаевич Кашкаров (1878—1941), русские экологи пришли к новой оценке роли фауны в историческом развитии природных сообществ. В течение этого десятилетия идея о том, что сообщество представляет собой сложную систему, состоящую из трех равным образом важных взаимодействующих элементов — растительности, фауны и абиотической среды,— получала все большее распространение. Вскоре термин фитосоциологов «растительное сообщество» был вытеснен термином «биоценоз», предполагавшим учет по крайней мере двух из трех элементов, составляющих сообщество, а именно растительности и фауны (только после 1945 г. получил распространение термин Сукачева «биогеоценоз», подразумевающий включение третьего компонента) *. За сравнительно немногими исключениями, ведущие русские натуралисты того времени рассматривали биоценоз как сообщество, между всеми членами которого должны существовать биотические связи (Карзинкин, 1927).

Поскольку это был лишь костяк концепции, не было недостатка в различных его толкованиях и поводах для дискуссий. Крайние позиции занимали идейные последователи И.К. Пачоского, которые развивали в высшей степени умозрительные аналогии между тем, что он называл растительными сообществами, и человеческим обществом. Согласно Пачоскому, растительные и человеческие сообщества имеют очень много общего. Это убеждение привело его к гипотезе о существовании принципов социальной организации, общих для всех живых существ: сообщества растений и людей живут, подчиняясь определенным общим законам; и в тех и в других существует разделение труда; и те и другие представляют собой совокупности различных, не тождественных друг другу организмов; оба типа сообществ проходят процесс разви-

* Гидробиолог Г.С. Карзинкин указывал, что «в русскую литературу этот термин (биоценоз.— *Д. В.*) ввел С. А. Зернов (1908; 1913), не уточнив его определения» (Карзинкин, 1927, с. 98).— *Прим. авт.*

тия и созревания от более простых к более сложным формам; и растительные и человеческие сообщества организованы по классовому принципу. В растительных сообществах растения нижних ярусов, в которых Пачоский находил аналогию с низшими классами человеческого общества, существуют для того, чтобы был возможен рост деревьев и других «высших» форм, составляющих высшие ярусы (Пачоский, 1915, 1921). Взгляды этого ученого суммированы в книге Х. Х. Трасса (1976). Хотя Пачоский публиковал работы с такими названиями, как «Социальный принцип в растительном царстве» или «Основы фитосоциологии» (его же, 1925, 1921), в них трудно обнаружить прямые сопоставления сообществ людей и растений или (тем более) утверждения о существовании классовых структур в человеческом обществе. Тем не менее некий идеологический «привкус» его ранних работ наложил неизгладимый отпечаток на все понятие фитосоциологии в целом.

Склонность Пачоского распространять выводы, полученные при изучении растительных сообществ, на человеческое общество была воспринята в Советской России как опасная политическая ересь. Из взглядов Пачоского вытекала не более и не менее, как полная бессмысленность марксистского эксперимента, поскольку, с его точки зрения, классовая дифференциация была непременным атрибутом любого сообщества. Если неравенство естественно и если это можно доказать научно, то все попытки революционным путем установить всеобщее равенство обречены на неудачу.

Хотя вульгарный социологизм в духе Пачоского, отстаивавший естественность неравенства, к середине 20-х годов потерял популярность — сам Пачоский в 1923 г. уехал в Польшу, а его сторонники признали проповедь его взглядов «грехом своей юности» (Трасс, 1976),— тем не менее элементы физиосоциологического подхода сохранились. Характерный для Пачоского «спенсериан-ский» * дух сохранился, например, во взглядах проф. В. Н. Сукачева. Он считал, что биоценоз в процессе развития стремится к возможно более полному использованию продуктивного потенциала места своего расположения («принцип полноты»). По Сукачеву, сообщества развиваются в направлении к структуре, при которой конкуренция сведена к минимуму, тогда как продуктивность сообщества в целом достигает значения, максимального по отношению к любым другим комбинациям составляющих сообщество биотических компонент в данных условиях. В конечном счете сообщество превращается в упорядоченный, гармоничный и более или менее стабильный комплекс,

* *Спенсерианский* — отвечающий взглядам английского философа и социолога Герберта Спенсера, видного противника марксизма, считавшего естественным деление общества на имущественные классы.— *Прим. ред.*

В. Н. Сукачев писал: «Мы видим в построении сообщества стремление использовать наиболее полно производительные силы среды. К этому последнему принципу, впервые выдвинутому Пачоским, еще добавляется им в последнее время положение, что, в противоположность человеческому обществу, в основу растительного сообщества заложен принцип, имеющий в виду выгоду целого, а не составляющих его отдельных элементов» (Сукачев, 1928, с. 56).

Другие авторы, желая избежать телеологического подтекста концепции В. Н. Сукачева, были склонны рассматривать биоценоз как некоторый «суперорганизм». Такие структуралисты, как В. Н. Беклемишев, А. П. Шенников, Н. Я. Кац и В. В. Алехин, пытались выделить структурные элементы биоценозов и на их основе построить типологию естественных сообществ. Алехин видел главное в морфологических характеристиках сообществ: ярусности, постоянстве растительности и отличительных физиологических особенностях видов растений, составляющих сообщества. Шенников и Кац, напротив, вдохновляясь идеями уппсальской школы Дю Рие*, брали за основу типизации сообществ доминантные и субдоминантные виды растений, определяемые подсчетом на данном фиксированном участке (квадрате), т. е. руководствовались флористически ориентированным подходом (Трасс, 1976).

Попытки классификации гипотетически существующих природных сообществ были симптоматичны для весьма неопределенного и умозрительного состояния биоценологии в 20-х годах. На повестке дня стояло множество нерешенных фундаментальных вопросов:

1. Можно ли эмпирически подтвердить существование биоценозов?

2. Представляют ли собой биоценозы замкнутые системы, наилучшим образом использующие все доступные ресурсы внешней абиотической среды, или это открытые системы с вакансиями для вселения новых видов?

3. Обладают ли биоценозы после своего становления способностью к саморегуляции или даже к самообновлению?

4. Связаны ли они нерасторжимо со своей абиотической средой или они включают в себя лишь биоту?

5. Представляют ли они собой некую суперорганизменную целостность, которая может быть сравнена с организмом или даже с человеческим сообществом?

---

* Шведский ботаник Г. Э. Дю Рие (1895—1967) создал свою школу в Уппсальском университете в начале XX века.— *Прим. автора.*

6. Могут ли сами биоценозы группироваться в единицы более высокого таксономического уровня, например в ассоциации или формации, образуя сравнительные ряды родственных типов биоценозов?

7. Какие методологические проблемы должны быть решены, для того чтобы получить ответы на сформулированные выше вопросы?

Интерес к этим ключевым вопросам в течение 20-х годов постоянно увеличивался, что нашло свое отражение в возрастании удельного веса экологического направления в советской науке. В начале 30-х годов экологическая тематика занимала видное место в дискуссиях научных съездов (например, зоологов, анатомов и гистологов), а также в широкой печати вплоть до газет. Когда Всесоюзное ботаническое общество попросило ботаников самих назвать свою специализацию, то 129 человек из 200 отметили геоботанику, 43 — фитосоциологию и 28, или более 10%,— экологию растений (см.: Жадовский А. Е. (сост.). Адресная книга ботаников СССР. Л., 1929, с. 6).

В 1924 г. Д. Н. Кашкаров начал читать курс лекций по экологии в Среднеазиатском государственном университете в Ташкенте. Этот предмет впервые появился в университетском расписании. Примерно в то же время начали читать подобные курсы В. В. Алпатов в Московском государственном университете, И. Д. Стрельников в Ленинградском государственном университете и В. В. Станчинский — сперва в Смоленском, а затем в Харьковском государственных университетах. Организовывались экологические лаборатории и экспедиции. Правда, оказалось, что широко практиковавшиеся в 20-х годах экспедиции менее всего отвечали целям биоценологических исследований по сравнению со стационарными наблюдениями. Поэтому у части экологов возникла реальная потребность в проведении постоянных полевых наблюдений,— потребность, полностью удовлетворить которую могли, как это неустанно доказывал Г. А. Кожевников, только заповедники.

Характерно, что Кожевников сам и осуществил первые шаги в этом направлении. Во второй половине 1923 г. он создал модель заповедника как экологического эталона. В качестве объекта была выбрана группа трех ледниковых озер в Косине, неподалеку от Москвы. Лимнологическая станция существовала здесь еще с 1908 г. и Кожевникову оказалось сравнительно нетрудно убедить ее директора, проф. Леонида Леонидовича Россолимо, возглавить и новый заповедник *.

---

* Хотя Косинский заповедник фигурирует во многих документах и литературных источниках, он, по сути, не функционировал как самостоятельное учреждение, будучи слит с научной станцией.— *Прим. ред.*

Кожевников рассматривал экологические исследования как средство подтвердить существование у не затронутых человеческим воздействием биоценозов таких предполагавшихся у них свойств, как сукцессия, саморегуляция и равновесность. Кожевников обращал внимание на то, что Россия в этом отношении имеет преимущество перед своими западными соседями, поскольку там девственной природы уже больше не существовало. Однако и в России роковые слова на стене уже были начертаны. Модернизация могла обратиться похоронным звоном по девственной природе, и «...в виде компенсации заводятся малоинтересные для изучения дикой природы охотничьи «хозяйства», где искусственно разводятся одни виды, в том числе и чуждые местной фауне, и избиваются другие (хищники)...» (Кожевников, 1925).

Кожевников утверждал, что деятельность охотхозяйств, в которых охрана природы подчинялась исключительно интересам Наркомзема, совершенно неприемлема с точки зрения науки и ее интересов. Косино же в качестве экологически ориентированного заповедника системы Наркомпроса должно было продемонстрировать необходимость единства науки и охраны природы.

Три озера под Косино были сравнительно позднего происхождения. Однако вследствие своих малых размеров по некоторым признакам они приближались к старению. В частности, озеро Белое находилось на первых этапах заболачивания, и Кожевников надеялся, что можно будет внимательно проследить процесс сукцессии озера, который в последнее время постулировался экологами. Первые результаты исследований по истории озера появились через два года, в 1925 г. Еще через три года, вспоминая времена работы в Косине, Кожевников отмечал: «Мы знаем, что озера имеют свою историю, и нередко можем предсказать, чем кончится эта история, можем, например, предсказать, что озеро превратится в болото. Изменится, конечно, состав фауны, часть населения вымрет, а часть постепенно изменится. Проследить ход этого процесса представляет величайший интерес. Ведь перед нами наглядно совершается здесь эта знаменитая «борьба за существование» с «переживанием наиболее приспособленных» к новым условиям среды. Прослежен ли такой процесс где-либо хотя бы в течение сотни лет? Нет. А где же можно проследить? Только при работе в абсолютных заповедниках... в течение сроков, далеко превышающих жизнь человека» (Кожевников, 1928а, с. 17).

Кожевников осознавал пионерную роль советских заповедников. Он писал, что в трудах Бернской международной конференции по охране природы 1913 г. «совершенно не отразилось, что заповедники могут и должны быть центрами научно-исследовательской работы» (там же, с. 13). Это относится как к

огромным американским национальным паркам, так и к любым другим учреждениям подобного типа.

После создания журнала «Охрана природы» Кожевников сразу же использовал его страницы для пропаганды своей концепции «эталона природы». Во втором номере журнала появилась его статья «Как проводить научные исследования в заповедниках», в которой провозглашалось, что заповедники — это научные учреждения, призванные исследовать фундаментальные закономерности функционирования живой природы, такие, как естественный отбор, борьба за существование, мутации и наследственность, а также познавать законы эволюции органического мира в целом.

Сегодня ретроспективно мы можем видеть, что Кожевников нащупывал путь к величайшей в XX в. революции в биологии: синтезу экологии, генетики и эволюционной теории. Из самой природы эволюционного процесса следовала необходимость новой постановки исследований, и именно исследований, проводящихся длительное время, с перспективой на сотни лет.

Основная работа ученых в Косинском заповеднике концентрировалась на биологической станции. Прежде чем приступить к работе по экологической и эволюционной динамике, необходимо было с исчерпывающей полнотой описать природу заповедника. Эта информация должна была служить основой для будущих исследований. После того как этот этап завершен, можно начинать собственно экологические исследования, используя разработанные к тому времени количественные методы.

План работ Кожевникова был рассчитан на длительную перспективу. Он особенно предостерегал против ожидания быстрых результатов и никогда не говорил, что его программу легко реализовать. В действительности он полностью отдавал себе отчет в колоссальной работе, необходимой для проведения таких экологических исследований на необъятных просторах СССР. Соответственно, Кожевников считал, что прежде всего такие исследования должны быть нацелены на биоценозы, наиболее подходящие в методологическом отношении, а именно на озера. Не вызывает сомнения, что именно поэтому первый экологически ориентированный заповедник и был создан им в Косине.

По иронии судьбы, сама грандиозность его проекта умаляла его привлекательность, особенно в годы культурной революции, т. е., казалось бы, в годы великих свершений. Новые, радикально настроенные руководители науки ожидали немедленного решения даже наиболее сложных проблем. Результаты исследований эмпирических наук для новой идеологии были часто неприемлемыми. Эти науки были слишком скучны, слишком теоретичны, исследования занимали слишком много времени, требовали тонкой ста-

тистической обработки и были недостаточно пронизаны духом диалектического материализма. Величие через двести лет было никому не нужно.

Именно с учетом изменившейся в конце 20-х годов политики в отношении науки вообще и биологии в частности Кожевников стремится доказать, что его приверженность фундаментальным исследованиям не означает желания углубиться в науку ради науки, а определяется пользой, которую приносит в конечном счете наука человеческому обществу. «Познание природы путем научного ее изучения является одной из крупнейших задач культурного человечества»,— писал он в 1925 г. «Более того,— продолжал он,— если мы вглядимся в суть событий, то увидим, что познание природы есть основа как правильного миропонимания, так и материального благополучия отдельных людей и целых народов. Сельское хозяйство, техника, медицина — ведь это все разные виды прикладного естествознания. Для всего этого прочной основой является познание природы» (Кожевников, 1925, с. 1).

Кожевников считал, что рациональное использование природных ресурсов возможно (а в конечном счете и необходимо), хотя не так легко достижимо. И хотя он отдавал себе отчет в том, что регуляция природных процессов человеком — «дело необыкновенно трудное и ответственное» (Кожевников, 1928а, с. 6), он был далек от воззрений луддитов и осознавал неизбежность развития. Он призывал только к крайней осторожности и обращал внимание на то, что общество, призывающее науку способствовать обретению власти над живой природой в целом, должно опасаться того, что один-единственный непродуманный шаг, например акклиматизация растений или животных в не подходящем для того районе, может резко нарушить природные условия и исказить облик природы *.

Г. А. Кожевников, С. А. Северцов, Н. Н. Подъяпольский и др. ставили себе в заслугу то, что они не ограничивались высказываниями в узком кругу сторонников охраны природы и не довольствовались общей популярностью, но обращались к правительству, которое, по сути, было представлено странной компанией пришедших к власти профессиональных революционеров-

* В связи со значимостью и актуальностью этой проблемы вплоть до наших дней уместно привести полную цитату из Г. А. Кожевникова: «Взять в свои руки регулирование жизни природы — дело необычайно трудное и ответственное. Тут одним необдуманным шагом (например, акклиматизацией в какой-либо местности несвойственного ей животного или растения) можно сильно испортить природные условия и исказить лик природы» (там же). К сожалению, этот завет эколога-классика нарушается очень и очень часто даже в наше время. Пример тому недавние перевозки ряда видов охотничьих животных в такие уникальные регионы, как полуостров Камчатка или остров Сахалин.— *Прим. ред.*

марксистов и хозяйственников. И для того, чтобы дело охраны природы не погибло, следовало найти ему место в рамках нового советского образа мыслей. Кожевников, в частности, старался сформулировать философские позиции, общие для марксистов и экологов: незыблемо материалистический взгляд на мир и на этой основе общность интересов тех и других.

К концу 20-х годов, однако, апеллировать к материализму становилось все более и более сложно. Отдельные лица и целые группы в советской науке, в особенности в Коммунистической академии и в хозяйственных наркоматах, стремясь к государственной поддержке своих позиций и политики, губительных для природы и экологии сообществ, действовали также «во имя материализма». Таким образом, вооруженные экологическими знаниями сторонники охраны природы должны были доказать, что именно их политика и стратегия были единственно отвечающими истинно материалистическому мировоззрению и что научный материализм и его вульгарные интерпретации — это вовсе не одно и то же. По этому поводу Кожевников писал: «Развивать материалистический взгляд на природу не значит высчитывать, сколько кубов дров получится из леса или сколько долларов дадут беличьи шкурки в этом году, а значит — поставить правильное понимание жизни природы, понимание законов эволюции в основу миросозерцания всего народа. В дореволюционное время этого не было. Теперь к этому появилась идейная возможность» (так же) *.

Заповедники, вновь и вновь повторял Кожевников,— это в точности тот инструмент, посредством которого может быть достигнуто такое правильное понимание жизни природы. Но он предупреждал, что если мы не создадим материальной базы для такого изучения природы, то идея в целом окажется мертворожденной. Только природа, сохраняемая в девственном состоянии, может предоставить нам такую возможность (Кожевников, 1928а).

Вдохновленная экологическими идеями деятельность по охране природы не ограничивалась организацией сети заповедников как эталонов природы, но выливалась и в другие формы. Довольно быстро люди, проникшиеся целостной концепцией биоценологии, обретали новый взгляд на природу. Помимо всего прочего, живая природа, организованная в субсистемы, именуемые биоценозами, обнаруживала две яркие характерные черты: полную

* Зоолог с мировым именем, член многих научных обществ, Г. А. Кожевников, конечно же, понимал всю утопичность собственных оптимистических высказываний и предвидел печальное развитие дальнейших событий (об этом, в частности, свидетельствует его переписка). Но все-таки, будучи ярым эволюционистом, он принял новый строй и очень активно пытался оказать ему истинное содействие и как ученый, и как общественный деятель.— *Прим. ред.*

взаимозависимость компонентов, составляющих биоценоз, и склонность биоценозов довольно долгое время находиться в равновесном состоянии. Эти идеи закрепились в науке в терминах «сеть жизни» и «природное равновесие».

Люди, пришедшие к ви́дению природы как совокупности биоценозов, неизбежно испытывали сомнения относительно места, которое занимает в таких природных системах человек. «Всякое вмешательство в природу, даже как будто благоприятное, вроде посадок и посевов или акклиматизации (экзотических) животных,— писал Кожевников в брошюре, предназначенной для работников просвещения,— нарушает естественные условия растительных сообществ и животных биоценозов» (Кожевников, 1926, с. 13). Редакторы журнала «Охрана природы» разделяли эту точку зрения и в первом номере журнала предупреждали своих читателей о том, что «из этой сложной, выросшей тысячелетиями взаимодействий жизненной сети нельзя безнаказанно вырывать отдельные звенья» («От редакции», 1928).

Одним из первых ученых, основавших призыв к охране природы на необходимости избежать повреждения жизненной сети, был Абрам Львович Бродский, профессор зоологии Среднеазиатского государственного университета и активист отдела охраны природы Туркестанского комиссариата просвещения. Обнаружив поразительный дар прови́дения, он правильно предугадал пятилетние этапы процесса индустриализации. События такого масштаба, как «пожирание» гор и лесов «голодными» фабриками и заводами, не могут не повредить сложной ткани жизненной сети и не нарушить предполагаемого природного равновесия, встревоженно предсказывал Бродский. И в конечном итоге это не может не повредить самому человечеству.

Для Бродского и других ученых, разделявших подобные взгляды на природу, было ясно, что люди сами заинтересованы в том, чтобы восстановить нарушенное природное равновесие и осуществлять профилактические мероприятия в местах, еще не затронутых человеческим воздействием (напр., Подъяпольский, 1928 и др.). Бродский предвидел наступление времен, когда деградация биосферы может создать серьезную угрозу самому нормальному функционированию современной цивилизации. Для того чтобы избежать этого, он предлагал создавать заповедники и был согласен с Кожевниковым в том, что они должны соединяться между собой широкими коридорами, для того чтобы сохранить целостность биологических систем. Но в одном важном пункте он с ним расходился во взглядах. По Бродскому, основная функция заповедников состояла не в том, чтобы служить эталонами для экологических исследований, а в том, чтобы гарантировать доста-

точно здоровое состояние природы и тем самым поддерживать экологическую, а следовательно, и экономическую устойчивость. Таким образом А. Л. Бродский (1923) замечательно предвосхитил идеи, значительно позже высказанные современными экологами (Реймерс и Штильмарк, 1978 и др.).

К концу 20-х годов заповедники системы Наркомпроса превратились в центры по изучению экологических сообществ. Они стали испытательными полигонами проверки справедливости тех или иных биоценологических подходов. Так, Крымский заповедник был базой исследований, которыми руководил В. Н. Буковский, придерживавшийся структуралистского подхода к проблеме определения и классификации биоценозов, заповедник Аскания-Нова, расположенный в украинских степях, стал местом проведения не менее чем четырех наиболее важных исследований этого периода.

Аскания-Нова

И. К. Пачоский, первый научный руководитель заповедника Аскания-Нова, в начале 20-х годов искал здесь подтверждения своим фитосоциологическим теориям.

В середине и конце 20-х годов ботаник заповедника Наталия Шостенко руководила работой по засеиванию ранее возделывавшихся полей дикими степными травами. Это была одна из первых попыток использования девственной природы заповедника в качестве эталона для восстановления разрушенных природных сообществ (Колодько, 1928).

В 1927 и 1928 гг. талантливый молодой эколог Михаил Соломонович Шалыт и его коллеги успешно опровергли гипотезу уппсальской экологической школы, в соответствии с которой каждый биоценоз характеризуется некоторой минимальной территорией, определяемой по присутствию на ней всех (или почти всех) предположительно составляющих биоценоз видов, в особенности доминантов и субдоминантов. Используя метод квадратов Дю Рие, Шалыт показал, что у биоценозов нет определенного флористического центра, и тем самым опроверг гипотезу самого Дю Рие о том, что определенные растения, обладая некоторым сродством, «отыскивают» друг друга и в результате образуют ассоциации.

Работа Шалыта показала несостоятельность представления о том, что природные сообщества можно определять исключительно по их видовому составу. Это утверждение имело ключевое

Карта Аскании-Нова (1932 г.)
с обозначением отделений заповедника, расположенных на побережье Черного моря.

значение, поскольку открывало новые пути для выработки концепций биоценоза. Наиболее интересная из таких концепций была разработана также в Аскании-Нова блестящим, но в настоящее время почти совершенно забытым экологом Владимиром Владимировичем Станчинским, пионером целой новой области исследования — экологической энергетики.

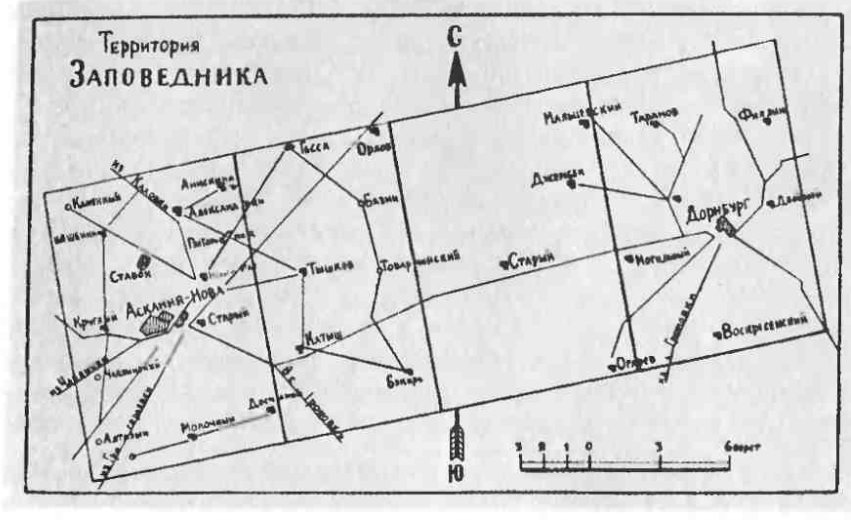
В истории Аскании-Нова ярко отразились наиболее острые проблемы и характерные черты взаимосвязанного развития движения за охрану природы и экологии в Советском Союзе.

В 1828 г. царь Николай I даровал герцогу Ангальт-Котенскому имение площадью 42 345 десятин земли, которое стало ведущим

в области применения передового сельскохозяйственного опыта. К началу первой мировой войны при последнем частном владельце этих земель Фридрихе Эдуардовиче Фальц-Фейне имение включало в себя огромное овцеводческое хозяйство, зоопарк, центр акклиматизации и небольшой участок огороженной девственной степи. В Российской империи и даже за рубежом этот участок был широко известен как оазис южной степи («Аскания-Нова...», 1924).

Первая мировая война и последовавшие за ней политические потрясения, однако, положили конец первому «золотому веку» Аскании при Фальц-Фейне. К несчастью, Аскания расположена прямо у «ворот» Крыма, в точности к северу от Перекопского перешейка, где проходили сменявшие друг друга наступления противоборствующих сил во время гражданской войны. К 1921 г. заповедник был почти полностью опустошен, почти три четверти животных зоопарка были уничтожены (Козлов, 1919, и др.).

В годы гражданской войны юридическое положение Аскании было почти столь же неустойчивым, как и военная ситуация. Когда в октябре—ноябре 1920 г. в Асканию уже окончательно вошли красные, парк и его управление было полностью разрушены. Хотя в 1919 г. был издан декрет, передававший Асканию-Нова под эгиду украинского Наркомпроса, и формально этот декрет оставался в силе, было ясно, что фактически Наркомпрос Украины не имел почти никакого отношения к Аскании. Как бы то ни было, Д. З. Мануильский, нарком сельского хозяйства Украины, смело взял на себя фактическое руководство заповедником, и его полно-

Карта Аскании-Нова, Дорнбурга и окрестных деревень.

мочия скоро были узаконены утвержденным Украинским Совнаркомом 8 февраля 1921 г. новым уставом Аскании-Нова («Аскания-Нова...», 1924; Колодько, 1928) *.

Хотя управление заповедником было передано Наркомзему, задачи, стоящие перед Асканией, в соответствии с декретом отражали оба подхода — как Наркомзема, так и Наркомпроса — к управлению охраняемыми территориями. Это было в значительной степени исторически обусловлено многофункциональным характером Аскании при Фальц-Фейне. Задачи Аскании-Нова теперь состояли не только в охране и изучении девственной степи силами научной степной станции, расположенной на совершенно нетронутой территории, но и в акклиматизации и изучении в степных условиях максимально большого числа видов растений и животных и даже создании и массовом распространении — как предполагалось, посредством гибридизации — экономически ценных видов растений и животных. Эти утилитарные задачи были возложены на зоопарк заповедника, ботанические сады, зоотехническую станцию и другие службы. Для обеспечения такой своеобразной смеси теоретических и прикладных научных разработок в заповеднике в соответствии с декретом предусматривалась организация хозяйства, что было прямым отражением суровых условий, определявших экономическую жизнь научных институтов в первые годы НЭПа.

В первые три года существования заповедника его научный отдел не процветал, по-видимому, в такой мере, как хозяйственный. Денег едва хватало на восстановление разрушенных строений, и научная работа сводилась к исследованиям Б. К. Фортунатова по наследованию у гибридов, работам орнитолога С. И. Снегиревского и фитосоциологическим исследованиям И. К. Пачоского. Полевые исследования проводились и приезжавшими в экспедиции учеными и студентами за счет самофинансирования.

Одно значительное событие, однако, стало многообещающим для будущей научной работы в Аскании. Весной 1922 г. Наркомзем УССР официально издал ряд инструкций, в которых руководство научным отделом заповедника передавалось специальной комиссии по Аскании под председательством наркома земледелия или его специального заместителя. В ее состав входили представители хозяйственных и научных организаций. Хотя это и не полностью освободило научный отдел заповедника от давления сторонников узкоприкладных исследований, однако их главенство стало менее безусловным. Эти инструкции даже позволили

* Текст документа опубликован в сб.: Степной заповедник Чапли Аскания-Нова. Под ред. М. Н. Колодько, Б. К. Фортунатова. М.—Л., 1928, с. 31 32.— *Прим. автора.*

продолжить теоретические работы по экологии, поскольку в комиссии преобладали представители Наркомпроса УССР и их сторонники.

После того как первый директор Аскании (Г. И. Бугушкан) из-за болезни ушел со своего поста в январе 1923 г., его сменил В. О. Зитте, агроном и старый партийный работник, ранее занимавший пост начальника харьковского облземотдела. Зитте удалось резко расширить территорию заповедника. В его состав вошли три примыкавших к заповеднику полуострова, а также большой участок наносной песчаной Кинбурнской косы *. Здесь были расположены основные стоянки перелетных птиц на путях миграции из Африки. Таким образом, к прямоугольнику Аскания—Успенка—Дорнбург, заповеданному в соответствии с указом 1921 г., на юго-западе и юго-востоке были добавлены участки на побережье Черного моря (Фортунатов, 1928).

Однако, несмотря на такое многообещающее начало, администрация, возглавлявшаяся Зитте и его заместителем Дюминым (также агрономом), менее чем через год потерпела полный крах. Для того чтобы финансировать капитальное строительство на территории заповедника, они получили кредит под поставки овечьих шкур в следующем году. Однако из-за массовой гибели почти всех овец они оказались не в состоянии выполнить свои обязательства.

Хотя внешней причиной отставки Зитте и самоубийства его заместителя было образование в бюджете заповедника дефицита в размере 119 тыс. руб., реальная причина коренилась в администрировании и забвении научных задач заповедника.

Отчет руководителя научного отдела заповедника зоолога А. А. Браунера от 24 марта 1924 г., направленный руководству Наркомзема УССР, рисует подробную картину печального состояния дел. Полагая, что администрация заповедника замешана в преступных деяниях (именно после этого Дюмин и покончил с собой), Браунер утверждает, что получение аванса под овечьи шкуры будущего года было частью бессмысленных, непродуманных и претенциозных проектов, включавших в себя, например, строительство театра, в то время как в зоопарке животные погибали от голода («В обществе акклиматизации», 1924).

Научный коллектив был возмущен узурпацией власти хозяйственным отделом заповедника, который должен был материально обеспечивать работу научного отдела. В написанной в то время статье Пачоский, который фактически возглавлял научную рабо-

* Полуострова Чурюк на Сиваше, Джарылгач, коса Тендра и часть Кинбурнской непосредственно к территории Аскании-Нова не примыкают. Позднее они вошли в Азово-Сивашский заповедник (ныне спецохотхозяйство, так называемое «заповедно-охотничье»).— *Прим. ред.*

ту в Аскании до 1923 г., заметил, что, «к великому сожалению... здесь на месте начал преобладать вообще взгляд на научную часть как на нечто лишь по различным соображениям терпимое, а не как на главную и основную задачу Заповедника. Такой взгляд, очевидно, передавался и вниз, достигая и рабочей массы, от которой при таких обстоятельствах трудно было бы и ожидать сознательного отношения к научной стороне дела. Пастухи знали, что плохой вид скота повлечет за собой неприятные последствия, тогда как переход за указанную для выпасания межу окончится пустяком» (Пачоский, 1924, с. 17—18).

Свидетельством серьезной озабоченности ученых было письмо, опубликованное 10 апреля 1924 г. в газете «Известия» и подписанное Н. М. Кулагиным, Г. А. Кожевниковым, Б. К. Фортунатовым и М. М. Завадовским. Зоологи утверждали, что невозможно одновременно поддерживать и мощный хозяйственный отдел, и заповедник. Они считали, что именно эта причина породила предложение некоторых работников Наркомзема УССР ликвидировать зоопарк и заповедник и превратить Асканию в совхоз. Это предложение квалифицировалось Пачоским (1924) как доведение до абсурда «совхозной тенденции» в деле управления заповедниками.

Зоологи пытались обернуть предложение Наркомзема на пользу заповеднику. Они обращали внимание на то, что потребности научного отдела очень скромны: от 20 до 30 рабочих, 5 тыс. пудов зерна и 20 тыс. т сена ежегодно,— и просили Наркомзем УССР правильно организовать дело. Если хозяйственный и научный отделы не могут сосуществовать, то следует упразднить хозяйственный отдел и вместо него установить скромную субсидию заповеднику из бюджета наркомата («В обществе...», 1924).

Наркомзем УССР пытался погасить волну протестов и опровергнуть по крайней мере некоторые из обвинений, выдвинутых в возмущенном письме ученых в «Известия». Б. К. Викторов, начальник сельскохозяйственного управления наркомата, приехавший в Асканию в разгар конфликта в качестве председателя межминистерской комиссии по расследованию, отвергал, в частности, обвинения в том, что Аскания находится на грани превращения в совхоз (Викторов, 1924).

Однако утверждение Викторова, что Наркомзем УССР выступает против расширения площади посевов за счет территории заповедника, опровергалось фактами. К 1924 г. площадь посевов превысила 4,4 тыс. га, значительно превзойдя ранее установленный наркоматом предельный уровень в 3 тыс. га. К тому же Викторову не удалось преодолеть глубокие опасения сторонников охраны природы во главе с А. А. Браунером относительно того, что

Наркомзем зáрится на оставшийся участок девственной степи и рассматривает его лишь как территорию будущих посевов.

На стороне ученых выступили политики. Резкий протест выразил Александр Шумский, нарком просвещения Украины. Именно это, более чем что-либо другое, воспрепятствовало организации совхоза, поскольку в целях предотвращения конфликтов Совет Народных Комиссаров Украины учредил новую комиссию, введя в ее состав пользовавшихся авторитетом ученых, и направил ее в Асканию с поручением разработать новый план (Колодько, 1928).

Примерно за год работы комиссия разработала новый компромиссный план. Его основные положения сводились к следующему:

1. Примерно 6,5 тыс. га девственной степи полностью исключались из хозяйственной деятельности и закреплялись за заповедником.
2. Хозяйственному отделу под посевы отводилось 11 тыс. га.
3. Примерно 24 тыс. га отводилось под пастбища для скота и обитателей зоопарка (там же, с. 35).

Однако возможность возникновения конфликтной ситуации при этом все же сохранилась. Опасения Г. А. Кожевникова и других научных работников относительно того, что заповедник не может быть слугой двух господ, оказывались все более обоснованными. Тогда как научный отдел продолжал испытывать острую потребность в средствах, хозяйственный отдел тем временем занимался своими делами. Стадо овец, насчитывавшее к концу 1922 г. 8547 голов, к 1927 г. увеличилось до 21 500 голов («Справочник...», 1927). Хозяйственный сектор должен был отвечать за обеспечение всего заповедника кормами и обслуживание научного сектора. Он начал расширять свою деятельность, не только обслуживая заповедник, но и обеспечивая прибрежные районы Черного моря семенным зерном; кроме того, он претендовал на то, чтобы служить моделью полностью механизированного хозяйства (полученная прибыль была израсходована на приобретение 40 тракторов марки «Фордзон»).

Возможно, усовершенствование деятельности хозяйственного отдела позволило бы в дальнейшем более щедро финансировать научный отдел, который пока что находился в бедственном положении (там же, с. 31). А заведующий хозяйственным отделом Д. И. Ямковой был настолько увлечен перспективами расширения сельскохозяйственного производства, что планировал увеличение дохода заповедника в 1930—1931 гг. с 200 до 300 тыс. руб., тогда как в действительности эти доходы должны были бы в значительной мере использовать на научные работы в самом запо-

веднике. Бóльшую часть доходов планировалось получить от стада крупного рогатого скота, численность которого должна была вырасти до 3 тыс. голов, и отары овец — до 60 тыс. голов. Д. И. Ямковой считал, что для их обеспечения достаточно 24 тыс. га сенокосов и пастбищ.

Еще одним источником прибыли для Аскании-Нова был туризм, хотя он, по мнению ученых, противоречил интересам заповедника. Хотя Наркомзем УССР был скуп в отношении научной степной станции, но нашел возможность выделить в 1927 г. 250 тыс. руб. для развития туризма в Аскании. Соответственно увеличился и поток туристов — с 7 тыс. в 1925 г. до 30 тыс. в 1927-м. Здесь можно проследить сходство в отношении к «степному оазису» до и после Октябрьской революции.

Безотносительно к тому, входило ли развитие научного отдела в цели хозяйственного отдела, можно было с успехом противостоять его растущей экспансии. Однако сам научный отдел не составлял единого целого, а оказался расколотым. Внутри него образовались довольно сильные подразделения, интересы которых были во многом ближе интересам хозяйственного отдела, чем интересам других научных сотрудников заповедника. В основном это были Фитотехническая и Зоотехническая станции, возглавлявшиеся соответственно Е. А. Коварским и М. Ф. Ивановым.

Основанная в 1925 г. Фитотехническая станция была ориентирована в основном на выведение засухоустойчивых сортов пшеницы и хлопка и возглавлялась агрономом. Основанная в том же году Зоотехническая станция занималась главным образом экспериментами по гибридизации и селекции крупного рогатого скота, овец и свиней и отдаленной гибридизацией — получением зуброидов путем скрещивания крупного рогатого скота с зубрами и т. п.

Хотя Михаил Федорович Иванов (1871—1935) был профессором зоологии сельскохозяйственных животных и в течение 12 лет читал курсы в Московской сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева, а после 1926 г. — в Московском высшем зоотехническом институте, он значительно легче находил общий язык с агрономами и практиками хозяйственного отдела, чем со своими коллегами-профессорами Научной степной станции. Иванов, похоже, сохранял неприязненное предубеждение против старой «буржуазной» профессуры, так как в юности он не был принят в Московскую сельскохозяйственную академию из-за своего происхождения — сын садовника («Люди русской науки», 1961) — и получил образование в Харьковском ветеринарном институте.

Более того, по-видимому, первое время М. Ф. Иванов поддерживал теорию наследования приобретенных признаков, а также

был убежденным приверженцем идеи акклиматизации экзотических животных. Эти взгляды разъединяли его с биологами, работавшими на Научной степной станции, многие из которых были сторонниками менделевской генетической теории и в силу своих экологических взглядов отрицательно относились к акклиматизации.

Можно предположить, что М. Ф. Иванов, выдвигая в начале 1928 г. свой проект реорганизации заповедника, руководствовался отчасти желанием расширить деятельность Зоотехнической станции за счет более теоретически ориентированных научных подразделений Аскании, а отчасти личным предубеждением против «буржуазных» профессоров, возглавлявших эти подразделения. Последнее роднило его не только с руководством хозяйственного отдела, но и с влиятельными кругами центральных управлений Наркомзема УССР.

Иванов пытался вписать свои предложения в общую картину модернизации Аскании, представляя их единственно возможным компромиссом между теми, кто хотел бы превратить Асканию в «гигантскую зерновую фабрику», как он писал, и теми, кто мечтал изгнать всех овец на Северный Кавказ, а коров — на Полтавщину и сделать всю территорию площадью 42 тыс. га огромным неприкосновенным заповедником (Иванов, 1928)*.

На деле предложения Иванова означали если не превращение имения в гигантское зерновое хозяйство, то его перерождение в животноводческую селекционную станцию. Они предусматривали крупномасштабное орошение степи сетью каналов, сооруженных вместе с Днепровской плотиной, и превращение сухих степей в великолепные фруктовые сады. Фрукты, закладываемые в большие силосные башни, возведенные на месте низеньких строений Аскании, удовлетворяли бы потребности в кормах гигантских отар тонкорунных овец и других сельскохозяйственных животных (Левицкий, 1929). Другие сотрудники заповедника, в том числе Е. А. Коварский и агроном, проф. В. Ф. Левицкий, предложили план, предусматривавший расширение возможностей акклиматизации экзотических субтропических растений, в том числе злаков, после ввода в строй ирригационной системы.

Научной степной станции, если только она сохранится в результате реализации «компромиссного» плана Иванова, отводилось, как и прежде, 6,5 тыс. га полностью неприкосновенной девственной степи. При этом Иванов недвусмысленно дал понять, что он больше не хочет знаться с учеными-теоретиками и что

* Более известен отрывок, опубликованный в журнале «Охрана природы», 1929, № 2, с. 55—56, как «Письмо в редакцию».— *Прим. авт.*

после реорганизации заповедника они будут не более чем терпимы в Аскании.

Комментируя гипотетический план экологов по превращению всей территории Аскании в единый заповедник, Иванов писал, что «...если вместо большого хозяйства на этой огромной площади население не увидит ничего, кроме сохранения целинной степи да фланирующих по степи зоологов и ботаников, то, конечно, таким заповедным степям несдобровать и население на них предъявит свои требования» (Иванов, 1929, с. 55—56). И наконец, Иванов безапелляционно заявлял, что степные флора и фауна «уже в достаточной степени изучены» и он не видит острой необходимости в продолжении таких исследований (там же).

Как и следовало ожидать, заявления Иванова вызвали острую ответную реакцию сторонников охраны природы. Один из наиболее удачных ответов содержался в письме в журнал «Охрана природы», которое подписали В. Г Аверин, в то время председатель Украинского комитета по охране памятников природы (УКОПП — украинский аналог Госкомитета НКП), Е. М. Лавренко, будущий известный ботаник, инспектор по охране природы Харьковского областного отдела Главного управления научных исследований Наркомпроса Украины (Укрнаука — украинский аналог Главнауки), проф. Г. Н. Высоцкий, пионер экологических исследований, и биологи Д. Виленский, Н. Белоусов, И. Тарнани.

Авторы письма были возмущены тем, что Иванов нарушил профессиональную солидарность. Особенно их оскорбило то, что Иванов обращался к «народу», настраивая его против «ботаников и зоологов», и они публично упрекали профессора в недостатке здравого смысла, тем более что большинство из этих ботаников и зоологов, «фланирующих по степи»,— это знаменитые ученые, широкоизвестные не только в Советском Союзе, но и во всем мире. Авторы письма обращали также внимание на заявление Иванова о том, что дальнейшее исследование биоты степи не является необходимым. «Какие основания для этого удивительного утверждения?» — вопрошали они с изумлением. «...Подобное утверждение свидетельствует о полной неосведомленности автора в вопросах, которые... все же касаются проблем зоотехнии» (там же). И наконец, в письме разоблачалась фальшивость так называемой компромиссной позиции Иванова и указывалось, что никто и не предлагал превращать Асканию в целом в единый заповедник. Ученые утверждали, что Иванов изобрел себе смехотворного оппонента, для того чтобы замаскировать радикальный характер своих собственных предложений.

Однако очередной кризис вызвал необходимость принятия Наркомземом УССР нового плана, который предусматривал со-

здание заповедника площадью 10 тыс. га, включавшего в свой состав зоопарк, экспериментальные станции и девственную степь. Остальные 32 тыс. га степи предполагалось передать различным государственным зерновым хозяйствам.

Наркомзем пытался обосновать свой план ссылкой на неудовлетворительный уровень научной работы в Аскании. Однако, как объяснил Станчинский, взявший в свои руки в 1929 г. бразды правления научным отделом, это был совершенно неправомерный довод: Наркомзем забыл упомянуть, что он никогда не выполнял своих обязательств по снабжению заповедника, принятых в 1925 г., и последующие четыре года постоянно сокращал финансирование и поставку оборудования, выделяемое исследовательским станциям. По Станчинскому, ничего не изменилось с начала 20-х годов.

«Мощные хозяйственные подразделения, включенные в заповедник, требовали много сил и средств. Достаточно указать, что из общего бюджета в 2 млн. рублей на научную работу расходовалось всего 200 тысяч рублей» («Труды...», 1930, с. 56).

Проект Наркомзема, несмотря на, казалось бы, более щедрое выделение земли научному отделу по сравнению с проектом Иванова, вызвал, однако, еще большую тревогу. Хотя проект Иванова предусматривал выделение 22 тыс. га под пастбища и сенокосы, такое использование этих земель все же в значительной степени сохраняло степь. В случае же реализации плана Наркомзема степная растительность неизбежно была бы уничтожена и заменена посевами зерновых культур.

Проекты Иванова и Наркомзема УССР, однако, не были реализованы. Поразительным образом реорганизация заповедника, проходившая под покровительством Совнаркома Украины, приняла иное направление. Хозяйственный отдел с его 11 тыс. га посевов был признан источником раздоров и передан совхозу. Научному отделу передавалось 25,5 тыс. га, а оставшиеся 5 тыс. га выделялись тресту совхозов под зерновые посевы с обязательством выплачивать научному отделу ежегодную компенсацию в размере 100 тыс. руб. Численность стада породистых овец для селекционной работы Иванова ограничивалась 10 тыс. голов, и, соответственно, ограничивалось их воздействие на степь, а 6 тыс. га степи оставались полностью за пределами любого хозяйственного использования и предназначались для чисто научных целей (там же).

Более того, финансирование научного отдела было включено в центральный бюджет Украины с ежегодным выделением 400 тыс. руб. (правда, Станчинский запрашивал вдвое больше), и было начато огораживание больших участков девственной степи.

Поборники охраны природы приветствовали реорганизацию как начало нового блестящего периода в истории Аскании, при котором научные цели, как и в далеком прошлом, не будут более отступать на второй план перед экономическими (там же).

Это была ошеломляющая победа сторонников охраны природы над «союзным направлением» Наркомзема и над «скотоводом» Ивановым. Отчасти это можно объяснить озабоченностью Наркомпроса Украины состоянием дел в области охраны природы *.

Не считая кратковременного управления Асканией во время гражданской войны (в основном остававшегося на бумаге), Наркомпрос Украины многие годы не вмешивался в дела, связанные с охраной природы. Фактически он начал проявлять живой интерес к судьбе Аскании во время кризиса 1923—1924 гг., когда представители Наркомпроса вошли в состав комиссии по Аскании. Тем не менее до 1927 г. единственным на Украине официальным органом, занимавшимся охраной природы, оставалась Комиссия по охране природы Научно-консультативного сельскохозяйственного комитета, образованная в 1919 г. и связанная с Наркомземом УССР, на которую была возложена ответственность и за другие заповедники, находившиеся в ведении комиссариата **.

Начиная с середины 20-х годов ситуация начинает меняться, подобно тому как это несколько ранее происходило в РСФСР. В апреле 1926 г. Наркомпрос Украины проявляет интерес к учреждению официального органа, ведающего охраной природы, и 16 июня Украинский Совнарком и Всеукраинский исполнительный комитет официально возлагают всю ответственность за охрану природы на Наркомпрос — примерно так же, как это было сделано законодательством РСФСР в 1924 и 1925 гг. (1).

Вскоре Наркомпрос более глубоко входит в управление охраной природы и к 1927 г. организует сеть своих собственных органов охраны природы, подчиненных непосредственно Главному управлению науки. По примеру РСФСР, новая межведомственная организация, названная Украинским комитетом по охране памятников природы, создается в марте 1929 г. Закон наделял УКОПП правом приостанавливать выполнение любого постановления или решения, затрагивающего природоохранные интересы, до тех

* Автор переоценивает этот успех. Заповедник получил небольшую часть асканийской степи, а вскоре утратил свою самостоятельность, войдя в состав Института гибридизации и акклиматизации животных (см. ниже).— *Прим. ред.*

** «Другие» — это ряд приморских заповедных участков, выделенных из состава Аскании в 1927 г. в объединенные «Приморские заповедники», а также Конча-Засповский, Канев-Шевченковский и Нижнеднепровский заповедники.— *Прим. авт.*

пор пока сомнительная ситуация не будет рассмотрена Наркомпросом УССР или, в случае необходимости, республиканским Совнаркомом. Похоже, что этим правом воспользовался УКОПП, после того как Наркомзем обнародовал свои планы реорганизации Аскании.

Наряду с возрастанием роли УКОПП и Наркомпроса в формировании стратегии охраны природы на пути претворения в жизнь планов Наркомзема было и другое препятствие. На Украине одним из наиболее воинственных и могущественных сторонников Наркомпроса в деле охраны природы был Союз охотников и рыболовов, возглавлявшийся образованным и энергичным руководителем В. Г. Авериным, который решительно поддержал экологические исследования в Аскании-Нова.

И наконец, следует назвать третью причину, по которой сторонники охраны природы не уступили в 1929 г. в битве за Асканию,— авторитет, интеллект и мастерство нового научного руководителя заповедника Станчинского, организовавшего защиту научного отдела под знаменем в корне новой и многообещающей программы исследований.

*Владимир Владимирович Станчинский (1882—1942)**

Ныне В. В. Станчинский в СССР почти забыт. Однако в 20-е и 30-е годы он был известен как глубокий мыслитель, разрабатывавший ряд важных проблем в биологии. Он родился 20 апреля 1882 г. в семье инженера-химика, инспектировавшего химические заводы и часто переезжавшего с места на место. Детство и юность Станчинский провел, сопровождая отца в его странствиях. Ко времени окончания в 1901 г. Смоленской мужской гимназии, он уже сменил не менее пяти учебных заведений. Станчинский каждый раз упрямо продолжал прерванное обучение. Он записался студентом отделения естественных наук физико-математического

* В книге Б. Н. Мазурмовича (1960) неверно указана дата смерти ученого (1943 г. вместо 1942 г.).

Судьба профессора В. В. Станчинского, талантливого и принципиального биолога широкого профиля, одного из первопроходцев новых отраслей экологии и биоценологии, автора ряда весьма значительных научных публикаций, была очень нелегкой. Он был арестован осенью 1933 г. и приговорен к 5 годам заключения, но в 1936 г. «дело» было пересмотрено; после освобождения В. В. Станчинский работал в Центрально-Лесном заповеднике; 29 июня 1941 г. был арестован и осужден вторично, а 29 марта 1942 г. умер в тюрьме города Вологды. Эти данные получены непосредственно от сына ученого В. В. Станчинского-младшего, которым подготовлен очерк о жизни и деятельности отца для журнала «Природа».— *Прим. авт. и ред.*

факультета Московского университета с намерением работать под руководством Мензбира, однако уже через год он продолжает обучение в Гейдельбергском университете под руководством Отто Бютли (отсюда его блестящее владение немецким языком). В 1906 г. ему присвоили степень доктора Гейдельбергского университета. Когда выяснилось, что она не признается в Московском университете, Станчинский вновь экстерном сдает экзамены и начинает преподавать, сначала на частных женских курсах в Москве, а затем на кафедре зоологии Московской сельскохозяйственной академии (впоследствии имени Тимирязева).

Во время гражданской войны Станчинский был начальником уездного отдела Наркомпроса РСФСР в г. Ельня Смоленской области и одним из организаторов нового Смоленского университета. В Смоленске, где он в свое время закончил гимназию, он вскоре стал видной фигурой среди интеллигентов города как профессор Смоленского университета и заведующий кафедрой зоологии (с 1929 г.). Одновременно он был председателем Смоленского общества врачей и естествоиспытателей, которое он же и основал (Мазурмович, 1960; Нечаева и Медведев, 1977).

Станчинский не собирался замыкаться в узких рамках таксономии или ограничиваться изучением в лаборатории морфологии птиц. Биолог-полевик и ученый с исключительно широким кругозором, он чувствовал тягу к исследованию одной из ключевых теоретических проблем биологии — механизмов видообразования. «Чувствуется настоятельная потребность объединить данные генетики с данными систематики и экологии,— писал он в посвященной этой проблеме работе 1927 г.,— с целью дать соответствующее современному уровню науки представление об эволюционном процессе в природе, примирить те противоречия, которые возникли между двумя основными течениями в современной биологии между дарвинизмом и неоламаркизмом» (Станчинский, 1927, с. 3).

В целом Станчинский поддерживал идею, что наследственное вещество входит в хромосомный аппарат живых организмов и что оно подчиняется менделевским законам расщепления. Он считал, что единственное объяснение наследственных изменений организмов состоит в мутациях, т. е. в изменениях генотипа организмов. Станчинский, однако, оспаривал другие аспекты классической генетической теории, и в особенности их применение к проблеме эволюции и видообразования. В частности, он подвергал сомнению представления о том, что индивидуальные мутации служат основой для возникновения новых популяций и в конечном счете новых видов, и развивал собственную синтетическую теорию. Идея Станчинского о двойной системе наследования

и использование двух типов хромосомного материала (один распределяется в соответствии с законами Менделя, а другой подчиняется воздействиям окружающей среды) явно перекликается с мыслями немецкого биолога Рихарда Голдшмидта (гипотеза грундштока).

Хотя предложенное Станчинским решение загадочной проблемы видообразования и отвергается современной наукой, вопросы, которые он поднял, и до настоящего времени не имеют достаточно удовлетворительных ответов. Для нас, однако, работа Станчинского 1927 г. важна тем, что в ней, полагая, что решает проблему видообразования, он перешел к рассмотрению другой важнейшей теоретической проблемы: проблемы природы биологических сообществ. Работа по этой теме является его основным и заметным вкладом в биологию XX в.

Уже в работе 1927 г. содержатся указания на то, что внимание ученого обращено к этой великой проблеме экологии. Кроме всего прочего, Станчинского заинтересовали непрерывные изменения, происходящие в живом веществе. «Находясь в беспрерывном обмене веществом и энергией с окружающей средой,— писал он,— организмы беспрерывно меняются, разрушая и синтезируя внутри себя вещества и проявляя свою жизнь». Эти изменения подчиняются закономерностям, отражающимся в существовании жизненных циклов организма и в различиях, существующих между видами. Соответственно, «каждый вид играет очень специфическую биохимическую и физико-химическую роль в природе» (Станчинский, 1927, с. 5).

Летом 1926 г. Станчинский посетил Асканию в качестве члена асканийской комиссии. Хотя его пребывание здесь было кратковременным, он уезжал убежденный в том, что Аскания-Нова представляет собой идеальное место для проведения задуманных им биоценологических исследований. Научные сотрудники заповедника также прониклись идеей систематической программы биоценологических работ и по предложению Станчинского начали предварительные исследования в вегетационный сезон 1927 г. Наиболее важной из этих работ был учет насекомых, проводившийся энтомологом заповедника Сергеем Ивановичем Медведевым одновременно с параллельными измерениями в сухом весе биомассы степной растительности.

Весной 1929 г. Станчинский, захватив с собой нескольких своих лучших учеников, прибыл в заповедник с намерением реализовать в Аскании программу своих исследований и занять посты заместителя директора заповедника и заведующего его научным отделом. Успешно выведя научный отдел из кризиса и получив приглашение возглавить кафедру зоологии позвоночных

в Харьковском университете, Станчинский оказался вполне готовым к реализации своей программы.

До Станчинского экологические сообщества различали либо по их флористическому составу, т. е. по определенным структурным характеристикам, либо, как это предлагалось швейцарской школой, по визуальной гомогенности. Никому не приходило в голову внимательно присмотреться к пищевым сетям в качестве критерия идентификации природных границ между сообществами, отслеживая прохождение продукции, образуемой первичными биологическими продуцентами (растениями и другими автотрофами) на данной территории, по мириадам биотических путей до полного исчерпания ее энергетического потенциала. Некоторые шаги в этом направлении сделал Чарльз Элтон и американские исследователи Нельсон Трансо и Ченси Джудей, но ни один из них не реализовал полностью такой подход к изучению продуктивности на системной основе за пределами уровня первичных продуцентов. Эта в высшей степени трудная и важная задача составляла ядро разработанной Станчинским программы исследований в Аскании-Нова.

Способность организма «превращать энергию в вещество» и осуществлять обмен веществ, которые они сами и синтезируют, приковала внимание Станчинского. Как он сам охотно признавал, этот интерес к вездесущим процессам кругооборота веществ и энергии — потокам вещества и энергии между живой и неживой природой — был инспирирован В. И. Вернадским. Именно Вернадский первым обратил внимание на уникальную роль каждого вида в динамических процессах кругооборота вещества и потока энергии и полагал, что отдельные виды выполняют специфические биогеохимические задачи в экономике природы. В соответствии с теорией Вернадского роль каждого вида в этой экономике определяется уникальными биохимическими и энергетическими потребностями его членов. Эти потребности в свою очередь определяются уникальным биохимическим составом тканей этих видов.

Стремясь объяснить это явление, Станчинский (1931) предложил воспользоваться термином «видовое вещество», несколько изменив понятие, введенное В. И. Вернадским (этот термин близок к ныне очень популярному выражению «биомасса», хотя и неидентичен ему).

Увлеченный возможностями, эскизно намеченными Вернадским, Станчинский задался целью в конечном итоге построить картину динамики природного сообщества во всем его многообразии, которую можно было бы свести к ряду закономерностей, описываемых математически.

В 1931 г. Станчинский с убеждением писал, что «экология по-

степенно становится точной наукой... Возникает потребность в применении точных измерительных методов» (Станчинский, 1931а). В своем стремлении сделать экологию более эмпирической он был не одинок. С. А. Северцов и Г. Ф. Гаузе в России, Альфред Лотка в Соединенных Штатах, Вито Вальтерра в Италии, Владимир Костицин во Франции пытались свести взаимоотношения «хищник — жертва» и «паразит — хозяин», т. е. популяционную динамику, к законам, следующим из физики и физической химии (Kingsland, 1985). Хотя редукционализм Станчинского был менее ярко выражен, чем у некоторых его коллег, его работа, по крайней мере первоначально, представляла собой попытку привести биологические явления к единому физическому знаменателю — энергии. Это позволило бы описать эти явления математическими уравнениями и, таким образом, сделало бы их предсказуемыми. Экология была еще очень далека от состояния, когда это стало бы возможным, в особенности в то время, когда преимущественное внимание в России уделялось развитию прикладной науки. Таково было положение дел, которое Станчинский надеялся исправить.

Исходным пунктом построений Станчинского было предположение, что «количество живого вещества в биосфере стоит в прямой зависимости от количества энергии, трансформированной автотрофными растениями»; автотрофы — это не более чем «та экономическая база, на которой строится жизнь» (Станчинский, 1931, с. 42). Сама биосфера состоит из подсистем — биоценозов, у каждого из которых есть свой собственный экономический фундамент и равным образом индивидуальная «суперструктура», которые обеспечивают существование всей трофической лестницы с первичными продуцентами на нижней ступени.

Одним из главных свойств биоценозов, считал Станчинский, является их замечательная относительная устойчивость, динамическое равновесие. Следует сказать, что существование биоценозов как природной реальности допускалось большинством экологов того времени. Исключение составляли Л. Г. Раменский, предтеча континуальной концепции в анализе растительного покрова, и американец Генри Аллен Глизон.

Относительная численность различных составляющих биоценоз видов остается поразительно постоянной в течение длительных промежутков времени, несмотря на то что теоретически каждый вид способен к экспоненциальному росту численности (его же, 1931б) *. Это объясняется тем, что между «аутотрофной и гете-

* Основополагающая статья В. В. Станчинского «О значении массы видового вещества в динамическом равновесии биоценозов» была опубликована в первом (и единственном!) номере вновь созданного «Журнала экологии и биоценоло-

ротрофной частями биоценозов, между фитофагами и зоофагами, хозяевами и паразитами и т. д.» существует «определенное соотношение, известная не учтенная еще никем пропорциональность» (его же, 1931, с. 42).

Размещая различные организмы на ступенях «трофической лестницы», от первичных продуцентов и до сапрофагов, Станчинский постоянно обращается ко второму закону термодинамики для объяснения того, что он называет убывающим агрегированием биомассы на каждой последующей ступени лестницы. Закон утверждает, что в каждый момент времени в процессе переноса энергии некоторая ее часть теряется, поскольку превращается в тепло за счет работы, делающей перенос возможным. Применяя этот закон к энергии, доступной в биоценозе, Станчинский пришел к заключению, что на каждой последующей ступени лестницы находится меньше доступной в виде пищи энергии, чем на предыдущей ступени, так что каждый последующий уровень зависит от предыдущего, представляющего собой источник энергии, однако не обладает таким же запасом энергии; организм должен произвести некоторую работу по добыванию и перевариванию пищи, а также по осуществлению великого множества других жизненных функций.

Таким образом, разрешалась загадка «пирамиды Элтона» — был получен ответ на вопрос о том, почему столь относительно малочисленны крупные хищники. В соответствии с теорией Станчинского эти хищники находились на самой верхней ступени трофической лестницы своих биоценозов, следовательно, располагали наиболее ограниченным из всех источником энергии, что иделало невозможной их многочисленность.

Для изучения столь сложной проблемы Станчинский прежде всего разработал математическое описание энергетической роли каждого вида. Для простого теоретического биоценоза, состоящего лишь из зеленых растений и обобщенного гетеротрофного уровня, Станчинский ввел математические обозначения различных путей производства, потребления и переноса энергии. Вероятно, высшим его достижением было то, что на основе этих символов ему удалось сформулировать математическую парадигму, описывающую годовой энергетический бюджет теоретического

гии», вышедшего в 1931 г. под редакцией В. В. Станчинского и Д. Н. Кашкарова. В состав редколлегии были включены американские экологи В. Шелфорд и Ч. Эдамс, которым редакторы выслали экземпляры своего журнала. Спустя тридцать лет проф. Западно-Мичиганского университета Ричард Брюэр, разбирая архив Эдамса, обнаружил этот журнал, высоко оценив новизну и значимость работы В. В. Станчинского.— *Прим. автора.*

биоценоза. Это была первая в истории попытка такого рода (он же, 1931б).

Станчинский полагал, что, изучая потоки энергии во всевозможных биоценозах, люди со временем смогут с высокой степенью точности рассчитывать продукционную способность этих естественных сообществ и в соответствии с этим строить свою собственную экономическую деятельность. Он отмечал, что особое значение будет иметь выяснение — посредством изучения трофической динамики биоценозов — тех «оптимальных условий», при которых различные организмы могут переработать в биомассу максимальное количество энергии. Излишне говорить, что такая программа сулит очень многое сельскому хозяйству и экономике в целом (он же, 1931).

Такая программа биоценотических исследований могла также быть полезной в области биологической защиты культурных растений, позволяя избежать использования пестицидов. Станчинский писал: «Необходимо искать новые, более эффективные пути борьбы с вредителями, в которой еще преобладают дорогие истребительные методы (к тому же часто включающие ядовитые вещества, не только уничтожающие вредителей, но вредящие человеку и полезным организмам, как, например, излюбленный мышьяк)» (2)*. Таким образом, глубокое знание экологии насекомых даст возможность ученым разработать другие, естественные методы популяционного контроля, далеко не столь вредные для человека и природных сообществ.

Уже в 1927 г. Медведев начал проводить учеты растительности и основных гетеротрофных консументов в блюдцеподобном понижении в асканийской степи**. Приехав в 1929 г., Станчинский сам подключился к этой работе. В первое же лето исследования привели к интересным и значительным результатам. Он обнаружил, что периоды максимума биомассы на предыдущем и последующем трофических уровнях не совпадают. На нижнем уровне максимальная биомасса достигается значительно раньше, чем на следующем. Объясняя это различие как результат адаптивной эволюции, Станчинский выдвигает гипотезу, в соответствии с которой растения должны осеменяться до того, как они будут съедены травоядными; тем самым обеспечивается их неубывающее рассе-

* Термин «пестициды» в то время еще не употреблялся, но мы знаем, как актуально звучит эта проблема сегодня, и надо отдать дань уважения провидению В. В. Станчинского.— *Прим. ред.*

** Несколько упрощая, можно сказать, что речь идет о тщательных учетах всех растительных и животных организмов в пределах Чапельского пода.— *Прим. ред.*

ление из года в год. Соответственно, этот цикл сохраняется в состоянии относительного равновесия (Станчинский, 1931 б).

В тот же год Станчинский разработал методологию и инструментарий для измерения биомассы различных составляющих биоценоз видов, обитавших в ковыльно-типчаковой степи. Особое внимание следует обратить на использование им пробных площадок различного размера и на специальные ловушки, предложенные им для отлова и измерения биомассы насекомых, паукообразных и других мелких обитателей пробных площадок. Он называл эти инструменты биоценометрами (там же, 1931 а).

Определение первичной продукции растительности и вторичной продукции животных было лишь первым шагом в реализации программы Станчинского. В Асканию для оценки энергетических потребностей отдельных видов были приглашены физиологи, поощрялось также участие в программе и других специалистов. Планировалось даже проведение сравнительных исследований по различным типам культивируемых земель и девственной степи по продуктивности, устойчивости и другим характеристикáм сообществ (Нечаева, Медведев, 1977).

Программа Станчинского была первой, в своем роде пионерной для всей биологической науки. Исходной точкой программы была некоторая совокупность новых взглядов на природу, инспирированная Вернадским, однако она шла много дальше, вводя в изучение природных сообществ математически обоснованную систему анализа. Сведение Станчинским природных сообществ к совокупности формальных взаимоотношений между трофическими уровнями, основанных на трансформации энергии, составило, по мнению видных экологов, центральную новую парадигму в биологии XX в. и было развито рядом исследователей, в частности Г. Одумом.

Заповедники Наркомзема

В отличие от заповедников Наркомпроса, в особенности Аскании-Нова, где проводились экологические исследования, в заповедниках Наркомзема РСФСР и их республиканских аналогах теоретическая научная работа полностью отсутствовала. Небольшая научная работа велась в Воронежском охотничьем бобровом заповеднике. Здесь были начаты работы по биологии бобра, его разведению в неволе и акклиматизации.

В заповедниках Наркомзема основной считалась функция резервата, т. е. территории, предназначенной для восстановления численности промысловых животных. Как правило, это были один или два экономически важных вида промысловых живот-

ных, которых заповедник призван был возродить к жизни, например бобр в Воронежском заповеднике, соболь в Баргузинском и дикий северный олень в Лапландском заповеднике (Чуна-Тундра). В некоторых из этих заповедников под охраной состояли, по-видимому, лишь экономически важные виды, и администрация закрывала глаза на лесозаготовки, рыбную ловлю и выпас скота. Эти нарушения заповедного режима часто приносили вред даже тем специально охранявшимся видам, для которых и создавался заповедник (Федюшин, 1972 и др.).

Некоторые, в том числе и Северцов, пытались доказать, что существенной разницы между заповедниками Наркомзема и Наркомпроса нет или по крайней мере не должно существовать. Сравнивая документы, регламентирующие деятельность различных заповедников каждого из комиссариатов, Северцов не смог найти «никаких существенных различий в их юридической природе» (Северцов, 1929а, с. 51). Считалось, что во всех заповедниках должен быть полностью заповедный режим, охраняющий природный комплекс в целом, а не исключительно промысловых животных, отмечал он. Аналогичным образом все они предназначались для проведения научной работы по изучению этих природных сообществ.

Возможно, надеясь на то, что его слова сбудутся, Северцов утверждал, что определение «охотничий», которое Наркомзем настойчиво присовокупляет к слову «заповедник», означает просто возврат к уже изжитому пониманию заповедников как мест, где охраняются промысловые животные, и в настоящее время представляет собой явный анахронизм (там же).

Нам представляется, что попытка Северцова представить дело так, будто между взглядами Наркомпроса и Наркомзема на охранямые территории нет никакой разницы, была искусным ходом, а не актом самообмана. Мог ли он так быстро забыть заседание Госкомитета в апреле 1927 г., на котором он присутствовал в качестве ученого секретаря и где препятствием к принятию предложения о переводе местного Воронежского бобрового заповедника в ранг государственного оказалась именно узость интерпретации функций заповедника со стороны Наркомзема? (3). В тот раз Госкомитет ясно дал понять, что это утверждение зависит от принятия Наркомземом трех условий, составляющих суть вопроса о том, что есть заповедник. Вот эти три условия:

1. Научная работа в заповеднике Наркомзема должна координироваться с учетом всех организаций, представленных в Госкомитете.

2. Доходы от эксплуатации ресурсов буферной зоны заповедника должны идти на финансирование научных исследований в за-

поведнике, а не в сейфы Управления лесного хозяйства Наркомзема.

3. Вопрос о точном назначении заповедника должен решаться научно-методической комиссией Госкомитета.

В отличие от прагматической направленности Воронежского заповедника цели находившегося в ведении Наркомпроса Астраханского заповедника, который получил ранг государственного лишь семью месяцами позднее, были подчинены научным интересам, а именно предусматривали «сохранение в неприкосновенном виде для научных исследований девственной природы в дельте Волги с характерным для нее растительным и животным миром» (4). Как бы то ни было, тождественность задач этих двух заповедников в конечном счете была результатом условий, выдвинутых Наркомпросом и без всякого энтуазиазма принятых Наркомземом.

При рассмотрении ситуации в Воронежском заповеднике Наркомпрос успешно отстоял свое право формулировать минимальные научные направления в деятельности заповедника безотносительно к его подчинению. Этого удалось добиться по двум причинам. Во-первых, Наркомпрос настаивал на том, что в соответствии с существующим законодательством высшая ответственность за все заповедники в РСФСР ложится на него, невзирая на то, какому ведомству принадлежит заповедник. Что побудило Наркомпрос действовать подобным образом, так это растущая среди активистов движения за охрану природы вера в то, что на любой территории, получившей название заповедника, обязательно должны вестись научные исследования по всему природному комплексу территории безотносительно к другим функциям каждого конкретного заповедника. Что касается борцов за охрану природы, то они возражали не против того, чтобы Наркомзем создавал территории, на которых охраняются лишь промысловые животные, но против его настойчивых попыток называть такие резерваты «заповедниками» или на худой конец «охотничьими заповедниками». Для работников Наркомпроса такое использование этого термина выглядело абсурдным, поскольку в их понимании настоящий заповедник не может создаваться для охраны одного или нескольких избранных видов, а должен охранять весь природный комплекс.

Ни одну из сторон нельзя безоговорочно обвинить в семантической неряшливости, поскольку в действительности не существовало приемлемой классификации охраняемых территорий, основанной на их функциях или режиме, с которой бы все соглашались. Оба наркомата не желали ни уступать исключительное право на использование популярного термина «заповедник», ни раз-

рабатывать собственную терминологию, описывающую характерные черты охраняемых территорий, находящихся в их подчинении. В результате деятелям охраны природы приходилось мириться с несовершенной схемой Соловьева, в то время как оба наркомата готовились к сражению за советские заповедники.

Глава 7

Съезд по охране природы 1929 г.

В сентябре 1929 г. в Москве собрался долгожданный съезд, чтобы определить дальнейшие пути развития природоохранного движения. Первоначально Главнаука намеревалась провести весной «круглый стол» ведущих активистов этого движения в РСФСР. Однако широко распространившийся слух о предстоящем собрании вызвал такой энтузиазм, особенно в провинции, что решено было созвать полноценный съезд («Труды...», 1930) * Это было неспокойное время; шла первая пятилетка, ознаменовавшаяся началом индустриализации всей страны; в это же время первые отряды рабочих и молодых коммунистов из городов прочесывали деревни, организуя колхозы.

Всероссийский съезд 1929 г., не представляя полностью все природоохранное движение, являл собой внушительное зрелище. Несмотря на непропорционально высокое представительство Москвы и Ленинграда, более половины делегатов с правом решающего голоса (64 из 124) были посланцами от краеведов других регионов. Только 44% делегатов являлись членами ВООП.

По своему социальному положению делегаты съезда в большинстве своем относились к интеллигенции; $^3/_4$ делегатов имели высшее образование, 15% — образование в объеме гимназии или ниже. Из них только 13% были членами ВКП(б) и республиканских компартий. Преобладание делегатов-мужчин было почти абсолютным; делегаты-женщины составляли 8%, что отражало устойчивость старых структур власти в академической среде даже после НЭПа.

В национальном отношении это было очень пестрое собрание. На съезде были аккредитованы делегаты из Закавказья, Украинской и Белорусской союзных республик, хотя съезд, строго говоря, был посвящен «всероссийским» делам.

Профессиональный спектр делегатов был очень разнообразен. Среди них были лесничие, музейные работники, художники, сотрудники и руководители заповедников, а также врачи, студенты,

* Около 60% расходов по этому съезду общей суммой 3780 руб. были покрыты Наркомземом РСФСР, Наркомторгом РСФСР и СССР и Всекохотсоюзом.— *Прим. авт.*

члены президиума ВЦИК, официальные представители советской бюрократии. Обособленную группу составляли почти 20 профессоров, 15 из которых были специалистами в какой-либо отрасли биологии, и весьма значительное число доцентов и преподавателей. С точки зрения принадлежности к различным организациям делегаты представляли практически все главные учреждения, занимавшиеся охраной природы: Наркомпрос РСФСР, Наркомзем РСФСР, Наркомторг СССР, Госторг РСФСР, ВСНХ РСФСР, ВООП, ЦБК, Госкомитет, Союз промыслово-охотничьих кооперативов, Академию наук, университеты и ботанические сады.

Утром 23 сентября 1929 г. I Всероссийский съезд по охране природы собрался в московском Доме ученых на Кропоткинской улице. Со вступительным словом выступил высокий, бородатый, носящий пенсне старый большевик Петр Гермогенович Смидович, председатель съезда. Активист большевистской партии с 1908 г., председатель Моссовета в 1917—1918 гг., член ЦИК и ВЦИК, он был в курсе всех дел, связанных с охраной природы (напомним, что именно он возглавлял в разное время Комитет народов Севера, Центральное бюро краеведения, Госкомитет по заповедникам и др.). Он был известен на Западе по фотографии времен гражданской войны как таинственный человек в мягкой белой шляпе, стоящий рядом с Лениным и Свердловым на Красной площади, или, быть может, как супруг Софьи Николаевны Смидович, главы Женского отдела партии (Женотдела). В течение десяти лет после революции он занимал престижные посты в партии и правительстве. С весомостью, свойственной члену правительства и верному партийцу (а также демонстрируя серьезность своего отношения к съезду), Смидович передал конгрессу благословение правительства. «Советская власть,— заявил он,— не может не стараться создать благоприятные условия для развития дела охраны природы» («Труды...», 1930, с. 125).

Смидович, однако, выступал не только как добрый вестник. В своей речи он намекнул, что природоохранное движение должно претерпеть глубокие изменения, если оно хочет выжить в условиях социалистического строительства. Оно должно впредь не ограничивать себя только охраной, но сосредоточить усилия на изучении факторов, повышающих производительную способность природы в интересах развития экономики. Подчеркнув, что деятели охраны природы не могут больше позволять себе оставаться в изоляции от общественной и политической жизни, он призвал делегатов донести свой голос до «широчайших кругов советской общественности» (там же).

До созыва съезда казалось, что природоохранное движение вполне свободно от официальной опеки. Вероятно, в этом были

и положительные и отрицательные стороны, так как в то время, когда наука в целом была предельно политизирована, в большей степени, чем во времена гражданской войны, определенная аполитичность ставила природоохранное движение в особое положение, в то время когда природа подвергалась невиданным испытаниям. Но если бы природоохранное движение не вступило в политическую рискованную игру и не заставило режим и общество выслушать себя, то оно, несомненно, оказалось бы полностью несостоятельным, а его дело было бы обречено.

В то же время оказаться явно на виду также было опасно. Как и вся советская интеллигенция вообще, делегаты съезда не могли не заметить надвигающейся бури культурной революции. При любой деятельности, имеющей хотя бы косвенное отношение к политике, опасно было делать ставку на любую политическую ориентацию. Это в полной мере относилось к области охраны природы, любые действия в которой приобретали отчетливую политическую окраску. Многие уже осознали опасность искренности (или скоро осознают ее) и в своих выступлениях весьма тщательно подбирали слова и выражения. Ни один из ораторов не был столь безрассуден, чтобы открыто оспаривать положение, что охрана природы должна быть поставлена на службу строительства нового социалистического общества. Но и клятвы на верность социалистическому строительству для многих были не более чем просто данью политической риторике. Значительные различия во взглядах скрывались под видимостью единодушия.

Крайнюю позицию выразил делегат общества юных натуралистов Петр Петрович Смолин (1897—1975), откровенный глашатай настроений молодежи. Один из основателей знаменитого КЮБЗа * (кружка юных биологов Московского зоопарка) и активист юннатского движения с 20-х годов, он позднее работал сначала в Архангельске (на Северной охотстанции), затем в Крымском госзаповеднике, а на заключительном этапе своей жизни, будучи сотрудником Дарвинского музея в Москве, успешно возглавлял юношескую секцию ВООП, снискав там широкую популярность. Однако в бурное время культурной революции эстетика, радость общения с дикой природой, стремление сохранить биологическое разнообразие видов — все это играло незначительную роль в представлениях Смолина об охране природы. Он был не в состоянии или не хотел видеть неизбежность противоречия между безудержной индустриализацией и охраной природы.

«Приходится отмежеваться от такого понимания охраны при-

* Фактически КЮБЗ основан в 1923—1924 гг. тогдашним директором Московского зоопарка, будущим членом-корреспондентом АН СССР, известным биологом М. М. Завадовским (1891—1952).— *Прим. ред.*

роды, при котором производственная... деятельность человеческого коллектива противопоставляется игре стихийных сил природы и работа по охране природы сводится к тому, чтобы в возможно большей степени оградить эту стихийную игру от планового вмешательства человека. Такая «охрана природы» не сможет найти себе места в плане работ советской молодежи... Голая идея консервации (природы) органически чужда активной молодежи, а в особенности молодежи советской, охваченной пафосом строительства и реконструкции» («Труды...», 1930, с. 151).

Односторонности Смолина противостояла позиция А. Ф. Вангенгейма, председателя ВООП, заместителя начальника Главнауки и одного из организаторов съезда. «Крайне важно связать дело охраны природы с пятилетним планом в целом»,— заявил этот метеоролог, переквалифицировавшийся в профессионального руководителя. Однако он считал крайностью позицию, в соответствии с которой охрана природы рассматривается исключительно как средство рационализации производства и эксплуатации природных ресурсов. Вангенгейм подчеркивал, что не следует упускать из виду чисто культурные и научные интересы, связанные с охраной природы (там же, с. 25).

Другую крайность представляли взгляды тех людей, которых Смолин насмешливо аттестовал как приверженцев бесплодной идеи невмешательства в природу, т. е. тех, чье благоговейное отношение к девственной природе основывалось на эстетических и на этических представлениях. Однако нападать на такой подход к охране природы в 1929 г. было все равно что стегать павшую лошадь, поскольку уже к середине 20-х годов сторонники таких взглядов либо кардинально изменили свою точку зрения, либо хранили молчание.

Правда, эстетическая направленность в деле охраны природы в ВООП изредка еще давала себя знать. Немногочисленные представители этого течения, продолжая отстаивать идею создания национальных парков в духе американских, прикрывались терминами, почерпнутыми из экономики и социалистической эстетики. Одним из проявлений эволюции эстетического подхода было поддержанное некоторыми деятелями охраны природы утверждение, что любовь к природе составляет неотъемлемую часть новой социалистической эстетики. Основной довод состоял в том, что суть человека социалистического общества не сводится лишь к его экономическим потребностям — новый человек должен вернуться к естественной первозданной простоте. Сторонники социалистической эстетики утверждали необходимость демократизации проведения досуга на лоне природы. Обе эти цели могли быть достигнуты воспитанием у рабочих интереса к природе и созданием

ловий для отдыха за городом («От редакции», 1928, № 1, с. 3).

На съезде, однако, сторонники эстетически ориентированной охраны природы хранили молчание. Только профессор геологии Московского университета С. Г. Григорьев открыто выразил свое огорчение тем, что на съезде мало говорилось о необходимости охраны ландшафтов в целом и вообще ничего — об охране геологических памятников. Но даже при этом оставалось неясным, имеет ли Григорьев в виду эстетическую сторону дела или чисто научную. Как бы то ни было, большинство делегатов отчетливо осознали, что охрана ландшафтов в чистом виде лежит в русле идей, связанных с невмешательством в природу,— идей, не встречавших одобрения,— и поняли, что в современных условиях совершенно невозможно уберечь такие территории от немедленного хозяйственного использования, не прибегая к прямым или косвенным экономическим аргументам. Даже сторонники охраны природы были способны на некоторые компромиссы с реалиями *.

Показательно, что в 1927 г. В. Т. Тер-Оганесова на всех наркомпросовских постах сменил М. П. Потемкин. Отдел охраны природы утратил свою прежнюю самостоятельность, войдя в состав отдела научно-исследовательских учреждений.

Одна из наиболее важных тем, обсуждавшаяся на съезде, относилась к плановым заданиям охотничьего промысла. После ожесточенного конфликта в конце апреля дискуссия между Госкомитетом и хозяйственными наркоматами тянулась все лето, но ни к чему не привела. Прежде всего было ясно, что добычу пушнины планируется резко увеличить. М. П. Потемкин настойчиво отстаивал заключение большинства Госкомитета, в соответствии с которым предложенные хозяйственными ведомствами контрольные цифры первого пятилетнего плана выходили далеко за границы здравого смысла. Последовательно рассматривая район за районом и вид за видом, Потемкин нарисовал картину, из которой следовало, что плановые задания представляют собой оргию безрассудства. В отношении Мурманско-Беломорского района, например, план предусматривал увеличение ежегодного промысла тюленей со 117 тыс. взрослых особей и 4735 щенков до 350 тыс. голов в целом. В предвоенные годы ежегодно добывалось не более 67 тыс. голов («Труды...», 1930, с. 16). Поскольку норвежцы ежегодно добывали еще 200 тыс. голов, то при общей численности

* На съезде уделялось довольно много внимания рекреационной роли особо охраняемых природных территорий (доклады Пузанова И. И., Кожевникова Г. А., Д. Н. Кашкарова и др.). Профессор Д. Н. Кашкаров, по сути, впервые предложил размежевать функции научных заповедников и национальных парков «с доступом для просветительных целей» («Труды...», 1930, с. 28). См. об этом ниже.— *Прим. ред.*

стада всего лишь около миллиона голов суммарный ежегодный промысел уже достигал 320 тыс. голов. Не было никаких оснований ожидать, что Норвегия сократит свой промысел, в то время как Советский Союз его утроит, и таким образом плановые задания попросту приведут к неминуемой катастрофе уже в ближайшем будущем.

Сходное положение складывалось и в отношении предусматривавшихся пятилетним планом заданий на промысел калана в прибрежных водах Дальнего Востока и в Тихом океане. Как можно планировать ежегодный промысел в 350 голов, когда общая численность популяции составляет всего лишь около 450 голов? Это также обрекало популяцию на вымирание. Ничего ободряющего не содержал доклад Потемкина и в отношении китобойного промысла, а также промыслового лова рыбы на озере Байкал (там же).

Вряд ли такие сверхзавышенные плановые задания экономика может выдержать, считал Потемкин, в особенности когда рыбному промыслу угрожает опасность растущего загрязнения вод и проектируемого массового строительства гидроэлектростанций и ирригационных сооружений. Необходимо соотносить плановые задания на промысел различных видов с естественной скоростью их размножения, а также искоренить анархию из-за несогласованного промысла в водах, относящихся к ведению более чем одной республики. Суммируя свои замечания относительно плановых заданий, Потемкин заявил, что «традиции дореволюционного хищнического хозяйства до сего времени еще не преодолены» («Труды...», 1930). В том же духе были выдержаны речи на съезде Н. М. Кулагина и С. А. Северцова, которые использовали проблему охотничьего промысла, для того чтобы обосновать важность экологии как науки и заповедников — как ведущих центров такой деятельности.

Отвечая на резкие критические замечания, лишь немногие отваживались защищать контрольные цифры промысла. Один из них, представитель Госторга Ю. А. Кудрявцев, отрицал возможность катастрофического сокращения численности промысловых животных и утверждал, что нарушение официальными ведомствами документов по охране природы носит характер «отдельных перегибов», а не сознательной политики. Планируемые контрольные цифры промысла, в сочетании с селекцией сельскохозяйственных животных и деятельностью по акклиматизации новых видов приведут к тому, бодро предсказывал он, что теперешнее давление на дикую природу в значительной степени ослабнет.

Однако оптимистическая оценка Кудрявцева не нашла поддержки. Большинством голосов делегаты съезда при поддержке

сторонников Наркомпроса приняли резолюцию, выдержанную в духе резко критических замечаний Потемкина и Кулагина и предложенных ими рекомендаций. Отмечая «отдельные достижения» Наркомзема и других ведомств, резолюция подчеркивала кризисный характер «прогрессирующего уменьшения основных запасов» животных и призывала к проведению их учета, организации института охотоведения и более строгому контролю со стороны Госкомитета за соблюдением установленных норм промысла. Резолюция съезда решительно выступала в защиту морских млекопитающих и предупреждала ведомства, ответственные за «новые грандиозные формы советского хозяйства (гидроустановки, ирригация и все более увеличивающийся лесосплав)», что их воплощение может серьезно затронуть интересы рыбного хозяйства. Пойти на это грозило бы неизбежными серьезными экономическими потерями (там же, с. 192).

Хотя резолюция съезда была не в состоянии что-либо реально изменить, она свидетельствовала о растущем разочаровании среди деятелей охраны природы. Попытки убедить хозяйственных работников и бюрократов в своей правоте и найти с ними общий язык сменились теперь готовностью к конфронтации.

На съезде разгорелась также дискуссия относительно лесозаготовок и расчистки под пашню уцелевших участков девственной степи. И снова первым против хозяйственных наркоматов выступил М. П. Потемкин. Он заявил, что лесовозобновление представляет собой фикцию и в довершение ко всему контрольные цифры пятилетнего плана предусматривают стопроцентное увеличение заготовок древесины. Даже земли заповедников, как уже существующих, так и намечаемых, находятся в опасности (там же).

До конца 1929 г. большинство деятелей охраны природы, хотя и сетовали на несовершенства охранного режима в заповедниках Наркомзема, все же не считали ситуацию критической. По сути дела, Главнаука пыталась навязать свои собственные представления относительно режима и функций заповедников Наркомзему РСФСР, как это было в случае с Воронежским государственным заповедником. Фактически же борьба развернулась вокруг права на использование самого термина «заповедник».

20 июня 1929 г., в начале двухмесячного перерыва в работе государственных органов, в делах, связанных с Наркомпросом и охраной природы, произошли совершенно неожиданные изменения. Закулисная борьба вышла наружу, и оказалось, что замена Луначарского на посту главы Наркомпроса Бубновым неизбежна и в руководстве самой Главнауки грядут многочисленные перестановки. В конце 1927 г. Ф. Н. Петрова на посту начальника Главнауки НКП сменил Мартын Николаевич Лядов. Однако положе-

ние его было непрочно: в начале 1930 г. его сменил Иван Капитонович Луппол. В этот момент Наркомзем и нанес решительный удар: Совет РСФСР по экономическим и социальным вопросам (орган Совнаркома, готовящий декреты) принял, казалось бы, невинное решение о передаче трех наиболее важных заповедников Наркомпроса — Кавказского, Крымского и Астраханского — в ведение Наркомзема РСФСР (1).

Тревогу, охватившую многих ученых, хорошо выразил Потемкин, заявивший во всеуслышание, что над лесами Кавказского заповедника нависла грозная опасность. Еще более тревожной была перспектива возможной передачи в ведение Наркомзема других заповедников. Наркомзем вкушал первые сладкие плоды триумфальной победы, и размеры его аппетитов нельзя было предсказать.

Профессоры С. С. Ганешин, С. Г. Григорьев и П. Е. Васильковский немедленно предложили резолюцию, призывающую вернуть заповедники в систему Наркомпроса. В. Г. Аверин с Украины пошел еще дальше, предложив категорически потребовать передачи в ведение Наркомпроса всех заповедников. Заказники, статус которых следовало четко определить в соответствии с их названием: охотничьи резерваты,— должны были, соответственно, составлять единственное исключение и оставаться в ведении Наркомзема.

В конце дискуссии Потемкин попытался предотвратить нарастающее противостояние между большинством делегатов и представителями Наркомзема РСФСР. Он предложил создать специальную комиссию для рассмотрения сложившейся ситуации и поручить ей подготовить соответствующую декларацию. События, однако, опередили его, сведя на нет эти дипломатические усилия. Большинством голосов был принят проект письма, адресованного СНК РСФСР и содержащего категорический протест от имени съезда против передачи заповедников.

Кроме возмутившего всех захвата трех заповедников Наркомпроса, другим острым вопросом был вопрос об организации Центрально-Лесного заповедника. Григорий Леонидович Граве, старший преподаватель зоологии Смоленского государственного университета и начальник экспедиции Главнауки, которая выбрала для заповедника Бельские леса, сообщил делегатам съезда, что Наркомзем РСФСР уже открыто объявил о своем противодействии созданию заповедника. Связанный решением конференции Наркомпроса в мае 1929 г., Наркомзем сделал вид, что отказался от своих намерений и согласился с решением Госкомитета об образовании заповедника. В то же время он не прекратил лесозаготовки на предложенном для заповедника месте. Теперь наконец

Наркомзем отбросил всякую недосказанность в отношении своих намерений на этой территории. Более того, Граве стало известно от Петрушина, представителя Наркомзема на съезде, что не только земли заповедника, но и все леса по всей Западной области, включая Бельские леса, предназначены на вырубку с последующей расчисткой под пашни. Волна возмущения прокатилась по аудитории, услышавшей разоблачения Граве.

Многие делегаты не могли поверить в то, что леса целой области в соответствии с «планом» были обречены на исчезновение с лица Земли. Возникла проблема, далеко, очень далеко выходящая за рамки вопроса о Центрально-Лесном заповеднике. Разгорелись страсти, и три наиболее уважаемых делегата съезда — Кожевников, Аверин и Станчинский — убедили съезд принять по крайней мере решение относительно судьбы заповедника, уверенные в том, что Наркомпрос немедленно доведет его до сведения Совнаркома. Как заметил Граве, «пока этот вопрос годами разрешается, леса сводятся» («Труды...», 1930, с. 173).

Деятели охраны природы Главнауки и работники Наркомзема также резко расходились во взглядах на необходимость охраны еще уцелевших участков девственной степи в РСФСР, особенно в европейской части. Потемкин напомнил съезду, что время бежит быстро и что не кто-нибудь, а такой авторитетный ботаник, как Борис Александрович Келлер, считает, что к настоящему времени уцелело всего восемь разрозненных участков дикой степи общей площадью 5 тыс. га (там же, с. 13).

Хотя начиная с 1928 г. Госкомитет направлял экспедиции для определения границ участков дикой степи с целью их последующей охраны, его усилия подрывались обструкционистской политикой Наркомзема и подчиненных ему организаций. Так, единственный участок ковыльной степи, сохранившейся в Центрально-Черноземном районе, имел несчастье оказаться в границах местного совхоза, который отказывался исключить эту территорию из хозяйственного использования и выделить ее для заповедника. Аналогичным образом не выполнялось решение об организации Степного заповедника в Хреновском бору, поскольку Курский областной отдел лесного хозяйства Наркомзема дважды «терял» соответствующие письма. Истинные настроения начальника отдела становятся ясны из одного из писем, в котором он пишет, что «нет никакой нужды создавать никому не нужный заповедник» (там же, с. 133).

Подобно тому как С. А. Северцов пытался обосновать полезность экологической науки для охотничьего хозяйства, московский эколог В. В. Алехин доказывал, что организация экологических исследований в степных заповедниках — это далеко не беспо-

лезное выделение ценных сельскохозяйственных угодий из хозяйственного использования. Напротив, эти исследования фактически будут способствовать увеличению сельскохозяйственной продуктивности Черноземья и обращению вспять тревожного процесса убывающего плодородия почв в этом регионе. «Введение в культуру новых травянистых растений, установление новых засухоустойчивых рас, подбор новых травосмесей,— подчеркивал он,— все это может дать только изучение целинных степей... эталона естественных производительных сил данной местности...» (там же, с. 100—102).

И снова слово берут функционеры хозяйственных наркоматов. Отвечая на целый ряд критических выступлений, представитель Наркомзема Петрушин осудил их как «безответственные заявления, адресованные съезду». Что же касается важного вопроса о степных заповедниках, то он назвал «исторической» атмосферу, в которой происходит обсуждение, и заявил, что нет необходимости сеять панику.

Однако никого не удивило, что съезд отказался поддержать Петрушина, с безразличием относящегося к нависшей над степью опасности, и высказался за фундаментальную программу Наркомпроса по созданию целой сети степных заповедников. Организация этих заповедников, говорилось в решении съезда, насущно необходима в кратчайшее время; соответствующие экспедиции должны быть осуществлены в течение этого же года.

При обсуждении вопросов, касавшихся охотничьего хозяйства, состояния лесов, охраны степи, каждый раз давались две рекомендации общего характера. Во-первых, необходимость проведения общего учета всех природных ресурсов, поскольку только на основе полной инвентаризации можно принимать научно обоснованные решения относительно их эксплуатации. Во-вторых, Главнаука и Госкомитет должны обладать правом рассматривать все контрольные цифры планов и осуществлять надзор за их соблюдением. Подавляющее большинство делегатов сходилось на том, что между паровым катком пятилетнего плана и природными ресурсами России кто-то или что-то должно стоять, и этим «что-то» должен быть Госкомитет.

Хотя некоторые из упреков в «полностью неудовлетворительной работе центральных органов охраны природы» при разработке народнохозяйственных планов, по выражению Вангенгейма, могли быть адресованы самим участникам съезда, сам факт малой эффективности этой деятельности не подлежал сомнению. Необходимо было усилить роль Госкомитета. Пришла пора, по мнению делегатов, законодательно установить, что ни одно решение правительства не должно претворяться в жизнь, пока Госко-

митет не проведет работу по оценке последствий осуществления этого решения для окружающей среды. Более того, комитету следовало предоставить полное право требовать и получать отчеты, материалы и бухгалтерские документы любых проектов, затрагивающих интересы охраны природы, от любых ведомств, организаций и индивидуальных предпринимателей. И наконец, в соответствии с отведенной ему ролью национального стража природы расходы Госкомитета должны были включаться непосредственно в республиканский бюджет РСФСР статьей, отдельной от Наркомпроса. Хотя первенство Советов в отношении множества нововведений часто преувеличивается и вызывает серьезные сомнения, правильно будет считать, что идея оценки последствий планируемых мероприятий для окружающей среды, в настоящее время так называемой экологической экспертизы, впервые возникла на заседаниях в московском Доме ученых в конце сентября 1929 г. *

Для участников природоохранного движения было важным разъяснить необходимость организации охраняемых территорий как властям, так и возможно более широким кругам населения. Необходимость такой стратегии подчеркивал в своем выступлении Виктор Аверин.

«Очень трудно обосновать в сознании населения и местных органов необходимость того или иного заповедника. Увязка вопросов заповедания с интересами хозяйства иногда удается, труднее подвести санитарные и другие обоснования. Вообще мы часто грешим искусственностью аргументации. Надо найти широкое принципиальное обоснование делу заповедности. Задача съезда — подчеркнуть эти принципиальные установки...» («Труды...», 1930, с. 25).

Аверин возражал против позиции таких ораторов, как эколог Д. Н. Кашкаров, который предлагал подавать народу идею организации охраняемых территорий как программу, в основном преследующую цель организации массового отдыха. Кашкаров считал, что научные функции заповедников безнадежно чужды широким массам и их следует камуфлировать под программы организации национальных парков для массового туризма. По мнению Кашкарова, национальный парк должен состоять из нескольких зон: обширной зоны, предназначенной для туристских лагерей и других видов отдыха, зоны, призванной служить целям образования, и полностью заповедной зоны, предназначенной для научных исследований. Необходимость охраны природы должна преподноситься массам в интересной для них форме, с использова-

* Эти вопросы ставились и в начале 20-х годов.— *Прим. ред.*

нием широкодоступных понятий, утверждал Кашкаров. «Если мы будем выдвигать вперед интересы чистой науки,— предостерегал он,— то широкого сочувствия мы не добьемся» (там же, с. 19).

С энтузиазмом воспринял предложения Кашкарова А. Ф. Скоробогатов, лесовед и специалист по акклиматизации, представлявший на съезде Управление лесного хозяйства Наркомзема Украины. Просто объявить заповедник открытым для туристов недостаточно, говорил он, необходимы дороги и организация обслуживания туристов. При правильной организации инфраструктуры Кавказский заповедник мог бы стать местом не менее привлекательным для туристов, чем любой из американских национальных парков, и мог бы приносить доход в иностранной валюте.

Скоробогатов сознательно не стал уточнять, что такая программа строительства дорог значительно бы облегчила и ускорила эксплуатацию природных ресурсов заповедника, в особенности лесов. Тем более, что это уже не касалось Кавказского заповедника, поскольку он только что был передан в подчинение Управления лесного хозяйства Наркомзема РСФСР и над ним нависла угроза сведения лесов. Туристские тропы были проложены, в окружающей заповедник буферной зоне начались промышленные лесозаготовки, и Наркомзем распорядился передать трем расположенным поблизости населенным пунктам 4 тыс. га пастбищ, принадлежавших заповеднику, пересмотрев, таким образом, решение СНК РСФСР 1927 г. Выполнению этого распоряжения пока противился директор заповедника А. Г. Дюнин, но само распоряжение было явно плохим предзнаменованием.

Одобрение Скоробогатовым позиции Кашкарова укрепило опасения многих делегатов. Друг и соратник Кашкарова Станчинский выразил мнение большинства, когда вновь подтвердил «как данность», что заповедники — это учреждения, предназначенные в первую очередь для научных исследований. Превращать заповедники в курорты, предостерегал он, было бы величайшей ошибкой.

Прежде чем прийти к соглашению о том, как можно зарабатывать деньги на охране природы, делегатам следовало договориться, чем именно они собираются торговать. Это требовало выработки общей точки зрения на природу и функции заповедников, которые были как средством охраны природы, так и ее воплощением, относительно чего имелись серьезные разногласия. Наиболее существенным проявлением этих разногласий, как мы уже видели, был усиливающийся раскол между Наркомземом и Наркомпросом.

Наиболее жаркие дискуссии о заповедниках разгорелись на

утреннем заседании 25 сентября 1929 г. Открывая его, Северцов был готов по крайней мере признать тот факт, что между заповедниками Наркомпроса и Наркомзема существуют реальные различия,— факт, который он же за несколько месяцев до этого пытался скрыть. Отвечая на вопрос о возможности ликвидировать двойное подчинение заповедников Наркомпросу и Наркомзему, Северцов теперь вынужден был констатировать, что в этом-то и состоит суть проблемы. «Наркомзем претендует на то, чтобы все заповедники были в его ведении»,— заключил Северцов («Труды...», 1930, с. 86). Нечего и говорить, что такое решение проблемы было предано анафеме большинством делегатов.

Что касается трех заповедников, три месяца назад изъятых из ведения Наркомпроса, то Наркомзем явно торопился передать значительные участки территории Кавказского заповедника для использования в сельскохозяйственных целях. Хорошо информированные лица, в том числе Потемкин, считали, что наркомат готовится к проведению во всех трех заповедниках крупномасштабных лесозаготовок. Поговаривали также, что Наркомзем намерен использовать заповедники для акклиматизации самых различных представителей экзотических флоры и фауны, свозимых со всех концов света. Все это могло привести к необратимым изменениям аборигенных экологических сообществ, которые сделали бы невозможным использование этих сообществ в качестве эталонных и даже поставили бы под угрозу само существование редких эндемичных видов. Делегатам было совершенно ясно, что *такому* хозяину экологически ориентированные заповедники не нужны.

Напуганный хищническими намерениями Наркомзема, Северцов попытался найти компромиссное решение. Он признал, что Наркомпрос готов отказаться от исключительного права на употребление термина «заповедник» и согласиться с тем, что обе системы охраняемых территорий могут существовать и независимо друг от друга, никак не взаимодействуя между собой (подразумевая, что Наркомзем вернет три захваченных заповедника).

Представитель Наркомзема Петрушин проявил готовность принять протянутую ему оливковую ветвь примирения. К удивлению всех присутствовавших, он пошел дальше Северцова и предложил раз и навсегда покончить с терминологической путаницей, предоставив Наркомпросу исключительное право на употребление термина «заповедник». Он заявил, что Наркомзем готов оставить этот термин Наркомпросу и принять любой другой термин для собственных охраняемых территорий, отражающий понимание Наркомземом заповедников как резерватов дичи. «Пусть Наркомпрос сам проводит свои научные исследования,—

заключил Петрушин не без изрядной доли снисхождения,— а мы будем заниматься другой работой» (там же, с. 89).

Однако компромисс оказался неустойчивым. Инициатива Петрушина была отвергнута уже следующим оратором, представителем перешедшего к Наркомзему Воронежского заповедника, К. А. Киселевым, прочитавшим Наркомпросу лекцию о том, как надлежит организовывать работу заповедников.

Киселев выделил три основных положения. Во-первых, он заявил, что так называемые чисто научные исследования являются недопустимой роскошью. «В наше время, в условиях нашей хозяйственной жизни,— заявил он,— наука для науки не годится». Во-вторых, ссылаясь на сомнительный опыт Аскании, он считал, что финансирование прикладных работ, которые должны вытеснить фундаментальные исследования, должно осуществляться хозяйственными подразделениями заповедника (заповедного хозяйства) и основываться на эксплуатации ресурсов, расположенных на его территории. В-третьих, сторонники охраны природы, по мнению Киселева, не имели права рассматривать заповедники в качестве убежища для птиц и зверей; напротив, правильной и желательной была «реакклиматизация всех (!) ценных животных», насколько это позволяли местные условия (там же).

Предложения Киселева, отражая мнение руководства Наркомзема, высветили важную семантическую проблему. Многие делегаты еще не отдавали себе отчета в том, что ныне уже недостаточно определять «заповедник» как охраняемую территорию для проведения научных исследований, так как слово «исследование» могло означать акклиматизацию чуждых данной природной зоне животных или внесение других нежелательных изменений в природные условия. Заповедники должны быть неприкосновенными. Возражая К. А. Киселеву, директор Ильменского заповедника минералог Д. И. Руденко утверждал, что любая экономическая активность заповедника (за пределами его хозяйственных подразделей) противоречит самому понятию «заповедник», поскольку «заповедность» как раз и означает скрупулезную сохранность природных условий. Выполнение заповедником своих функций — проведение научных, в особенности экологических, исследований — должно обеспечиваться соответствующим режимом: сохранностью природных условий. Данные требования Кожевникова были наконец услышаны.

Речь Киселева вызвала волну протестов, компромисс был нарушен. Резко возражая Киселеву и опираясь на опыт Аскании-Нова, заповедника, в котором он работал, энтомолог и эколог Шалыт заявил:

«Ведение хозяйственной работы в заповедниках недопусти-

мо... Если перед заповедником ставить хозяйственные задачи, его надо рассматривать как промышленное предприятие... Опыт Аскании привел к необходимости отказа от всякого хозяйства, и этот опыт необходимо учитывать» (там же, с. 96).

Это выступление отражало общее настроение делегатов, не желавших прямой хозяйственной деятельности в заповедниках, хотя они были не столь единодушны в отношении конкретных вопросов управления заповедниками. Некоторые из этих разногласий выявились в процессе дискуссии о роли заповедников как научно-исследовательских учреждений, начавшейся на вечернем заседании 26 сентября 1929 г.

Официальные прения, ознаменовавшиеся конфронтацией по вопросу о судьбе Аскании-Нова, трех переходящих к Наркомзему заповедников и об экономических основах деятельности заповедников, продолжавшиеся все предыдущие дни, завершились. Теперь, после того как Станчинский зачитал основной доклад «Заповедник как научно-исследовательское учреждение», акцент сместился на научные и даже технические аспекты проблемы, и съезд вступил в область, где заранее предвидеть результаты было невозможно.

В своем докладе Станчинский, отдавая дань «экономическим настроениям» делегатов, сказал, что заповедник представляет собой научное учреждение, «основанное на экономической базе». В соответствии с этим он рекомендовал выбирать для заповедников наиболее типичные территории, которые обладали бы наибольшим экономическим значением как эталоны природы. Организация сети заповедников, по его мнению, должна быть увязана с пятилетним планом (там же, с. 119, 123).

Вопросы, заданные Станчинскому, и его ответы выявили ряд серьезных теоретических проблем, касающихся самой сути концепции «эталонов», принципиальных пробелов в познании природы экологических систем. Многие из вопросов касались возможности рассматривать заповедники в качестве автономных изолированных территорий, способных самостоятельно поддерживать собственное существование. Один из делегатов интересовался, где можно обнаружить нетронутую природу, если везде она подверглась сильному воздействию со стороны человека, имея в виду, что в биосфере, где все взаимосвязано, не существует мест, не подвергшихся прямому или косвенному воздействию человека. Другой делегат хотел знать, допустимо ли вводить в охраняемое сообщество новые экзотические виды. Третий интересовался, желательно ли истребление хищников или случайно оказавшихся в заповеднике чуждых ему видов. Были, наконец, делегаты, пожелавшие знать, могут ли в заповедники быть включены территории,

предназначенные для возобновления или даже реконструкции ранее существовавших сообществ, или заповедники должны составлять исключительно «девственные», не затронутые деятельностью человека участки.

Отвечая на этот шквал очень непростых вопросов, Станчинский занял уклончивую позицию. Он сообщил, что ни один заповедник не может быть абсолютно изолированным, поскольку «вообще ведь нет ничего абсолютного» (там же, с. 121). Утверждая, что неприкосновенность заповедника может быть только относительной, он готов был согласиться с тем, что люди могут время от времени вторгаться в его жизнь, истребляя или ограничивая численность проникающих в заповедник или постоянно обитающих в нем видов, которые грозят нарушить равновесие природного комплекса заповедника. Наконец, Станчинский допускал возможность интродукции в заповедниках таких чуждых для них видов, как, например, перспективные сорта пшеницы (предполагалось при этом использовать под посевы специальные экспериментальные участки, изолированные от основной эталонной территории). Это следовало делать с целью установления пригодности проверяемой разновидности для хозяйственного использования на окружающих заповедник территориях, для которых заповедник служил прототипом. (Интересно, что в качестве примера Станчинский использовал растительные виды, а не животные.) Все эти уступки и оговорки превращали «эталон» Станчинского в некий неясно осознаваемый стандарт.

К гибкой позиции Станчинского готов был присоединиться Северцов. Как эколог, хорошо знакомый с проблемами российский заповедников, Северцов, в частности, сознавал, что во многих случаях экономические и политические соображения не позволяют создавать заповедники достаточно обширные, для того чтобы их можно было рассматривать как по-настоящему жизнеспособные саморегулирующиеся участки дикой природы. В действительности слишком часто заповедники оказывались чрезмерно малы или слишком неудачно расположены, чтобы в них можно было видеть саморегулирующиеся объекты. Крохотные Пензенский заповедник и заповедник в Косине могли служить хорошими примерами такой ситуации. Даже достаточно большой Астраханский заповедник оказался несчастной жертвой рыбных промыслов, гидроэнергетического строительства и загрязнения низовьев Волги.

С учетом всех этих факторов Северцов рекомендовал использовать достаточно гибкие критерии при оценке допустимой степени вмешательства человека в естественную жизнь заповедника. При этом вмешательство должно было быть минимальным или даже

полностью отсутствовать в сравнительно больших заповедниках, в которых, например, вспышки роста численности насекомых-вредителей не могли повлечь за собой угрозу устойчивости сообщества. Наоборот, в небольших заповедниках допускались в случае необходимости активная борьба с вредителями и даже профилактические санитарные рубки, если природное сообщество было повреждено и утратило способность к естественному самовозобновлению. Как бы то ни было, Северцов подчеркнул, что Госкомитет поддерживает принцип неприкосновенности заповедников как идеал, к которому нужно стремиться и отклонения от которого допустимы лишь в отдельных случаях при наличии крайней необходимости. Мы можем предположить, что в таких случаях Госкомитет считал, что лучше охранять поврежденный участок некогда дикой природы и пожертвовать принципом, чем стоять на страже принципа и пожертвовать тем, что осталось от исходного биоценоза (там же).

Кроме готовности некоторых делегатов вторгаться в естественную жизнь заповедников, которой якобы угрожали вспышки роста численности насекомых, набеги волков и другие напасти, существовало, однако, и еще одно обстоятельство. С самого зарождения заповедников на них, кроме обязанности служить неприкосновенными эталонами дикой природы, возлагалась и еще одна задача: защита редких и находящихся под угрозой исчезновения видов растений и животных. Так, Кавказский заповедник (именовавшийся некоторыми «зубровым») служил также убежищем для кавказского подвида европейского зубра (до тех пор пока в середине 20-х годов последний из них не был убит местными браконьерами) и тура — кавказского горного козла. Астраханский заповедник, кроме того, что он служил эталоном всей зоны дельты Волги, представлял собой убежище для многочисленных видов водоплавающих птиц, включая фламинго и около полудюжины видов цапель. Заповедники служили также прибежищем для редких видов растений.

То, что эти две функции заповедников — служить эталоном дикой природы и убежищем редких видов — не вступали в конфликт между собой во времена руководства Наркомпроса, не самообман и не отсутствие понимания сути проблемы. Во многих случаях в начале 20-х годов за пределами заповедников еще сохранялись территории, на которых встречались редкие виды, виды, находящиеся под угрозой уничтожения, и просто эндемичные. Однако к концу десятилетия в результате ускорения экономического развития на многих территориях естественные экологические сообщества перестали существовать. Зачастую заповедники оказывались единственными уцелевшими участками сравнительно не-

тронутых лесов или степей, ранее покрывавших обширные территории. Соответственно, для этих районов заповедники превращались в последние убежища для эндемичных представителей растительного и животного мира.

Скоро обнаружились недостатки такой двойной ответственности заповедников за экологические исследования и за сохранение исчезающих видов диких растений и животных. Эти две цели, не противоречащие друг другу на коротких отрезках времени, оказались взаимно антагонистическими для длительных периодов.

Программа экологических исследований предполагала режим полной неприкосновенности, для того чтобы неискаженной оставалась «эволюционная пьеса» — естественная сукцессионная динамика. Однако с течением времени этот естественный процесс медленной эволюции биоценозов постепенно приводит к элиминации многих видов, первоначально входивших в состав сообщества. В какие-то моменты времени, пусть и довольно редкие, некоторые из охраняемых эндемичных видов оказывались под угрозой естественного вымирания по мере перехода сообщества на новую стадию сукцессии.

В таких условиях с учетом того, что все остальные естественные местообитания редких видов были уже уничтожены в ходе экономического развития, администрация заповедника оказывалась перед нелегким выбором: «заморозить» процесс сукцессии биоценоза для спасения находящихся под угрозой исчезновения видов (и таким образом вмешаться в предполагаемые процессы саморегуляции системы) или предоставить естественным процессам развиваться своим путем и допустить потерю мирового генетического разнообразия. Дилемма была незавидная. Однако, за исключением Кожевникова и немногих его сторонников, деятели охраны природы отказались признать, что каждый заповедник может представлять собой либо эталон дикой природы, либо убежище для находящихся под угрозой вымирания видов, но не должен ставить перед собой одновременно обе цели.

Это нелегкое решение оказалось чреватым серьезными последствиями. Вскоре после съезда директор Астраханского заповедника А. Г. Дюнин, столкнувшись с подобной проблемой, как рассказывали, обратился к Кожевникову, указав на необходимость удаления из заповедника бакланов и ворон, которые угрожали существованию последних уцелевших в дельте Волги колоний цапель. Верный своим принципам, Кожевников ответил, что следует проследить до конца процесс конкуренции между этими группами птиц, не допуская вмешательства в него со стороны администрации заповедника (2).

При неохотном согласии Госкомитета и вопреки совету Ко-

жевникова Дюнин и орнитолог заповедника К. А. Воробьев, однако, начали кампанию по освобождению территории заповедника от ворон и бакланов. Вскоре директор заповедника Аксу-Джебаглы Казахской АССР поставил вопрос об истреблении волков в его заповеднике. Это было равносильно тому, как если бы сторонники политики активного управления заповедниками стали бы защищать природу от нее самой.

Однако для убежденных сторонников подхода к заповедникам как к экологическим эталонам все виды, составляющие биоценоз, были равноценными. При постановке долговременной задачи наблюдения и анализа экологической динамики сообщества последняя напоминала драму, в свою очередь представляющую собой часть более обширной «эволюционной пьесы», требовавшей от эколога беспристрастного наблюдения за тем, как на сцене появляются новые актеры, а старые, известные, напротив, сходят с нее. У наблюдателя не могло быть любимцев; даже внешне самые невзрачные организмы играют свою уникальную роль в экономике природы.

Такой взгляд на научные исследования в заповедниках разделялся, однако, не всеми. Подобно тому как в Наркомземе многие рассматривали заповедники как места для разведения специально отобранных видов, в лагере Наркомпроса раздавались голоса в поддержку того, что основной задачей заповедников должно быть обеспечение охраны редких видов и других природных объектов, существованию которых угрожает опасность. Убежденным сторонником такого подхода был проф. Н. Н. Шульженко из Дагестанского института культуры, пытавшийся поставить на первое место задачи охраны отдельных видов в ущерб целостным экологическим исследованиям.

Отдавая полный отчет в неприемлемости позиции Шульженко и защищая свою экологическую программу, Станчинский выступил против такой старомодной концепции. Как бы то ни было, резко возразил он, «нельзя на заповедник смотреть как на абсолютно неприкосновенный музей природы» («Труды...», 1930, с. 122—123). Однако в этом последнем утверждении заключалась глубокая ирония, поскольку развивавшийся Станчинским подход к заповедникам как к экологическим эталонам в действительности как раз и подразумевал необходимость сохранения неприкосновенности заповедников (хотя, конечно, и не музейной), тогда как сторонники охраны отдельных видов были склонны к более активному «управлению» заповедниками для поддержания, сохранения и создания наиболее благоприятных условий обитания для жизненных форм, существованию которых угрожала опасность. В отличие от Шульженко и др., видевших в заповедниках средство

сохранить изолированные островки разнообразных красот природы, Станчинский подчеркивал связь между развитием фундаментальных исследований и экономическими задачами страны. Защищая экологические заповедники, он делал упор на то, что задачи истинно плановой экономики могут быть решены лишь с учетом ограничений, накладываемых продуктивностью природных систем, и лишь при активном участии экологов в социалистическом строительстве, а не при противопоставлении дела охраны природы властям и обществу (там же) *.

Хотя многие делегаты были согласны с тем, что заповедники в конечном счете должны служить развитию экономики, некоторые из них считали, что Станчинский проявляет излишнюю мягкость, говоря о неприкосновенности заповедников. Одним из тех, кто подметил внутреннюю противоречивость в таком «гибком эталоне», был представитель Крымского заповедника Б. К. Фортунатов. Человеческое вмешательство ни в коем случае не допустимо, заявлял он, иначе научная значимость исследования будет сомнительна. «Стандарт должен быть неизменен, в противном случае он перестает быть стандартом». Даже Смолин, который, вообще-то говоря, был вполне склонен разделить энтузиазм Станчинского в отношении социалистического строительства, поддержал четкое понимание понятия «эталон». «Границы заповедника должны быть определены,— добавил он,— так, чтобы не нарушить биологическое равновесие, сохранить биологический комплекс» (там же, с. 122).

Конечно, было бы желательно, чтобы все заповедники включали в себя целостные, предположительно саморегулирующиеся биоценозы; в этом состояла суть дела. Однако именно по этому пункту экологическая теория обнаруживала свою несостоятельность. С одной стороны, о структуре биологических систем было известно недостаточно, чтобы определить минимальный размер охраняемой территории, обеспечивающий целостность и сохранность экологической системы. Ведь и в наше время экологи пока «не научились» определять минимальные территории, необходимые для сохранения биоценозов в различных природных регионах земного шара **. В бассейне реки Амазонки правительство Брази-

* Следует подчеркнуть сложность и противоречивость данной проблемы, которая остается не разрешенной до конца и в наше время, хотя многократно обсуждалась в работах многих видных специалистов (Насимович А. А., Исаков Ю. А., Филонов К. П. и др.). Пока что преобладает все-таки стремление к «разумной регуляции» и классический принцип неприкосновенности заповедников отстаивается лишь очень немногими учеными.— *Прим. ред.*

** Советские ученые дали немало разработок по этой проблеме (см., например, работы Реймерса Н. Ф., Пузаченко Ю. Г. и др.), но в целом приходится согласиться с приведенным утверждением автора книги. На практике главным «принци-

лии в сотрудничестве с Мировым фондом охраны диких животных занималось поисками зависимостей размеров территорий и выживания населяющей их фауны на принципах «островной биогеографии», однако данные получились не очень точными. Попытки сохранения отдельных биоценозов чаще всего не дают положительных результатов. Это хорошо иллюстрируется опытом Международной биологической программы (МБП) 60—70-х годов, которую можно считать своего рода продолжением исследований, осуществляемых в заповедниках СССР. Только очень долговременные экологические и комплексные работы могли бы помочь разрешению этой сложной проблемы. Чтобы они были плодотворными, они должны были проводиться не на фрагментарных уцелевших биоценозах, а на целостных сообществах, и только такие исследования могли дать картину всего многообразия взаимоотношений, связывающих мириады их компонентов. Но — и в этом состоит парадокс — экология в то время была совершенно неспособна предложить метод определения границ таких сообществ, чтобы начать работать с ними или хотя бы установить сам факт их существования.

Как объяснял Кожевников, в прошлом размер территории планируемых заповедников определялся Госкомитетом с помощью формулы, основанной на плотностях популяций избранных видов флоры и фауны в регионе, в котором планировалось размещение заповедника. Этот метод, однако, был, по существу, слегка замаскированной догадкой, и против него выступил Фортунатов, считавший, что включение целостных биологических сообществ может быть основано лишь на полевых исследованиях. Б. К. Фортунатов в своем выступлении на съезде («Труды...», 1930, с. 121), по сути, предвосхитил тот более эмпирический подход, о котором говорилось выше (на примере бассейна Амазонки). Главное же отличие здесь в том, что советские экологи в тот период сосредоточивали внимание на сохранении природных сообществ, а островная биогеография уделяет больше внимания выживанию отдельных видов (в зависимости от размеров территории). П. Е. Васильковский попытался найти компромиссное решение, предложив проводить полевые исследования для уточнения предварительно намеченных границ заповедников уже после их учреждения, а исходный размер определять на основании отношения общей площади рассматриваемой территории к заповедуемой (там же).

Те из присутствующих, которые хорошо знали реальную ситуацию, ничем не могли помочь, но были поражены атмосферой

пом» создания заповедников является поиск реальных компромиссов с хозяйственниками.— *Прим. ред.*

надуманности, в которой происходила эта дискуссия. При выборе мест для заповедников экологические аргументы хотя и учитывались, но играли второстепенную роль, а первостепенными оказывались расплывчато формулируемые экономические и политические соображения. Заповедники Украины и европейской части России, расположенные на ограниченных территориях, границы которых определялись в равной степени расположением населенных пунктов и колхозов и намерениями экологов, уже приносили в жертву то, ради чего они в первую очередь создавались: экологические исследования.

Несмотря на эти головоломки, парадоксы и помехи, делегаты решительно подтвердили свою верность идее экологического эталона как принципа организации заповедников. Это понимание нашло свое отражение в резолюции, подготовленной комитетом, в состав которого вошли В. В. Станчинский, М. С. Шалыт, С. А. Северцов, Д. И. Руденко, К. А. Забелин, И. И. Пузанов, А. А. Умнов, В. П. Семенов-Тян-Шанский и А. Г. Дюнин. Однако составители резолюции почувствовали необходимость определить заповедник и в экономических терминах как «весьма важное звено социалистического строительства» (там же, с. 194—195). Заповедники могли больше не оправдывать свое существование просто в качестве инструмента увеличения суммы человеческих знаний; они теперь подчеркивали экономическую выгоду, которую могли приносить проводимые в них исследования. Это знаменовало собой значительные изменения, происшедшие со славных дней расцвета НЭПа, когда фундаментальная наука имела право на существование без дополнительных оправданий и поощрялась даже большевиками. В этом повороте таилась большая опасность: в будущем экология и охрана природы будут оцениваться по тем экономическим и практическим выгодам, которые они смогут принести. Как бы то ни было, основной практической работой в области охраны природы пока официально оставались экологические исследования в заповедниках, которые, несмотря на лицемерные заверения в служении делу социалистического строительства, по-прежнему пытались сохранить свою научную целостность.

Несмотря на то что съезд оказался неспособен решить ни одной практической или теоретической проблемы охраны природы, он тем не менее сыграл очень важную роль для природоохранного движения. Он выявил существование некоторых важных и трудноразрешимых проблем и побудил начать их насущно необходимое обсуждение. В то же время он достиг своей цели как форум, на котором смогли собраться активисты движения со всего Советского Союза, поделиться опытом и во многих случаях за-

вязать личные контакты. Наконец, он наглядно продемонстрировал силу движения, что, возможно, спасло сеть заповедников Наркомпроса от полной ликвидации. Это было уже немало. Однако проблемы, с которыми сталкивалось движение, нарастали во все убыстряющемся темпе, и неспособность съезда решить некоторые из наиболее фундаментальных вопросов, в частности относительно соперничества Наркомпроса и Наркомзема, дорого обошлась в последующие месяцы и годы.

Глава 8

Культурная революция приходит в биологию

Во время съезда 1929 г. деятели охраны природы надеялись осуществить свои научные устремления, прикрываясь лозунгами социалистического строительства. Однако не успел закончиться съезд, как события разрушили все попытки примирить их позицию с новым направлением экономического развития страны. Особенное беспокойство у активистов природоохранного движения вызывала развивавшаяся с головокружительной быстротой кампания по коллективизации. И. В. Сталин, Я. А. Яковлев (нарком сельского хозяйства), а затем Всесоюзный Центральный Исполнительный Комитет призвали советское сельское хозяйство увеличить урожай зерновых за пятилетку на 35%. Коллективизация была бы этим во многом оправдана.

В предисловии к работе В. Д. Соколова «Охрана природы и повышение урожая» (1930) профессор Московского университета С. В. Покровский доказывал, что задача увеличения урожая на 35% может быть почти полностью решена за счет успешной кампании по борьбе с вредителями сельского хозяйства. Такое утверждение Покровского было косвенной альтернативой коллективизации. Становилось ясным, что крутые, даже жестокие меры кампании по коллективизации не были единственным средством увеличения производительности сельского хозяйства. Меры по охране природы, включая биологический контроль численности вредителей, могли бы оказаться в равной степени действенными и, вероятно, влекущими за собой меньшие социальные потрясения.

Другие деятели охраны природы заняли более рискованную позицию. Они прямо указывали на поспешность и неподготовленность коллективизации, но маскировали свои доводы риторическими лозунгами в защиту природы. В первом номере журнала «Охрана природы» за 1930 г. была помещена проблемная статья активиста движения А. А. Теодоровича. В ней он бил тревогу по поводу экологически опасных последствий крупномасштабной коллективизации. «Из конца в конец нашего необъятного Со-

юза,— писал он,— несется неумолкаемый клич о пятилетнем плане с поднятием урожая почти на 35%». Однако, предостерегал он с предельной откровенностью, «без охраны природы, без... рационального пользования природными богатствами не может быть речи о поднятии урожайности» (Теодорович, 1930).

Стараясь придать как можно больший вес своим предостережениям относительно опасности «нарушения природного равновесия в животном, растительном и минеральном мире», Теодорович цитировал статью Ф. Энгельса «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека», входящую в качестве составной части в книгу «Диалектика природы». Это должно было служить как бы марксистским благословением его рискованной критики.

В том же самом номере журнала «Охрана природы» была помещена анкета, которую читателям предлагалось заполнить в целях выявления отрицательных последствий выполнения пятилетнего плана в РСФСР. В сопроводительной заметке отмечалось, что «сравнение списков фауны какого-либо района со списками, составленными несколько лет назад, часто показывает исчезновение многих видов» (1). Составители анкеты просили читателя обращать особое внимание на растения, животных и птиц, становящихся редкими или обреченных на вымирание, и специально отмечать все случаи необычного увеличения численности, указывая причины, с которыми можно было бы связать эти события. Респондентам предлагалось также рекомендовать меры для прекращения таких процессов. Ответы следовало присылать на имя А. И. Гришина, председателя комиссии по охране природы ЦБК.

Некоторое время спустя, в мартовском номере этого же журнала, появилась еще одна статья, возражающая против высоких темпов коллективизации, и стало ясно, что это сознательная позиция редакции журнала. На этот раз свои глубокие опасения высказал Н. Н. Подъяпольский. Как специалист-агроном, главный упор он делал на то, что механизация сельского хозяйства в процессе коллективизации повлечет за собой гомогенизацию, выравнивание ландшафта на огромных просторах Русской равнины. Этот результат был заложен во внутренней логике новой организации сельского хозяйства. «Трактор с многолемешным плугом, а тем более комбайн требуют широкого простора для работы, более или менее равномерной поверхности поля, полного уничтожения межников, мелких клочков всевозможных неудобий, планирования остатков прежних канав и многолетних распашных борозд, выкорчевывания кустов, то там, то сям встречавшихся на прежних полях, осушения мелких болотцев или уничтожения кочкарников, также изредка попадавшихся среди полей. Крупные сельскохозяйственные машины могут быть эффективны только в том случае,

если они применяются на больших пространствах единообразия посевов. Перед ними отступает навсегда чересполосица, пестрополье, пересеченность полей мелкими оврагами и перелесками. Таким путем в полях уничтожаются те небольшие клочки целины и вообще не тронутой плугом природы, которые до сих пор служили убежищем для диких животных, не приспособившихся жить на распашке. Среди этих животных значительный процент приходится на долю друзей земледельца, обеспечивающих ему урожай либо путем опыления культурных цветковых растений, либо охраной урожая от вредителей» (Подъяпольский, 1930, с. 49).

Подъяпольский предостерегал, что за это сплошное внедрение новых методов сельского хозяйства Россия может заплатить «возможностью исчезновения степной растительности, целыми видами и большим опустошением пернатого мира» (там же). Он понимал, что попытка остановить паровой каток коллективизации заведомо бесполезна. «Само собой разумеется, что прогресс сельского хозяйства в целом и его машинизация в частности будут и должны быть. Необходимо только заблаговременно принять соответствующие меры для предупреждения нежелательных явлений, которые в противном случае неизбежны» (там же).

В заключение Подъяпольский отмечал, что при существующих темпах индустриализации сельского хозяйства, охватившей страну, нельзя уклоняться от решения этой проблемы, поскольку отсутствие своевременных мер по охране природы может очень дорого обойтись молодой республике. По его мнению, совпавшему с мнением Алехина, высказанным на съезде 1929 г., эти меры должны были в первую очередь состоять в учреждении заповедников по всей территории, на которой еще сохранились участки целинной степи.

Кроме проблем, связанных с коллективизацией, Всероссийское общество охраны природы продолжало заниматься неудовлетворительной ситуацией в Смоленске и борьбой с Наркомземом в отношении проводимой им политики в заповедном деле в целом.

Еще в 1930 г. Совет ВООП решил создать специальную комиссию для новых переговоров с Наркомземом РСФСР и другими ведомствами относительно судьбы Центрально-Лесного заповедника (2). В то же время наступление эры индустриализации поставило на повестку дня проблему промышленного загрязнения, которая ранее занимала сравнительно второстепенное место. Примером может служить письмо-заметка А. И. Гришина о том, что в реке Кудьме, притоке Волги, погибло несколько сотен тонн рыбы, главным образом щука и лещ. Гришин подчеркивал, что это случилось «в результате преступной небрежности администрации

кожевенных заводов г. Богородска, допустившей спуск отходов производства в р. Кудьму» (3).

К 1930 г. журнал «Охрана природы» стал для пятилетнего плана чем-то вроде надоедливой мухи. После съезда 1929 г. общество охраны природы заняло более активную позицию, хотя в этом и таилась определенная все возрастающая опасность. С начала 1930 г. деятельность молодого Общества привлекла к себе отнюдь не благосклонное внимание некоторых высокопоставленных чиновников от науки. Такой интерес к ВООП ни в коей мере не был случайным, но составлял лишь часть более широких процессов, развивавшихся в советском научном мире.

Марксистская биология?

Казалось бы, естественные науки не самая подходящая арена для яростной схватки между приверженцами культурной революции и старой профессорской гвардией, особенно в самом начале «великого перелома». Однако во многом науки о жизни связаны и с проблемой роли науки в СССР и с вопросами функционирования живой природы и ее взаимоотношений с обществом, тем самым неизбежно затрагивая ключевые моменты идеологии. Любая группа лиц, стремящихся перестроить общество в соответствии с определенными утопическими планами (а именно так поступали большевики и многие деятели культурной революции), должна неизбежно сталкиваться не только с реальной действительностью, но и с такими научными разработками, которые кажутся этим утопистам противоречащими их взглядам. Что касается программы большевиков, то таких ограничений было множество. Это и проблема биологической неидентичности людей во всех отношениях и — якобы как следствие этого — недостижимость полного социального равенства; это и ограниченность продуктивности природы многими неизменными факторами, невозможность реализации всех человеческих потребностей в рамках какой бы то ни было утопической программы; это и то, что представления Маркса о природе человека представляют собой не более чем догадку; и, наконец, спорность отстаиваемого деятелями культурной революции представления о том, что природе человека наилучшим образом отвечает утопическое общество полного эгалитаризма (уравниловки) и коллективизма. Наиболее глубоко мыслящие русские ученые, генетики и экологи в частности, обратились к этой проблеме.

Как отмечают многие исследователи, занимающиеся историей советской науки, преподавание естественных наук во время НЭПа переживало пору впечатляющего расцвета. Мы можем даже ут-

верждать, что 20-е годы были «золотым веком» преподавания биологии в России. Освободившись от шор обскурантистской царской цензуры, самые современные биологические представления проникли в учебные аудитории. В это время сформировалось целое поколение генетиков, экологов и биологов-экспериментаторов мирового класса. Такое завидное состояние дел продолжалось до конца 20-х годов.

Грозовые тучи начали сгущаться в начале 1928 г., когда первым нападкам со стороны радикалов из Общества юных биологов подвергся проф. Борис Евгеньевич Райков (1880—1966), наиболее авторитетный специалист в области преподавания биологии. Видный историк науки и методист, он был профессором Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена с 1918 г. до ареста, последовавшего в 1931 г. Позже, с 1945 по 1948 г., он продолжал преподавательскую деятельность. Будучи (до своего ареста) председателем Общества распространения естественнонаучных знаний, он в течение двадцати лет редактировал журнал этого общества, а впоследствии получил известность своими трудами по истории биологии в России *. Вскоре бурные волны культурной революции начали подступать и к другим бастионам русской биологии. Случилось так, что в то самое время, когда Г. А. Кожевников был избран в президиум I Всероссийского съезда по охране природы в сентябре 1929 г., его позиции в Московском университете с каждым днем становились все более шаткими.

Осенью 1929 г. состоялось общее собрание студенческих и аспирантских организаций физико-математического, медицинского и химического факультетов. После того как были выбраны комиссии по отдельным наукам и объединенный организационный комитет, студенты с жаром приступили к критическому рассмотрению состояния дел на своих факультетах. В особенности суровым было заключение аспирантов-зоологов о состоянии их кафедры и Научно-исследовательского зоологического института при университете **. Среди наиболее серьезных обвинений, выдвинутых студентами, было почти полное отсутствие в институте ученых, стоящих «на позициях диалектического материализма». Напротив, заявляли студенты, «мы имеем целый ряд работников, чуждых советской общественности как с идеологической, так и с политической стороны». Научная работа в институте ведется по узким, «кастовым» направлениям, утверждали они, при почти пол-

* См. о нем работу: Лукина Т. А. Борис Евгеньевич Райков.— Л.: «Наука», 1970.— *Прим. авт.*

** В то время биологические науки преподавались на кафедре биологии физико-математического факультета МГУ.— *Прим. авт.*

ном отсутствии критики и самокритики и с преобладанием «грубого эмпиризма при незнакомстве с марксистской методологией» (4). Единственный способ исправить такое положение дел, дружно заявляли студенты,— это реорганизовать президиум института как не проявляющий интереса к тому, чтобы связать свою работу с экономическими потребностями народа (там же).

Главной мишенью этих обвинений, очевидно, был именно Г. А. Кожевников, одновременно заведовавший кафедрой зоологии позвоночных и занимавший посты директора университетского Зоологического музея и заместителя директора Научно-исследовательского зоологического института. Возможно, что его падение было связано, в частности, с судьбой Б. Е. Райкова, поскольку Кожевников был председателем московского отделения Общества по распространению естественно-научных знаний, возглавлявшегося Райковым в 1921—1930 гг. В считанные дни с безупречной научной карьерой заслуженного профессора МГУ, продолжавшейся более четверти века, было покончено. Это коснулось не только Кожевникова, который, по некоторым сведениям, в 1930—1932 гг. перебрался в Сухуми, где работал в обезьяньем питомнике *. Движение за охрану природы потеряло важные позиции в Московском университете, в особенности в Зоологическом музее, руководство которым знаменательным образом перешло к проф. Л. А. Зенкевичу, сторонникy акклиматизации представителей экзотических фаун **.

* Крупный ученый и выдающийся преподаватель, учениками которого были, в частности, Берг Л. С., Житков Б. М., Огнев С. И. и многие другие известные зоологи, обладатель ряда отечественных и международных наград, проф. Г. А. Кожевников 12 сентября 1929 г. получил по почте уведомление на клочке папиросной бумаги следующего содержания: «Правление 1-го Московского Гос. Университета сообщает, что, согласно извещению Центральной комиссии по руководству перевыборами профессоров и преподавателей вузов, Вы на должность профессора не избраны, почему 1 сентября 1929 г. (год великого перелома! — *Ф. Ш.*) от должности профессора освобождаетесь» (Архив МГУ, ф. 200, ед. хр. 278). Однако до 1931 г. Кожевников оставался директором Зоомузея МГУ. Что касается Абхазского института акклиматизации в Сухуми и питомника обезьян в его составе, то Г. А. Кожевников интересовался этим учреждением и еще в 1927 г. ездил туда в командировку (ф. 200, ед. хр. 293), но конкретных данных о работе там в указанном фонде и автобиографических материалах Кожевникова не имеется. Тем не менее на Всесоюзном съезде по охране природы он участвует уже как представитель Института акклиматизации животных в Сухуми («Труды...», 1930, с. 388). Именно от имени этого «самого молодого» института он приветствовал открытие съезда, отметив, что задачей института является восстановление фауны и разведение редких животных, а также их акклиматизация (там же, с. 15). Во время съезда, 29 января 1933 г., Григорий Александрович скончался на 66-м году жизни. Мы предполагали, что Кожевников практически не работал в Сухуми, но этот вопрос требует уточнения.— *Прим. ред.*

** В декабре 1931 г. директором Зоомузея МГУ был официально назначен В. Н. Макаров, который совмещал эту работу с активной деятельностью в Нар-

Вскоре под огнем оказался также Зоологический институт АН СССР. С нападками на институт выступил проф. Антон Витальевич Немилов, специалист в области зоотехники, связанный с Государственным институтом экспериментального сельского хозяйства, относящегося к системе Наркомзема. В своей статье, опубликованной в журнале «ВАРНИТСО» (Всесоюзной ассоциации работников науки и техники для содействия социалистическому строительству), ранее широко предоставлявшем свои страницы для поношения проф. Райкова, Немилов с особым презрением отзывался об академическом журнале «Природа», который он обозвал аполитичным «пережитком прошлого». «Вы можете перелистать тысячу страниц и ни разу не натолкнуться на имя Ленина, ни разу не встретить таких слов, как «социализм», «коммунизм», «диктатура пролетариата» и т. п.» (Немилов, 1930, с. 64).

Немилов высмеивал дореволюционный стиль журнала, ни на йоту не изменившийся после революции, находя особенно возмутительным то чрезмерное преклонение перед природой, которое, по его мнению, характеризовало дух и общую настроенность журнала, типичные для досоветской эпохи. Его предложения, как и в студенческой резолюции, состояли в реорганизации редакционной коллегии журнала и передаче дел ячейке воинствующего Общества биологов-материалистов, существовавшего в академии.

Нападки на Райкова, на старую буржуазную профессуру и на журнал «Природа» были яркими приметами времени *. Это были части общего процесса, отражавшего устремления тех, кто рассматривал НЭП как отступление от обещанной революцией коренной перестройки общества, подразумевавшей в числе прочего замену уцелевшей от эпохи царизма интеллигенции новой коммунистической интеллигенцией. Эта в значительной мере эмоциональная критика была дополнена выступлениями большевистских ученых-философов.

Диалектическая биология?

В своей книге по истории науки в России Александр Вучинич пишет, что социальные мыслители 60-х годов XIX в. отвергали идею «науки ради науки» (Vućinich, 1970). Наука была для них чем-то большим, чем способом исследования законов природы. Они

компросе (позднее — в Комитете по заповедникам при Президиуме ВЦИК).— *Прим. ред.*

* В другой статье А. Немилова с выразительным заголовком «Борьба с правой профессурой» (ж. ВАРНИТСО, 1930, № 1), употреблены такие обороты речи, как «матерые черносотенные волки» и «кулаки от науки» — так именовались подчас весьма заслуженные старые ученые, сохранившие хотя бы элементы принципиальности.— *Прим. ред.*

видели в ней ключ к познанию мироздания в целом, включая политическое и этическое знание. Более того, наука рассматривалась как инструмент разрушения старого строя, противоядие, способное противостоять официальной идеологии «Православие, Самодержавие, Народность» (там же).

Новое поколение радикалов конца 1920-х годов придерживалось совершенно других взглядов на роль науки. Они лишили естественные науки их революционной роли как средства познания в целом. Эта роль отводилась ими тому, что они называли научным марксизмом. Тем не менее кое-что из традиций 60-х годов XIX в. большевики переняли. Это касалось идеи обязательного служения науки насущным потребностям общества. Существовало, однако, важное различие в понимании роли науки этими двумя группами социальных реформаторов. Люди 60-х годов хотели, чтобы наука вышла за рамки исследования только законов природы и охватила более широкий круг общественных и политических проблем. Совершенно вопреки этому теоретики культурной революции желали ограничить науку функцией обслуживания технологии и устранить ее от рассмотрения более широких общественных и политических вопросов. Последнее стало теперь исключительной привилегией марксизма, провозглашенного наукой «о диалектической организации природы» и вооруженного методологией «диалектического материализма».

Вопрос о роли науки при новом общественном строе в 20-е годы встал во весь рост. В середине этого десятилетия дискуссии в основном касались вопроса о соотношении фундаментальной и прикладной науки, но к концу 20-х годов на первый план вышел и привлек общественное внимание другой вопрос. Это был вопрос о роли диалектики в науке.

Диалектика, заимствованная Энгельсом из социальной теории для лучшего понимания природных процессов, выглядела довольно чужеродным добавлением к марксистской теории (Graham, 1972). Однако в 20-е годы для многих советских марксистов все написанное Марксом и Энгельсом превратилось из основополагающего источника разработки социальной теории в не подлежащую никаким сомнениям догму, требующую лишь правильной экзегезы. Не составляло исключения и учение Энгельса о диалектическом характере природы. Эти теории получили еще более прочное признание после публикации в 1925 г. сборника работ Энгельса, посвященных естественным наукам, опубликованного Давидом Борисовичем Рязановым, директором института Маркса—Энгельса—Ленина, под названием «Диалектика природы».

Хотя вслух большевики признавали внутренне диалектический характер природы и ее закономерностей, однако в отношении

двух связанных с этой проблемой вопросов единогласия не было: в чем конкретно состоит диалектический характер природы и должны ли быть также диалектическими методы, используемые наукой при изучениии природы? В конце 20-х годов дискуссии по этим проблемам разворачивались в основном в Коммунистической академии, и там сложились две фракции — механицисты и деборианцы, придерживавшиеся разных точек зрения на эти вопросы.

Представители этих двух фракций были согласны в том, что диалектическая структура внутренне присуща природе и природным процессам. Механицисты, однако, отличались от своих оппонентов тем, что они считали традиционную эмпирическую науку вполне способной вскрывать диалектические закономерности природы. Согласно их взглядам, ученые не должны были сознательно руководствоваться принципами диалектического материализма (Joravsky, 1961). Для механицистов также был характерен некоторый редукционизм, который деборианцы расценивали как отречение от признания диалектической структуры природы. Некоторые занимавшие наиболее крайние позиции механицисты были убеждены в том, что в один прекрасный день все биологические и социальные явления могут быть сведены к действию закона сохранения и превращения вещества и энергии — идея, восходящая к Вильгельму Оствальду * (там же).

К 1926 г. о механицистах составилось представление как о фракции, подкапывающейся под диалектику в естественных науках. Дурную службу сослужила им также поддержка части буржуазной профессуры, рассматривавшей механицистов как меньшее из двух большевистских зол (там же).

В апреле 1929 г. деборианцы разгромили механицистов и взяли под свой контроль Коммунистическую академию и другие институты. Отныне целые области науки придирчиво рассматривались с точки зрения того, руководствуются ли они диалектическим стилем мышления. Если наука действительно часть идеологической суперструктуры, как, по-видимому, считали Маркс и Энгельс, и может отражать интересы различных классов, то теперь диалектический подход стал основным критерием, определяющим принадлежность к марксистской пролетарской науке. В тех случаях, когда этот критерий не выполнялся, соответствующая наука решительно осуждалась как буржуазная.

Неудивительно, что лица, стремившиеся таким образом «раздвоить» науку, оставляли также за собой право решать, какие

* Оствальд Вильгельм Фридрих (1853—1932) — немецкий физик, химик и философ, автор идеи «энергетизма», удостоен Нобелевской премии в 1909 г.— *Прим. перев.*

научные теории и подходы относятся к тому или другому идеологическому лагерю. В каждой научной области возникли собственные блюстители идеологической чистоты. В биологии такие попечители появились в движении юных натуралистов *, в кружке юных биологов зоопарка, в Тимирязевской сельскохозяйственной академии, в Тимирязевском институте изучения и распространения естественно-научных основ диалектического материализма, в Коммунистическом университете им. Свердлова, во Всероссийской ассоциации работников науки и техники для содействия социалистическому строительству и, наиболее влиятельные из всех, в Коммунистической академии.

В 1926 г. в отделе естественных и точных наук Коммунистической академии возникло Общество биологов-материалистов, а в мае 1929 г. в Харькове было образовано аналогичное украинское общество. В первые дни существования этих обществ к ним примкнули и многие видные профессионалы, искренне верившие, что диалектический подход может обогатить науку. Несмотря на то что многие из этих ученых внесли значительный вклад в науку, биологи-материалисты подчас играли также роль в зарождении процессов «марксистской инквизиции» в науке **.

Экология попала в поле зрения биологов-материалистов впервые в 1928—1929 гг., когда деборианцы еще только набирали силу. Внимание общества биологов-материалистов привлекла склонность некоторых экологов проводить аналогию между природными сообществами и человеческим обществом, со всеми философскими выводами, следующими из такого подхода. Биологи-материалисты были прежде всего марксистами. Они считали общественную теорию Маркса научной истиной. Научные факты и теории, которые могли породить сомнение в ценности или применимости марксистских рекомендаций, рассматривались ими просто как буржуазная и, следовательно, никуда не годная наука.

Пожалуй, наиболее сильные сомнения в справедливости марксистского взгляда на общество возникли среди фитосоциологов.

---

* Общество юных натуралистов (юннатское движение) возникло в Москве в 1918 г. Позже перешло под руководство Наркомпроса и комсомола, приобретя определенный политический уклон. Его цель состояла в том, чтобы «помогать партии... в преобразовании природы в интересах социалистического строительства» (Большая Советская Энциклопедия, 1-е изд., т. 65, с. 241); в 1929 г. в Обществе состояло 65 тыс. членов.— *Прим. авт.*

** К их числу можно отнести генетиков И. И. Агола, А. С. Серебровского и Н. П. Дубинина, а также биолога-экспериментатора М. М. Завадовского.— *Прим. авт.*

Это авторское утверждение вызывает некоторое сомнение своей резкостью, тем более что все эти ученые в разной степени пострадали в годы лысенковщины.— *Прим. ред.*

Так, например, в основе теории Пачоского лежало представление о том, что неравенство заложено в самой основе устройства природы и что именно неравенство делает возможным существование как природных сообществ, так и человеческого общества. Некоторые другие, в том числе ботаник В. Н. Любименко, подчеркивали, что поскольку люди — дети природы, то принципы, обнаруженные при исследовании природных сообществ, применимы также и к человеческому обществу (Бугаев, 1929).

Воинствующие марксисты сочли попытки «доказать» неизбежность неравенства в природе и распространить их на человеческое общество в качестве общебиологических принципов особенно вредными и порочными. Фитосоциологические взгляды впервые были оспорены в январе 1928 г. на Всесоюзном конгрессе П. Н. Овчинниковым *. К январю следующего года фитосоциология была полностью разгромлена. В журнале «Естествознание и марксизм», издававшемся отделом естественных и точных наук Коммунистической академии совместно с обществом биологов-материалистов, появилась статья И. И. Бугаева, в которой положения фитосоциологической школы подвергались сокрушительной критике. Одним из следствий этой статьи и последовавшей за ней целой кампании против фитосоциологии была замена самого термина «фитосоциология» на «фитоценология». Об этом детально говорится в книге Ханса Трасса (1976). Интересен такой факт. В письме к автору книги от 9 марта 1965 г. академик В. Н. Сукачев, последователь Пачоского в 30-х годах, выражал сожаление в связи с тем, что ботаники тогда были вынуждены отказаться от термина «фитосоциология» (Трасс, 1976, с. 53).

В своей статье Бугаев соглашался с тем, что существуют общие биологические законы, которым подчиняются животные, растения и люди, однако, отмечал он, в человеческом обществе проявления этих законов окрашены высшими общественными законами, присущими лишь человеческому обществу. «Какая "биология" лежит в основе классовой структуры общества? — вопрошал он.— Уж не евгеника ли?» (Бугаев, 1929, с. 79). Это был намек на биологическую доктрину, преследовавшуюся в то время в Советском Союзе, в соответствии с которой общественные классы определяются наследственностью, а не экономической организацией общества. Он доказывал, что фитосоциологический взгляд на жизнь, уравнивающий экологические и человеческие сообщества, представляет собой редукционизм и в этом качестве вступает в противоречие с законами диалектики. Наконец, Бугаев обнару-

* Т. Добржанский (Dobrzhansky, 1973) позднее, уже будучи в эмиграции в США, прояснил этот запутанный вопрос. Он утверждал, что разнообразие в природе и обществе не предполагает неравноправия, которое является понятием социальным, а не биологическим. См. также: Трасс, 1976, с. 68.— *Прим. авт.*

жил, что развиваемое Пачоским направление фитосоциологии ставит во главу угла идеализированную концепцию биоценоза и пренебрегает разнообразием природных сообществ ради абстрактной модели (там же, с. 90).

Намерение Бугаева состояло не в том, чтобы разгромить молодую науку — экологию сообществ,— а в том, чтобы выявить и пресечь тенденции, вступающие в конфликт с марксистской теорией и методологией. Демонстрируя свою искренность, Бугаев готов был признать, что фитосоциология не несет ответственности за все делаемое от ее имени. Намерение самих экологов отказаться от нежелательного термина «фитосоциология» он считал обнадеживающим. Более важным было то, что с философской точки зрения в экологии было много такого, что подтверждало справедливость диалектического взгляда на природу и потому заслуживало особого внимания со стороны биологов-марксистов. В частности, он обратил внимание на то, что само понятие биоценоза как объекта, непрерывно воссоздающего свою собственную изменяющуюся среду обитания и таким образом определяющего свою собственную непрерывную эволюцию, было глубоко диалектично. Экология, с вниманием, проявляемым ею к процессам обратной связи, была очень созвучна марксистской науке. Бугаев обратил также внимание на то, что последователи Пачоского, в том числе В. Н. Сукачев, не только отошли от социологических аналогий своего учителя, но и не разделяли преклонения Пачоского перед абстрактными моделями. Ирония ситуации состояла в том, что Бугаев, настаивая на руководстве наукой диалектическим методом, не заметил, что он впадает в тот же грех, в котором обвиняет Пачоского: фактически он навязывал науке произвольно выбранный метод, настаивая на правильности продвижения от абстрактного к конкретному. С этого времени и на будущее экологи вынуждены были внедрять диалектический метод в каждое свое исследование, проявляя дополнительную бдительность из-за философски подозрительных механистических корней их науки.

Заданный Бугаевым тон ведения дискуссии вскоре стал намного более грубым и философски невежественным, когда в октябре 1930 г. деборианцы внезапно утратили благосклонность властей и были смещены в Коммунистической академии и вообще везде новым поколением политиков от науки. Люди, сменившие деборианцев, были едва ли лучше явных политических оппортунистов. Они прокладывали себе путь к вершинам советской философии и науки, нападая на деборианцев не за их идеи, а за связи некоторых из них с троцкистской оппозицией. Для этих новых блюстителей идеологической чистоты в науке рассмотрение философских позиций оппонента мало что значило. Они уже не заботились

о том, насколько данная конкретная наука философски совместима с диалектическими принципами. Для них критерий, позволявший отличать пролетарскую науку от буржуазной, имел намного более приземленный характер: способна ли эта наука приносить политическую и материальную пользу? Соответствует ли она духу и целям пятилетнего плана? Едва ли не единственным «философским» критерием было категорическое отрицание применения в биологии математических методов. Вероятно, наиболее характерным представителем этого нового поколения «философов» в биологии может служить мрачная фигура Исая Израилевича Презента (1902—1969).

И. И. Презент

Историки вспоминают Презента главным образом как человека, который снабдил Трофима Денисовича Лысенко зачатками марксистской образованности. Лорен Грехем пишет, что, систематически формулируя биологические взгляды Лысенко и пытаясь связать их с диалектическим материализмом, Презент сыграл важную роль в феноменальном взлете Лысенко к вершинам власти в советской биологии (Graham, 1972). Несмотря на это, нам он представляется невзрачной, серой личностью, отодвинутой в тень истории. Союз Презента с Лысенко был одним из наиболее роковых для советской науки, оставаясь при этом одним из наименее понятых. Презент часто изображается как ученый, добившийся известности уже после возвышения Лысенко и убедивший последнего взять его к себе на роль закулисного идеологического наставника в момент, когда Лысенко занял главенствующее положение в генетике. Документальные данные, однако, свидетельствуют, что Презент и сам по себе был значительной фигурой в 30-е годы, в эпоху нисхождения советской биологии в царство абсурда. В этом нас больше всего убеждает то, что даже не генетика, а именно экология была первой мишенью Презента в его битве за «пролетарскую биологию» и что уже в ту пору он создал себе репутацию непререкаемого арбитра в биологии за целых пять лет до того, как начались первые столкновения между Лысенко и Н. И. Вавиловым.

Человек умный и расчетливый, Презент становится в высшей степени влиятельной фигурой в последний период правления Сталина. В конце 40-х годов и позднее он одновременно возглавлял кафедры дарвинизма в Ленинградском и Московском государственных университетах и, кроме того, был деканом биологического факультета МГУ. После июля 1948 г. он получил титул академика ВАСХНИЛ и в этом качестве участвовал в знаменитой ав-

густовской сессии 1948 г. Он, несомненно, играл видную роль, но биографический материал о нем, однако, крайне скуден.

Мы вынуждены иметь дело с одной-единственной, написанной в апологетических тонах биографией, опубликованной в 1948 г. в «Известиях ЛГУ», которую вряд ли можно рассматривать как сколько-нибудь полный и критичный источник (Рыжкова, 1948) * Однако и она проливает некоторый свет на таинственную карьеру Презента. Первое, что поражает при чтении биографии,— это масштаб амбиций Презента. Мы читаем, что, окончив Ленинградский университет в 1926 г., Презент не захотел «замкнуться в лаборатории и посвятить себя разработке какого-нибудь частного вопроса. Биологическая наука, засоренная идеалистическими концепциями, всегда являлась ареной борьбы мировоззрений. И. И. занял центральное место в этой борьбе» (там же, с. 98).

Хотя биограф утверждает, что Презент получил биологическое образование, это, по-видимому, не совсем так. В действительности Презент окончил трехлетние курсы при факультете общественных наук университета **. Во время обучения или сразу после окончания курсов он, однако, решил специализироваться в области философии наук о жизни. В качестве первого шага он организовал семинар по изучению диалектики природы, к участию в котором привлек студентов и специалистов с биологического, философского, филологического и математического факультетов университета, а также сотрудников других высших учебных заведений (Рыжкова, 1948).

В это время Презент, по-видимому, связывал свою судьбу с деборианцами, и вслед за ними он становится активным сторонником менделистской и морганистской теорий наследственности и видообразования. Он участвует в выступлениях деборианцев против неоламаркизма и в поисках среди настоящих биологов покровителя впервые знакомится с классическим генетиком-менделистом Николаем Ивановичем Вавиловым, не предвидев-

---

* Статья Е. В. Рыжковой написана в связи с августовской сессией ВАСХНИЛ и получением И. И. Презентом звания академика ВАСХНИЛ (в том же номере опубликована тенденциозная статья Н. В. Турбина «Торжество мичуринской биологии»). Более подробные данные имеются в архиве АН СССР, где сохраняются архивы И. И. Презента и Т. Д. Лысенко.— *Прим. ред.*

** Сведения из беседы с Марком Поповским 17 февраля 1981 г. в Нью-Йорке.— *Прим. авт.*

Марк Александрович Поповский — советский писатель, эмигрант «третьей волны»; автор пока не опубликованных в СССР книг «Управляемая наука», о жизни и гибели Н. И. Вавилова и др. В официальных материалах И. И. Презента указывается: «Поступив в 1922 г. в бывш. Петроградский, ныне Ленинградский ордена Ленина университет, он окончил в 1925 г. декабря месяца 23-го числа полный курс факультета общественных наук по специальности "философия"...» (Архив АН СССР, ф. 1593, ед. хр. 92, л. 1).— *Прим. ред.*

шим, конечно, дальнейшего развития событий. По-видимому, знакомство было недолгим, и Презент продолжает поиски более подходящего покровителя. Вероятно, к этому времени относится начало его раздражения и озлобления против школы Вавилова *.

Этот опыт показал Презенту, что, кроме влиятельного партнера, необходимо обеспечить прочный тыл. Он немедленно принимается за это, несомненно используя возможности, предоставленные победой деборианской фракции в Коммунистической академии. К 1930 г. он уже старший научный сотрудник и активный деятель Ленинградского отделения Коммунистической академии, президент Общества биологов-марксистов (вероятно, ранее называвшееся Обществом биологов-материалистов.— *Авт.*) и доцент педагогического института им. Герцена. К 1931 г. он основывает и возглавляет кафедру диалектики природы и эволюционного учения в Ленинградском государственном университете, первую кафедру такого рода (Рыжкова, 1948).

Совершив столь быструю и столь замечательную карьеру, Презент обнаружил незаурядное политическое чутье. Вместе с другими политически гибкими деборианцами и столь же гибкими экс-механицистами Презент в 1930 г. совершает ловкий маневр и покидает в октябре того же года гибнущий корабль деборианцев.

Программа преемников деборианцев провозглашала нечетко определенную большевизацию философии науки, главенство практики над теорией и право Сталина решать основные вопросы теории. Пути большевизации науки наметил сам Сталин в нескольких выступлениях конца 1929 г. Не желая признавать ограниченность возможностей современной биологии познавать, предсказывать и управлять событиями или считаться с ограничениями, накладываемыми статистическим, вероятностным характером биологических закономерностей, Сталин обратился к доморощенной практической науке в поисках возможностей действовать по собственному усмотрению. В этом состоял глубокий парадокс, поскольку, отчаянно стремясь исключить всякую случайность и спонтанность в делах природных и человеческих, для того чтобы обеспечить себе полное господство и безопасность, Сталин одновременно был вынужден верить на слово ненадежным обещаниям строителей воздушных замков будущего сельского хозяйства. Отзвуки древней веры в деяния чудотворцев нигде не

---

* Сведения из беседы с М. Поповским в 1981 г.— *Прим. авт.*

Они же имеются в книге «Дело академика Вавилова» М. Поповского (М., 1991). Не отрицая приведенных высказываний, мы обязаны указать, что в архиве И.И. Презента нет прямых сведений о контактах с Н.И. Вавиловым.— *Прим. ред.*

проявились столь ярко, как в высказываниях Сталина по случаю двенадцатой годовщины установления Советской власти о «воистину чудесной» грядущей производительности сельского хозяйства.

«Рухнули и рассеялись в прах возражения «науки» против возможности и целесообразности организации крупных зерновых фабрик в 50—100 тыс. га. Практика опровергла возражения «науки», показав лишний раз, что не только практика должна учиться у «науки», но и «науке» не помешало бы поучиться у практики» (Сталин, 1934, с. 307).

С новыми убеждениями было тесно связано отрицательное отношение Сталина к теоретической науке, которую он, как и многие другие деятели культурной революции и прагматически настроенные работники экономических наркоматов, склонен был рассматривать как пустое самоутверждение. «Но если мы имеем основание гордиться практическими успехами социалистического строительства,—заявил Сталин на конференции аграрников-марксистов по вопросам сельского хозяйства, состоявшейся в Коммунистической академии 27 декабря 1929 г.,—то нельзя то же самое сказать об успехах нашей теоретической работы... в области сельского хозяйства в особенности» (там же, с. 299). Сталин зловеще заявил, что теоретическая работа «не идет в ногу с нашими практическими достижениями»; при этом имелось в виду, что существуют новые «достижения» в области сельского хозяйства, не укладывающиеся в привычные представления теоретической науки,—достижения, для которых следует найти новые научные объяснения. Действительно, социализм уже породил такого рода «достижения»—яровизацию, акклиматизацию и, что касается общественной жизни, самое коллективизацию. В той части своего выступления, которая, казалось, прямо относилась к возражениям, выдвигавшимся деятелями охраны природы против коллективизации, Сталин провозгласил наступление сельского хозяйства на целинные земли как триумфальную победу над трусливыми опасениями старой науки. «Вопрос об обработке заброшенных земель и целины имеет громадное значение для нашего сельского хозяйства. Вы знаете, что... в старое время... многие думали, что малоземелье это является абсолютным... Теперь ясно для всех, что свободных земель было и осталось в СССР десятки миллионов гектаров» (там же, с. 307).

Все, разумеется, зависело от того, примут ли ученые реальность правительственной политики. Первоначально не все голосовали «за». Со временем, однако, правительство Сталина обрело способность добиваться всеобщего одобрения.

Как отмечал Давид Жоравский (Joravsky, 1970), при новых

критериях различия между пролетарской и буржуазной наукой интеллектуальное содержание вовсе изымалось и из философии, и из науки. Сталин присвоил себе право выносить окончательное суждение по всем вопросам, касающимся марксистской теории и науки,— право, которое ему охотно уступили некоторые раболепные деятели советской науки. Сталин был объявлен гением, корифеем всех наук. Однако даже Сталин был не в состоянии оценивать все достижения во всех областях знания. В каждой его области возникала потребность в своих маленьких сталиных, полномочных наместниках верховного вождя, которые могли бы направлять и контролировать как интеллектуальное, так и практическое развитие соответствующих дисциплин, интерпретируя по мере необходимости волю Сталина *. Именно к такому положению полновластного наместника, вождя в биологических науках и стремился Презент, поскольку оно полностью отвечало его складу ума и политическим способностям. В погоне за этим положением Презент никогда не забывал о новых отличительных признаках пролетарской науки, в первую очередь о необходимости для теории отвечать новым практическим «успехам», прославляемым в печати и на экране.

Проявив немалую политическую проницательность, Презент немедленно распознал в экологии и охране природы области, особенно уязвимые для критики, основанной на новых критериях научной ценности. Менее чем через полгода после речи Сталина в Коммунистической академии, в мае 1930 г., Презент предпринял в этом направлении первые шаги на IV Всесоюзном съезде зоологов, анатомов и гистологов в Киеве.

Не опубликовав к тому времени ни строчки по теоретическим проблемам экологии, Презент тем не менее нашел возможность на открытых пленарных заседаниях многолюдного съезда дважды выступить с обширными критическими речами. Это само по себе служило достаточным свидетельством роста его влияния в советской биологии и, возможно, указанием на то, что уже в начале 1930 г. он пользовался благосклонностью высокопоставленных политических руководителей.

Первая возможность нанести удар предоставилась Презенту после выступления В. В. Станчинского, посвященного теоретическим проблемам трофической динамики. В своей импровизированной реплике, последовавшей сразу за докладом Станчинского, Презент впервые выступил в качестве «критика» биоценологии (Нечаева и Медведев, 1977). По словам близкого сотрудника

* Чешский эмигрант Эрнст (Арност) Кольман играл роль главного «надсмотрщика» (куратора) над наукой в МГК ВКП(б), начиная примерно с 1930 г.— *Прим. авт.*

Станчинского С. И. Медведева, Презент даже выразил сомнения в том, что экология имеет право называться наукой. Медведев свидетельствует, что «Станчинский достойно ответил на некомпетентное выступление Презента» (там же, с. 111). К сожалению, это не смогло предотвратить кампании, развязанной Презентом.

Презент явно старался утвердиться в роли идеологического арбитра экологии. Он стал одним из ведущих организаторов созываемой Академией наук I Всесоюзной конференции экспертов по геоботанике и флористике — в качестве представителя ленинградского отделения Коммунистической академии. Хотя конференция официально проводилась Ботаническим институтом Академии наук и проходила в Ботаническом саду в конце февраля 1931 г., однако вскоре после этого в опубликованном отчете о заслушанных докладах отмечалось, что Коммунистическая академия осуществляла методологическое руководство (Цинзерлинг, 1933, с. 72).

Подчинив себе экологов растений, устрашенных кампанией против фитосоциологии, Презент приступил к покорению наиболее жизнеспособного центра биоценологии в СССР: зоологически ориентированных экологов, связанных с Главнаукой, обществами охраны природы и в особенности с заповедниками.

Однако Презент не стал штурмовать эту цитадель сразу. Он намеревался сделать это позднее, на Всесоюзной конференции по фаунистике, которую было намечено провести в Москве в декабре 1931 г. Конференция организовывалась якобы Академией наук (точнее, ее Зоологическим институтом), однако заранее планировалось тесное сотрудничество с Коммунистической академией в лице Презента. А тем временем он вернулся к ранее не завершенному им делу и сконцентрировал огонь на проф. Райкове. Как свидетельствует Жорес Медведев, еще в 1930 г. Презент был привлечен к спектаклю по разоблачению Райкова, олицетворявшего буржуазную профессуру. Предубеждение, которое питал Презент против Райкова, почти наверняка усугублялось их личным знакомством в пору, когда Презент преподавал в педагогическом институте им. Герцена. Для того чтобы не допустить руководителя юннатов или других конкурентов на роль идеологического арбитра в биологии, Презент быстро развернул интенсивную кампанию против «райковщины». В своем специальном послании деятелям ленинградского просвещения он поносил Райкова в выражениях, которых даже он не использовал в своих предыдущих кампаниях. Райков разоблачался как агент мировой буржуазии, автор подрывных теорий и человек, пропагандирующий пассивную любовь к природе. «Что из себя представляет Райков и вся его группа? — риторически вопрошал Презент.— Вы знаете, товарищи,

что Райков и его группа были раскрыты органом пролетарской диктатуры ГПУ?» Это письмо Презента под названием «Классовая борьба на естественнонаучном фронте» скоро (в 1932 г.) было опубликовано тиражом 10 тыс. экземпляров. Несчастный Райков и его коллеги по Обществу распространения естественнонаучных знаний вскоре были арестованы, заключены в тюрьму или сосланы на Крайний Север, где и провели многие годы. Б. Е. Райкову было разрешено вернуться в Ленинград только в 1945 г. (Medvedev, 1969; Лукина, 1970).

Тень Презента быстро надвигалась на советскую биологию. Эта зловещая тень уже накрыла преподавание естественных наук и нависла над развивающейся областью экологии сообществ. Однако прежде, чем рассматривать вторжение Презента в дела экологии и охраны природы в Советском Союзе, мы должны исследовать, как сказались на советском движении за охрану природы бурные события культурной революции *.

---

* Несмотря на всю мрачность фигуры И. И. Презента и реальность нанесенного им ущерба отечественной науке, ее не следует переоценивать. Биологи всегда относились к Презенту с большой долей насмешливого презрения. Даже в сталинское время (в 1952 г.) он был уволен из Ленинградского университета с нелестной записью («как не справившийся со служебными обязанностями»). Конечно, мы не все еще знаем об этом человеке и его деятельности, но не уместно ли вспомнить строки зоолога и борца за охрану природы (к тому же поэта, автора сатирической поэмы «Астронавт» о Лысенко) проф. Ивана Ивановича Пузанова, написанные на высшем взлете карьеры Презента в 1949 г.:

Придет конец подобным всем субъектам,
И Презент сам уйдет в plusquamperfectum.

(Архив АН СССР, ф. 1674).— *Прим. ред.*

Глава 9

Защитная окраска

Давление на деятелей охраны природы в СССР, и особенно на представителей старой, «буржуазной» профессуры, составлявших столь значительную часть движения, в 1930 г. продолжало нарастать. Во время Шахтинского процесса 1928 г. и процесса Промпартии, последовавшего через два года, окарикатуренная фигура в бородке, пенсне и фетровой шляпе стала излюбленной мишенью самого разнузданного поношения. Хотя напряженность несколько спала после знаменитой речи Сталина, произнесенной им в феврале 1931 г., и в особенности после его письма летом того же года, «буржуазные» профессора продолжали участвовать в научной жизни только с молчаливого согласия университетов, правительства и партийного руководства, жизнь которых также проходила в обстановке беспокойства и неуверенности.

Указанная речь вождя ознаменовалась лозунгом «Техника решает все!». Письмо Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция», опубликованное в № 6 за 1931 г., положило начало чистке среди коммунистической интеллигенции и ликвидации пролетарских и художественных организаций. Сталинский призыв прекратить травлю старой интеллигенции в наиболее явной форме прозвучал в речи, опубликованной 23 июня 1931 г. в газете «Вечерняя Москва».

Предшествовавшие этому нападки на профессуру достигли апогея в 1930 г. после сталинских выступлений конца 1929 г. Следствием санкционированной Сталиным кампании против интеллигенции был созыв по инициативе ВАРНИТСО, недавно образованной всесоюзной ассоциации, призванной мобилизовать научных и технических работников для выполнения пятилетнего плана, конференции по работе научных обществ*. В 1930 и 1931 гг. ВАРНИТСО возглавлялась гибким политиком, пропартийным академиком А. Н. Бахом, по специальности биохимиком, Центральным бюро и группой самодовольных активистов из числа наи-

* Специально этой теме (зловещей роли ВАРНИТСО в науке) посвящены недавние публикации Тугаринова И. А.: «История ВАРНИТСО, или Как ломали академию в «год великого перелома» («Природа», 1990, № 7, и «Вопросы истории естествознания и техники», 1989, № 4).— *Прим. ред.*

более бескомпромиссных большевизаторов науки (и будущих сторонников Лысенко) и стремилась играть роль идеологического арбитра в области естественных наук *. Эта цель хорошо иллюстрируется всем ходом конференции, которая, как мы можем прочесть в журнале «ВАРНИТСО», по существу, превратилась в испытание для руководства научных обществ, в процессе которого ВАРНИТСО, Отдел научных работников профсоюза работников образования и Союзпечать выдвигали обвинения, а «собравшиеся скрытые сторонники нездорового академизма пытались оправдываться» (Квятковский, 1931, с. 56).

Выступая от лица ВАРНИТСО, его активист, проф. Борис Михайлович Завадовский (1895—1951), возглавлявший биофак в Коммунистическом университете, облачился в мантию прокурора. Он подчеркнул, что научные общества обнаруживают полное отсутствие доброй воли, чтобы превратить себя из цитадели реакционной профессуры, каковыми они сейчас являются, в советские коллективы. Он обратил внимание на их полную неспособность, а часто сознательный отказ перестроить свою работу и приблизить науку к практике. «Почему научные общества не могут включиться в решение проблем питания, физкультуры и сельского хозяйства?» — вопрошал он, подчеркивая необходимость создания нового официального организованного центра обществ, который впредь мог бы отвечать за их работу (там же).

Журнал «ВАРНИТСО» в целой серии статей подверг научные общества беспощадной критике. Один из авторов сравнивал научные общества с «заповедниками, где сохранились в девственных пущах маститые... зубры», и изображал научные общества как последнее сохранившееся прибежище буржуазной профессуры (Квятковский, 1931а, с. 53). Подобно тому как целью заповедников было не допустить будто бы благотворного воздействия на природу со стороны человека, точно так же их академические аналоги — научные общества — стремились не допустить влияния идей и ценностей, рожденных революцией.

Аналогия с заповедниками была весьма популярна, отчасти отражая широко распространенную точку зрения, что заповедники — это не только бесполезное расточительство хороших земель, но также и угодья для размножения вредителей селького хозяйства и опасных диких животных. Член центрального бюро ВАР-

* К числу этих «большевизаторов» науки следует отнести таких биологов как академик Б. А. Келлер, будущих академиков В. Р. Вильямса, А. И. Опарина, профессоров Е. К. Сеппа, Б. М. Завадовского, Л. М. Сабсовича, а также А. В. Немилова, В. П. Бушинского и А. Я. Вышинского. Однако же в руководство ВАРНИТСО входили и будущие жертвы сталинского режима — Н. И. Вавилов, Н. М. Тулайков, зоолог А. Л. Бродский,— *Прим. авт.*

НИТСО проф. Е. К. Сепп использовал аналогию с заповедниками для насмешки над старой профессурой. «...На протяжении двенадцати лет революции,— писал он,— ученые Союза жили в условиях тщательно охраняемого заповедника. В этом всесоюзном заповеднике для вымирающей породы буржуазных ученых они нашли себе укромные уголки... и создали специфическую, подходящую для себя обстановку подальше от докучливых взоров советской общественности» (Сепп, 1930, с. 20).

Гонения такого рода продолжались долго и сопровождались всяческими поношениями. Научные общества якобы изолировали себя от советской молодежи, включив в свои уставы жесткие ограничения на членство, и в то же время допускали к активному участию в своей работе контрреволюционные элементы. Сепп заявил, что, когда в то или иное научное общество вступали новые члены, они подвергались влиянию чисто буржуазной идеологии. Он даже пытался нарисовать картину «белого террора» в обществах, рассказав о событии, происшедшем при выборах в Академию наук в 1929 г., и о более позднем отказе допустить к руководству Московским микробиологическим обществом кандидатов-коммунистов. В этом случае даже члены ВАРНИТСО «были вынуждены» голосовать вместе с «реакционным большинством», заявил Сепп, подчеркивая, что это явление наблюдается повсюду, где научные общества охраняются, подобно заповедникам, от влияния советской действительности. Всем ясно, заключал он, что система заповедников для научных кадров обнаружила свою полную непригодность (там же).

На конференции ВАРНИТСО подверглись нападкам многие конкретные научные общества. Московское общество испытателей природы (МОИП) — старейшее научное общество в России, Эндокринологическое общество, Ботаническое и Математическое общества — все они обвинялись во множестве грехов, суть которых сводилась, по выражению К. Квятковского (1931а), к сочетанию чистой науки с нечистой политикой. К несчастью для движения за охрану природы, мишенью наиболее яростных нападок на конференции стали два общества: Всероссийское общество охраны природы и наиболее близкое ему по духу Центральное бюро краеведения (ЦБК). Казалось, что аналогия с заповедниками здесь была даже более оправданна, чем это представлялось на первый взгляд.

В то же время, когда возникло дело Б. Е. Райкова и прошли первые аресты по Шахтинскому делу, мир краеведов также был выведен из состояния благодушия тревожными политическими событиями. Еще в марте 1928 г. I Всесоюзная конференция марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений, воз-

главлявшихся Коммунистической академией, постановила, что именно эта академия должна взять на себя задачу управления всеми научно-исследовательскими работами, относящимися к краеведению, проектированию эксплуатации природных ресурсов и организации экспедиционных работ в СССР (Карпыч, 1931).

После победы в 1929 г. в Коммунистической академии более агрессивной деборианской фракции президиумом академии был немедленно создан отдел краеведения. Серьезные преобразования продолжались до февраля следующего года, а в январе 1931 г. было проведено первое совещание общества краеведов-марксистов (там же).

Медленные темпы организации нового общества, однако, не препятствовали отдельным активистам высказывать собственные, уже избитые, резко критические замечания в адрес краеведения. Эти краеведы-марксисты усмотрели грозящую опасность в «правом уклоне», который выразился, по их мнению, «в работе без увязки с запросами социалистического строительства»; было проявлено «либеральное отношение к борьбе с идеологически чуждыми течениями в советском краеведении», примиренчество и «аполитизм»... Такие формулировки нашел в своей публикации, «защищающей» советское краеведение, Иван Григорьевич Клабуновский, директор информационного отдела Главного управления организации и планирования Наркомпроса, активист обновленного краеведческого «движения» (1)*.

Новые залпы в кампании против «правого уклона» краеведов прозвучали в речи заместителя председателя ЦБК Альберта Петровича Пинкевича, произнесенной 17 января 1930 г. на заседании отдела краеведения Коммунистической академии (Пинкевич, 1930). Надо пояснить, что Пинкевич был специалистом по методике преподавания, занимал пост ректора 2-го МГУ, был профес-

* Журнал «Краеведение» был до 1930 г. органом Центрального бюро краеведения, состоявшим при АН СССР, и выходил под редакцией академиков С. Ф. Ольденбурга и Н. Я. Марра, уделяя много внимания изучению старины, быта, культуры народностей, имея патриотическую направленность. Сделавшись в 1930 г. органом ЦБК и новой секции Комакадемии, журнал «Советское краеведение» резко меняет направление (ранее выходившие «Известия ЦБК» при этом были по сути ликвидированы). Для иллюстрации приведем еще одну цитату из материала Клабуновского И.:

«Академическая замкнутость, отгороженность от пролетарского влияния, засилье в руководстве (краеведами) реакционных, идеалистических, буржуазно-дворянских элементов, дворянско-буржуазная тематика в исследованиях делали все краеведение... чуждым и враждебным делу рабочего класса, делу социализма» (1). Забегая вперед, уместно сказать, что почти одновременно был преобразован и журнал «Охрана природы», который стал называться «Природа и социалистическое хозяйство» (см. ниже).— *Прим. ред.*

сором Московского института научной педагогики. Шейла Фитцпатрик ("Cultural Revolution as Class War", 1978) характеризует его как трезвомыслящего и образованного профессора-марксиста, ставшего первой мишенью нападок радикалов. В свете этого кажется правдоподобным, что высказывания Пинкевича против включения проблем охраны природы в рамки краеведения были своего рода попытками противостоять губительным нападкам радикалов культурной революции, исключив из краеведческого движения наиболее «опасные» аспекты.

В упомянутом выступлении Пинкевич обратил особое внимание аудитории на те задачи краеведения, что были изложены в работах профессоров И. М. Гревса и С. С. Ганешина *. Гревс, который писал, что значение краеведческого движения состоит в выявлении и охране памятников истории, искусства, архитектуры и общей культуры, был гневно обвинен Пинкевичем в том, что он пресмыкается перед германским краеведением. По Гревсу, заключает Пинкевич, советское краеведение следует полностью подчинить национализму и шовинизму в немецком стиле (Пинкевич, 1930). «Вина» Ганешина состояла в том, что он, постоянно призывая краеведение к охране редких и уникальных видов флоры, также действовал в духе порочного германского романтизма. Пинкевич утверждал, что стремление к охране природы в целом — это диверсия, угрожающая отвлечь краеведческое движение от решения истинных его задач.

Когда в конце марта 1930 г. делегаты IV Всероссийской конференции по краеведению собрались в Москве, они были проинформированы Глебом Максимилиановичем Кржижановским, что на заводах царит атмосфера полувоенной мобилизации. Люди, сказал он, даже поговаривают о «новом Октябре» (2). Но и в этих условиях ЦБК, управляемое просвещенным и спокойным Смидовичем, не спешило к грядущей утопии, лишь на словах принимая идею социалистического строительства. Важно то, что в решениях конференции не содержалось явного осуждения традиционного краеведения, включая его аспекты, связанные с охраной природы.

Предположение о том, что изменения, проводившиеся в ЦБК, носили в большой мере лишь косметический характер, наглядно

* Гревс Иван Михайлович (1860—1941) был автором многочисленных исторических работ, в том числе исследований по древнеримскому сельскому хозяйству и частной жизни И. С. Тургенева.

Ганешин Сергей Сергеевич (1879—1930) — видный ботаник, куратор Ботанического музея Академии наук и профессор Ленинградского сельскохозяйственного института. Он представлял АН СССР на Всероссийском съезде по охране природы в 1929 г. и умер лишь несколько месяцев спустя после публикации статьи Пинкевича, заблудившись во время экспедиции в Хибинских горах.— *Прим. авт.*

подтверждается отрывком из статьи М. Потемкина. «И в руководящих докладах, и в прениях с полной очевидностью выявилось, что резолюции Четвертой краеведной конференции, проходившей еще под значительным влиянием «старых» краеведов, имеют ряд нечетких и неполных, а в некоторых частях и неверных формулировок» (Потемкин, 1931, с. 4).

Такая преемственность политики наглядно проявилась в деятельности комиссии ЦБК по охране природы в последующие месяцы. Не желая сдавать завоеванных позиций, комиссия усилила свою активность, в частности в направлении укрепления связей с ВООП и Госкомитетом (3). Осенью сочувствующие делу охраны природы краеведы перешли в контрнаступление. В. Н. Баландин опубликовал в журнале «Советское краеведение» статью, в которой он аргументированно призывал к поддержке краеведами движения за охрану природы (Баландин, 1930). Признавая необходимость социалистического строительства, он писал: «Но это не значит, конечно, что мы должны распахать до последнего клочка все степи, вырубить все леса и истребить всех животных» (там же, с. 23). Однако он предостерегал, что мы уже стоим на пороге истребления многих некогда промысловых зверей и птиц.

Баландин призвал все местные краеведческие организации не менять направления их деятельности, но «немедленно приступить к пропаганде среди широких масс трудящихся рационального использования естественных производительных сил природы, бережного отношения к полезным растениям и животным, охраны памятников природы» (там же). Более того, он считал, что перед лицом быстрых изменений, происходящих в естественных ландшафтах вследствие развития человеческого общества, краеведы должны усилить борьбу в поддержку создания как национальных парков, предназначенных для туризма, так и заповедников как эталонов дикой природы, предоставляя при этом для них территории, соответствующие целям их деятельности.

Ответ Баландина Пинкевичу был написан сдержанно и избегал полемических крайностей. Однако некто В. Лучник, отбросив все околичности, в резкой отповеди Пинкевичу, появившейся в журнале «Охрана природы», отмечал, что Пинкевич, «не отрицая необходимости охраны памятников природы, высказывается за отстранение от этой работы многочисленной армии наших краеведов... Мы никак не можем согласиться с этим!» — восклицал он (Лучник, 1930, с. 223).

Однако противостоять давлению культурной революции было не так просто. В конце октября 1930 г. после проверки, проведенной комиссией Рабоче-Крестьянской Инспекции РСФСР, в ЦБК вынужденным образом произошли некоторые перемены. В списке

рекомендаций, предложенных проверочной комиссией, в первую очередь указывалось, что ЦБК следует очистить от «классово чуждых элементов», ввести ударный труд и социалистическое соревнование, добавить марксистов в общереспубликанские и местные руководящие органы и ликвидировать комиссию по охране природы (4).

Комиссия Рабкрина РСФСР обвиняла ЦБК в постоянной аполитичности, поэтому была немедленно проведена некоторая чистка. Николай Александрович Гейнике, доцент МГУ и специалист по методологии экспедиционных работ в естественных науках (он был официальным делегатом ЦБК на I Всероссийском съезде по охране природы), оставил пост ученого секретаря ЦБК; одновременно историк Борис Борисович Веселовский был смещен с должности заместителя председателя этой организации. Многие руководители местных организаций также были отстранены от работы.

Выборы нового руководства в Москве и в местных отделениях ЦБК ознаменовали собой начало курса на привлечение масс к руководству. В Московской области в результате жесткого давления со стороны студентов Коммунистического университета в областное бюро были введены двое фабричных рабочих, что отражало учреждение восьми новых отделений общества на заводах и в колхозах (Квятковский, 1931а). В качестве последней уступки в ЦБК была ликвидирована Комиссия по охране природы.

Однако эти меры привели к резким конфликтам по всей сети местных отделений общества. В Твери, например, краеведы-старожилы, состоявшие в обществе долгие годы, категорически отказались передать материалы областного отделения общества новому руководству. Оставшиеся после «чистки» члены руководства были объявлены неспособными осуществлять задачи, стоящие перед новым советским краеведением. Общество переживало глубочайший кризис, в основе которого лежал массовый исход краеведов старого типа (Потемкин, 1931).

Даже Смидович пытался сложить с себя обязанности председателя общества на X пленуме ЦБК, вероятно испытывая отвращение к чисткам и противоборствам, но сославшись на состояние здоровья и перегрузку работой *. Эта потенциальная опасность для движения была устранена лишь после того, как пленум призвал старого большевика оставаться на своем посту на период кризиса, заявив, что «не мыслит дальнейшего развития краеведного дела без руководства П. Г Смидовичем ЦБК» (там же, с. 2).

* Истинные причины были выявлены позднее (см. об этом: Крыленко Н. В. О работе ОКРАМ и положении на краеведческом фронте. «Советское краеведение», 1932, № 5, с. 20).— *Прим. авт.*

Несмотря на постоянно провоцируемые чистки, руководители краеведения, ориентированные на ценности времен НЭПа, тем не менее уцелели. В частности, они сохранили контроль за переименованным (хотя и не вполне перестроившимся) журналом «Советское краеведение», что было источником крайнего недовольства их более воинственно настроенных оппонентов. Несмотря на тот факт, что журнал «Советское краеведение» считался совместным органом Центрального бюро краеведения и Общества краеведов-марксистов (ОКРАМ), это обстоятельство сначала мало сказалось на составе редколлегии, рабочих планах и содержании данного издания. Вследствие этого, как утверждали критики-радикалы из ОКРАМ, на его страницы продолжали проникать крупные идеологические ошибки.

«Монументальная неподвижность»

Несмотря на некоторое ослабление преследований, вызванное осуждением Сталиным гонений на специалистов, нападки на ЦБК продолжались со многих сторон. Стратегия ЦБК была неспособна ввести в заблуждение не только раздраженных членов Общества краеведов-марксистов, но и других активистов. При расследовании в ВАРНИТСО «дела» научных обществ Б. М. Завадовский язвительно отметил, что «переворот, происшедший в последнее время в работе некоторых научных обществ, ни в коей мере не может удовлетворить нас, так как несомненно, что он произведен не принципиально, а делячески, так что в результате его научные общества по-прежнему погрязают в болоте "чистого" академизма» (Квятковский, 1931, с. 57).

В частности, отмечалось, что для ЦБК особо характерна маскировка его «незыблемого академизма» и «монументальной неподвижности» «модными лозунгами о социалистическом строительстве» (его же, 1931а, с. 54). В одной из опубликованных в печатном органе ВАРНИТСО статей говорилось даже, что ЦБК может служить примером таких организаций, в которых «несоветские элементы, отгородившись от советской научной молодежи... вели нейтральную, фактически контрреволюционную, явно предательскую работу» (5). Это было уже прямое и угрожающее политическое обвинение.

Но лидеры ЦБК, ободренные, вероятно, тем, что они восприняли как новые веяния в сталинской политике в 1931 г., не торопились сдавать свои последние рубежи. Напротив, они перешли в контрнаступление. В своей официальной резолюции президиум общества не только мужественно подчеркнул свое «глубокое воз-

мущение против лживости и невежественности той характеристики» ЦБК, которую дал автор, но и охарактеризовал его статью как «злостное извращение» и «явное вредительство» (6).

По-видимому, упорство сработало. Лишенные активной политической поддержки со стороны партийного руководства, критики из ВАРНИТСО унялись. При этом, однако, руководство ЦБК продолжало подвергаться усиливавшимся нападкам со стороны самозваных блюстителей марксистского краеведения из Коммунистической академии. Раздосадованные стойкостью буржуазной цитадели старого краеведения, краеведы-марксисты нападали со все возраставшей яростью. Они утратили спокойствие и самоуверенность 1930 и начала 1931 г. Типичным был почти истерический выпад В. Ф. Карпыча, секретаря Общества краеведов-марксистов (ОКРАМ), в адрес краеведов — сторонников охраны природы: «Исконным врагом марксизма-ленинизма является идеализм. Носители идеалистической методологии в краеведении — это в то же время носители отъявленной контрреволюции, это реставраторы капитализма, российского великодержавия и дикой отсталости нацменьшинств. Реставраторские, кулацкие, великодержавные (или, наоборот, местнонационалистические) установки этих озлобленных врагов Октябрьской Революции еще до сих пор иногда прорываются в различных географических, этнографических и прочих «Сборниках», «Известиях», «Трудах». Вся работа этих вредителей была направлена в основном к тому, чтобы сузить краеведов до круга знатоков, ценителей и любителей российских древностей и «вечных святынь», чтобы отвлечь идущие в краеведение массы от проблемы настоящего и будущего, чтобы повернуть краеведение лицом только к прошлому, превратив краеведные организации в некие сплошные «Общества охраны старины» (охраны «от революции») (Карпыч, 1931а, с. 10).

Пожалуй, еще опаснее для движения были нападки в его адрес со стороны Арноста Кольмана, родившегося в Чехословакии, но потом иммигрировавшего в Советский Союз, активного большевика, занявшего пост заведующего отделом науки ЦК РКП(б). Выступая с исключительно резкой статьей в партийном теоретическом журнале «Большевик» (№ 2 за 1931 г.), озаглавленной «Вредительство в науке», этот партийный опекун уделил особое внимание краеведению и охране природы: «Не лишены особой «красочности» и контрреволюционные вылазки на страницах краеведческого журнала «Охрана природы», прячущие свое вредительское нутро под прикрытием борьбы с вредителями в сельском хозяйстве (т. е. грызунами, вредными насекомыми и т. п.)». Далее Кольман обрушивается на статьи Подъяпольского, Прозоровского и Шиллингера за их попытки научно оправдать заповеда-

ние тех немногих участков целинных степей, которые еще не были затронуты хозяйственной деятельностью, и обвиняет авторов в контрреволюционности: «С глубокой меланхолией созерцая, как пустынная степь уступает «необъятным пространствам черной пашни», автор («Последние дни Ямской степи») «смотрит вдаль» и вздыхает. «Первобытностью веет, и уносишься мыслями в доагрикультурное прошлое края». Вот именно, охрана природы становится охраной от социализма!»

Как и во многих других областях интеллектуальной жизни, более прагматично настроенные и беспринципные большевики быстро усмотрели для себя выгоду в смещении часто истеричных фракционеров-утопистов, деятельность которых немедленно квалифицировалась как «левый уклон» в движении. В руководстве краеведением И. Г Клабуновский, как раз такой прагматик, переживший это трудное время, писал, что представители «левого уклона» претенциозно считают, будто бы краеведы — это «соль» советской земли, «будто им наша партия доверила создавать марксистско-ленинскую теорию» (1). Как следовало из текста Клабуновского, утописты совершали серьезную ошибку, упорствуя в заблуждении, что политическая активность, и в особенности членство в Коммунистической академии, дает им прерогативу на творческую интерпретацию марксистской теории на свой собственный лад. В действительности эта прерогатива им уже больше не принадлежала; к 1931 г. она полностью перешла в руки партии, т. е. Сталина.

Левые уклонисты, однако, не собирались уходить без боя. Лидер левой фракции ОКРАМ Карпыч предложил партии крупномасштабную дискуссию, опубликовав 17 сентября 1931 г. выдержанную в характерной для него резкой манере статью. Свирепые насмешки Карпыча были адресованы движению за охрану природы. Цитируя две нехарактерные для журнала статьи, тенденциозно выбранные из последних номеров журнала «Охрана природы», Карпыч явно стремился создать предвзятое представление о характере движения за охрану природы *. Полностью игнорируя широкоизвестные научные, материалистические обоснования охраны природы, официально исповедовавшиеся журналом, Карпыч заявлял, что авторы «Охраны природы» рассматривают природу главным образом не как основу для развития производительных сил, а как предмет эстетического любования. «Общий вывод,— продолжает он,— возникающий при чтении «Охраны природы», состоит в том, что этот журнал под лозунгом безусловной

* Характерно, что Карпыч нигде не указывает, какие именно статьи он цитирует. Его обвинения относятся как бы к движению в целом.— *Прим. авт.*

защиты природы стремится спасти эту природу... от пятилетнего плана!» (7).

Не ограничиваясь нападками на старую профессуру, Карпыч в своей статье критиковал также стоявших во главе движения большевиков, в частности П. Г Смидовича и Н. В. Крыленко. Смидович обвинялся в опеке, которую он постоянно оказывал краеведению и охране природы. Крыленко был ответствен за недостаточно воинственное руководство Обществом краеведов-марксистов и Обществом пролетарского туризма и путешествий *. Чтобы поправить дело, автор призывал к крестовому походу под методологическим руководством Коммунистической академии за объединение краеведения, этнографии, пролетарского туризма и охраны природы.

На этот раз, однако, Карпыч зашел слишком далеко. Силы, поддерживавшие Смидовича и Крыленко, сплотились не только для того, чтобы противостоять этому последнему наскоку слева, но и с тем, чтобы вывести из краеведческого движения всю левую фракцию. М. П. Потемкин в последнем за год номере журнала «Советское краеведение» обратился к предстоящему XI пленуму ЦБК с призывом исключить из движения Карпыча и его сторонников (8).

За три недели до созыва пленума, на специальной сессии ОКРАМ, собравшейся в Коммунистической академии 3 марта 1932 г., напряженность конфликта достигла высшей точки. Со своей стороны Карпыч получил мощную поддержку от М. А. Савельева, бывшего редактора «Правды» и заместителя ректора Коммунистической академии (по иронии истории, Савельев тесно сотрудничал со Смидовичем еще в большевистском подполье (Злобина, 1973). Обращаясь к собранию, Савельев подчеркнул свою убежденность в том, что борьба должна вестись не против вымышленной левой опасности, как это считают Потемкин, Крыленко и др., а сосредоточиться на правом оппортунизме.

Уже через несколько месяцев, однако, левые перестали ощущать былую поддержку высших руководителей партии. Центральный Комитет проявлял демонстративное безразличие к нападкам деятелей культурной революции на краеведение, и исход полемики определялся организационно-политическими возможно-

* Крыленко Николай Васильевич (1885—1938), с 1931 г. нарком юстиции РСФСР, член ЦКК и Президиума ВЦИК, был охотником и деятелем охотничьего хозяйства, первым руководителем Центрохоты. В его «кружок» заодно с Смидовичем П. Г., видимо, входил также Турар Рыскулов (1894—1938), зам. председателя СНК РСФСР.— *Прим. авт.*

Нет особой необходимости пояснять, почему жизнь этих государственных деятелей (кроме умершего в 1935 г. Смидовича) оборвалась в одном и том же для многих роковом году.— *Прим. ред.*

стями каждой из сторон. В результате Смидович и Крыленко обеспечили вытеснение Карпыча. Карпыч оставил свой пост секретаря ОКРАМ, а затем был официально исключен XI пленумом из ЦБК за отказ от конструктивного участия в работе и за «левый уклон» (9).

Вся эта политическая возня, несмотря на ее разрушительную роль, в действительности, если спокойно смотреть на дело, оказала удивительно слабое влияние на реальную деятельность ЦБК. Это особенно относится к работе в области охраны природы, хотя по настоянию идеологических инквизиторов ранее и была ликвидирована комиссия ЦБК по охране природы (точнее, переименована в духе времени в отдел производительных сил) (10). Однако при этом сохранились сильные научные и организационные связи с ВООП, и имеющее глубокие корни сотрудничество продолжалось. Важно, что вся эта деятельность, как и прежде, отражалась на страницах журнала «Советское краеведение». Очень существенным было также то, что союз между ЦБК и ВООП осуществлялся персонально одним человеком — М. Потемкиным, который, сохранив ведущее положение в редколлегии «Советского краеведения» и будучи представителем ЦБК в Госкомитете, одновременно стал председателем Центрального совета ВООП. В своем письме в Госкомитет от 28 декабря 1931 г. он решительно подчеркнул существование у краеведческого движения определенных обязательств по отношению к охране природы, развеяв таким образом все сомнения, возникшие после крикливых нападок краеведов-марксистов (11)*.

Полагая, что опасные рифы культурной революции уже позади, лидеры ЦБК в середине 1932 г. снова обратили свою энергию на восстановление общества, наиболее пострадавшего за время кампании против краеведения, в полном составе. Общее число членов общества достигло максимума в начале 1931 г. и составляло 115 тыс. человек, организованных в 2,7 тыс. ячеек и их филиалов (9), но уже к началу следующего года число ячеек сократилось до 1,5—2 тыс., а число членов — до 50—60 тыс. (12). Одновременно в журнале «Советское краеведение» продолжали публиковаться официальные статьи, прославлявшие соцстроительство.

«Неприкрытая аполитичность»

Бури культурной революции не обошли также и Всероссийское общество охраны природы (ВООП). Вскоре после назначения в конце 1929 г. А. С. Бубнова народным комиссаром просвеще-

* Сейчас трудно сказать, повлияла ли вся эта нервотрепка на здоровье М. Ф. Потемкина, который скончался в 1932 г.— *Прим. ред.*

ния, а Ивана Капитоновича Луппола — начальником Главнауки новые руководители оказались перед перспективой грядущей проверки и чистки их наркомата, организуемых под эгидой Рабкрина РСФСР. Была создана специальная комиссия по проверке работы многочисленных научных обществ, руководимых Наркомпросом, в том числе и ВООП.

Комиссию возглавляла активист ВАРНИТСО Наталия Вячеславовна Кириллова, 45-летний доцент Коммунистического университета им. Свердлова, работавшая там в должности заместителя декана биологического факультета. В состав комиссии входил управляющий московской текстильной фабрики, а также специально подобранные активисты отдела научных работников профессионального союза работников Наркомпроса и ВАРНИТСО.

Приступив к работе в начале января 1930 г., комиссия трудилась не торопясь. Она рассмотрела публикации ВООП, издаваемые обществом брошюры, протоколы заседаний; члены комиссии даже приняли участие в заседаниях президиума общества и его правления.

В одном из своих последних отчетов по работе комиссии Кириллова писала, что положение ВООП в последнее время вызывает сильные опасения. Комиссия серьезно рассматривала возможность ликвидации общества — в числе нескольких других научных обществ, деятельность которых также подвергалась проверке, так как они пользовались репутацией откровенно аполитичных. Однако вскоре эта мрачная перспектива развеялась. Как объяснила Кириллова, ВООП спаслось исключительно благодаря его массовому характеру, в особенности потому, что среди его членов было очень много студентов. Была одобрена готовность ВООП — единственного среди всех научных обществ — принимать в свои члены студентов начиная с первого курса. Комиссия также одобрила связи ВООП с плановыми и экономическими органами и даже его активные контакты с близкими по духу иностранными организациями.

В целом можно считать, что чистка, проведенная Рабкрином РСФСР в центральных наркоматах зимой 1929/30 г. была довольно мягкой, социальный ее аспект был не очень отчетлив (Fitzpatrick, 1978). Тем не менее из высказываний Кирилловой можно видеть, что судьба ВООП висела буквально на волоске. Многие недостатки общества не могли укрыться от глаз комиссии. Фактически в своей кадровой работе ВООП придерживалось «кастового» принципа, хотя в последнее время внимание уделялось и массовой работе. В своем отчете, подготовленном к «делу» научных обществ, рассматривавшемуся в 1931 г., Кириллова писала: «Обще-

ство вовлекает в свой состав довольно большое число членов, но, будучи не в состоянии возглавить их научную активность, не только не руководит ими, но, напротив, увлекаемое наиболее отсталыми их слоями, плывет по течению беспринципности и любительщины» (цит. по: Квятковский, 1931а, с. 54). Кроме того, на конференции ВАРНИТСО был жестоко раскритикован орган ВООП, журнал «Охрана природы», «за халтурный характер и беспринципность» (там же). Комиссия Кирилловой выявила и другие серьезные недостатки. Вопиюще низкой оказалась доля коммунистов в ВООП (лишь 75 из 2,5 тыс. членов во время работы комиссии). В обществе не велось точного учета социальной принадлежности его членов. Это привело к проникновению в его ряды всевозможных «классово чуждых» элементов, в особенности «лишенцев», т. е. лиц, лишенных после революции права участвовать в политической жизни общества. Комиссия Кирилловой представила в ВООП длинный список рекомендаций, наиболее важными из которых были: привлечение к работе общества большего числа членов партии и усиление их роли в руководстве обществом, привлечение в общество рабочих и крестьян и, наконец, проведение точного учета и выявление среди членов общества нежелательных, «классово чуждых» элементов (13).

Правление ВООП рассмотрело недостатки, выявленные в его работе, и обещало их исправить, обратив в то же время внимание на то, что начиная с 1924 г.— времени основания общества — его социальный состав претерпел значительные изменения, причем эти изменения продолжались и усиливались в процессе выполнения первого пятилетнего плана (там же). Мало кто мог отрицать, что в момент учреждения общества и в первые годы его существования Всероссийское общество охраны природы было не только детищем академической общественности, но и состояло в основном из высокообразованных членов. Первая же проверка социального состава общества, проведенная в марте 1926 г., обнаружила, что из 1013 членов ВООП 25% были преподавателями вузов и еще 50% — служащими (14). Однако пять лет спустя после основания социальный состав общества в целом был уже совершенно другим. Преобладающую группу составляли студенты (40%), за ними шли учителя и служащие государственных учреждений (15). Если заключение Кирилловой правильно отражает состояние дел на январь 1930 г., то можно предположить массовый приток студентов в состав общества с целью предотвращения его ликвидации *.

Студенты охотно записывались в общество (чтобы доставить

* Членство учащихся в ВООП чаще всего было лишь сугубо формальным.— *Прим. ред.*

удовольствие любимым профессорам), однако привлечение в общество рабочих и крестьян было совсем иным делом. Одной из наиболее серьезных проблем ВООП стало расширение социальной базы общества и превращение его в поистине массовую организацию. Решить эту проблему не удавалось в значительной степени из-за того, что со стороны многомиллионного русского крестьянства отношение ко многим направлениям деятельности в рамках охраны природы было по меньшей мере равнодушное, а то и активно враждебное. Многие намерения сторонников охраны природы затрагивали материальные интересы некоторой части и без того обездоленного сельского населения, будь то запрет на лесозаготовки в окрестных лесах, запрет весенней охоты или конфискация выгонов в связи с организацией заповедника. ВООП прилагало огромные усилия в направлении популяризации своей деятельности среди крестьянства, но эти усилия были ничтожны по сравнению с тем, что необходимо было сделать, для того чтобы хоть как-то повлиять на умонастроения и поведение сельского населения.

Усилия ВООП по привлечению в члены общества городских рабочих также не имели большого успеха, хотя были и некоторые свидетельства пробуждающегося интереса, о чем активист общества А. А. Теодорович сообщал на страницах журнала «Охрана природы» *. В середине 1930 г. проводилась активная кампания по чтению лекций на московских фабриках и заводах, в частности на таких крупнейших, как «Серп и молот», «Джут» и «Красный текстильщик» (16). Эта попытка проникнуть в рабочую среду, довольно активная, учитывая ограниченность числа членов и средств общества, в дальнейшем приобрела еще больший размах, поскольку деятели культурной революции продолжали призывать ВООП к расширению его социальной основы. Соответственно, между 1 января и 22 февраля 1931 г. члены ВООП организовали в школах, на фабриках и заводах в рабочих общежитиях и казармах красноармейцев 26 бесед. В результате в общество вступило 2 тыс. новых членов. Это фактически был апогей кампании по приданию обществу более массового характера. В соответствии с третьим и четвертым годовыми отчетами рабочие составляли лишь 1,4% членов общества в апреле 1929 г. и 4,3% в октябре 1930 г. К 1931 г., однако, этот показатель возрос до 9,4% (Надеждин, 1933), а в 1934 г.— до 10,2% (17).

Вскоре идея социальной мобильности, так называемое выдвиженчество, начала утрачивать популярность, по мере того как ста-

* Журнал «Охрана природы» отмечал возникновение новых городских отделений ВООП, но это бывало редко (см., например, журнал за 1930 г., № 7, с. 176 и № 8, с. 217).— *Прим. авт.*

новилось ясно, что новый строй по-прежнему нуждается в услугах старых и, вообще говоря, более компетентных буржуазных специалистов. Теперь, однако, они расценивались уже не как «буржуазные» специалисты, а как ставшие на путь истины, перестроившиеся законопослушные члены новой, «советской» интеллигенции. К 1932 г. массовый набор в ВООП, так же как и в другие общества, прекратился (см. там же и «Труды...», 1930, с. 75).

Несмотря на неудачу попытки овладеть русскими заводами и колхозами одним махом, ВООП продолжал пользоваться значительным влиянием не только в академических кругах, но и в учреждениях системы Наркомпроса. Субсидии Наркомпроса ВООП, грубо говоря, удваивались каждые два года: 700 руб. было выделено на период 1924—1925 гг., 1480 — на 1926—1927 гг., 5520 — с октября 1927 по апрель 1929 г. и 11 100 руб. с апреля 1929 по октябрь 1930 г. (18) (финансовые отчеты за последующие годы недоступны).

Хотя ВООП проиграло важное сражение в Наркомпросе, когда Главное управление социалистического воспитания отказало обществу в праве учреждать свои ячейки в школах, организовывать уроки по охране природы и привлекать школы к участию в Дне птиц и Дне леса, однако эти запреты были отчасти уравновешены благословением наркомата на организацию первых университетских курсов по охране природы. Первый такой курс был прочитан в МГУ С. А. Северцовым в 1930—1931 гг. Его слушателями были такие будущие ученые, как Г. Ф. Бромлей, Г. Ф. Гаузе, А. А. Насимович, Н. А. Гладков, С. С. Фолитарек, Г. В. Никольский и др. (19).

Как бы то ни было, решение Главка не оказало влияния на вступление в ВООП студентов; среди 5625 студентов — членов ВООП (на октябрь 1930 г.) не было недостатка в добровольцах по участию в патрулировании московских вокзалов с целью пресечения торговли браконьерскими мехами и другими охотничьими трофеями. В 1930 г., как и в предыдущие годы, студенты принимали участие в демонстрациях по случаю Дня птиц, пропагандируя среди населения идеи охраны природы (20).

Несмотря на такой прогресс в расширении социальной базы общества, приток коммунистов в общество не увеличивался (там же). Равным образом мало, по-видимому, делалось по очистке общества от «классово чуждых элементов». Даже люди, над которыми сгущались грозовые тучи, такие, как Г. А. Кожевников, продолжали принимать активное участие в делах ВООП.

Что касается роли членов партии в руководстве обществом, то как среди штатных сотрудников общества, так и в советах общества представительство коммунистов уже и так было довольно

высоким. К апрелю 1929 г. доля членов комсомола и партии среди штатных сотрудников общества составляла одну шестую. Кроме того, председательство общества уже давно и безоговорочно находилось в руках ветеранов партии. Реальная проблема, вероятно, с «партийной» точки зрения должна была бы формулироваться следующим образом: взгляды состоящих в обществе коммунистов практически не отличались от взглядов старорежимных буржуазных профессоров, для которых коммунисты должны были бы служить авангардом.

По иронии судьбы, не состоящий в партии П. А. Мантейфель был ближе по духу к идеологии пятилетнего плана, чем входившие в правление ВООП номинальные большевики А. В. Сигаль и М. П. Потемкин или председатель общества в начале 30-х годов Вангенгейм, человек того же типа, что и его предшественник Н. М. Федоровский *. Эти занимавшие ключевые посты в ВООП большевики наряду со Смидовичем и Крыленко, возглавлявшими также Общество краеведов-марксистов в Коммунистической академии, фактически стремились оградить дело охраны природы от вреда, наносимого ему культурной революцией.

Весьма интересной и характерной чертой общества, претерпевшей изменения, возможно, лишь в период работы комиссии Кирилловой и культурной революции, была его воинственность. На страницах своего журнала «Охрана природы» общество развернуло смелую и опасную кампанию против распашки колхозами еще сохранившихся целинных степей. Общество настояло на том, чтобы Московский горсовет издал постановление, запрещающее рубку елей перед новогодними праздниками, и сыграло важную роль в организации кампании в защиту парков, садов и бульваров от уничтожения, что было особенно важно в условиях постоянно растущего загрязнения городов (21).

Особенно большое значение имели усилия ВООП по мобилизации общественного мнения и обеспечению официальной поддержки учреждению новых заповедников и защите уже существующих Центрально-Лесного заповедника и Кызыл-Агачского заповедника в Азербайджане, а также поддержки создания заповедников неподалеку от озера Боровое в Казахстане и на Северном Урале в бассейнах рек Печора и Илыч. В составе ВООП была создана специальная комиссия, для того чтобы попытаться достигнуть соглашения с Наркомземом РСФСР и другими ведомствами, препятствующими созданию Центрально-Лесного запо-

* Сигаль А. В. (1894—1935), член партии с 1917 г., эколог и химик-органик, работавший в сельскохозяйственной лаборатории Политехнического музея. С 1926 г. он был ученым секретарем Главнауки, а с 1931 г. занимал такую же должность в Институте органической химии АН СССР.— *Прим. авт.*

ведника (22). Много усилий прилагалось и для осуществления других проектов (23; также Шиллингер, 1929 и др.). В отношении заповедников Боровое и Печоро-Илычский ВООП даже проявило инициативу по организации совместных экспедиций, оснащенных кинокамерами. Эти экспедиции проводили рекогносцировочные работы по отысканию перспективных для размещения заповедников мест и съемки кинофильмов. Они еще раз показали, сколь значительной может быть роль добровольного общества в деле охраны природы. ВООП не ограничивалось обеспечением экспедиций продовольствием и изготовлением кинофильмов. Со страниц журнала «Охрана природы» оно обращалось к организациям и общественности с призывами оказывать поддержку его начинаниям (24) *.

Возможно, одной из уступок, сделанных фанатикам пятилетнего плана, было создание в рамках общества новой Секции содействия разведению домашнего скота и защиты домашних животных. Эта секция, известная под акронимом СОЖ, была создана главным образом для того, чтобы убедить колхозников не забивать скот из «гуманных соображений». Однако эти призывы не возымели эффекта и не смогли заставить крестьян прекратить забой скота — единственную форму противодействия «революции в деревне» (Ловетский, 1931).

Таким образом, к началу лета 1930 г. Всероссийское общество охраны природы оказалось почти не затронутым разрушительным вихрем культурной революции. В большой степени оправдывая аналогию, использованную Б. М. Завадовским и др. в «деле» ВАРНИТСО, общество, подобно тем заповедникам, в охране которых состояла его цель, само по себе представляло нечто вроде «социологического заповедника». Суть дела состояла в том, что ВООП при покровительстве титулованных руководителей-коммунистов превратилось в пристанище для буржуазных профессоров, стремящихся ограничить темпы экономического развития Советского Союза.

Однако к ближайшим выборам руководства общества 1 октября 1930 г. обстановка в нем изменилась в результате того, что общество стало подвергаться нападкам как изнутри, так и извне. Против засилья «буржуазных» профессоров выступили некоторые обладающие обостренным «политическим чутьем» и агрессивные его члены. Когда в номере журнала «Охрана природы» за август—октябрь 1930 г. появилось воинственное письмо Владимира Владимировича Карпова, направленное против возглавляю-

---

* В архивах Печоро-Илычского заповедника имеются киноленты Ф. Ф. Шиллингера.— *Прим. ред.*

щих ВООП «университетских профессоров», можно было сказать, что культурная революция добралась и до охраны природы *.

Хотя руководители ВООП гневно отвергли обвинения, содержавшиеся в письме Карпова, однако, отвечая на рекомендации комиссий Рабкрина РСФСР по проверке деятельности общества и ЦБК от 26 сентября 1930 г., они были более осторожны. Собранный менее чем неделю спустя пленум общества на этот раз наконец согласился «провести проверку рядов ВООП — с целью удаления лишенцев и других элементов...» (25).

Выборы нового руководства дали возможность ВООП сделать примирительный жест в адрес своих критиков. В правление общества были введены два заводских рабочих; это были первые рабочие, вошедшие в руководящие органы общества. Кроме того, по одному месту было зарезервировано за представителями юных натуралистов, пионерской организации и комсомола. Высший пост остался в руках уважаемого члена партии, обаятельного и открытого М. П. Потемкина.

Некоторые бывшие члены правления, в частности Бутурлин, Вангенгейм и Россинский, не вошли в новый состав, тогда как Шиллингер, Мантейфель и др. остались в нем. Ответственный секретарь Госкомитета Евдокия Блошенко была переведена из кандидатов в члены правления, и в состав правления были возвращены (с демонстративным пренебрежением категорическими требованиями Карпова и других деятелей культурной революции) Г. А. Кожевников и С. А. Северцов после их полуторалетнего отсутствия в составе совета. Среди новых членов совета были руководители Московской областной организации общества И. Гришин, К. Ананьев, ответственный секретарь ВООП Сусанна Фридман и В. К. Дябло, активно работавший в области охраны китов и других морских млекопитающих.

Вероятно, наиболее важным результатом выборов было назначение на второй по важности пост в обществе человека, довольно малоизвестного, «темной лошадки», Василия Никитича Макарова. Подобно тому как Кожевников возглавлял охрану природы в России в первые 20 лет существования движения, Макаров занимал руководящее положение в последующие 20 лет.

Василий Никитич Макаров (1887—1953) родился во Владимирской губернии в крестьянской семье; в возрасте 18 лет поступил в Московский учительский институт. Первые годы учебы Макаров сочувствовал эсерам, выбирался в институтский стачечный

---

* В. В. Карпов был председателем кружка юных биологов зоопарка (КЮБЗ) в конце 20—30-х годов (фактическим руководителем кружка в то время стал Мантейфель П. А.). Кроме того, Карпов долгое время был членом Общества изучения фауны Московской области, которым руководил Г. А. Кожевников.— *Прим. авт.*

комитет. Вскоре его революционная деятельность стала препятствием для учебы. Он был арестован царской полицией и выслан из Москвы, но через год вернулся, снова поступил в институт и закончил его в 1908 г. с дипломом преподавателя естественных наук. Три года он работал учителем в Костроме, а затем снова вернулся в Москву и продолжил занятия в Московском коммерческом институте, каковой и окончил в 1916 г. Во время революции он был школьным учителем в Москве. Будучи одним из основателей Союза работников просвещения (Рабпрос), он был членом его президиума с 1919 по 1924 г. и депутатом Московского Совета с 1922 по 1924 г. Начиная с 1925 г., когда он был принят кандидатом в члены ВКП(б), и до 1930 г., когда он стал сотрудником Научного отдела Наркомпроса, сведения о его деятельности у нас отсутствуют. В движении за охрану природы он начинает участвовать фактически с 1917 г., работая в составе Постоянной комиссии Географического общества над планами заповедной сети, разработанной В. П. Семеновым-Тян-Шанским.

Через считанные месяцы после избрания зампредом ЦС ВООП Макаров, хотя формально и подчинялся Потемкину, выдвинулся на центральное место. Скоро Макаров занял такое же выдающееся положение и в Госкомитете, хотя и здесь юридически он был лишь заместителем председателя, подчиняясь Н. М. Кулагину. Никогда в истории движения руководство не сосредоточивалось в такой мере в руках одного человека, хотя до его внезапного назначения на пост заместителя председателя ВООП в октябре 1930 г. он даже не входил в состав правления. Причины такого быстрого возвышения Макарова, по-видимому, останутся неизвестными до тех пор, пока советские архивы не станут более доступными. Как бы то ни было, советские биографы (Туров, 1948; Дементьев, 1958; Штильмарк, 1978) проливают некоторый свет на историю его карьеры: причиной, по-видимому, были его многолетняя связь с Наркомпросом и опыт преподавания естественных наук, т. е. те же факторы, что способствовали карьере его непосредственного начальника М. Потемкина *.

Одной из первых проблем, с которой пришлось столкнуться Макарову и Потемкину после избрания, была необходимость както реагировать на постоянно усиливающееся давление на движение за охрану природы со стороны культурной революции. Письмо Карпова, хотя и получило отпор на страницах журнала «Охрана природы», тем не менее было симптоматичным для усиливающегося неприятия — в ВАРНИТСО, в Рабкрине РСФСР, среди юннатов и среди краеведов-марксистов — деятелей охраны природы как группы, в какой-то мере препятствующей процессу со-

* Прежде всего играла роль его партийность, а также и присущая ему большая работоспособность.— *Прим. ред.*

циалистического строительства и посвятившей себя «охране природы ради самой природы».

Драматический жест

Потемкин и Макаров хорошо понимали, что отразить крайне опасные атаки на ВООП слева можно лишь с помощью эффектного жеста. Взглянув на обложку январского выпуска журнала ВООП за 1931 г., изумленный читатель обнаружил, что журнал более не называется «Охрана природы». Вместо этого он в духе времени был переименован в «Природу и социалистическое хозяйство». Открыв передовую статью, читатель изумлялся еще более. Не существовало уже и Всероссийского общества охраны природы. Оно перевоплотилось во Всероссийское общество охраны и содействия развитию природных ресурсов. И наконец, дочитав передовую статью до конца, читатель мог убедиться в том, что предсказанное Смидовичем изменение ориентации движения уже произошло.

В подписанной Макаровым передовой статье многое перекликалось с мыслями, содержавшимися в письме Карпова. В «Наших задачах» — так называлась передовица — провозглашался окончательный разрыв со «старыми тенденциями» охраны природы «ради самой природы». Более того, объявлялось, что отныне ВООП должно отказаться от деятельности, которую нельзя считать полезной для социалистического строительства. «Отныне,— зарекался автор,— общество не мыслит и не представляет своей деятельности, лежащей вне общих задач социалистического строительства СССР» (Макаров, 1931, с. 2).

Утверждения передовой статьи означали, что движение за охрану природы пересматривает основные представления о своей роли и задачах. Отныне было недопустимо ставить цели охраны природы выше каких-либо иных. Перечисляя новые задачи движения, Макаров подчеркивал, что общество должно содействовать созданию новых промышленных районов в угленосных и железорудных областях Урала и Кузбаса, увеличению экспорта, оказывать безоговорочную поддержку механизации сельского хозяйства и расширению колхозного движения и вообще «всемерного развития ресурсной базы» (там же).

Наиболее характерной чертой этого нового перечня задач был явный отказ от многих ранее не подвергавшихся сомнению установок движения за охрану природы. В задачи движения отныне не входило отстаивание жестких квот на использование биотических ресурсов. Отныне необходимо было содействовать достижению противоположной цели — увеличению экспорта. Не следовало более возражать против механизации сельского хозяйства в усло-

виях коллективизации и возделывания монокультур, наоборот, следовало поощрять такую деятельность. Не следовало более безоговорочно поддерживать лозунг охраны степей и других природных пастбищ с обитающими на них популяциями диких травоядных и других животных, напротив, надо было поддерживать развитие животноводства, обрекающее диких животных на вымирание. Статья Макарова не могла не создать впечатления, что общество охраны природы сводится отныне к чему-то вроде приводного ремня, помогающего народу продвинуться к истинной цели — социалистическому строительству. Охрана природы должна была потерять свой уникальный критический характер и уцелеть лишь как жалкая тень того движения, каким оно было в прошлом.

Но к счастью для ВООП, Макаров на словах был намного хуже, чем на деле. Многое в пафосе его передовой статьи было рассчитано на внешнее впечатление. Когда Макаров писал, что «вредительство в науке и технике не прямо выступает с реакционными теориями» (там же), он строил хорошо продуманную линию обороны против нападок на охрану природы «слева». Теперь, задним числом, можно сказать, что Макаров использовал в точности ту же тактику, которой должны были воспользоваться гипотетические вредители, против которых он предостерегал. Он прибегал к риторике социалистического строительства, чтобы сохранить из старой программы движения за охрану природы все, что только было можно. Комиссии ВАРНИТСО, расследовавшие деятельность научных обществ, подозревали, что дело обстоит именно таким образом, несмотря на риторические заклинания в передовице и переименование журнала и самого общества. «Надо сказать, что до сих пор еще обществом в своей работе эти указания совершенно не учтены»,— писал К. Квятковский (1931а, с. 53). Другой участник собрания в ВАРНИТСО выразил это еще яснее: «Защитные цвета, в которые перекрашиваются общества, используя при этом марксистскую терминологию и некоторую смену руководства, целиком здесь уже разоблачены,— сказал секретарь ВАРНИТСО В. М. Свердлов.— Нам остается задать вопрос Обществам материалистов при Комакадемии — почему они до сих пор не проявили никакого желания прибрать к рукам и реорганизовать научные общества в должном направлении?» (цит. по: Квятковский, 1931, с. 58). Критики из ВАРНИТСО были формально правы. Изменения, о которых говорил Смидович, носили, скорее, косметический характер, никакого коренного пересмотра направления деятельности всего природоохранного движения не произошло. Как бы то ни было, несмотря на таких активистов ВАРНИТСО и краеведов-марксистов, как Карпыч, использовавшаяся Макаровым политика «защитной окраски» довольно эффективно обеспечивала безопасность движения в трудные 1931

и 1932 гг. В тот период никто из деятелей охраны природы (за исключением отчасти Кожевникова) не пострадал, и многие упорно продолжали опасное противостояние хищнической политике хозяйственных ведомств, хотя и с большей осторожностью. Одной из наиболее решительных и получивших широкую огласку акций, предпринятых ВООП в этот период, было разоблачение и предание гласности грубых нарушений законов об охране природы Пушсиндикатом — организацией, обеспечивавшей для Наркомата внешней торговли СССР заготовку и экспорт мехов. После того как были составлены акты о том, что в холодильниках Пушсиндиката в Ленинграде находятся шкуры животных, охраняемых законом (в частности, бобра, сайгака и лосят), председатель Ленинградского отделения ВООП не только провел расследование, но и была также организована правлением общества в Москве бригада, в состав которой вошли официальные представители Госкомитета. Была проведена инспекция складов Наркомторга в Москве в июле 1932 г., и разоблачающие протоколы были препровождены в Рабкрин для принятия мер (25).

Не ослабевала деятельность ВООП, направленная на организацию новых и защиту старых заповедников; энергичные усилия предпринимались обществом по совершенствованию защиты зеленых зон вокруг городов и по созданию больших городских парков. И наконец, в нашей попытке проследить принципиальную преемственность между «новым» и «старым» курсами в деле охраны природы мы не можем пройти мимо настойчивых усилий членов ВООП по предотвращению распашки целинных земель (Подъяпольский, 1931) *.

Для научных обществ Советского Союза и представляющих для нас особый интерес ВООП и ЦБК период между 1929 и 1932 гг. был временем испытаний. К 1932 г. судьба научных обществ была временно решена. Результатом была неудача тех, кто желал роспуска обществ или их полной перестройки под присмотром Коммунистической академии. ВООП и ЦБК, как это ни поразительно, удалось сохраниться, почти не изменившись **.

---

* В особую заслугу надо поставить активистам ВООП и редакции журнала «Охрана природы» два смелых и принципиальных выступления о необходимости создания государственного органа по охране природы (Кулагин и Кожевников. 1930, Шиллингер, 1930).— *Прим. ред.*

** С этим согласиться нельзя, изменения происходили, хотя бы и для «маскировки». В. Н. Макаров был вынужден нередко менять курс, повинуясь официальным установкам (он был осторожен, тем более что не скрывал своих прежних связей с партией эсеров). При таком крутом повороте исторических событий было невозможно сохраниться — отсюда борьба с прежними, «буржуазными» принципами охраны природы, отход от движения таких былых активистов, как В. И. Талиев, А. П. Семенов-Тян-Шанский, и многих других.— *Прим. ред.*

Глава 10

Охрана природы и пятилетний план

С началом третьего года пятилетки «плановые» задания стали все больше пересматриваться, базируясь на сверхоптимистичных и плохо обоснованных контрольных цифрах. Все ресурсы эксплуатировались с интенсивностью, никогда ранее не виданной в России.

Обеспокоенность деятелей охраны природы состоянием лесов России еще более усилилась после принятия 25 февраля 1930 г. декрета Совнаркома РСФСР: все руководство лесным хозяйством и эксплуатация лесных ресурсов официально передавались от Наркомзема РСФСР Высшему совету народного хозяйства (ВСНХ) РСФСР (1). Вслед за этим указом последовало аналогичное постановление Совнаркома СССР, которым вся ответственность за управление лесным хозяйством и лесной промышленностью в Советском Союзе передавалась в руки ВСНХ СССР — основного двигателя индустриализации (2).

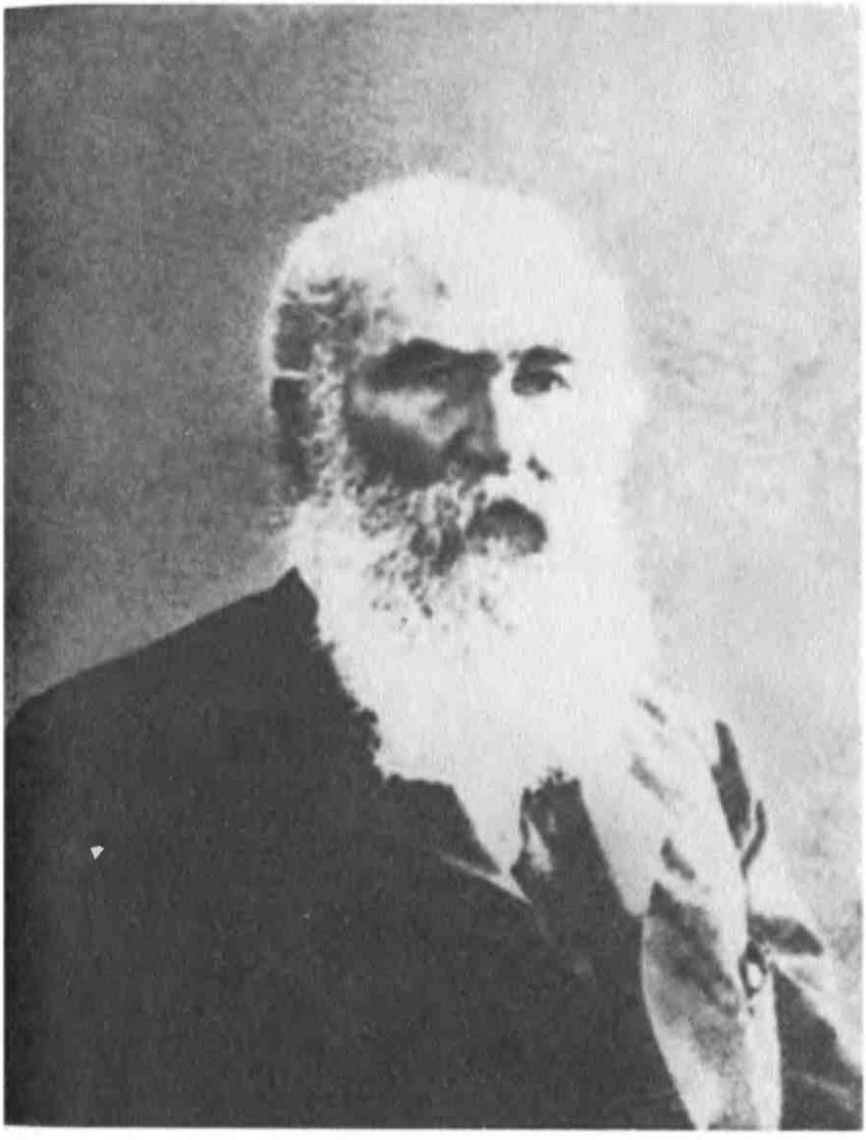
Промышленность испытывала остро усиливающуюся потребность в древесине как для собственных нужд, так и на экспорт (взамен страна получала машины и запасные части к ним). Задания пятилетнего плана, опубликованные в постановлении от 27 августа 1929 г., предполагали увеличение площади лесозаготовок в целом по СССР со 157,4 млн. га в 1928—1929 гг. до 200 млн. га в 1932—1933 гг. Общий объем заготовок за этот период должен был возрасти со 178 млн. до 280 млн. м ^{3} (3). Руководители партии полагали, что такое резкое увеличение объема работ в лесной промышленности может быть обеспечено лишь при непосредственном подчинении всего лесного хозяйства и лесной промышленности ВСНХ СССР.

Передача в ведение ВСНХ СССР управления лесной промышленностью было лишь одним из примеров роста влиятельности этого ведомства среди других хозяйственных наркоматов в период 1929—1930 гг. Этот процесс отразился также в передаче в ведение ВСНХ СССР из Наркомпроса профессионального и технического образования. Необходимость таких реформ вызывалась потребностями пятилетнего плана.

Когда управление лесным хозяйством перешло в руки ВСНХ, исходные плановые задания на заготовку древесины были пересмотрены в сторону их резкого увеличения отчасти в связи с первоначальными успехами ВСНХ (4). Исчерпывающие данные, которые могли бы продемонстрировать процесс обезлесения Советского Союза, до сих пор не опубликованы. Однако существуют некоторые сведения, говорящие о том, что руководство ВСНХ (как СССР, так и РСФСР) в 1930—1931 гг. было губительным для лесного хозяйства, подобно тому как это уже было в годы гражданской войны (Алферов, 1962 и др.).

Пристальное внимание некоторых деятелей охраны природы было привлечено к западной части страны, которая в соответствии с планами Наркомзема должна была быть превращена в гигантскую житницу, и планы эти усердно реализовывались ВСНХ. «В настоящее время,— взволнованно писал один из корреспондентов журнала «Охрана природы»,— Смоленская область переживает буквально катастрофическое положение. По мнению компетентных лиц... в 1929—1930 гг. чрезвычайные лесозаготовки шли таким бурным темпом, что если и на предстоящую зиму они будут продолжаться так, то к 1931—1932 гг. область будет совершенно лишена леса» (Савин, 1930, с. 87).

Кампанию против проводившихся ВСНХ вырубок леса возглавило Всероссийское общество охраны природы, которое на конференции в Смоленске 14 мая 1930 г. во всеуслышание заявило о прогрессирующем сведении лесов в области и сумело настоять на том, чтобы Центральный исполнительный комитет области обратился в ВСНХ (4). В этих условиях кампания за спасение смоленских лесов оказалась удивительно успешной. ВСНХ был вынужден передать ответственность за охрану лесов в области снова местным властям. Теперь, когда контроль за лесами в области был восстановлен, президиум областного исполнительного комитета поспешил предпринять соответствующие меры по их охране. Если не считать продолжавшихся пререканий по поводу границ Центрально-Лесного заповедника, то в конфликте между ВСНХ и деятелями охраны природы относительно лесов Смоленской области при таком повороте событий областной исполнительный комитет, по-видимому, поддержал последних, фактически содействуя ограничению деятельности лесозаготовительных организаций.

Зоолог Николай Феофанович Кащенко (1855—1935).
«Люди должны теперь руководить эволюцией».

Гуго Конвентц (1855—1922).
Проповедник неоромантического направления
в охране природы в Пруссии.

Ботаник Иван Парфеньевич Бородин (1847—1930).
Вдохновитель движения за охрану природы в дореволюционной
России.

Григорий Александрович Кожевников (1866—1933).
Лидер движения за заповедники как эталоны природы.

Николай Николаевич Подъяпольский (1888—1934), неожиданная встреча которого с Лениным знаменовала собой поворотный пункт в охране природы.

Обложка первого номера журнала «Охрана природы».

Обложка журнала «Охрана природы» 1929 г.

Даниил Николаевич Кашкаров (1878—1941), пионер экологии животных в Советском Союзе.

Кашкаров (примерно в 1931 г.)
с первыми узбекскими студентами-зоологами,
Среднеазиатский государственный университет, Ташкент.

Кашкаров (второй слева) — руководитель экспедиции по
изучению экологии пустыни Бетпак-Дала, Казахстан, 1927 г.

Кашкаров — один из основателей (совместно
с В. В. Станчинским) первого в СССР журнала по экологии.

Фридрих Эдуардович Фальц-Фейн (1863—1920) — землевладелец, организовавший в своем имении заповедник «Аскания-Нова».

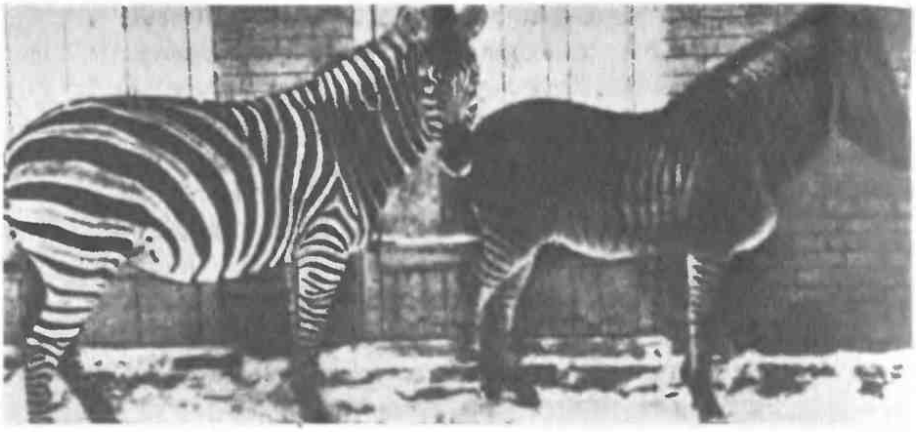
Владимир Владимирович Станчинский (1882—1942) — забытый гигант советской экологии.

Стая фламинго на пруду в Аскании.

Последний табун лошадей Пржевальского, Аскания.

Акклиматизированные в Аскании зебры.

Зеброид — результат скрещивания зебры
с лошадью — в Аскании, примерно 1932 г.

Невероятное смешанное стадо из зебр, зебу и карибу,
завезенных в Асканию с разных континентов.

Асканийская идиллия. Оазис в степи, запечатленный на открытках в годы, предшествовавшие революции. Южноамериканские страусы.

Пятнистые олени, завезенные из Манчжурии, на побережье.

Мирное сосуществование лебедей, гусей и уток.

Франц Францевич Шиллингер возглавляет экспедицию Главнауки по организации заповедника в бассейне рек Печора и Илыч.

Петр Гермогенович Смидович (1874—1935) — ветеран большевистской партии и покровитель дела охраны природы.

Исаак (Исай) Израилевич Презент (1902—1967) — вершитель судеб биологии и соратник Т. Д. Лысенко.

Василий Никитич Макаров (1887—1953) — руководитель природоохранного движения в его самые черные годы.

Деятели охраны природы, взыскуя благословения марксистов, выносят на обложку журнала «Охрана природы» портреты Энгельса и Ленина.

IV ГОД ИЗДАНИЯ ЦЕНА 40 КОП

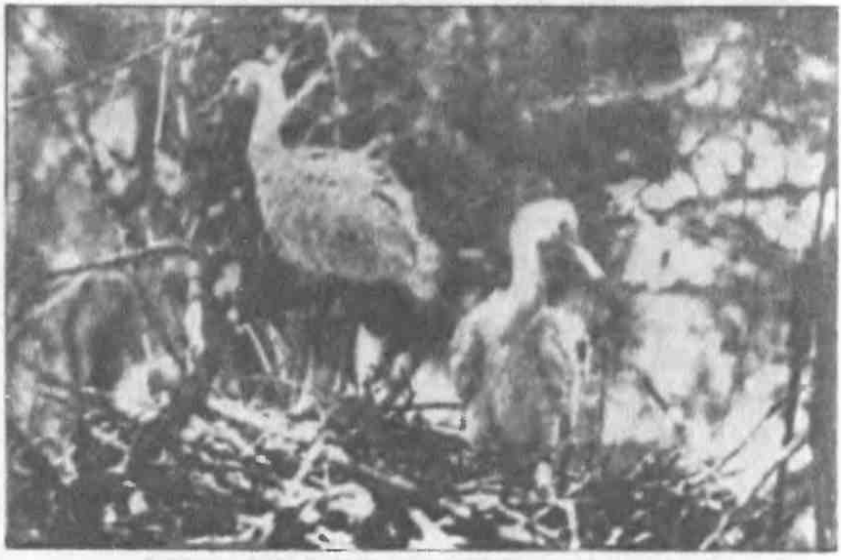
ПРИРОДА И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

ОРГАН ВСЕРОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ОХРАНЫ ПРИРОДЫ И МЕЖДУ ВЕДОМСТВЕННОГО КОМИТЕТА СОДЕЙСТВИЯ РАЗВИТИЮ ПРИРОДНЫХ БОГАТСТВ РСФСР

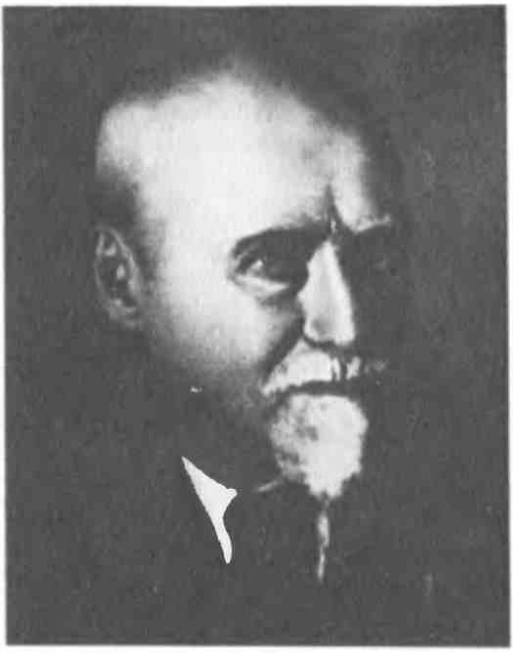
№ 9—10 1931

МОСКВА, СОФИЙСКАЯ НАБЕРЕЖНАЯ, 38

СОДЕРЖАНИЕ:

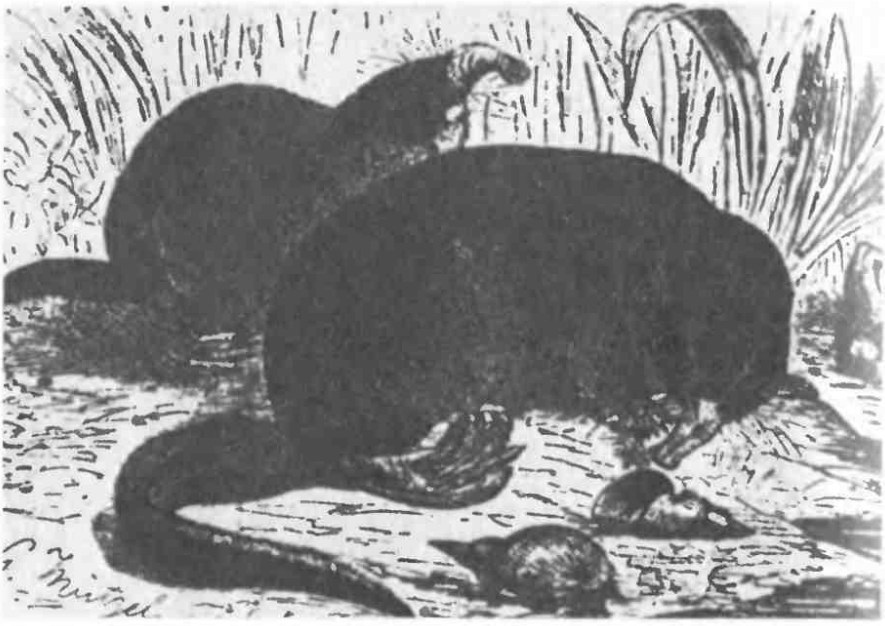
Новый макет обложки журнала после его переименования.

Владимир Леонтьевич Комаров (1869—1945),— президент Всероссийского Общества охраны природы с 1938 г. (Президент Академии наук СССР с 1936 г.)

Строительство Беломорско-Балтийского канала, против которого горячо возражали деятели охраны природы в СССР.

Выхухоль — вымирающий вид (из книги С. А. Сидорова «Вымирающие животные», Москва, 1928).

Когда катастрофические последствия хищнической политики ВСНХ в области лесного хозяйства стали очевидны, Совнарком СССР пересмотрел неограниченные полномочия, ранее выданные ВСНХ. 31 июля 1931 г. было принято подписанное В. М. Молотовым, Председателем Совнаркома, постановление «Об организации лесного хозяйства» (5). Важно, что в этом постановлении в качестве главных рассматривались в первую очередь проблемы, связанные с сохранением лесов: установление норм лесозаготовок, возобновление лесов, охрана лесов, особенно в засушливых районах.

Предусмотренная этим декретом передача частично охраняемых лесов снова в ведение Наркомзема была отступлением от политики, провозглашенной за год до этого. Однако было бы ошибкой приписывать такое развитие событий исключительно усилиям деятелей охраны природы или проблескам здравого смысла у советских руководителей. Такая заботливость о состоянии находящихся под угрозой уничтожения лесов страны стала возможна лишь после катастрофических событий, разразившихся на международном рынке древесины в 1930—1931 гг. В условиях, когда на Западе повсеместно бездействовали лесопильные заводы, увеличение поставок древесины из Советского Союза стало, безусловно, невозможным.

В решении об изъятии большой части лесов из ведения ВСНХ сыграли роль также некоторые проблемы внутренней политики. В середине 1931 г. дни ВСНХ как некоего суперминистерства были сочтены, и Сталин, должно быть, уже перешел к рассмотрению вопроса о необходимости создания министерской системы управления промышленностью, которую мы связываем с более поздним периодом его правления. В результате леса, представлявшие наибольшее значение для сельского хозяйства, были переданы в систему Наркомзема, тогда как те, которые были более важны для промышленности, были временно оставлены в ВСНХ, с тем чтобы в дальнейшем перейти в соответствующие подразделения наркоматов тяжелой, легкой и лесной промышленности.

Несмотря на то что в целом это постановление, несомненно, имело положительное значение, однако возвращение лесов Наркомзему не всегда означало восстановление прежнего положения дел. Например, в Крыму в отличие от ситуации, предшествовавшей 1930 г., лесозаготовки были разрешены в режиме частично охраняемого лесопользования. При этом объем лесозаготовок не должен был превышать ежегодного прироста древесины. Однако отсутствие договоренности относительно методов вычисления ежегодного прироста позволяло Наркомзему проводить губительные рубки, утверждая, что вырубается лишь прирост, и не обра-

щая внимания на возмущенные протесты активистов природоохранительного движения (Пузанов, 1932 и др.).

Вопросы заготовки дичи и других продуктов охоты также оставались в центре внимания деятелей охраны природы в годы первой пятилетки. 10 февраля 1930 г. Совнарком РСФСР обнародовал новое постановление о правилах охоты, устанавливающее новый порядок на смену существовавшему фактически с 1923 г. (5). По-видимому, это постановление было подготовлено в полном или почти полном неведении относительно готовившегося постановления от 25 февраля, в соответствии с которым Управление лесного хозяйства Наркомзема РСФСР передавалось в ведение ВСНХ РСФСР. В результате постановлением от 10 февраля утверждалась некая победа Наркомзема и за ним закреплялось право на использование термина «охотничьи заповедники» применительно к заповедникам системы Наркомзема, т. е. то, против чего резко возражали деятели охраны природы, связанные с Наркомпросом. Ирония состояла в том, что происходило это в тот самый момент, когда Совнарком РСФСР вознамерился лишить Наркомзем управления охотой, в том числе охотничьими заповедниками, а также вообще всеми делами, связанными с лесным хозяйством.

Однако всего через две недели положение охотничьего хозяйства в РСФСР оказалось весьма неопределенным. Постановлением от 25 февраля все дела, связанные с управлением лесным хозяйством, изымались из Наркомзема РСФСР и передавались в ведение ВСНХ РСФСР. Характерно, однако, что никаких специальных указаний по поводу организационной судьбы охотничьего хозяйства, управляемого подотделом охотничьего хозяйства Управления лесного хозяйства, сделано не было. Охотничье хозяйство в целях совершенствования правил охоты было отделено от Управления лесного хозяйства Наркомзема, не получило четкого организационного оформления и оказалось на сиротском положении в советской хозяйственной жизни. Со временем этот вакуум был заполнен Синдикатом лесного хозяйства (Леспромхозом) ВСНХ РСФСР (Лавров, 1930).

Этот автор отмечает, что в РСФСР к вновь созданному ведомству (Леспромхозу ВСНХ) перешли даже функции создания заповедников, а также указывает, что в Казахской АССР (в то время в составе Российской Федерации) местное отделение нового синдиката издало в мае 1930 г. постановление, регулирующее правила охоты (6).

Однако начальство, по-видимому, считало, что охотничье хозяйство не следует включать в индустриальную систему ВСНХ, а оно заслуживает иной судьбы. Распад обширной империи Нар-

комзема, включавшей лесное, рыбное и охотничье хозяйства, способствовал усилению другого министерства, а именно Наркомторга СССР. В мае 1930 г. ответственность за развитие птицеводства и заготовки водоплавающей дичи была передана от Наркомзема Наркомторгу СССР (7). В августе подошла очередь рыбного хозяйства (8). К середине сентября в компетенцию Наркомторга было включено также охотничье хозяйство (9).

Бюрократическая одиссея охотничьего хозяйства на этом, однако, не завершилась. 22 ноября Наркомторг СССР и его республиканские аналоги в свою очередь были поделены на две системы, одна из которых взяла на себя торговлю с иностранными партнерами (Наркомвнешторг СССР), а другая — внутреннее снабжение (Наркомснабы СССР, РСФСР и других республик). Охотничье хозяйство, включая управление охотничьими заповедниками, отошло в ведение Наркомснабов (10).

Стремясь взять в свои руки пушную торговлю, Наркомснаб РСФСР быстро предпринял попытку ограничить вмешательство Государственного межведомственного комитета по охране природы (Госкомитета) в дела, связанные с охотой. В противовес Госкомитету, который, как правило, жестко пересматривал планы заготовки мехов (особенно исходившие от Наркомторга), Наркомснаб РСФСР создал более сговорчивый орган, который был наречен Комитетом по делам охотничьего хозяйства. Он также представлял собой межведомственную организацию, но между ним и Госкомитетом было одно существенное различие. Он возглавлялся одним из руководителей Наркомснаба РСФСР и в силу этого был организацией, отчетливо ориентированной на увеличение заготовок (11).

Круг прав и обязанностей нового комитета был чрезвычайно широк. В него входило рассмотрение планов заготовок дичи, дичеразведения, капиталовложений, ограничений на добычу, надзор за истреблением хищников, определение видов, которые должны быть поставлены под охрану, организация научно-исследовательских биологических учреждений, занимающихся проблемами охотничьего хозяйства, и вынесение суждений «по всем вопросам, относящимся к охотничьему хозяйству». Комитет также присвоил себе право последнего слова в вопросах, связанных с административным управлением охотничьим хозяйством.

Госкомитет реагировал на этот вызов его полномочиям с вполне понятными опасениями. Он тотчас запросил экземпляр положения о новом комитете и организовал рассмотрение вопроса о том, не выходит ли Наркомснаб за границы сферы своей компетенции. В мае 1931 г. президиум Госкомитета бросил открытый вызов Наркомснабу, начав новую кампанию за запрет весенней

и летней охоты повсеместно на территории СССР. К июню отношения между этими двумя организациями так накалились, что представитель Наркомснаба отказался явиться в Госкомитет, когда его пригласили туда для обсуждения норм охоты на водоплавающую дичь (Блошенко, 1931).

Но еще до того, как конфликт между Госкомитетом и Комитетом Наркомснаба по делам охоты завершился, новая бюрократическая реорганизация передала охоту в ведение нового хозяина. 16 мая 1931 г. Совнарком СССР решил передать дела, связанные с охотой, в ведение вновь организованного Народного комиссариата по внешней торговле СССР (12). Эта новая реорганизация, однако, не представлялась деятелям охраны природы идущей на пользу делу. Наркомвнешторг СССР казался организацией, еще менее созвучной целям охраны природы, чем даже Наркомснаб, уже по одному тому, что он был **непосредственно** заинтересован в экспорте пушнины.

С переходом охотничьего хозяйства в ведение Наркомвнешторга сильно возросла роль Пушносиндиката, занимавшегося торговлей мехами и вскоре преобразованного во Всесоюзную ассоциацию по пушной торговле (Союзпушнину) (13). Это новое сверхведомство хотя и находилось в ведении Наркомвнешторга, но представляло собой самостоятельное «юридическое лицо» и действовало на основе самофинансирования, что создавало совершенно новую угрозу существующему порядку ведения охотничьего хозяйства.

Союзпушнина была призвана удовлетворять потребности внешнего рынка, устанавливая правила заготовки пушнины и организации охотничьего хозяйства внутри страны. Ассоциация была уполномочена заготавливать пушнину посредством собственной сети скупщиков-заготовителей, а также организовывать и осуществлять управление пушным звероводством в СССР. В ее задачи также входили создание охотхозяйств по примеру совхозов (для того чтобы вытеснить индивидуальную и кооперативную охоту, расширить охоту на еще не эксплуатируемых угодьях и учредить сеть коллективных и государственных факторий, обеспечивающих снабжение охотников в межсезонье), организация и управление всей скорняжной промышленностью в СССР, сбор и сортировка шкур и мехов, заготовляемых всеми другими организациями, экспорт пушнины и зверей и, наконец, развитие программы по акклиматизации экзотических животных, начало которой было положено завозом ондатры из Северной Америки в 1928 г.

Среди 16 организованных в 1932 г. производственно-охотничьих станций (ПОС) по крайней мере 4 были ориентирова-

ны на акклиматизацию ондатры. Средняя площадь этих хозяйств составляла около 1 млн. га (Перевалов, 1933 и др.).

Новое ведомство вскоре повергло в шок деятелей охраны природы: было объявлено, что заготовки пушнины планируется увеличить по сравнению с существующим уровнем к 1932 г. до 145% (14).

Союзпушнина твердо намеревалась осуществить этот план. Под охотничьи угодья были отведены колоссальные территории. 200 млн. га были закреплены за охотничьими кооперативами и еще 100 млн. га отводилось для охотников, заключавших прямые контракты с Союзпушниной. В их число входили работники колхозов и совхозов, с которыми Союзпушнина заключала договоры на поставку ими мехов в обмен на дефицитные товары, распространявшиеся через фактории Союзпушнины.

Однако несмотря на несомненно значительные усилия, возможность увеличения заготовки мехов на 45% представлялась сомнительной. Еженедельный журнал Наркомвнешторга СССР «Наша внешняя торговля» того времени полон бесконечных сообщений о срывах выполнения плановых заданий.

Эти срывы объяснялись множеством обстоятельств. Продукты питания и потребительские товары часто доставлялись судами на фактории с большим опозданием, а то и вообще к концу сезона. Организационные неурядицы и конфликты между Наркомснабом и Наркомвнешторгом также подрывали эффективность охотничьего хозяйства. Наркомвнешторг не имел возможности расширять периферийную сеть своих агентов в разгар сезона, и это во многих случаях вело к отсутствию какой-либо организационной основы для охотничьего хозяйства в отдаленных районах.

Председатели колхозов, директора совхозов и секретари сельских парторганизаций не склонны были поощрять охоту работников и отпускать их из хозяйств, поэтому они часто противодействовали кампании по заготовке пушнины. Издатели местных газет хранили полное молчание в отношении заготовительной кампании, будучи солидарными с колхозным начальством.

Другой важный фактор, препятствующий выполнению плана заготовок, состоял в полном отсутствии координации между действиями Союзпушнины и других хозяйственных организаций. Так, например, в Северокавказском крае план Наркомвнешторга по заготовкам пушнины был выполнен лишь на 48%, несмотря на то что бригады Общества борьбы с вредителями и ОСОАВИАХИМа уничтожили 5 млн. сусликов, хомяков и полевок. Из-за плохой координации работ между этими добровольческими организациями и Союзпушниной лишь 400 тыс. шкурок грызунов попало на заготовительные станции Союзпушнины (15).

Еще одной причиной, объясняющей слабые успехи Союзпушнины, было истощение запасов пушных животных. Почти в каждом регионе отмечалось резкое снижение численности тех или иных видов животных. В Якутии это касалось лис и зайцев, в Нижегородской области — белок (16). Даже в таком обычно богатом регионе, как Дальний Восток, былое изобилие фауны пошло на убыль. На заседании Госкомитета 25 ноября 1932 г. Н. Н. Билибин, краевед и активный деятель охраны природы Дальневосточного края, призывал к поддержке заповедника на Охотском море, подчеркивая, что после организации совхозов естественные ресурсы края опустошены (17).

Билибин особенно критически выступал против попыток навязать оседлый, коллективизированный образ жизни коренному населению, испокон веков мирно сосуществовавшему с природой, получая от нее все необходимое. Не говоря уже о безрассудных попытках навязать «советский» образ жизни коренным народам, для всей советской политики в области заготовок была характерна вопиющая близорукость и погоня за сиюминутной выгодой. Из тысячи котиков, например, добытых на одном из островов неподалеку от побережья Камчатки, 950 оказались щенками, и утверждалось, что этот случай не был исключением. Госкомитет осудил это нарушение и предложил запретить промысел котиков (там же).

Не все нововведения, однако, наносили вред делу охраны природы. В череде безусловно печальных событий встречались и отрадные — принимались новые важные меры по охране диких животных. Одной из таких мер было постановление Совнаркома РСФСР о защите перелетных водоплавающих птиц, в соответствии с которым было организовано три охотничьих заказника в основных местах зимовки и гнездования (в Крыму, в дельте Кубани и неподалеку от устья рек Терек и Сулак в Дагестане). Их охрана должна была обеспечиваться теми же заготовительными организациями (18).

Иногда даже сами заготовительные органы предпринимали действия, направленные на охрану природы. Примером такого рода может служить согласие, данное в апреле 1930 г. Уралгосторгом на то, чтобы 12% территории организуемого Верхнекамского охотничьего хозяйства было отведено под охраняемую зону. В редких случаях возникало даже сотрудничество между Наркомвнешторгом и Госкомитетом. Так, наркомат поддержал кампанию Госкомитета против намерения Карельской АССР снять запрет на охоту на лося в 1931 г. (19).

Однако эти лишь отдельные светлые пятна, которые можно считать исключением на общем мрачном фоне ситуации с заготовка-

ми. Враждебные отношения, существовавшие между Госкомитетом и Наркомвнешторгом (а также другими хозяйственными наркоматами), как бы то ни было, углублялись. Н. М. Кулагин, председатель Госкомитета НКП, отмечал «крайне недопустимое отношение некоторых ведомств к требованиям Госкомитета о постановке доклада о их работе» (имелись в виду Наркомвнешторг, Наркомзем и др.) (20). Раскол между этими двумя лагерями особенно отчетливо проявился в январе 1933 г. на I Всесоюзном съезде по охране природы, становилось все труднее примирять краткосрочные и долгосрочные хозяйственные цели.

Госкомитет и заповедники

В Госкомитете В. Н. Макаров продолжал ту же «политику защитной окраски», которая была характерна для его деятельности в ВООП (см. гл. 9), на словах призывая к социалистическому строительству и одновременно защищая цели природоохранного движения. Центральный Госкомитет (а позднее и соответствующие местные межведомственные комиссии по охране природы) был переименован, превратившись в Госкомитет не по охране природы, а по «содействию развитию природных богатств РСФСР» (21), подобно тому как было переименовано ВООП. Но «новый» Госкомитет, так же как и «новое» ВООП старались, насколько это было возможно, придерживаться ранее выработанной линии поведения.

Ни в чем другом это не проявлялось столь очевидно, как в продолжавшейся поддержке Госкомитетом дела консолидации и расширения сети заповедников. Фактически некоторые из наиболее резких противоречий между Госкомитетом и хозяйственными наркоматами касались не столько планов заготовок, сколько непрекращавшихся попыток этих наркоматов препятствовать организации новых заповедников или упразднить старые. Это отмечалось, в частности, в резолюциях ряда научных съездов.

Одним из наиболее острых спорных вопросов было продолжающееся сопротивление хозяйственных органов созданию Центрально-Лесного заповедника. В свое время Наркомзем РСФСР отразил все попытки организовать его, и ВСНХ, т. е. орган, к которому перешло управление лесным хозяйством, в этом пункте полностью продолжал политику своего предшественника. Даже после постановления Совнаркома РСФСР от 4 мая 1930 г. о создании Центрально-Лесного заповедника подчиняющийся ВСНХ Союзлеспром и входящие в его состав тресты продолжали свою деятельность на заповедной территории.

Во многом аналогичная ситуация возникла в связи с организацией гигантского Печоро-Илычского заповедника на Северном Урале, включавшего в свой состав миллион гектаров хвойных лесов. Хотя ВСНХ вслух и не возражал против адресованных в Совнарком РСФСР предложений Госкомитета об учреждении заповедника (его создание было узаконено постановлением от 4 мая 1930 г.), однако на деле препятствия, чинимые Союзлеспромом, не позволяли установить реальные границы заповедника еще в течение целого года (22). То же самое произошло и с Алтайским заповедником, учрежденным тем же постановлением и также обладавшим огромной территорией (миллион гектаров). Пожалуй, наиболее серьезное противодействие обнаружилось в Казахской автономной республике РСФСР («Труды...», 1935, с. 46).

Другие примеры касались уже давно учрежденных и работающих заповедников. Средне-Волжский заповедник, организованный при слиянии прежних Пензенского и Жигулевского заповедников, стал жертвой хищнической деятельности хозяйственных органов. Подчиняющаяся ВСНХ Всесоюзная торфяная ассоциация постоянно требовала исключить из состава заповедника обширные моховые болота, богатые торфяниками, тогда как совхозы зарились на крошечные уцелевшие участки целинной степи на другом краю заповедника, а лесозаготовители — на заповедные участки Бузулукского Бора (23) *. В Башкирии на заповедные леса претендовал Орский комбинат, наметивший в них заготовки древесины объемом более миллиона кубометров («Труды...», 1935, с. 147). На юго-западе страны Кавказский заповедник также превратился в объект экономических интересов местных органов, настаивавших на его ликвидации, хотя похоже, что за этими претензиями скрывался Союзлеспром (24). Наконец, хотя этот пример далеко не последний, принадлежащий Союзпушнине совхоз «Каракульэкспорт» попытался захватить территорию Черноморского заповедника. Заповедник обратился к генеральному прокурору Украины, который возбудил дело и отметил, что в этом случае следует организовать показательный процесс (25).

Хотя постановление Совнаркома РСФСР от 4 мая 1930 г. предписывало организацию шести новых заповедников, однако им устанавливались лишь максимальные площади каждого заповедника. Реальное определение окончательных границ было предоставлено Наркомпросу РСФСР при условии их согласования с другими заинтересованными организациями и ведомствами.

* Заповедник Бузулукский Бор первоначально был организован как участок Средне-Волжского, а в 1935 г. стал самостоятельным. Ликвидирован в 1948 г. по настоянию органов лесного хозяйства.— *Прим. ред.*

Предполагалось, что после того, как согласие будет достигнуто, проект границ будет снова представлен в Совнарком для окончательного утверждения. Соответственно, Наркомпрос в лице президиума Госкомитета был вынужден искать компромиссное решение, устраивающее и противостоящую сторону, продолжавшую оспаривать исходные границы, предложенные Наркомпросом.

Столкнувшись с таким противодействием своим планам, Госкомитет в мае 1931 г. решил официально пригласить Союзлеспром ВСНХ на переговоры для обсуждения существующих разногласий. Руководители движения охраны природы, осажденные адептами культурной революции и их сторонниками, отдавали себе отчет в том, что время работает не в их пользу. Вместо того чтобы вступать в затяжную тяжбу и цепь конфликтов относительно границ заповедников, Госкомитет вынужденно согласился с пересмотром границ, предлагавшимся ассоциацией лесозаготовителей (26).

С точки зрения территориальных уступок достигнутое летом 1931 г. соглашение было довольно приемлемым: Печоро-Илычский заповедник сохранил свою территорию полностью, в Центрально-Лесном из 50 тыс. га первоначальной территории 35 тыс. представляли собой полностью заповедную зону, а оставшиеся 15 тыс. отводились под буферную зону.

Затянулись переговоры о выделении территории Кызыл-Агачского заповедника в Азербайджане, но в конце концов и они окончились благоприятно для интересов охраны природы (27). В то же время Средне-Волжский заповедник был вынужден пожертвовать двумя маленькими изолированными участками степи. Иногда следовало жертвовать малым ради большого.

Цена, которую Госкомитет заплатил, пойдя на этот компромисс, состояла не столько в территориальных уступках, сколько в уступке принципиальной, т. е. полной заповедности охраняемых территорий. Например, в Средне-Волжском заповеднике Госкомитету удалось достичь мирного решения, только предоставив Союзторфу право на торфоразработки на моховых болотах, принадлежащих заповеднику (Блошенко, 1931). Для того чтобы Центрально-Лесной заповедник наконец начал работать, Госкомитет должен был согласиться на размещение в буферной зоне заповедника поселков лесозаготовителей (там же). Аналогичным образом постановление, утверждавшее окончательные границы Печоро-Илычского заповедника, также оставляло двери открытыми для возможных лесозаготовок в будущем, производимых подведомственными ВСНХ СССР организациями (разумеется, они

должны были «согласовываться» с Наркомпросом РСФСР и с местными властями) *.

Вероятно, мы никогда не сможем полностью понять все мотивы, которыми руководствовался В. Н. Макаров, публикуя редакционную статью «Наши задачи», где впервые санкционировались новая политика, допускавшая человеческую деятельность в пределах заповедников, но мы можем выделить ряд обстоятельств, явным образом повлиявших на такой исход событий, подорвавший принцип полной заповедности охраняемых территорий системы Наркомпроса **. Одной из причин, очевидным образом сыгравших роль в превращении заповедников в арену хозяйственной деятельности, было утверждение новых правил охоты в феврале 1930 г. Впервые советское законодательство специально оговаривало существование особого типа заповедников, а именно «охотничьих заповедников», в которых регуляция численности популяций промысловых животных не только не возбранялась, но и открыто поощрялась. Особо оговаривалась необходимость отлова промысловых животных для их разведения в неволе, борьбы с переуплотнением популяций и уничтожения «вредных зверей и птиц» (28).

Наркомзем РСФСР вскоре был лишен своей сети охотничьих заповедников и был вынужден также возвратить Наркомпросу три заповедника, отобранных у того годом ранее, и, таким образом, в войне за заповедники оказался побежденным ***. Однако схватку за употребление термина «заповедник» он выиграл. Проиграв в целом, Наркомзем при этом смог воспрепятствовать группировавшимся вокруг Наркомпроса деятелям охраны природы включить представление о недопустимости какой-либо деятельности в пределах заповедника в официальное определение понятия «заповедник».

После выхода из системы Наркомзема принадлежавшие ему ранее заповедники пережили, по словам советских историков, период «беспризорности». В этом отношении характерна судьба Бар-

* Подобные уступки и компромиссы имели место практически при организации всех заповедников СССР. Кроме того, установленный заповедный режим в ряде случаев носил лишь формальный характер (например, в заповеднике Кызыл-Агач и ряде других).— *Прим. ред.*

** Для тех, кто представляет себе реальную обстановку в СССР в начале 30-х годов, мотивы действий В. Н. Макарова вполне понятны. Он подчинялся прежде всего партийной дисциплине, выполняя официальные установки, даже если они шли вразрез с его личными взглядами. Статья «Наши задачи» насквозь политологическая, это — свидетельство «послушности» работников сферы охраны природы и самого автора как ответственного лица.— *Прим. ред.*

*** 11 апреля 1930 г. Малый Совнарком РСФСР вновь рассмотрел вопрос о подчиненности трех заповедников (Кавказского, Астраханского, Крымского) и принял решение сохранить их в ведении Наркомпроса (29).— *Прим. авт.*

гузинского, Кроноцкого, Кондо-Сосьвинского и Лапландского (Чуна-Тундра) заповедников, после короткого периода пребывания в ведении ВСНХ перешедших сперва к Наркомснабу РСФСР, а затем наконец переданных в подчинение Наркомвнешторга СССР (Крепс, 1937). Прошло совсем немного времени, и этот новый хозяин охотничьих заповедников в точности так же, как Наркомзем до того, начал алчно посматривать на быстро растущую сеть заповедников Наркомпроса. Действительно, в середине 1932 г. последовала официальная директива Наркомвнешторга, поручавшая его представителям на местах представить данные о возможности использования промысловых животных, в настоящее время находящихся под охраной в заповедниках Наркомпроса, в хозяйственных целях (30) *.

На Наркомпрос не только оказывалось давление со стороны хозяйственных органов, таких, как Союзлеспром, с требованиями ослабить степень заповедности под угрозой запрета на образование новых заповедников и невозможности правильного функционирования уже существующих, если не будут облегчены и изменены правила эксплуатации ресурсов в них. Наркомпрос также постоянно вынуждали доказывать, что его заповедники не менее полезны и продуктивны, чем заповедники Наркомвнешторга, при том, что продуктивность последних определялась в легкодоступных величинах — тоннах заготовленного мяса, килограммах экспортированных мехов, в увеличении численности охотничьих животных.

Этот нажим с требованиями «полезности» заповедников — он был вызван не столько идеологическими причинами, связанными с культурной революцией, сколько явился следствием экономического волюнтаризма того времени — начал медленно, но верно влиять на систему принадлежащих Наркомпросу РСФСР заповедников. Общее постановление о заповедниках от 20 июня 1930 г., адресованное администрации заповедников системы Наркомпроса и отменявшее постановление 1925 г., деликатно указывало на желательность в определенной степени допускать в заповедниках хозяйственную деятельность (31).

Был и еще один важный фактор, подрывавший принцип заповедников: усиливавшиеся нападки на научное изучение экологиче-

* В подлиннике это звучало так: «Поручить уполномоченным НКВТ через соответствующие организации Союзпушнины и Союзохотцентра с привлечением охотинспекции проверять работу заповедников, переданных в систему НКВТ, а также деятельность промохотбиостанций с вынесением конкретных предложений о дальнейшем использовании сети научно-исследовательских станций, ликвидации ненужных и бесполезных, и расширении и укреплении необходимых для охотничьего хозяйства» («Внешняя торговля», 1932, № 16, с. 8).— *Прим. ред.*

ских сообществ. Там, где биоценологи видели целостность, взаимосвязанность и динамическое равновесие в природных сообществах, их оппоненты, возглавлявшиеся И. И. Презентом, усматривали лишь «ограниченную пластичность». Поскольку неприкосновенность заповедников была неразрывно связана с программой проводимых в них биоценологических исследований, любая успешная атака на биоценологию была чревата вредными последствиями для заповедников в целом.

Все эти факторы вместе взятые создавали общественное мнение, становившееся все более враждебным тому, что можно было бы назвать созерцательным отношением к природе. Менее чем через год после того, как Макаров фактически возглавил ВООП и Госкомитет, он уже выделял два резко различавшихся периода в истории заповедников: до и после 1930 г. (т.е. его назначения). В заметках, подготовленных к совещанию представителей научных отделов различных республик, он писал, что период до 1930 г. характеризовался «ложными, политически вредными установками как части научных деятелей в области охраны природы, так и руководящих работников заповедников на абсолютную неприкосновенность заповедника. При такой установке отрицалась сама возможность увязки работ заповедника с конкретными задачами социалистического строительства» (Макаров, 1931а, с. 97).

С этой картиной старомодной «науки ради науки» резко контрастировала та, которая, по Макарову, возникла в более поздний период, т. е. уже после его выборов. Ныне, заявил он, «представление о заповеднике как научно-исследовательской лаборатории, где можно не только наблюдать, но и ставить активные опыты, уже не кажется еретическим и не вызывает, как было раньше, бурных протестов» (там же) *.

Ф. Р. Штильмарк (1978) упоминает о давлении, оказывавшемся на Макарова в то время. Хотя существует вероятность того, что поддержка Макаровым активного вмешательства человека в заповедники представляет собой лишь маневр, призванный «прикрывать» по мере возможности цели охраны природы («защитная окраска»), однако его высказывания вскоре нашли отражение в предприятиях, таивших в себе еще большую опасность, чем одноразовый отстрел бакланов и ворон в заповеднике дельты Волги. В Кавказском заповеднике в 1931 г. впервые для заповедника системы Наркомпроса план работы включил не только опи-

* Подробнее об этом см. Филонов К. П. Развитие принципов заповедности в СССР.— В сб.: Итоги и перспективы заповедного дела в СССР. М., «Наука». 1986; Штильмарк Ф. Р. «Принципы заповедности.— В сб.: Географическое размещение заповедников в РСФСР и организация их деятельности. М., 1981.— *Прим. ред.*

сательные и теоретические исследования и организацию экспериментальной лесоведческой станции, но и оценку охотничьего потенциала окружающей территории и исследование шести видов растений, которые, как считалось, могли служить сырьем для получения каучука. Все это, конечно, было отражением растущего стремления многих руководителей советских заповедников сделать так, чтобы их заповедники выглядели «полезными». Что касается Кавказского заповедника, то план его работы на следующий, 1932 г. включал организацию фермы для экспериментального дичеразведения (совершенно в стиле заповедников Наркомзема, а позднее Наркомвнешторга) и даже организацию подразделения, занимающегося разведкой минеральных и горючих полезных ископаемых (31). Столь же хорошо иллюстрировало новые тенденции положение о работе созданного в 1931 г. Печоро-Илычского заповедника (32).

Однако даже в своих публичных выступлениях Макаров никогда не мог скрыть двойственного отношения к своему же собственному стратегическому решению о публичном отказе от принципа абсолютной неприкосновенности заповедников. Нигде это не проявилось лучше, чем в той самой речи 1931 г. в Госкомитете, где Макаров отрекался от взглядов, характерных для эпохи, предшествовавшей 1930 г. Основная часть его речи была посвящена защите заповедника как центра экологических исследований, т. е. как неприкосновенного эталона (Макаров, 1931б). Придерживаясь в основном точки зрения Кожевникова и Станчинского, Макаров подчеркивал, что исследования «неприкосновенных природных фондов» в заповедниках были важны для расчета и понимания тех изменений, которые вызываются активным вмешательством человека в естественный ход событий; они позволяют нам определить как кратковременные, так и долгосрочные последствия нашего вмешательства и в конечном счете дают обществу возможность выбрать такое направление человеческой деятельности, которое позволяет нацелить силы природы на решение запланированных задач (там же). В свете этого, утверждал Макаров, «основными, ведущими теоретическими проблемами в работе заповедника должны быть вопросы экологии... но связанные с разрешением конкретных задач в области охотхозяйства, животноводства, растениеводства, сельского и лесного хозяйства, с изучением естественных производительных сил и т. п. Заповедники по самой своей природе представляют собой научно-исследовательские учреждения» (там же, с. 247).

Главной в стратегии Макарова, ориентированной на спасение заповедников как центров экологических исследований, была его убежденность в том, что такие исследования должны быть на-

правлены на решение актуальных экономических проблем. Он быстро приступил к составлению списка таких конкретных тем и проблем, куда включил изучение размножения животных и их плодовитости, разработку точных методов учета численности, изучение видовой структуры и распределения видов в естественных сообществах, путей миграции и размещения мест зимовок, взаимоотношений между организмом и его средой, а также изучение изменений, происходящих в фауне, в основном обилия видовой структуры и размещения видов, и причин, их вызывающих *. Все эти направления работ подразумевали высокую культуру экологических и статистических исследований, однако при этом они служили не «науке ради науки», но создавали научные основы рационального ведения охотничьего хозяйства.

Другие задачи из этого списка, даже если не считать таких сугубо прагматических, как акклиматизация и реакклиматизация хозяйственно ценных видов растений и животных, имели еще более явные экономические приложения: введение в хозяйственный оборот природных популяций, ранее не находивших коммерческого применения, помощь хозяйственным организациям в разработке планов рациональной эксплуатации природных ресурсов и охрана нормальных гидрологического и климатического режимов в обширных районах.

Наконец, несколько отойдя от чисто прагматических целей, Макаров включил сюда задачу охраны редких и находящихся под угрозой вымирания видов животных и растений, а также других природных объектов, имеющих не только научное или хозяйственное значение, но и представляющих собой культурные и эстетические ценности (там же). Это был рискованный пункт, который более искусный политик, вероятно, опустил бы, но это свидетельствует о том, что сам Макаров был не чужд эстетической тяге к природе **.

С учетом всего этого казалось, что противоречивые высказывания Макарова о функциях и режиме заповедника не дают возможности представить себе какую-либо целостную концепцию. Это, однако, не означает, что его позиция была полностью лишена логики. В действительности парадокс состоит в том, что такая позиция была внутренне глубоко логична для Макарова, считавшего, что он в состоянии одновременно умиротворять самозванных

* Тематика заповедников определялась В. Н. Макаровым при активном участии ряда видных ученых (С. А. Северцова, А. Н. Формозова, А. А. Алехина и др.).— *Прим. ред.*

** Это проявилось в ныне забытой брошюре В. Н. Макарова «Охрана природы в СССР» (М., 1949) — первом труде на эту тему в Советском Союзе.— *Прим. ред.*

идеологических судей биологии и других врагов охраны природы риторическими осуждениями принципа неприкосновенности заповедников и способствовать реализации экологических программ, которые он искренне поддерживал. Рассчитывая, что он сможет свести к минимуму вмешательство человеческой деятельности в заповедники, Макаров делал ставку на то, что он переживет «преобразователей природы». Заявляя, что он один из тех, кто против «науки ради науки», Макаров одновременно давал понять своим избирателям — членам общества охраны природы, что они с должной осмотрительностью могут продолжать свои фундаментальные исследования — постольку, поскольку они будут надлежащим образом «рекламированы».

Особый свет на деятельность Макарова проливает обнаруженное недавно в ЦГА его письмо *, адресованное заведующему Сектором науки Наркомпроса РСФСР и партколлективу Сектора науки. В нем Макаров пытается дать решительный отпор нападкам на позицию ВООП и его журнала со стороны партийных функционеров, в частности А. Кольмана, статья которого в журнале «Большевик» цитировалась в предыдущей главе. Приведем выдержки из этого письма, свидетельствующие, что Макаров проявлял не только незаурядное мужество, но и проницательность, обнажая «технические приемы», которыми пользовались партийные идеологи для уничтожения инакомыслия.

«...Товарищи, давшие критические отзывы ...судили поверхностно, не имея достаточной эрудиции... или имея предвзятую цель «во что бы то ни стало» найти врага, обнаружить уклоны, выявить вредительство, контрреволюцию в науке: они «подтягивали за волосы» критический материал, обращая здоровую большевистскую критику в сомнительное оружие полемики, а иногда травли. Обращенная к массам через массовую прессу, такая... критика, отталкивая массы от существа вопроса, была вредна... Тов. Кольман не хочет читать и оценивать статью тов. Шиллингера в целом, ему «нужны» обвинительные во вредительстве фразы, и он выписывает или даже частично сочиняет их... «цель» для тов. Кольмана оправдывает средства». Далее Макаров утверждает, что «Кольмановская попытка квалифицировать идею охраны древесной растительности как вредительство потерпела крах», поскольку «Партия и Правительство, в результате созванной Наркомземом конференции по борьбе с засухой, признали срочную необходимость развернуть... широкие мероприятия по охране леса и его насаждению, и притом уже не только на «неудобьях», а прямо на полях, за счет пахотной площади... ради повы-

* Центральный государственный архив РСФСР, фонд 404, опись 1, дело 1, листы 9—18.— *Прим. авт.*

шения качества урожая за счет количества посевов» *. Защищая обвиненных Кольманом во вредительстве авторов статьи о целинной Ямской степи Прозоровского, Макаров пишет: «Тов. Кольман не знает, что только непаханные целинные земли способны дать соцземледелию те новые виды растений, которые, будучи введены в культуру, делают буквально перевороты в технике и экономике сельского хозяйства... Уничтожая целину... мы подсекли бы возможность глубоких реконструктивных изменений социалистического хозяйства, которые готовятся... благодаря введению в культуру... диких растений, благодаря изучению генезиса почвы, естественного сообщества растений и животных и т. д. именно в устраеваемых в СССР заповедниках». Отвергнув еще целый ряд безграмотных и претенциозных нападок, Макаров заключает: «...Попытки облить грязью журнал и Общество... заставляют нас задуматься... полезна ли такая защита... от мнимого вредительства? Не радует ли это подлинных врагов соцстроительства... ловящих всякий удобный случай для того, чтобы... показать... как профанируется наука в СССР и как легко и бездумно оплевываются идеи и люди, беззаветно служащие им».

Если оставить в стороне риторику, то первые годы руководства Макаровым движения за охрану природы в Советском Союзе были отмечены продолжавшимся развитием экологических исследований в заповедниках. Развитие субсидировавшихся Наркомпросом заповедников по возрастающей выглядит особенно выразительно при сравнении с заповедниками, подчинявшимися хозяйственным ведомствам.

Например, запланированный на 1931 г. бюджет Кавказского заповедника возрос до 655 тыс. руб. (хотя отчасти это отражало процессы инфляции). В то же время суммарное субсидирование всех заповедников Наркомвнешторга в 1932 г. составляло лишь 200 тыс. руб. (33).

Особенно обнадеживающим было серьезное намерение Макарова возродить в Госкомитете в качестве долгосрочной цели идею создания заповедников во всех биогеографических зонах Советского Союза (34). Еще до того, как Макаров приступил к исполнению своих обязанностей, были предприняты энергичные шаги по расширению сети заповедников Наркомпроса. Первые плоды этих усилий обнаружились 4 мая 1930 г., когда Совнарком РСФСР в принципе утвердил создание шести новых заповедников, в том числе Центрально-Лесного заповедника площадью 50 тыс. га в центральной части РСФСР (35). Тем же постановлением было намечено создание «степного черноземного заповедника» отдель-

* О конференции см.: «Правда» от 27.10.1931 г. и «Известия ЦИК'а» от 25 31.10.1931 г.— *Прим. авт.*

ными участками площади до 10 тыс. га, заповедника Наурзум-Карагач в Кустанайском округе Казахстана (185 тыс. га), Алтайского (600 тыс.), Печорского (1 млн. га).

Когда Макаров возглавил руководство движения за охрану природы, он обнаружил, что на самом движении весьма существенно сказывались дух времени и идущая на убыль влиятельность Наркомпроса среди других правительственных учреждений, и неохотно решил все же пойти на уступки. Разрешив заготовительным органам хозяйственных ведомств проводить рубку леса и разработку торфа в заповедниках, Макаров, таким образом, заключил решающую сделку. Он поступился принципом неприкосновенности заповедников Наркомпроса ради возможности для сети заповедников существовать и расширяться. Полученное Макаровым взамен на первый взгляд выглядит впечатляюще. После достижения соглашения с хозяйственными ведомствами в действительности утратил часть территории лишь многострадальный Центрально-Лесной заповедник. Что касается колоссального Алтайского заповедника, то его территория даже увеличилась.

После возникновения в 1930 г. шести новых заповедников Госкомитет вместе с научным сектором Наркомпроса РСФСР начал энергично работать над созданием в 1931—1932 гг. еще шести заповедников, и, кроме того, был подготовлен план, в соответствии с которым к концу второй пятилетки территория сети заповедников должна была удвоиться (36). Упомянутыми шестью заповедниками были Алма-Атинский, передаваемый из местного в республиканское подчинение, Боровое в Северном Казахстане (100 тыс. га), Боржомский в Закавказье, Кара-Калинский в Туркмении, а также Катунский и Чуйский *. В перспективе намечались гигантские заповедники в Сибири и на Дальнем Востоке (Саянский, Чукотский, Уссурийский, Олекминский, Верхоянский и др.— подробнее об этом см.: Штильмарк, 1974). Рекомендовались и большие заповедники в Средней Азии — Ферганская Долина, Саксауло-Пустынный, а также в Калмыкии.

Как можно видеть из Приложения 1, период с 1930 по 1934 г. включительно был временем быстрого территориального роста заповедников в Советском Союзе. Однако в отличие от ситуации в 1924—1929 гг. в это время увеличение площади заповедников происходило почти исключительно в результате расширения системы заповедников, находившихся в ведении различных республиканских наркоматов просвещения во главе с Наркомпросом РСФСР.

* Из этих шести ныне действуют только Алма-Атинский и Боржомский. Заповедник Боровое, созданный в 1935 г., ликвидирован в 1951-м, остальные три не создавались.— *Прим. ред.*

Множество бюрократических пертурбаций в системе управления лесным и охотничьим хозяйством в период первой пятилетки не могло не сказаться на соответствующих системах прагматически ориентированных заповедников. В отношении некоторых из них было решено, что лучше всего передать их под местное управление. Другие, вероятно, просто были ликвидированы. К тому времени, когда наконец бывшие заповедники Наркомзема РСФСР в 1931—1932 гг. оказались в ведомстве Наркомвнешторга СССР, сеть заповедников Наркомпроса увеличивалась, и далеко позади осталось то время, когда их площадь сильно уступала площади «охотничьих заповедников».

В течение длительного времени деятели охраны природы испытывали к Наркомпросу теплые чувства. Это было правительственное учреждение, служившее им убежищем и в течение долгого времени активно отстаивавшее их интересы и делавшее это весьма искусно. К 1931 г. в этих отношениях начали появляться элементы неудовлетворенности. В особенности это стало проявляться после того, как в сентябре 1929 г. с поста наркома просвещения был смещен Луначарский, что было воспринято как отказ от более гуманистического наркомпросовского ви́дения коммунизма и как политическое наступление хозяйственных наркоматов. Больным местом всегда было скудное финансирование Госкомитета Наркомпросом, и недовольство это ярко проявилось на пленарной сессии комитета в январе 1931 г. Пленум прежде всего отметил, что внимание, уделяемое Госкомитету научным отделом, совершенно недостаточно, что комитет абсурдным образом лишен возможности выполнять ожидаемые от него функции в отсутствие собственного бюджета и каких-либо ассигнований и что расплывчатые и уводящие от дела резолюции не могут в этой ситуации быть терпимы. Пленум, говорилось в решении, «категорически настаивает на полном утверждении своевременно представленной... сметы на содержание Госкомитета в 1931 г. в сумме 41 047 руб. 55 коп.» (37).

На том же самом пленуме Госкомитет предпринял отчаянную, но безуспешную попытку, предложив сконцентрировать руководство всей работой, ведущейся в различных исследовательских институтах биологического профиля системы Наркомпроса, для того чтобы избежать параллелизма в исследованиях и более продуктивно использовать опыт и знания, накопленные в этих институтах. Ясно, что Госкомитет тяготился своей незавидной ролью организации, подчиненной научному отделу не очень влиятельного министерства. Научный сектор, созданный 1 июля 1930 г. вместо Главнауки НКП, первоначально возглавлялся Иваном Капитоновичем Лупполом, который хотя и симпатизировал делу охраны

природы, но все же далеко не так деятельно, как Ф. Н. Петров (38) *.

Были, однако, и более серьезные причины, по которым Госкомитет был склонен покончить со своим второстепенным официальным статусом. Не последней среди них было то, что к 1932 г. решения Госкомитета постоянно игнорировались наиболее могущественными хозяйственными ведомствами. Дело доходило до того, что представители Наркомвнешторга, ВСНХ и других ведомств не находили даже нужным присутствовать на заседаниях президиума Госкомитета, на которых рассматривались представляемые ими годовые планы заготовок.

В то время как необходимость увеличения влиятельности и авторитета Госкомитета, по-видимому, указывала на желательность его выхода из тени Наркомпроса, с другой стороны, ощущалась потребность расширить сферу деятельности Госкомитета в географическом смысле, тогда как в то время она ограничивалась пределами Российской республики. Кулагин и Кожевников (1930) убедительно говорили о необходимости создания всесоюзного органа еще в 1930 г. Они обращали внимание на то, что меры в области охраны природы, полезные в рамках одной республики, легко могут оказаться совершенно недостаточными в тех случаях, когда известно, что животные мигрируют на менее гостеприимную территорию другой республики. Кроме того, Госкомитет уже фактически осуществлял руководство планированием и управлением заповедников по всему Советскому Союзу, в особенности тех из них, которые входили в системы наркомпросов различных республик **. Но в отсутствие узаконенных прав за пределами РСФСР, однако, он мог лишь вести организационную работу и помогать советами, но не мог по-настоящему управлять работой. Многие деятели охраны природы хорошо понимали важность координации ведущихся в заповедниках исследований, как тематической, так и методологической, а также насущную необходимость координировать планы заготовок в различных республиках. Вместе взятые, эти доводы представляли собой солидное обоснование повышения статуса Госкомитета.

Даже исполнительный комитет Наркомпроса был вынужден признать, что «Госкомитет не стал действительно межведом-

* Надо учитывать не только отход от Наркомпроса РСФСР Ф. Н. Петрова, но и тот важный факт, что вместо А. В. Луначарского наркомом стал А. С. Бубнов (1884—1940), который относился к проблемам охраны природы еще менее ответственно (об этом, в частности, свидетельствуют архивные материалы Ф. Ф. Шиллингера).— *Прим. ред.*

** Наркомпрос оказывал финансовую поддержку и местным или «ведомственным» заповедникам. В частности, об этом пишет Крепс Г. М. (1937).— *Прим. автора.*

ственным органом и что эффективность его работы, влиятельность и положение среди других ведомств и организаций не отвечают той ответственной задаче, которая возложена на него правительством РСФСР как на орган междуведомственный, призванный к планированию и согласованию мероприятий всех ведомств и хозорганов, направленных на эксплуатацию, развитие, рациональное использование и охрану природных богатств страны» (39).

Мнение же исполнительного комитета и научных отделов республиканских наркомпросов состояло в том, что следует обязать Госкомитет использовать свои возможности для расширения сбора информации и проведения расследования деятельности хозяйственных ведомств и организаций, а также в рассмотрении планов их деятельности и ежегодных отчетов. Руководители Наркомпроса побуждали также Госкомитет вести решительную борьбу с расточительным использованием природных ресурсов. Госкомитет должен был быть более активен и последователен при обнародовании всевозможных нарушений в прессе, и в случае необходимости ему рекомендовалось обращаться в органы Рабоче-Крестьянской Инспекции и прокуратуру. Наркомпрос даже указывал на желательность обращения в Президиум ВЦИК с просьбой создать штат постоянных сотрудников учреждения, занимающегося охраной природы, с надлежащим субсидированием, предусматривающим оклады сотрудников и расходы на научные публикации, разъезды и содержание сети инспекторов. Наконец, в докладе Наркомпроса внимание финансовых органов наркомата привлекалось к тому, что Госкомитету следует создать нормальные условия для его повседневной деятельности, вероятно включая своевременное и достаточное субсидирование, что еще в недалеком прошлом было больным местом.

Новая заинтересованность Наркомпроса в Госкомитете возникла, однако, слишком поздно. Интересы активистов охраны природы уже диктовали им поиски путей к изменению юридического статуса комитета и к обзаведению более влиятельным покровителем. В 1932 г. эти побуждения вылились в активные действия. В результате двух внеочередных расширенных заседаний пленума Госкомитета была принята резолюция, считавшая необходимым перевод Госкомитета в подчинение Центральному Исполнительному Комитету СССР и прямое подчинение заповедников Госкомитету. Кроме того, было решено потребовать повышения статуса Всероссийского общества охраны природы и превращения его во всесоюзную организацию (40).

Когда Кулагин и Кожевников впервые осознали желательность повышения статуса Госкомитета в 1930 г., они хотели быстро созвать Всесоюзный съезд по охране природы, как это предпола-

галось решениями Всероссийского съезда 1929 г., для того чтобы обсудить и утвердить их предложения*. Хотя организационный комитет по подготовке Всесоюзного съезда под председательством Смидовича был создан еще на съезде 1929 г., однако сделано было, по-видимому, очень мало. К началу 1931 г. Госкомитет взял дело в свои руки и начал подготовительную работу по созыву Всесоюзного съезда. В конце весны состоялось два организационных заседания, и предполагалось, что открытие съезда может состояться 5 сентября 1931 г. на исследовательской базе в Аскании-Нова, где В. В. Станчинский в качестве хозяина примет 130 приглашенных делегатов. Конкретная подготовка была поручена организационному бюро, состоявшему из сотрудников научного отдела Наркомпроса УССР, первое заседание которого было назначено на 10 июля 1931 г. в Харькове (Блошенко, 1931).

Несмотря на такое энергичное начало, эти усилия, однако, оказались бесплодными. 5 сентября наступило и прошло, а съезд в Аскании так и не начался. Доступ в советские архивы, которые могли бы пролить некоторый свет на причины отмены съезда, ограничен, и можно лишь строить догадки. Существуют, однако, некоторые косвенные сведения. Несколькими месяцами спустя после предполагавшегося созыва съезда в Аскании, 3 февраля 1932 г., в Зоологическом институте АН СССР в Ленинграде собралась конференция по фаунистике, на которой присутствовали 365 делегатов. Здесь были почти все ведущие биологи, занимавшиеся вопросами охраны природы. Хотя номинально конференция проходила под эгидой Зоологического института, фактически ее организация находилась в руках И. И. Презента и Ленинградского отделения Коммунистической академии. Презент, необъятные амбиции которого и враждебность по отношению к Станчинскому в наше время очевидны, вероятно, играл важную закулисную роль в срыве съезда в Аскании. Кроме всего прочего, не вызывает сомнений, что ему было выгодно собрать биологов в Ленинграде, «на своем поле», где он, а не Станчинский мог управлять ходом конференции и где, как он надеялся, можно будет выступать среди старейшин советской биологии в роли нового, непререкаемого теоретика.

---

* Такие деятели охраны природы, как Г. А. Кожевников, ставили вопрос о создании подлинно государственного органа по охране природы еще до 1917 г. (в частности, по линии природоохранительной комиссии РГО) и настойчиво выдвигали это предложение в начале 20-х годов (одну из таких докладных записок в Госплан подписал А. В. Луначарский в 1924 г.). В 1930 г. Кожевников, Кулагин и Шиллингер выступили вновь на эту тему, по-видимому понимая, что с преобразованием журнала «Охрана природы» сказать об этом более уже не придется. Вновь вопрос о Госкомитете по охране природы был поставлен только в 1960 г., решен же — в 1988 г. Однако уже в 1991 г. он преобразован в Министерство природопользования и охраны природы.— *Прим ред.*

Глава 11

Великое преобразование природы

По жестокой иронии судьбы, расцвет теоретической экологии в Советском Союзе пришелся в точности на то время, когда социальный и философский климат становился все менее и менее подходящим для ее дальнейшего развития *. Еще на III Всероссийском съезде зоологов в 1928 г. ученые констатировали важность развития исследований на этих передовых рубежах биологии и даже проголосовали за организацию комиссии по стандартизации «биосоциологической номенклатуры», с тем чтобы вернуться к этому вопросу на следующем съезде (Станчинский, Радионова, 1933).

Хотя комиссия так никогда и не была создана, этот вопрос снова был поднят на IV съезде зоологов (теперь уже Всесоюзном), состоявшемся в Киеве в мае 1930 г. Признавая все усиливающуюся роль В. В. Станчинского в развитии этой молодой науки, делегаты возложили ответственность за организацию этой комиссии на него и на гидробиолога С. А. Зернова (1), с тем чтобы о результатах своей работы комиссия доложила уже на V съезде. Более того, съезд провозгласил «исключительное значение» экологии «не только с прикладной, но и с теоретической точек зрения» и подчеркнул, что экология должна занять «надлежащее место» в программах высших педагогических и сельскохозяйственных учебных заведений (2).

Апогей экологии

Еще в 1931 г. Д. Н. Кашкаров в Советском Союзе написал первый большой учебник по экологии сообществ «Среда и сообщество» (Кашкаров, 1933), который впоследствии был частично переведен на английский язык под эгидой Музея штата Нью-Йорк и по инициативе директора музея эколога Чарльза Кристофера Эдамса, лично знавшего Кашкарова.

* Важнейший вклад, который советские ученые внесли в экологию сообществ, отмечен Дж. Р. Карпентером в его исчерпывающей аннотированной библиографии советских работ в этой области (Recent Russian Work Community.—"The Journal of Animal Ecology", 1939, vol. 8, pp. 354—386).— *Прим. авт.*

Задуманная как пособие, призванное популяризировать экологические принципы среди широких кругов читателей-биологов, работа Кашкарова носила пионерный характер. В ней рассматривались такие важные вопросы, как динамика экологических сообществ во времени, экологическая сукцессия, эволюция сообществ, палеоэкология, методики полевых работ в области синэкологии и проблемы экологической терминологии. В книге «Среда и сообщество» также впервые исчерпывающе давалась история экологии. Тем самым работа представляла собой бесценный библиографический справочник в этой области. Наконец, книга Кашкарова привлекала внимание к новым и важным исследованиям по «биологии продуктивности» — направлению, которое было призвано «объяснять, насколько это возможно, в конкретных числовых величинах динамику отдельных этапов кругооборота органического вещества в экономике природы и вычислять количественные значения величин, характеризующих каждый из этих этапов», как об этом говорилось в двух пионерских работах по трофической динамике Станчинского того времени *.

Символическим и количественным описанием экологических взаимоотношений увлекался, однако, не только Станчинский. Идеи аналитического количественного подхода к экологии захватили большое число исследователей, в особенности работавших в заповедниках, но также и в крупных университетах. В. Н. Буковский, эколог, изучавший буковые леса Крымского заповедника и находившийся под влиянием социолого-структуралистической школы В. А. Догеля и В. Н. Беклемишева, очень рано принял парадигму Станчинского и также осознал важность применения статистических методов в экологии сообществ (Буковский, 1936) **. Еще в 1931 г. в журнале «Природа и социалистическое хозяйство» Буковский призывал не только к использованию «количественных методов» в изучении биоценозов, но также особенно обращал внимание на важность изучения энергетических и конкретных пищевых потребностей отдельных видов. Он писал, что каждому экологу и биоценологу необходимо знание теории вероятности. Это положение нуждалось в активной защите, поскольку, как проницательно отмечал Буковский, многие биологи испытывают к математике «чувство отвращения» (Буковский, 1931). Такое отрицательное отношение к применению математики в биологии

* Труд Д. Н. Кашкарова цитируется по английскому изданию: D. N. Kashkarov, Environment and Community: A Course of Lectures Read at the Asian State University. Переведена с русского Michael Poggenpohl. Albany, N. Y.: New York State Education Department and The Works Project Administration, 1935.— *Прим. автора.*

** В. Н. Буковский погиб при оккупации Крыма зимой 1941/42 г.— *Прим. ред.*

было особенно свойственно более молодым, пропартийно настроенным биологам и вскоре стало особенно характерным для критики различных направлений биологических исследований Презентом и Лысенко.

Наряду с работами по трофической динамике наиболее яркими из экологических исследований, вероятно, были работы по динамике популяций. В Зоологическом музее МГУ, еще недавно возглавлявшемся Г. А. Кожевниковым, в экологической лаборатории Владимира Владимировича Алпатова работал талантливый молодой эколог Георгий Францевич Гаузе. Он начал свои исследования, изучая в полевых условиях на Северном Кавказе природные популяции насекомых, и продолжил работу в лаборатории, экспериментируя с популяциями дрожжей и инфузорий. Гаузе стремился выявить естественные механизмы, регулирующие популяции организмов, с учетом их теоретической способности размножаться в геометической прогрессии. Он предположил, что ограниченность числа видов в биоценозах, по-видимому, связана с ограниченным числом «экологических ниш», которые могут быть использованы различными видами без вытеснения друг друга из сообщества, и обнаружил, что ограниченная численность особей каждого вида, входящего в биоценоз, поддерживается естественным механизмом обратной связи: собственной плотностью популяции. Хотя Гаузе был не первым, кто обратил внимание на то, что зависимость от плотности — ключ к саморегуляции популяций животных, и с готовностью признавал приоритет в этом отношении Раймонда Пирла из Университета Джонса Гопкинса (идеи которого привез в СССР В. В. Алпатов) *, его заслуга состоит в постановке гениальных по элегантности лабораторных опытов, иллюстрирующих роль плотности популяции, наличия убежищ и хищничества в простых биоценотических системах. Это опыты немедленно получили всемирную известность, прибавив славы советской биоценологии.

Пионером исследования динамики популяций в полевых условиях был С. А. Северцов, строивший свою работу на длительных наблюдениях, проводившихся им в недавно основанном Башкирском заповеднике. Северцов также разделял взгляды Гаузе, в соответствии с которыми биоценоз как замкнутая система характеризуется стабильностью численностей составляющих его видов, которая поддерживается регуляторными механизмами. Он писал: «Как известно, размножение животных совершается в геометической прогрессии, и теоретически численность любого вида может очень быстро достичь огромной величины. Между тем ни один

* См. об этом в работе: Галл Я. М. Борьба за существование как фактор эволюции (историко-критический анализ...).— Л.: «Наука», 1976.— *Прим. авт.*

вид не может размножаться дальше известного предела, определяемого тем, что мы можем называть дифференциальной биологической емкостью биоценоза» (Северцов, 1931, с. 142).

Эта емкость для конкретных видов определялась множеством различных лимитирующих факторов окружающей среды, например доступностью источников пищи или убежищ, с одной стороны, или хищничеством и паразитизмом — с другой. Соглашаясь с Пирлом, Гаузе и Алпатовым, Северцов считал, что, вероятно, наиболее важным лимитирующим фактором является плотность популяции самого вида. Чрезмерно высокая численность популяции приводит к уменьшению количества пищи в расчете на одну особь, что в свою очередь может способствовать распространению инфекционных заболеваний среди ослабленных животных. Этот эпидемический фактор регуляции численности популяции был не менее важен, особенно в отношении регуляции плотности популяции грызунов-вредителей (Северцов, 1931).

Одновременно со своими исследованиями по роли плотности популяции как регулятора численности популяции Северцов стремился определить для каждого конкретного вида количественный показатель, который представлял бы собой максимальную теоретически возможную скорость роста численности данного вида. При определении этого показателя следовало принимать во внимание такие факторы, как среднее число потомков на каждую пару родителей за год, возраст, в котором самки достигают половозрелости, промежуток времени между последовательными беременностями и соотношение числа самцов и самок в популяции. Этот показатель, однако, как подчеркивал Северцов, представлял собой лишь «биотический потенциал». В действительности в естественных условиях скорость роста численности каждого вида была много меньше вследствие высокой ювенильной смертности, смертности половозрелых особей и факторов, зависящих от плотности популяции. Реальная скорость роста численности популяций в устойчивых биоценозах в среднем, следовало думать, должна была быть равна нулю.

Северцов настойчиво обращал внимание своих читателей на то, что управление охотничьим хозяйством и борьба с вредителями, безусловно, не могут быть эффективными без «отчетливого представления о процессах естественной размножаемости и смертности этих животных в природе» (там же, с. 143). Немецкий зоолог Карл Фридерикс, вспоминал Северцов, однажды обратил внимание на то, что практически настроенный человек не может ждать, пока научные методы, работающие очень медленно, позволят решить насущные сельскохозяйственные проблемы, и что ученые иногда должны прибегать к паллиативам. В точно-

сти такая же ситуация возникла в Советском Союзе, где начиная с конца 20-х годов ученых постоянно и настойчиво призывали оставить занятия «наукой ради науки» и поставить свой опыт на службу решению насущных практических задач социалистического строительства. Северцов при этом мужественно призывал своих коллег противостоять искушению решать наскоком глубокие сельскохозяйственные проблемы, обращая внимание на то, что в сельском хозяйстве в точности так же, как и в медицине, паллиативы редко дают необходимые результаты и что эффективное средство можно найти лишь после глубокого научного изучения проблемы. Истинная польза, основанная на истинном знании, не терпит поспешности.

Исследования динамики численности популяции, настаивал он, могут дать экономике несравненно больше, чем превращение заповедников в зверофермы (политика, которую он рассматривал как в высшей степени близорукую). Северцов приводит два примера. Если бы заранее можно было предвидеть, что вслед за тремя годами, характеризовавшимися обильным размножением зайцев в 1928—1929 гг. последует их массовое вымирание, то тогда в 1926—1927 гг. для поддержания популяционной стабильности следовало бы произвести прореживание популяции, что обеспечило бы в условиях гуманного и разумного ведения охотничьего хозяйства непрекращающийся приток пушнины. Напротив, необычайно суровая зима 1929/30 г. оставила на Урале без потомства 57% глухарок. В этом случае необходимо было объявить закрытый для охоты сезон. Северцов заявлял, что заповедники должны служить местом для наблюдений в природе за такими событиями и подобные наблюдения и основанные на них рекомендации должны служить основой разработки рационального управления охотничьим хозяйством во всем регионе, эталоном которого служит тот или иной заповедник. С этих позиций он предложил конкретную научную программу для каждого из основных советских заповедников по исследованиям в области динамики популяций (там же).

Другим примером того, как экология сообществ может служить экономическим потребностям страны, были исследования, проводившиеся проф. Н. А. Троицким в Кавказском заповеднике (Троицкий, 1931). В этом заповеднике, несмотря на существование планов производства продукции (которые, возможно, были еще одним случаем «защитной окраски»), проводились важные исследования по изучению природных альпийских лугов с целью определения наилучшего режима эксплуатации альпийских пастбищ, а также естественных рационов питания. На основе этих исследований Троицкий заключил, что пастбища более пригодны для вы-

паса крупного рогатого скота, разведение которого в отличие от разведения овец и коз позволяет избежать перевыпаса и сопровождается обновлением травянистой растительности. Важно отметить, что эти выводы были одобрены проф. А. А. Дмитриевым, директором Института луговодства ВАСХНИЛ (там же).

Станчинский, Буковский, Сукачев, Беклемишев, Алехин, Троицкий, Северцов, Кашкаров, Зернов, Шалыт — это только наиболее выдающиеся представители растущего в то время братства советских экологов, занятых теоретическими и практическими аспектами изучения природных сообществ. Кроме них возникли группы молодых талантливых экологов, подключившихся к работе в основном в заповедниках под руководством своих старших товарищей, стремившихся внести свой вклад в развитие новой науки *. Еще в 1931 г. обстановка выглядела столь благополучно и многообещающе, что редакторы нового «Журнала экологии и биоценологии» смело заявляли, что «природные, хозяйственные и политические условия нашего Союза» позволяют «с твердой уверенностью сказать: догоним и перегоним наших соседей!». Редакторы, вероятно, несколько поспешно заключили, что «в отношении экологии и биоценологии СССР — страна поистине неограниченных возможностей!» («От редакции», 1931, с. 7).

Однако прошло совсем немного времени, и поистине безграничные возможности биоценологии вступили в глубокий конфликт с другими поистине «безграничными» задачами, провозглашенными первым пятилетним планом. Трудности, с которыми столкнулось развитие экологии сообществ, наметились уже в конце 20-х годов. Одна из основных групп критиков предъявляла претензии некоторым направлениям биоценологии по причине явного отсутствия созвучности ее положений диалектическим принципам. Особенное недовольство вызывал редукционизм фитосоциологической школы Пачоского. Другая группа критиков сконцентрировала свой огонь не на содержании экологии как науки, но на многих ее представителях, подозревавшихся в классово чуждом происхождении. Однако эти нападки ограничивались выпадами либо против некоторых экологических теорий, которые, как казалось, противоречат основным принципам марксистской догматики, либо против отдельных экологов — «представителей буржуазной академической науки», но не затрагивали экологии как таковой. Экологию и биоценологию продолжали рассматривать как

* Лишь в качестве примера упомянем таких пионеров-экологов того периода, как Алпатов В. В., Гаузе Г. Ф., Никольский Г. В., Медведев С. И., Нечаева Н. Т., Насимович А. А., Формозов А. Н., Ивлев В. С., Винберг Г. Г., Воронцов Е. М., Фасулати К. К., Кончиц А. М., Семенов-Тян-Шанский О. И., Новиков Г. А. и др.— *Прим. авт.*

новые направления в биологии, и как науки они даже выиграли (хотя Сукачев был с этим не согласен), поскольку высказывали обоснованные претензии к различным телеологическим и весьма умозрительным теориям, бывшим популярными в 20-х годах. Однако к 1931 г. перспективы экологии в целом резко омрачились двумя взаимосвязанными событиями: подъемом преобразовательского пафоса в стране и консолидацией «советской» биологии вокруг положений, провозглашенных Сталиным в его речах, произнесенных в конце 1929 г.

«Изменяя природу, человек изменяет самого себя»

С началом первой пятилетки народный энтузиазм в Советской России достиг, если позаимствовать у Сталина его знаменитое выражение, головокружительных высот. «Нет таких крепостей, которые бы не могли взять большевики»,— твердили непрестанно людям. Не было таких проектов, которые были бы не под силу воле, таланту и могуществу советского народа, возглавляемого партией. Сначала народу говорили, что ключ к решению всех экономических задач социалистического строительства лежит во всемогуществе техники, потом заявляли, что не техника сама по себе, а кадры решают все. Одно в этих утверждениях, однако, оставалось неизменным — прочная убежденность в том, что для партии нет ничего недостижимого. Этот кипучий оптимизм начала 30-х годов сочетался со страхом, что если Советской России не удастся совершить экономическое чудо, то она будет покорена темными силами, которые угнетали ее многие века,— примитивностью деревни, остатками уцелевших правящих классов и враждебной неуправляемой природой,— и все это ныне под руководством мирового капитализма. Этот страх в концентрированной форме был выражен в еще одном высказывании Сталина: «Мы отстали от передовых стран на 50—100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут» (3). В том же выступлении прозвучал лозунг: «Техника в период реконструкции решает все». Сталин говорил, что Россию «непрерывно били за отсталость» (там же).

В немалой степени этот страх был страхом перед природной стихией. Геолог и общественный деятель Л. Лукашевич высказал однажды мысль о том, что, пока человек подчиняется враждебной по сути своей природе, он может стать пассивной жертвой ее каприза или просто игры ее страстей. В конце концов природа может просто обречь нас на вымирание, подобно тому как она это

сделала с динозаврами. Русские, по-видимому, в большей степени, чем большинство других народов, были склонны к такому взгляду на природу. Помимо всего прочего, какой другой народ в большей степени испытал на себе безграничную жестокость стихий, чем народ, живущий на земле, подверженной суховеям, буранам, влекущим за собой страшный голод неурожаями? *

Как отмечал Кожевников (1928), в России с ее необъятными просторами труднее, чем где бы то ни было, привить общественному мнению мысль о том, что природа должна больше страшиться человека, чем человек — природы.

Многие политически активные советские люди рассматривали природу как препятствие на пути социалистического строительства, которое надлежит преодолеть. Лишь незначительное меньшинство уделяло равное или даже большее внимание охране природы. В популярной литературе и в печати антипатия по отношению к жестокой природе часто приводила авторов к ее антропоморфизации (очеловечению). Природа рисовалась чуть ли не умышленно антисоциалистической силой, с которой надлежит бороться. Такое сохранившееся одухотворение природы, более чем что либо другое, свидетельствует о неполном приятии русской культурой научной революции, несмотря на то что научный материализм насаждался большевиками в течение целого десятилетия. Вывод, следовавший из этого, был соблазнителен: природу следует преобразовать так, чтобы она служила на пользу человеку.

В разговорный язык почти незаметно из различных газет, журналов и выступлений политических деятелей проник новый лозунг: «Великое преобразование природы». Этот лозунг олицетворял новую программу полной переделки окружающей природной среды. Это был еще один пример непреодолимой тяги сталинистов к грандиозному и преклонения советских людей перед воображаемыми возможностями техники. Этот героический мотив отразился в литературе того периода, полной сказок и мечтаний новых советских технократов. Для строителей нового государства каждая молекула природы должна была быть превращена в сырье для промышленности или сельского хозяйства.

Роман Леонида Леонова «Соть» (цит. по рус. изд. М., 1933) особенно богат такими образами. Он переносит нас в таинственную Карелию, развитие промышленности в которой началось лишь в 30-х годах. Инженер Увадьев, например, испытывает определенный антагонизм по отношению к природе. «С момента, как Увадьев ступил на берег, и был кинут вызов Соти... Кажется, самая

* О зависимости народов России (славян) от природы, о влиянии ее (в частности, столь обильных у нас лесов) на свойства населения выразительно писал знаменитый историк С. М. Соловьев.— *Прим. ред.*

земля под ним была ему враждебна». Для советского хозяйственника Сергея Потемкина, мечтой которого было превратить сосновые леса Карелии в газетные реки, дикая природа не служила никаким иным целям. Нетронутые ресурсы были потерянными ресурсами, и его ум был в состоянии определять их ценность лишь в рулонах бумаги, рублях и копейках. Под конец Потемкин обретает масштабность американского промышленного магната.

«Постепенно... мечтание его пухло, множилось... Потемкин не спит; он выпрямляет и углубляет древние русла рек, вчетверо увеличивает их грузоподъемность... объединяет три губернии вокруг своего индустриального детища... открывает бумажный техникум... Целлюлозные реки текут за границу, процент целлюлозы в газетной массе утраивается... Сны подгоняют явь, а явь торопит сны».

В своем романе Леонов слегка приподнимал завесу над еще одной стороной внутренней жизни нового советского инженера. Один из сослуживцев неожиданно застает главного героя, Бураго, созерцающим звездное небо. «Бураго смущается, точно советскому инженеру непозволительно глядеть на звезды»,— пишет автор.

Максим Горький с фантастическим рвением возглавил хор писателей, прославляющих преобразование природы. Сборник очерков о строительстве Беломорско-Балтийского канала, вышедший под его редакцией, может служить идеальным дополнением к роману Леонова, поскольку местом действия является та же идиллическая Карелия *. Горький мысленно видит:

«Сталин держит карандаш. Перед ним карта края. Берега пустынны. Глухие деревеньки. Целинные земли покрыты валунами. Нетронутые леса. Пожалуй, чересчур много лесов, они захватили лучшие почвы. А болота? Болота ползут, упираются в самое жилье человека. Пожирают дороги, делают жизнь неопрятной и тусклой. Увеличить пашни. Болота осушить... Карельская республика желает прийти в бесклассовое общество как республика заводов и фабрик. И Карельская республика войдет в бесклассовое общество, переменив свою природу» (Горький и др., 1934) **.

Горький призвал новых поэтов прекратить прославление природы. «В отношении поэзии к природе наиболее часто и опреде-

* См.: Беломорско-Балтийский канал имени Сталина. История строительства. Под ред. М. Горького, Л. Л. Авербаха, М. Г. Фирина. М., 1934 г.

В книге немало ярких примеров того, о чем пишет автор. Например, подпись к фото на с. 297: «Идет ледоход — скорее заставить воду идти по нашему руслу. сколько и когда нам надо!» Именно здесь берут свое начало и Минводхоз и Гидропроект, носящий имя С. Я. Жука, одного из ведущих инженеров на Беломорканале.— *Прим. ред.*

** Один из характерных призывов ГУЛАГа: «Природу научим — свободу получим».— *Прим. ред.*

ленно звучали — и звучат — покорность, лесть, хвала природе — хвала деспоту»,— заявлял он. Горький сетовал на то, что поэты почти все как один хранили молчание относительно «скверных выходок» природы, которые «уничтожают тысячи людей, разрушают труды их рук». Они должны были бы, поучал он, призвать человечество «на борьбу с природой, за власть над нею...», т. е. делать то, чего никогда не делали раньше русские поэты-интеллигенты. В наше время поэт должен вдохновлять «борьбу коллективно организованного разума против стихийных сил природы и вообще против «стихийности» воспитания... человека...» («Горький и наука», 1964, с. 59—60).

Горький уверял читателей «Правды», что в Советском Союзе научно организованный разум должен обеспечить безграничную свободу в борьбе против стихии. Призывая заменить стихийную природу рукотворной «второй природой», Горький побуждал своих читателей «покрыть песчаные степи зеленым покровом, развести на них леса, оросить засушливые земли водою рек и т. д. Нужно развести повсюду питомники растений и деревьев»,— призывал он, предвосхищая грандиозный план посадки лесозащитных полос (там же).

Для этих пассажей Горького и Леонова характерна убежденность в том, что до тех пор, пока природа не эксплуатировалась человеком, она не представляла собой никакой ценности для общества. Идея о том, что дикая природа, самовосстанавливаясь, в конечном счете дает обществу возможность продолжать эксплуатацию природных ресурсов в обитаемой части земного шара, по-видимому, никогда не рассматривалась всерьез этими писателями, тогда как попытки отыскать эстетическую ценность в дикой природе расценивались ими как «низкопоклонство» и «преклонение» и даже высмеивались как квазирелигиозное поведение. Такой взгляд на природу как на нечто, представляющее собой лишь чисто прагматическую ценность, восходит к первым русским революционерам-нигилистам 1860-х годов, ценившим в вещах лишь их конкретную, непосредственную пользу для человека, а не их «абстрактные» качества. Такую прагматическую по отношению к природе позицию хорошо выразил герой романа Тургенева «Отцы и дети» Базаров, заявлявший, что «природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник» *.

* Как замечает Мэтлоу Р. Е. в нью-йоркском издании этой книги (R. E. Matlaw, Introduction, to I. S. Turgenev, Fathers and Sons. New York, Norton Critical Edition, 1966, p. 33), Базаров здесь цитирует диссертацию Чернышевского Н. Г. «Эстетические отношения искусства к действительности», эту подлинную «библию радикалов».— *Прим. авт.*

Надо сказать, что эта примитивная материалистическая аксиома насчет «хра-

Другая важная мысль была сформулирована Горьким в одном из наиболее часто цитировавшихся афоризмов К. Маркса, превратившемся в девиз «Беломора»: «Человек, изменяя природу, изменяет самого себя». Действительно, умами быстро овладевала мысль о том, что Новый Советский Человек может встать на ноги, лишь превратив девственную природу в свою гигантскую игрушку. Горький утверждал, что эта тема — наиболее волнующая для нашего времени («Горький и наука», 1964). Позже советские политики охотно приняли этот тезис писателя. Девиз Горького превратился в лозунг для целой эпохи *.

Горький воплощал собой социалистический реализм в литературе, в задачу которого входило четко определить новое место природы в эстетической символике нового режима. Как полагает Катерина Кларк; сильное предубеждение против дикой природы было отражением неприятия всего «стихийного», т. е. лежащего вне рационального контроля человека. Вероятно, ничто лучше не олицетворяет сталинистское мировоззрение, чем неустанное стремление к установлению полного сознательного господства над природой, людьми и событиями. Вероятно, стоит подчеркнуть, как это и делает Кларк, что такой страх перед стихийностью и стремление к сознательному контролю не были монополией большевизма, но пронизывают политическую культуру всей радикально настроенной политической интеллигенции России XIX в. Было принято думать, что человечество прогрессивно развивается в направлении полного подчинения себе всей жизни на планете, сменяя повсюду стихийность сознательностью и замещая свергнутых богов новыми. Неудивительно, что Горький был одной из центральных фигур в группе «богостроителей» **.

Первая крупномасштабная попытка реализации этого героического мировоззрения была предпринята в годы первой пятилетки. Среди различных грандиозных проектов лучше всего, безусловно, известен уже упоминавшийся выше Беломорско-Балтийский канал, однако еще более грандиозным был Волго-Каспийский проект, предусматривавший не просто «мелкие» из-

---

ма и мастерской» сохраняется в советском обществе непоколебимой по сей день. Лишь немногие отдают себе отчет в том, что превращать какой бы то ни было храм в заплеванную мастерскую губительно как для природы, так и для людей. *Прим. ред.*

* О том, какое важное место занимал воинствующий волюнтаризм в сталинском «мировоззрении и всей жизни советского общества», см. в кн.: R. A. Bauer. The New Man in Soviet Psychology. Cambridge, Harvard University Press, 1952; K. Clark, The Soviet Novel: History as Ritual. Chicago, University of Chicago Press. 1981.— *Прим. авт.*

** Богостроительство — направление, пытавшееся сочетать идеи социализма с религией.— *Прим. ред.*

менения, способствовавшие улучшению навигации, но полный поворот течения рек центральной России, для того чтобы напоить жаждущие степи. Официальная бравада, окружавшая эти проекты, отражена в журнале «Наши достижения», выходившем в 30-х годах под редакцией М. Горького. Все эти планы быстро попадали в поле зрения сообщества экологов и других советских биологов, но еще большую тревогу среди этих специалистов вызвал другой проект, а именно предложение преобразовать биоценозы СССР, предприняв крупномасштабную акклиматизацию чуждых естественным сообществам видов флоры и фауны.

Акклиматизация

Многим акклиматизация представляется практическим воплощением эволюционных доктрин XIX в., связанных с именами Этьена и Исидора Жоффруа Сент-Илеров и Ламарка. Эти доктрины, привнесенные в Россию и модифицированные Карлом Францевичем Рулье *, утверждали, что организмы могут постепенно приспосабливаться к новым окружающим условиям под действием самих этих условий (в том числе и искусственных, созданных человеком) в определенном и в конечном счете предсказуемом направлении. Более того, возникшие, таким образом, под влиянием среды функциональные приспособления могут затем наследоваться потомками этих организмов (наследование приобретенных признаков).

Преемственность этих доктрин в России обязана ученикам и последователям Рулье А. П. Богданову, С. А. Усову, Н. А. Северцову и А. Н. Бекетову, а затем и следующему поколению ученых, в особенности Н. Ф. Кащенко (который был выбран действительным членом Украинской академии наук в 1918 г. по новой кафедре акклиматизации), В. Л. Комарову, П. А. Мантейфелю и Н. М. Кулагину.

Одно из первых конкретных предложений по акклиматизации представителя экзотической фауны (Смирнов, 1915) появилось в «Охотничьем журнале» в 1915 г. Его автор, Н. А. Смирнов, сотрудник отдела охоты и рыболовства сельскохозяйственного департамента, отстаивал идею интродукции североамериканской ондатры, которая, как он считал, может довольно быстро превратить экономически бесплодные болотистые пространства русского Севера в доходный источник высококачественных, годных на экспорт мехов. Однако по причинам военного времени это предложение не вызвало никакой реакции, и дело временно заглохло.

* Общество акклиматизации, первым председателем которого был К. Ф. Рулье, было создано в России еще в 1857 г.— *Прим. ред.*

Охотовед В. Я. Генерозов снова поднял этот вопрос шесть лет спустя, предложив с экспериментальными целями интродуцировать небольшую группу ондатр в Кафинское озеро, расположенное юго-восточнее Петрограда, а позднее, в конце 20-х годов, предложил для этой цели Соловецкие острова (Генерозов, 1927). Однако это предложение вызвало возражения со стороны многих специалистов по охоте и рыболовству, опасавшихся распространения этого грызуна в России. Лишь создание в 1929 г. Центральной лесной экспериментальной станции Наркомзема РСФСР под энергичным руководством Б. М. Житкова дало жизнь кампании по акклиматизации. Интродукция ондатры снова стала центральным пунктом новой кампании; этот водный грызун превратился в некий символ программы в целом.

В 1925 г. Житков вновь на страницах журнала «Пушное дело» предложил идею акклиматизации вниманию общественности (Житков, 1925). На этот раз условия оказались более благоприятными для восприятия этой идеи. В частности, цены на мех на международном рынке были высоки и продолжали расти, и как Наркомзем, в системе которого Житков работал директором охотоведческого отдела экспериментальной станции, так и Наркомторг, постоянным научным консультантом которого также был Житков, соблазнились идеей, обещавшей новый источник дохода.

Житков не собирался ограничивать акклиматизацию экзотической фауны охотхозяйствами и станциями разведения, в то время когда можно было воспользоваться миллионами гектаров девственной, не эксплуатируемой территории. Он не видел причин, по которым не следовало бы заполнить необъятные просторы России любыми полезными жизненными формами, завозимыми из любых частей света. Осторожно, начиная отбор предназначенных для интродукции охотничьих животных из сходных климатических зон Канады и Южной Америки (наряду с ондатрой его внимание в первую очередь привлекала южноамериканская нутрия), Житков мобилизовал своих сторонников. Среди практиков и политиков Наркомзема и Наркомторга, а также среди неоламаркистов в научных кругах его планы были встречены весьма благосклонно.

Тем не менее, по собственной оценке Житкова, идея акклиматизации ондатры в России на первых порах столкнулась с категорическими возражениями, которые стали еще более энергичными, когда было предложено интродуцировать ондатру не только в тундру, но также и на Украину (Житков, 1932). Наиболее убедительные доводы исходили в первую очередь от экологически мыслящих специалистов. Эти оппоненты надеялись, что, воспрепят-

ствовав акклиматизации ондатры, они смогут полностью расстроить планы интродукции представителей экзотических фаун.

Один из первых критических отзывов на планы Житкова появился в журнале «Пушное дело» уже через три номера после того, как там была опубликована статья самого Житкова. «Из бывших переселений разных животных и растений в чужие страны и удачной их акклиматизации в новом отечестве,— предостерегал ветеринар-паразитолог Сергей Васильевич Керцелли,— мы имеем многочисленные примеры необычайной зловредности переселенцев на новых местах их жительства. Обычно эта зловредность как бы пропорциональна легкости, с которой этот вид акклиматизируется». Керцелли призывал читателей вспомнить последствия проникновения кроликов в Австралию и домового воробья в Америку. «И Америка и Австралия в настоящее время ведут ожесточенную борьбу с этими иноземцами»,— напоминал Керцелли (1925). Другим примером вредных последствий акклиматизации был завоз виноградных лоз из Америки, принесших с собой филлоксеру, тлю, распространение которой подорвало французское виноделие, после того как ею были заражены неустойчивые к этому паразиту сорта европейского винограда. Такими же непредсказуемыми и нежелательными последствиями могла быть чревата и интродукция ондатры в континентальную Россию (там же).

Одним из возможных последствий этого, как считал Керцелли, было бы проникновение ондатры в дельты Волги и Дона, таящее в себе серьезную опасность. Хотя в естественных местообитаниях рацион этого грызуна включал в себя в первую очередь болотную и водную растительность, было известно, что он может поедать также икру и мальков рыб. Приверженцы акклиматизации не могли гарантировать, что этот грызун не изменит своих кормовых привычек, перейдя в основном на икру и мальков, оставив растительность в качестве подсобного корма. Это было далеко не исключено, и тогда проникновение ондатры на нерестилища таких ценных рыб, как сиговые и осетровые, могло повлечь пагубные последствия для советского рыбного хозяйства.

Эти весьма правдоподобные вредные последствия, частично подтверждаемые опытом интродукции ондатры в Германии, Венгрии и Чехословакии, «заставляют нас очень осторожно отнестись к переселению ондатры в республику»,— писал Керцелли. «Во всяком случае,— продолжал он,— это вынуждает предварительно до массового ввоза ондатры поставить обширные опыты и исследования, которые наглядно показали бы безвредность ондатры в наших условиях». Он считал, что еще лучше было бы направить активность отдела заготовок дичи на защиту таких нахо-

дящихся под угрозой гибели эндемичных видов, как выхухоль. «Опыты с ондатрой, отвлекая внимание от насущно неотложных мер по упорядочению нашего охотничьего хозяйства, создадут видимость интенсивной работы... и тем самым смогут вызвать вредное убеждение в нашей плодотворной деятельности по восстановлению охотничьего промысла» (там же)*.

Возражения С. А. Бутурлина (1928), выдержанные в том же духе, в большей степени основывались на экологических представлениях о том, что интродукция чуждых видов может разрушить равновесие природных сообществ. «Нарушить создавшееся веками и тысячелетиями равновесие бесчисленных жизненных сил нетрудно,— замечал он,— но что выйдет из этого — сказать бывает очень трудно: так многочисленны, так тонки, нередко так неожиданны бывают те нити, которые связывают все жизненные явления страны в одно целое»**. Бутурлин пытался образумить тех, кто считал, что поскольку ондатра не приносит видимого вреда у себя на родине в Северной Америке, то это означает, что в весьма сходных условиях русского Севера дело будет обстоять так же. Бутурлин считал, что американцы рекламируют ондатру с целью выгодной для себя продажи живых зверьков. На эту рекламу, заключал он, «уже попались несколько лет назад и в Западной Европе, и уже успели и в Венгрии, и в Германии наплакаться от нее и уже образовывают там союзы борьбы с ондатрой, портящей плотины и вредящей прудовым хозяйствам» (там же).

И наконец, были специалисты, которые, выражаясь словами редакторов журнала «Советский Север», возражали против «совершенно фантастических планов и расчетов выгодности, которыми сопровождалась агитация в пользу акклиматизации ондатры. Эти фантастические расчеты, уже опровергнутые временем, исходили, конечно, не от Центральной биологической станции»,— писал Б. М. Житков (1932).

Предложения Житкова вызвали горячие дискуссии и даже полемику среди биологов. Этой теме были посвящены две специально созванные конференции — одна, 31 октября 1927 г., была созвана Обществом по изучению Урала, Сибири и Дальнего Востока, а вторая состоялась в начале следующего года под эгидой Госторга (Сытин, 1928).

Отвечая критикам, обращавшим внимание на неудовлетвори-

* Это предсказание оказалось провидческим. Вот уже несколько десятков лет вредная суета с акклиматизацией отвлекает внимание от подлинных проблем охотничьего хозяйства, хотя и нельзя отрицать определенного экономического успеха от выпуска ондатры.— *Прим. ред.*

** Работа С. А. Бутурлина (1928) цит. по статье Гроссмана И. (1928), с. 22-29.— *Прим. автора.*

тельные результаты акклиматизации ондатры в центральноевропейских странах, Житков подчеркивал, что в Финляндии, условия которой много ближе к условиям советского Севера, акклиматизация ондатры прошла очень удачно. Кроме того, он утверждал, что «трудно себе представить, какой осязательный вред может принести ондатра севернее шестидесятой параллели», которую он теперь принимал в качестве южной границы интродукции ондатры (Житков, 1932).

Хотя большинство делегатов первой конференции склонялись в пользу акклиматизации, конференция прислушалась к голосам, призывавшим к максимальной осторожности и рекомендовавшим провести предварительные эксперименты, интродуцируя ондатру на естественным образом ограниченной территории, например на островах Северного Ледовитого океана или в огороженных питомниках Крайнего Севера (Сытин, 1928).

Даже на второй, организованной Госторгом конференции сторонники акклиматизации столкнулись с противодействием их далеко идущим планам. Необходимость осторожного подхода стала еще более очевидна после неудачи первой попытки акклиматизации, когда одиннадцать полученных в конце 1927 г. из Финляндии ондатр были поселены на станции Юных натуралистов Сельскохозяйственной академии им. Тимирязева. Самки не вступили в размножение и быстро погибли (Лавров, 1957). Поэтому когда Госторг предложил первую партию из пятисот интродуцируемых животных, которые должны были прибыть из Канады в мае 1928 г., поселить в порядке эксперимента в районе озера Слободское Архангельского уезда, то этот план был отвергнут конференцией в пользу предложения сделать местом выпуска ондатр Соловецкие острова (4).

Эти же осторожные интонации прозвучали и на III Всероссийском съезде зоологов, который состоялся в Ленинграде в середине декабря 1927 г. В резолюции, принятой на секции прикладной зоологии съезда по докладу представлявшего Общество юных натуралистов Н. И. Дергунова, говорилось, что «акклиматизация иноземных видов животных должна происходить в плановом порядке, по заключениям компетентных учреждений — Зоологического музея Академии наук СССР, Комитета по охране природы и Наркомзема — и с разрешения законодательных органов» (5)*. На том же съезде гельминтолог А. А. Парамонов озабоченно говорил о том, что ни при каких обстоятельствах не следует допускать проникновения ондатры в ареал естественного обитания выхухо-

* Несмотря на эти трезвые призывы, которые не раз звучали и позднее, акклиматизация и перевозки животных сплошь и рядом ведутся хаотически.— *Прим. ред.*

ли, поскольку этот и без того находящийся под угрозой вымирания российский эндемик окажется тогда обреченным (6). В известной степени это мнение оправдалось, когда ондатра проникла в бассейны Волги и Дона.

Быстрые и глубокие изменения в политике, экономике и общественном мнении, последовавшие за XV съездом партии, привели, однако, к тому, что политическое равновесие в области биологии начало нарушаться. В середине 1928 г. в журнале «Пушное дело» появилась статья воинствующего приверженца акклиматизации, в которой решения двух конференций по вопросам акклиматизации открыто критиковались за «половинчатость» (Гроссман, 1928). На следующий год академик Н. Ф. Кащенко снова возобновил пропагандистскую кампанию в защиту акклиматизации, уверяя теперь, что такая программа не только уменьшит зависимость СССР от импорта и «пролетаризирует» товары, ранее бывшие предметами роскоши (например, субтропические фрукты), но также полностью преобразует природу и превратит ее в покорную служанку человека. «Конечной целью акклиматизации, понимаемой в широком смысле слова, является переработка всего живого мира, и притом не только той его части, которая уже ныне подчинилась человеку, но и той, которая еще остается дикой. Вообще, все дикие породы со временем исчезнут, потому что частью будут истреблены, частью перейдут в культурное состояние. Вся живая природа будет жить, плодиться и умирать не иначе, как по воле человека и согласно его предначертаниям. Вот какие грандиозные перспективы открываются перед нами» (Кащенко, 1929, с. 5).

По прошествии очень небольшого времени акклиматизация как программа, сулившая фантастическое увеличение производительности природы, была возведена в полуофициальный статус. Так же как и в середине XIX в. акклиматизация (а вскоре лысенковские «яровизация» и «открытия» в области медвидовой гибридизации) были объявлены технологической панацеей для российского сельского хозяйства. Ныне, как и в 50-е годы прошлого века, ее привлекательность многократно усиливалась настоятельной необходимостью сделать русское сельское хозяйство более продуктивным при невозможности изменить каким бы то ни было образом политическую и экономическую организацию жизни в деревне. В условиях, сложившихся после 1928 г., единственная надежда на увеличение продуктивности сельского хозяйства оставалась на технологические нововведения — агрономические чудеса. Акклиматизация была в высшей степени созвучна новому умонастроению в Советской России, отчаянному стремлению сменить подлинно научное знание интуитивным поиском. Условия вполне созрели для вмешательства официальной политики в кон-

кретную программу, сулившую обращение в реальность утопического миража,— программу великого преобразования природы, воспетую советскими вождями и вслед за ними литераторами. Никого не касалось, что миражи эти базировались на сомнительном научном фундаменте.

Первое время популярность акклиматизации как нового слова в сельском хозяйстве была очень велика, тогда как индукционистские теории наследственности, на которых она базировалась, оставались на заднем плане. Во время, предшествовавшее падению деборианцев, и даже после него менделевская генетика оставалась вне внимания Коммунистической академии и родственных организаций, поскольку в ней еще не распознали теорию, накладывающую жесткие ограничения на способность организмов приспосабливаться к новым условиям среды и предавать эти приспособления своим потомкам. Другими словами, в менделевской генетике еще не видели врага акклиматизации и великого преобразования природы.

С другой стороны, генетики не сразу распознали неоламаркистский подтекст кампании по акклиматизации. Фактически один из наиболее ярких лидеров менделевской генетики в Советском Союзе, академик Николай Иванович Вавилов, был горячим сторонником интродукции, хотя его концепция механизма этого процесса, естественно, совершенно отличалась от позиции неоламаркистов.

Возглавлявшийся Н. И. Вавиловым Всесоюзный институт прикладной ботаники и новых культур, позднее переименованный во Всесоюзный институт растениеводства (ВИР), имел отдел натурализации (акклиматизации), состоявший из трех секторов: дендрологии, декоративных растений и субтропического.

Хотя Вавилов посвятил всю жизнь коллекционированию произрастающих в различных странах разновидностей культурных растений и собрал многие тысячи диких видов и разновидностей с целью использовать их на почвах России, его подход к акклиматизации неизменно был окрашен его опытом работы как генетика-менделиста. Он не допускал способности растений и других организмов вырабатывать наследуемые изменения в качестве приспособительной реакции на новые условия среды; напротив, для каждого вида культурных растений Вавилов стремился найти наиболее полезное сочетание генетически обусловленных признаков, представленных в его многочисленных разновидностях и подвидах, собранных в теплицах и парниках Всесоюзного института растениеводства. Эта программа внутривидовой гибридизации была очень трудоемкой и реализовывалась медленно, поскольку неясно было, какие гены какими признаками управляют, ре-

цессивны они или доминантны, передаются ли они потомкам порознь или будучи сцеплены с другими генами.

До конца 1931 г. сохранилась довольно необычная ситуация. Акклиматизация как программа и как цель приветствовалась и занимала все более видное место в социалистическом строительстве, но руководство страны еще не сделало выбора, какую из версий акклиматизации — неоламаркистскую или вавиловскую — предпочесть.

В конце 1927 г. вторая группа из 20 ондатр была доставлена из Финляндии для акклиматизации на Соловецких островах. В июне 1928 г. еще 35 ондатр прибыли из Онтарио в Петропавловск-на-Камчатке и были выпущены на острове Карагинский в Охотском море. В сентябре и октябре еще 110 ондатр были доставлены из Финляндии и 10 из Америки: 99 из них были выпущены на волю на Соловецких островах, а остальные доставлены на звероферму в Пушкине под Москвой. В мае 1929 г. пароход из Монреаля доставил еще около тысячи грызунов, и они снова были поделены между Соловками и Пушкинской зверофермой. Той же осенью часть популяции с Пушкинской зверофермы была выпущена на волю в Красноярском крае, в Архангельской и Тюменской областях. В 1932 г. еще один корабль с ондатрами пришел из Финляндии и Англии, доставив всего 1662 животных. При этом общее число животных, завезенных в Советский Союз начиная с 1927 г., достигло 2543. Из этого числа к 1932 г. почти 1650 ондатр (и еще более 2 тыс. их потомков) были расселены по всему советскому Северу — от Мурманской области на западе до Камчатки на востоке,— а также в более южных областях, таких, как Вологодская, и даже в Бурят-Монголии (Лавров, 1957).

Скоро кампания по акклиматизации распространилась и на других животных. Енотовидная собака (Nyctereutes Procyonides Gray), обладающий хорошим мехом хищник, обитающий на Дальнем Востоке СССР и в Маньчжурии, была интродуцирована сначала в район Байкала, а затем на Центральный Урал и в бассейн Волги (Лавров, 1964). Было запланировано также интродуцировать на Северный Кавказ еще один дальневосточный вид — пятнистого оленя. Более того, автор этого плана предлагал «полностью уничтожить на большей части Закавказья местный кавказский подвид благородного оленя», для того чтобы устранить эндемичного, менее ценного потенциального конкурента ввозимого вида. Рекомендовалась также такая «зоотехническая» мера, как зимняя подкормка пятнистого оленя (Марков, 1931).

Что касается нутрии, которую Житков рекомендовал акклиматизировать наряду с ондатрой, то эта деятельность была продолжена в 1930 г., после того как Центральная лесная эксперимен-

тальная станция была передана из Наркомзема РСФСР в конечном счете в Наркомвнешторг СССР. Сотрудники возглавлявшегося Житковым коллектива организовали финансировавшуюся Союзпушниной экспедицию на Кавказ, в Дагестан, Казахстан и Туркмению для поиска мест, подходящих для интродукции этого животного. К 1931 г. уже несколько групп нутрий были выпущены на волю в нижнем течении реки Куры на Кавказе и в тугаях Аму-Дарьи неподалеку от Чарджоу (Житков, 1932)*.

В отношении видов, не принадлежащих к млекопитающим, призыв к неограниченной акклиматизации рыб за пределами естественных бассейнов их обитания прозвучал еще на IV Всесоюзном съезде зоологов в 1930 г., а в 1932 г. Л. А. Зенкевич начал кампанию за интродукцию из Черного моря в Каспийское беспозвоночных, в первую очередь многощетинковых червей, которые должны были служить пищевой базой для объектов промышленного рыболовства. На следующий год в Каспийское море впервые была выпущена кефаль (Зенкевич, Бирштейн, 1934; Зенкевич, 1940, и др.).

Наконец, интродукция экзотических растений обсуждалась в докладах А. П. Ильинского на съезде по охране природы 1929 г. и Г. Н. Шлыкова на организованной ВАСХНИЛ и состоявшейся в феврале 1933 г. в Воронеже сессии, посвященной поднятию урожайности и развитию социалистического животноводства (7). Это было также темой работ, продолжавшихся во Всесоюзном институте растениеводства, где работали оба этих докладчика.

К 1932 г. вопросы, связанные с акклиматизацией, обсуждались практически на каждом крупном совещании по ботанике, зоологии или сельскому хозяйству, и акклиматизация была на пути к превращению в официальную государственную политику. Деятельность эта процветала, поскольку так же, как и обуздание русских рек, она отвечала героическому духу времени, стремлению подчинить стихию воле человека.

---

* Научная литература по акклиматизации охотничьих животных в СССР весьма велика. Укажем лишь справочное издание «Акклиматизация промысловых зверей и птиц в СССР» (ред. Кирис И. Д.), ч. I—II. Киров, Волго-Вятское изд-во, 1973—1974 и недавнюю работу Верещагина Н. К. Зоологические путешествия.— М.: «Наука», 1987.— *Прим. ред.*

Глава 12

Инженеры природы

Несмотря на то что новые планы по преобразованию русской природы вызывали у советских деятелей охраны природы серьезные опасения, наибольшую тревогу все же породили энергично выдвигаемые предложения привлечь к их осуществлению сами заповедники. Более того, представители Наркомзема и Наркомвнешторга, как и самозваные вершители судеб биологии, усилили давление на Наркомпрос и на входящие в его систему заповедники, склоняя их отказаться от традиционной ориентации на целостные экологические исследования в неизменных условиях. Вместо этого критики Наркомпроса хотели бы перепрофилировать заповедники в базы не только акклиматизации экзотической флоры и фауны, но и «плановой перестройки» природных экологических сообществ.

Акклиматизация: ондатра встречает прохладный прием

Еще в 1918 г., за несколько лет до того, как появившаяся в 1925 г. статья Житкова возродила официальную поддержку политики акклиматизации как таковой, Ф. Ф. Шиллингер отстаивал «необходимость широкого использования территорий заповедников в целях реакклиматизации и акклиматизации ценных форм зверей и птиц» (Шиллингер, 1935, с. 76). В этом нет ничего удивительного, если учесть, что по опыту работы Шиллингер был в основном охотоведом *. В то же время, однако, Шиллингер отмечал, что его

* Ф. Ф. Шиллингер получил образование в Австрии, где он родился (почти всю последующую жизнь провел в России); окончил лесохозяйственный Институт в г. Агсбах в 1892 г., но в практической деятельности, действительно, уделял не меньше внимания охотничьему хозяйству, чем лесному. Человек необычной энергии, подлинный энтузиаст заповедного дела, организатор многих советских заповедников, он в то же время имел склонность к деловой активности и предприимчивости, к тому же в 1918 г. заповедники понимались скорее как национальные парки американского типа, а не в нынешнем смысле.

Ф. Ф Шиллингер, который очень много сделал для развития охраны природы и охотничьего дела в СССР, был необоснованно арестован в 1938 г. и погиб в лагере Сосьва Свердловской области от истощения.— *Прим. ред.*

коллеги по природоохранному движению решительно не согласны с ним. Упрекая его в «научном невежестве», они настаивали на том, что любое вмешательство в естественный ход событий в заповедниках было бы совершенно «недопустимо». По их мнению, заповедник должен быть территорией неприкосновенной, тогда как акклиматизацию следует рассматривать не как дерзкий эксперимент, а как «засорение... чуждыми видами» (там же). Такова была также официальная позиция Главнауки, Главного управления научных учреждений Наркомпроса.

Несмотря на это, Шиллингер продолжал использовать любую возможность для реализации своей программы, в особенности для развития промысловой охоты. В этом он находил поддержку все большего числа видных русских охотоведов.

В конце 1927 г. на III Всероссийском съезде зоологов вопрос об акклиматизации в заповедниках был впервые открыто поставлен на повестку дня. К этому времени среди сторонников подобной идеи были проф. М. А. Мензбир из Московского университета, а также Б. М. Житков и С. А. Бутурлин. Фактически конкретные планы интродукции некоторых видов экзотической пернатой дичи в Крымский заповедник уже предлагались (Пузанов, 1928).

Как доложил на зоологическом съезде Иван Иванович Пузанов, ранее работавший научным сотрудником Крымского заповедника, эти планы сталкивались с ожесточенным противодействием ряда ученых. Наиболее видные исследователи В. В. Станчинский, Г. А. Кожевников, В. Н. Сукачев, В. Э. Мартино и ботаник В. Е. Вульф отстаивали принцип абсолютной неприкосновенности заповедников.

На III Всесоюзном съезде ботаников проф. В. Н. Сукачев решительно заявил, что интродукция экзотических животных и растений в заповедники не должна быть допущена ни при каких обстоятельствах (см. краткое изложение его речи «Об организации ботанических работ в заповедниках по охране природы» в сб.: Всесоюзный съезд ботаников (третий). Дневник. Л. 1928, с. 129). Здесь он смыкался с мнением Г. А. Кожевникова и Н. Н. Подъяпольского, который писал, что многие организованные в Западной Европе заповедники «были испорчены тем, что в них стали разводить привозные растения и содержать привозных животных» (Подъяпольский, 1925, с. 11).

И. И. Пузанов склонен был занять промежуточную позицию между крайностями, каковыми он считал, с одной стороны, безусловную поддержку акклиматизации, а с другой — непреклонное отстаивание абсолютной неприкосновенности. Сторонникам последней точки зрения Пузанов возражал, что подавляющее боль-

шинство территорий, входящих в настоящее время в состав заповедников, уже давно, по его оценке, подвергались воздействию человека, а не были девственными, как это было принято считать; наоборот, эти земли уже были в значительной степени обеднены, прямо или косвенно, в результате хозяйственной деятельности человека. Убедительные примеры тому можно было найти в Крымском заповеднике, где большинство видов млекопитающих вымерло совсем недавно, и в планируемом Центрально-Лесном заповеднике, где всего лишь несколько десятков лет назад обитало множество бобров. Жесткое соблюдение принципа неприкосновенности, по мнению Пузанова, будет препятствовать мерам по восстановлению в сообществах разновидностей, присутствовавших в них до того, как они были обеднены вследствие человеческой деятельности. Такая неприкосновенность представлялась Пузанову по меньшей мере нелогичной, поскольку он считал желательность восстановления былого фаунистического разнообразия не подлежащей сомнению. Его убежденность в том, что «гармоничное развитие» может быть лишь результатом управления человеком заповедным хозяйством, в корне отличалась от точки зрения Кожевникова, в соответствии с которой заповедники уже представляют собой эталоны здоровых гармоничных природных сообществ.

С другой стороны, готовность Пузанова к вмешательству в естественный ход событий в заповедниках была не безграничной. Он отвергал политику неразборчивой интродукции экзотических видов в заповедники. Акклиматизацию экзотических видов он допускал как исключение, возможное лишь в отношении видов из той же самой географической зоны. Экзотические виды с других континентов и из резко отличающихся природных сообществ должны, по его мнению, оставаться у себя дома. Такая акклиматизация не только оскорбляет эстетические чувства, но и создает угрозу экологического загрязнения. И наконец, Пузанов решительно настаивал на том, чтобы эксперименты по акклиматизации производились исключительно в буферных зонах заповедников (а не во внутренних, абсолютно заповедных зонах), где вмешательство человека в природу в ограниченном масштабе хотя и было уже допущено, но все же возможна охрана интродуцированных в экспериментальном порядке животных наряду с аборигенными (Пузанов, 1928).

В 1929 г. на съезде по охране природы Пузанов продолжал придерживаться сформулированной им промежуточной позиции. Более того, на съезде еще сохранилась группа сторонников абсолютной неприкосновенности. Первым высказался в пользу невозможности какого-либо компромисса со сторонниками акклима-

тизации зоолог из Смоленского университета Г. Л. Граве*. Он убедительно показал, что заповедники прекратят свое существование, если они будут превращены в экспериментальные хозяйства по разведению дичи. Он согласился с Пузановым в том, что допустима реакклиматизация, но не интродукция экзотических видов. Против какого-либо вмешательства в жизнь заповедников высказался также коллега Станчинского по Аскании-Нова Борис Константинович Фортунатов, который совершенно справедливо заметил, что «эталон должен оставаться нерушимым, иначе он перестанет быть эталоном» («Труды...», 1930, с. 121).

Поздней осенью 1930 г. дисскуссия приняла новый характер, когда журнал «Охрана природы» опубликовал пространное письмо в редакцию. Его автор, Владимир Владимирович Карпов, был не слишком заметной фигурой в советской биологии. Еще до первой мировой войны он работал вместе с Н. И. Вавиловым по заказу Московского губернского земства над проблемой вспышки численности пилильщика и был специалистом по борьбе с вредителями сельского хозяйства. Карпов долгое время был также членом возглавлявшейся Кожевниковым Московской областной комиссии по фаунистике, а позднее работал на биологической станции Юных натуралистов Сельскохозяйственной академии им. Тимирязева, в Институте повышения квалификации Наркомзема и в Молодежном институте ЦК ВЛКСМ.

Основной мишенью ожесточенной критики Карпова стали те деятели охраны природы в ВООП, которые считали, что заповедники должны оставаться неприкосновенными. Он характеризовал их как университетских профессоров, еще находящих поддержку в этом Обществе (т. е. ВООП), которые считают, что мы должны оберегать природу от какого бы то ни было вмешательства со стороны человека, так как в результате любого сколь угодно слабого воздействия она якобы «теряет интерес для науки». Это означает, что любые виды хозяйственной деятельности в заповеднике недопустимы и даже идея разведения пушных животных или копытных в заповедниках должна быть отвергнута, для того чтобы «не засорить» природу «чуждыми элементами» (Карпов, 1930).

Как подчеркнул Карпов, «прямым следствием этого академического взгляда является вывод, что охотничье хозяйство в заповедниках «не имеет ничего общего с делом охраны природы» (там же). Карпов указывает, что эта точка зрения была предметом ди-

* Граве Григорий Леонидович (1872—?) в начале 20-х годов был ассистентом кафедры зоологии в Смоленском университете и куратором Смоленского музея, затем стал директором Центрально-Лесного заповедника, где в середине 30-х годов предоставил возможность работы своему коллеге и учителю В. В. Станчинскому после освобождения его из-под ареста.— *Прим. автора.*

скуссии на недавно состоявшемся совещании Зоологического научно-исследовательского института при Московском государственном университете и Зоологического музея, специально посвященном проблеме использования заповедников для акклиматизации. Карпов далее пишет: «К счастью, на этом же собрании были представители и другой точки зрения, именно представители хозяйственно-промысловых и научно-планирующих организаций, которые подняли свой голос за право человека не только преклоняться перед природой, но и вмешиваться в ее законы, справедливо указывая, что сам человек является одним из элементов природы, да к тому же и немаловажным...»

Представив, таким образом, два конкурирующих взгляда на проблему, Карпов риторически вопрошал: «Какого взгляда следует держаться нашему молодому обществу, чтобы заранее не обрекать дело охраны природы на тот застой, в котором оно у нас находилось до сих пор?» Карпов преднамеренно искажал точку зрения Кожевникова и его представления о функциях заповедников. Доводя до абсурда и представляя в виде карикатуры его якобы «устаревшие взгляды», Карпов заявляет, что приверженцы концепции Кожевникова стремятся в конечном счете сохранить природу в «неизменном виде», или, другими словами, навсегда законсервировать существующие биоценозы. Однако, замечает Карпов, «природа вечно меняется, и то состояние, в котором она находится в настоящий момент, уже завтра будет чем-то иным». Почему, хочет знать он, столь важно «сохранение на вечные времена существующего биоценоза и почему, например, выращенный на месте старого леса молодой будет уже «неинтересным» для науки?» (там же).

Карпов коварно искажал концепцию Кожевникова. Школа Кожевникова вопреки нарисованной Карповым картине придавала очень большое значение изучению именно динамической, эволюционирующей природы. Фактически ничто не могло быть дальше от намерений Кожевникова, чем приписываемое ему намерение «заморозить» биоценоз на какой-то конкретной стадии его развития. Такая позиция не имела ничего общего не только с концепцией Кожевникова о заповедниках как эталонах природы, но и с требованием неприкосновенности заповедников. По Кожевникову, основной интерес представляет именно исследование законов природы, управляющих вечно изменяющимися биоценозами.

«Презервационизм» подразумевал активное управление жизнью охраняемых природных территорий, для того чтобы сохранить конкретное природное сообщество неизменным и предотвратить неизбежные естественные изменения в нем. Подход Кожевникова, предлагавший полное невмешательство в «заповед-

ную» жизнь, предполагал проведение наблюдений над динамическими изменениями, происходящими со временем в экологических системах, и этим в корне отличался от статического подхода.

И тем не менее Карпов был, в сущности, прав в том, что экологическая концепция охраны природы Кожевникова, предполагавшая неприкосновенность заповедников, по сути, противостояла сталинистской программе общественного экономического развития. Представления Кожевникова о природе, изменяющейся очень медленно, требующей крайне длительных исследований законов ее эволюции, не слишком сильно отличаются от представлений о природе как о чем-то неизменном, в особенности с точки зрения нетерпеливых строителей социализма. Они хотели видеть изменения и получать результаты сразу. Явно неспособные воспринимать природу такой, какова она есть, они стремились переделать ее по-своему. Это показывает заключительный призыв Карпова к «разумному хозяйственному вмешательству» в естественную жизнь заповедников.

«Отсюда видно, что старая теория охраны природы для самой же природы, от которой так и веет древним ее обожествлением, настолько резко противоречит как нашим хозяйственным, так и научным интересам, что не должна иметь места в нашей стране строящегося социализма... Не сохранение во что бы то ни стало существующего положения в природе, а разумное вмешательство, изучение, овладение и регулирование естественно-производственных сил природы — вот что должно быть начертано на знамени нашего общества» (там же, с. 216).

Хотя конференция в Зоологическом музее и последовавшее за ней письмо Карпова, несомненно, способствовали усилению нажима на приверженцев экологических заповедников, тем не менее они оказали сопротивление. Отвечая на письмо Карпова, редакция журнала «Охрана природы» показала, что способна отстаивать свои позиции.

Редакция упрекала Карпова в незнакомстве с недавним постановлением ВЦИК и СНК РСФСР об охране и развитии природных богатств, которое при определении функции заповедников не упомянуло акклиматизации (хотя среди вторичных задач и говорилось об охране дичи, рекреации, качестве вод и климата, способствовании экономическому развитию ранее не эксплуатировавшихся ресурсов). «Он (Карпов) мог бы знать,— писала редакция,— что закон предусматривает сохранение типичных, не тронутых культурой участков (заповедников) в целях изучения первоначальных условий до их изменения деятельностью человека» («Ответ редакции», 1930, с. 216). Одновременно предусматривалась организация и других типов заповедников для более прагмати-

ческих целей. «Прав т. Карпов, говоря, что человек может истребить крупных животных данного участка (и очень быстро, добавим от себя), он может заселить его новыми видами, но не в состоянии возродить исчезнувший вид»,— завершали редакторы свой ответ с язвительной горечью (там же). Тем самым критикуемые Карповым оппоненты старались подчеркнуть ущербность и односторонность мнимого всемогущества «преобразователей природы».

Поскольку фактический руководитель заповедного дела и ВООП В. Н. Макаров публично отрекся от концепции неприкосновенности заповедников, тема акклиматизации на охраняемых территориях и вокруг них все же начинала довольно активно развиваться.

Риторические уступки не удовлетворяли преобразователей природы, желавших во что бы то ни стало возложить девственные заповедники на алтарь социалистического строительства.

Фаунистическая конференция 1932 г.

Отмена планировавшегося Всесоюзного съезда по охране природы в Аскании-Нова с неизбежностью превратила организованную И. И. Презентом фаунистическую конференцию Академии наук СССР в арену выяснения отношений между биологией и социалистическим строительством. Поскольку влиятельность В. В. Станчинского, по-видимому, пошла на убыль, то безусловно ведущей фигурой на конференции, девизом которой была необходимость обращения науки лицом к социалистическому строительству, стал сам Презент. «Сутью настоящей конференции,— заявил он на пленарном заседании,— является четкая постановка проблемы о задачах и о базе науки в период соцстроительства». Презент, у которого уже было четкое представление об этих задачах и основах, теперь начальственно делился ими со своими слушателями.

«Объекты природы перестают быть созерцаемыми... Советские фаунисты должны стать изобретателями, разработать конкретные проекты планового изменения ценозов животных и их географического распределения. Мы должны овладеть фауной, и не только поставить себе на службу, но и должны перестроить ее так, чтобы она повысила свою продуктивность» (цит. по: Кирьянова, 1932, с. 454).

Речь Презента призывала советских биологов «встать в строй». Можно с уверенностью сказать, что она была наиболее жестко и четко сформулированным и адресованным к ведущим биологам России требованием заняться преобразованием природы. Однако политическое развитие советского общества не за-

шло еще столь далеко, чтобы такие призывы воспринимались совсем послушно и без всякой критики.

Макаров также выступил на конференции. Он хотя и согласился с тем, что заповедники следует использовать, чтобы определять возможность интродукции новых жизненных форм в регионы, для которых эти заповедники служат эталоном, но в большей степени подчеркнул их роль как центров фундаментальных экологических исследований, в конечном счете ориентированных на решение хозяйственных задач. Эти исследования, по его представлениям, не должны включать хозяйственную деятельность в узком смысле слова, что представляло бы, по его словам, прагматический уклон, которому не место в заповедниках (там же).

По тем или другим причинам гидробиологи были более решительны, чем их коллеги, изучающие наземные сообщества, Сотрудник Окской биологической станции В. И. Жадин уделил особое внимание тому, как он и его коллеги гидробиологи стараются определить экологические последствия проектов крупномасштабного строительства на реках, озерах и других водоемах. Он зачитал впечатляющий перечень исследовательских групп, уже проводящих в равной мере впечатляюще разнообразные исследования по влиянию на экосистемы таких сооружений, как плотины гидрооэлектростанций, дамбы водохранилищ, шлюзы, ирригационные и оросительные каналы, а также работ по углублению русел рек и других водоустроительных работ (Жадин, 1934). Уже было ясно, что плотины и подобные им сооружения могут оказывать серьезное влияние на гидрологию рек, на которых они возводятся, включая скорость течения, температуру, концентрацию растворенного кислорода и других газов, а также то, что плотина создает трудности для рыб при их подъеме вверх по течению на нерестилища. При этом, сокрушался Жадин, темпы гидробиологических работ «далеко не соответствуют темпам строительства», и в настоящее время жизненно важно сосредоточить все усилия на исследованиях в области водной экологии именно для решения этих проблем («Труды...», 1934).

Другой участник конференции, Марцыновский, был более искренен. «Здесь нужно откровенно сказать, что мы еще не готовы к тому, что нам придется делать»,— сказал он, подчеркнув неспособность советской экологии предсказывать реальные последствия воздействия преобразующих природу проектов на природные сообщества (там же). В качестве примера непродуманных проектов преобразования природы, чреватых неожиданными вредными последствиями, он рассказал о предлагаемом некоторыми энтузиастами проекте создания вдоль Волги сорока тысяч

прудов, что могло привести к небывалым в истории эпидемиям малярии.

Гидробиолог М. И. Тихий поделился своими дурными предчувствиями, обратив внимание на то, что Днепрострой при строительстве не учитывает интересов рыбного хозяйства. «Необходимо своевременно... ставить рыбное хозяйство перед совершившимся строительством»,— заявил он (там же).

Б. В. Властов взволновал делегатов рассказом об угрозе, которую создают для фауны рек безумные масштабы сплава древесины в Карелии, и призвал их найти какие-то пути нейтрализации этой угрозы. Другие ораторы говорили о вреде, который наносит загрязнение литорали Черного моря. Д. А. Свиренко, директор Днепропетровской биологической станции, подчеркнул значимость изучения водных биоценозов (там же).

Наконец, были и такие, кто открыто отверг постулат о связи науки с потребностями социалистического строительства. Удивительным образом наиболее решительными были энтомологи. А. П. Семенов-Тян-Шанский, нарушив длительное молчание вокруг дела охраны природы, заявил, что строительство мощных советских гидроэлектростанций может оказаться напрасным, поскольку «все изменяется, все течет». Достижения социалистического строительства он считал «чем-то временным», а расплачиваться за них приходилось необратимо изуродованной природой (Кирьянова, 1932). Несколько позже, в ноябре 1933 г., на специально созванной междисциплинарной сессии Академии наук, посвященной перестройке Волго-Каспийской системы, А. П. Семенов-Тян-Шанский столь же красноречиво протестовал против циклопических проектов технократов. Такая принципиальная дерзость была поистине героической и достойной восхищения *.

Его коллега проф. Ленинградской лесной академии Михаил Николаевич Римский-Корсаков подверг сомнению новый принцип, в соответствии с которым наука должна быть партийной. В отчете о конференции говорится, что профессор «бросил открытый вызов заседанию энтомологической секции конференции», заявив, что «наука беспартийна, а если партийна, то нам здесь делать нечего», после чего покинул заседание (Кирьянова, 1932, с. 458).

В том, что конференция «решительно осудила такие выступления», не было ничего исключительного, как и в декларации о том,

* См.: Академия наук, ноябрьская сессия 1933 г. Проблемы Волги и Каспия, т. 2. Л., 1934, с. 223—224.— *Прим. авт.*

Только теперь, когда окончательно загублены рыбные ресурсы Волги и создан Комитет «спасения» этой реки, мы можем оценить дальновидность и принципиальность ученого-патриота.— *Прим. ред.*

что «девиз "наука ради науки" враждебен пролетариату» (там же). Кроме всего прочего, Семенов-Тян-Шанский и Римский-Корсаков были подлинными учеными-джентльменами старого типа, никогда полностью не принимавшими порядков нового строя. Более тревожными были отдельные высказывания методологического характера некоторых вполне лояльных, хотя и критически настроенных экологов.

На гидробиологической секции В. Д. Болховитянов (1934), директор Тихоокеанского научно-исследовательного института рыбного хозяйства, предпринял шумную атаку на применение статистики в биологии. Он даже предлагал советским биологам передать руководство наукой биологическому совету Коммунистической академии, возглавлявшемуся Презентом.

Выступление сотрудника Центрального научно-исследовательского института рыбного хозяйства Д. А. Ласточкина (1934) также содержало резкие критические высказывания. Ласточкин говорил о методах количественных измерений бентоса и планктона, т. е. на темы, тесно связанные с интересовавшими Станчинского проблемами продуктивности и биомассы, однако был подвергнут резкой критике. «В докладе т. Ласточкина,— говорил Д. А. Микулин («Труды...», 1934, с. 80—81),— не ощущается реконструкции науки. В нем только учет, только «констатирование», где же активное вмешательство нашего планово устремленного хозяйства?.. Мы, инженеры природы, призваны изменять ее лик (природы) в целях выполнения пятилетнего плана, в целях налаживания рационального рыбного хозяйства...» Что касается попытки Ласточкина нарисовать целостную картину продуктивности водных сообществ, то она в соответствии с его собственными намерениями выглядела скорее как научное самооправдание, чем как основа для определения рациональных норм рыбного промысла.

Даже Л. А. Зенкевич, профессор Московского университета и приверженец акклиматизации, был призван к ответу за то, что в своем обзоре состояния морской экологии он не подверг критике теорию равновесия в природе (там же).

В создавшейся таким образом определенной атмосфере приближалось главное событие конференции — выступление самого Презента. Кратко похвалив выступление Жадина как «богатое содержанием» (такое богатство могло быть скорее опасным, чем похвальным), Презент полностью проигнорировал предостережения Жадина, касавшиеся экологических последствий реализации крупномасштабных речных проектов. Более того, он сделал полностью противоположное заключение. «Теперь,— поучал он,— пора и здесь проводить эксперименты, возможность которых

дает нам строительство». Ссылаясь на наркома земледелия СССР Я. А. Яковлева, который уже стал основным покровителем Лысенко и вполне вероятно, что также и Презента, Презент заключил: «Истекшие два года показали, что за науку в действительности были мы, большевики, а не наши противники, ибо сейчас уже и слепому видно, что никогда не были так велики возможности... применения науки, как в настоящее время» (там же, с. 42).

В своем заключительном слове Жадин старался отстоять свою точку зрения, избегая при этом чреватой катастрофическими последствиями прямой конфронтации с Презентом. Удачным было то, что Презент, хотя и неискренне, похваливал его в своем выступлении, что открывало возможность некоторого тактического хода. Выразив благодарность Презенту за «очень лестную характеристику», содержавшуюся в его выступлении, Жадин подчеркнуто пригласил всех членов своей группы разделить эту похвалу. Это был смелый политический ход, поскольку в эту команду, кроме гидробиологов Д. Е. Белинга, Г. Ю. Верещагина, Т. И. Долгова и М. И. Тихого (который уже был подвергнут критике на заседании гидробиологической секции), входил и Станчинский, который к тому времени быстро превратился во что-то вроде персонального «мальчика для битья» для Презента. Вводя публично Станчинского в круг лиц, удостоившихся похвалы Презента, Жадин, должно быть, надеялся затруднить для Презента преследование Станчинского. И наконец, не противореча Презенту напрямую, Жадин ясно давал понять, что дело экологов — работать вместе с конкретными инженерами, привнося в их работу здравый смысл, выражающийся в том, что они соработники природы, а не творцы ее крупномасштабных преобразований. Дух сопротивления, замаскированный «защитной окраской», был еще по-прежнему очень силен. Как хорошо знают специалисты, изучающие советскую историю, умолчание ученых порой может быть не менее важным, чем решительное утверждение.

Конференция по фаунистике не принесла полной победы Презенту и лагерю преобразователей природы. Даже вопрос об акклиматизации в заповедниках остался ждать своего решения. Как бы то ни было, нападки на усиливающееся использование статистических методов в экологии и то, что экологи допускали существование равновесия в природных сообществах, делали их позиции в Советской России все более ненадежными.

Жадин и его коллеги продолжили исследования процессов, происходящих в реках России и их водосборных бассейнах (Жадин, 1937). Хотя их опубликованные высказывания были весьма сдержанными, они тем не менее отражали серьезную, несомнен-

ную обеспокоенность гидробиологов темпами и направлением социалистического строительства.

Другие деятели охраны природы и экологи также призывали к большей осмотрительности. На съезде по борьбе с засухой, который состоялся в конце 1931 г., А. Ф. Вангенгейм, в прошлом председатель ВООП и метеоролог по профессии, старался внушить коллегам делегатам мысль о необходимости более реалистической оценки возможностей воздействия на природу. «Тот факт, что засуха обусловливается передвижениями масс воздуха, покрывающих сотни тысяч и миллионы квадратных километров... говорит определенно, что при данном состоянии развития техники предотвратить самоявления засухи мы не можем»,— заявил он, отвечая на утопические планы сплошных лесопосадок в засушливых южных степях. Возможно, что при этом имелись в виду и недавно высказанные фантастические мечты Презента (1932а) об изменениях климата в условиях социалистического строительства. «Организуется специальный грандиозный институт по вызыванию и прекращению дождя...— писал сей философ от биологии.— Решается проблема отепления Сибири» (там же, с. 19).

Такие меры, как планируемые посадки лесополос с целью уменьшения силы ветра во время суховея, продолжал Вангенгейм, «должны быть проводимы с учетом весьма сложного комплекса всех явлений, сопровождающих это насаждение» (Вангенгейм, 1931, с. 73).

С одной стороны, объяснял он, лес сам требует определенных климатических условий и достаточного количества влаги, чтобы хорошо расти. С другой стороны, облесение сухих степей может истощить существующую там почвенную влагу, причем даже в более глубоких почвенных горизонтах. И наконец, такое облесение, весьма вероятно, может сопровождаться распространением самых разнообразных вредителей леса, ранее неизвестных в степи, которые могут стать серьезной опасностью для местной флоры и фауны. Сельское хозяйство советских степей, скорее, должно ориентироваться на местные естественные источники энергии, такие, как ветер и солнечная инсоляция, в борьбе с другими природными силами вроде суховея и засухи.

Обеспокоенность Вангенгейма и гидробиологов, а также другие аргументы, выдвигавшиеся экологически мыслящими деятелями охраны природы против коллективизации сельского хозяйства, основанной на монокультурах, против призыва Совета Труда и Обороны к увеличению заготовок пушнины (31 октября 1931 г.), против акклиматизации как внутри заповедников, так и за их пределами,— все это вместе создавало картину некоего

научного сообщества, идущего не в ногу со временем. Действительно, продолжавшиеся требования деятелей природоохранного движения в адрес Госкомитета наложить реальное вето на хозяйственную деятельность в СССР, исходя из экологических соображений и необходимости охраны природы, создавали впечатление, что, подобно инженерам, экологи начинают возражать против монополии партии на принятие политических решений. В свете этого неудивительно, что партийно мыслящие биологи и философы от науки вознамерились нанести смертельный удар в самое сердце экологического мышления, а именно по концепциям «жизненной сети» и равновесия в природе.

Ботаник Борис Александрович Келлер, только что избранный действительным членом Академии наук СССР, резко изменив свои взгляды, полностью отказался от поддержки развития биоценологии. «Геоботаника,— заявил он в 1931 г., фактически имея в виду исследования растительных сообществ,— развивалась у нас преимущественно в условиях буржуазно-помещичьего государства и вольно или невольно принесла с собой установки классово чуждые, реакционные, которые для нас нередко покрываются гипнозом крупных научных имен (Докучаев и Морозов)» (Келлер, 1932; цит. по: Трасс, 1976, с. 68). Прежде всего Келлер обрушился на склонность фитосоциологов к низкопоклонству перед «девственной природой». Недостаточно просто описывать и изучать растительность, поучал он, вторя наставлениям Президента. Советские ботаники должны, по его утверждению, активно участвовать в социалистическом строительстве. В особенности Келлер восставал против широко распространенной среди экологов и пропагандировавшейся В. Н. Сукачевым точки зрения, в соответствии с которой максимально возможная гармония и продуктивность обнаруживаются в девственной природе, а не на возделываемых человеком полях.

Известный советский специалист по экологии растений Х. Х. Трасс впоследствии писал, что на позиции Келлера «отражались стремления времени. Но в них проявились тенденции догматизма, окончательных решений и однобоких суждений, которые с 30-х годов стали тормозить развитие советской биологии и привели к... монополизации взглядов одной группы биологов во главе с Т. Д. Лысенко» (там же). Хотя это суждение о позиции Келлера представляется довольно суровым, объясняется оно тем, что отказ Келлера от поддержки биоценологии в пользу новой, лысенковской биологии определялся преимущественно карьеристскими побуждениями.

Холистическая экология также оказалась в центре критики сторонников Президента. Они обнаружили, что существует расту-

щий (хотя парадоксальным образом довольно ограниченный) рынок для распространения их антихолистических взглядов на природу. В числе противников представления о биоценозах как о замкнутых саморегулирующихся системах были такие видные ученые, как Леонтий Григорьевич Раменский, А. А. Еленкин и академик Владимир Леонтьевич Комаров, причем последний наиболее четко выражал точку зрения этой группы. Во введении к своему труду «Растительность СССР и сопредельных стран», вышедшему в свет в 1931 г., Комаров призывал исключить из ботанической литературы все упоминания о растительных сообществах.

«Создана целая отдельная дисциплина — «фитоценология»... Суть здесь в том, что группировки растений в природе и образование растительного покрова якобы зависят главным образом от влияния отдельных видов растений друг на друга гораздо более, чем от влияния внешних условий. Реформа, которую необходимо произвести в методах изучения растительного покрова, заставляет настаивать на полном изъятии из наших работ всякого намека на фитосоциологию. Самый термин «растительное сообщество» должен быть изъят из обращения» (Комаров, 1931; цит. по: Трасс, 1976, с. 53).

Раменский, Ильинский и Комаров во многом так же, как и американский эколог Генри А. Глисон, писавший приблизительно в это же время (Gleason, 1926), оспаривали существование в природе дискретных сообществ в форме относительно замкнутых, тем более находящихся в равновесии саморегулирующихся систем. Напротив, они считали, что распределение растительных видов, в том числе уровень их населенности, в данном регионе зависит от варьирующихся условий среды, необходимых для их существования. Таким образом, наличие или отсутствие данного вида является в большей степени функцией его приспособления к совокупности внешних условий (в основном абиотических), чем результатом действия законов функционирования гипотетических растительных сообществ.

Эта точка зрения, впоследствии возрожденная американским экологом Робертом Г. Уиттекером и которая могла бы служить противовесом крайностям холистического подхода, к сожалению, не сыграла конструктивной роли. Она привела к другой крайности, а именно к отрицанию — как несущественного — взаимного влияния друг на друга организмов в сообществе и их влияния на саму почву, на которой они произрастают. Таким образом, придавая исключительно важное значение таким абиотическим факторам, как климат, влажность и температура (как это делал и сам Лысенко), Комаров, Ильинский и их единомышленники иногда не обращали внимания на принципиально важную роль, которую

играют в биоценозах организмы как источники пищи, убежища, защиты и даже как факторы, обеспечивающие пищеварение, в отношении других организмов. (Раменский признавал особенную значительность этих факторов, но его во многом умозрительная точка зрения в основном не принималась во внимание*.) Перенося свои взгляды на живую природу, антихолицисты оказались не способны к серьезному пониманию того, что возможность существования одних организмов принципиально зависит от присутствия других вполне конкретных организмов. Отрицание группой Комарова существования «жизненных сетей» делало их континуальную концепцию растительности, особенно в той примитивной форме, которую она приняла к началу 30-х годов, научной теорией, удобной для оправдания крупномасштабных преобразований природы.

Таким образом, в 1931—1932 гг. началось разоблачение холистического подхода к биологии как буржуазного; альтернативный взгляд на структуру природы претендовал на право считаться «пролетарским» подходом как гораздо более созвучный потребностям социалистического строительства. Эти тенденции не прошли мимо внимания многих экологов и деятелей охраны природы, и они начали искать возможные пути примирения своих взглядов с грядущим нашествием волюнтаризма.

Гибель Аскании

Одним из первых открыто отрекся от каких бы то ни было технократических претензий части экологов редактировавшийся Станчинским «Журнал экологии и биоценологии». Та же самая редколлегия, которая говорила о «поистине безграничных возможностях» биоценологии, также заявляла о необходимости «решительной оппозиции той односторонности, тому высокомерию, а подчас и наивному спецчванству, которые претендуют на решение широких синтетических проблем на основе своего ограниченного узкой специальностью кругозора» («От редакции», 1931). Далее редакция предупреждала:

«Никогда еще эта опасность не выявлялась столь ярко, как именно в настоящее время усиленного роста экологии и биоценологии. Трудно найти как в Европе, так и особенно в Америке среди руководящих экологов и даже биоценологов — и в нашем Союзе дело пока, к сожалению, обстоит ничуть не лучше — таких исследователей, которые не считали бы, что экология и биоценология являются «центральными», «решающими», «основными» дис-

* См.: Работнов Т. А. Л. Г Раменский как геоботаник.— Бюлл. МОИП, сер. биол., 1978, т. 83, № 6.— *Прим. авт.*

циплинами биологии... Такие претензии вредят в первую очередь самой экологии и биоценологии» (там же).

Стремясь освободить экологию от греха самонадеянности специалистов, редакция пыталась также смягчить глубокую обеспокоенность биологов широкого профиля (и философов от биологии) в отношении того, что экология попала под власть статистики.

«Думать, что из этого хаоса мнений можно будет выпутаться (а в точности так и обстояло дело в экологии и биоценологии) при помощи одной лишь математики или одних цифровых коэффициентов или хотя бы даже физики и химии,— значит наивно закрывать глаза на всю сложность и качественное своеобразие тех многообразных взаимодействий, из которых вытекают общие законы, определяющие взаимоотношения между организмом и средой и коллективами организмов со средой» (там же) *.

Очевидно, Станчинский и его коллеги были весьма внимательны к тому обстоятельству, что редукционистские принципы в науке стали ныне объектом официального осуждения и что многие биологи как старой школы, так и из нового поколения «выдвиженцев» имеют довольно слабое математическое образование. Этот недостаток образования часто приводил к тому, что статистический анализ вызывал ужас у таких биологов. Станчинский, в работах которого статистический анализ и математическая символика очень активно использовались для описания потоков энергии в природе и сообществах, был, безусловно, особенно озабочен доступностью своих работ для этой группы биологов и тем, как сделать облик этих работ менее пугающим.

Другие экологи, в том числе друг и соратник Станчинского Д. Н. Кашкаров, были вынуждены предаться самокритике. Кашкаров, работая долгое время в Среднеазиатском университете, подвергался постоянной травле не только за свою приверженность в прошлом идеям географического детерминизма, но и за пропаганду охраны природы и даже концепции «науки ради науки». В конце концов он не выдержал и примирился с принципами социалистического строительства (Кашкаров, 1934). Удачно сложившиеся обстоятельства позволили ему переехать в Ленинград, где он занял пост заведующего кафедрой зоологии позвоночных. Он скончался в первый год войны во время блокады Ленинграда.

Самокритика экологов и их профессиональная смиренность оказались, однако, недостаточными, для того чтобы предотвратить кризис в этой молодой науке. К началу 1932 г. был заключен

* Учитывая время публикации, следует полагать, что авторы (т. е., скорее всего, В. В. Станчинский) вынуждены были заниматься такой «научно-политической» эквилибристикой.— *Прим. ред.*

роковой союз: началась долгая совместная деятельность Презента и Лысенко, и, объединив свои силы, они перешли в наступление на цитадель экологии сообществ — Асканию-Нова — и на ее научного вождя Станчинского.

История возвышения Лысенко тщательно исследована *. Однако здесь может быть полезно вспомнить несколько мелких деталей. Лысенко начал свою карьеру на Украине, где доведенные до отчаяния сотрудники республиканского Наркомзема соблазнились обещаниями молодого селекционера создать сорта пшеницы, устойчивые к вымерзанию (Joravsky, 1970). Там же, на Украине, в Украинском институте генетики и селекции, находившемся в Одессе, Лысенко создал миф, принесший ему еще большую славу,— миф о яровизации. К 1931 г. Лысенко обзавелся рядом покровителей как в Наркомземе Украины, так и в подведомственной ему Украинской сельскохозяйственной академии, тесно связанной с ВАСХНИЛ.

Лето и осень 1931 г. принесли еще более обильный политический урожай рвущемуся к власти молодому селекционеру. Постановлением от 9 июля 1931 г., подписанным наркомом земледелия СССР Яковлевым, Лысенко предоставлялся в распоряжение собственный печатный орган, он получал возможность пропагандировать свои агрономические воззрения в специальных курсах, читаемых в учебных заведениях, и 150 тыс. руб. (1). Четыре месяца спустя выступление Лысенко с энтузиазмом было встречено делегатами Всеукраинского съезда селекционеров. Протестуя против того, что выдающаяся научная работа не получила достаточного внимания со стороны других научно-исследовательских институтов, делегаты настаивали на том, чтобы его исследования были включены в рабочие планы этих институтов (2).

К концу года Лысенко получил прямой доступ к наркому Яковлеву, поддержка которого, по-видимому, продолжала усиливаться (3). Соответственно, к этому времени относится начало сотрудничества Презента и Лысенко. Позиции Лысенко были уже весьма прочны как в Харькове, так и в Москве, и его работа пропагандировалась как образец для подражания в других научно-исследовательских центрах. В свою очередь Презент также достиг довольно значительной степени влияния в академических кругах, хотя источники его политической поддержки до 1932 г. более таинственны, чем у Лысенко.

Хотя в одиночку Презенту не удалось превратить советских

* См.: Joravsky, 1970; Zh. A. Medvedev, The Rise and Fall of T. D. Lysenko. New York. Columbia University Press, 1969; Сойфер В. Н. Власть и наука (Tenafly, New Jersey, 1990); Резник С. Дорога на эшафот (Paris — New York, 1983).— *Прим. авт.*

зоологов в послушное воинство биологических «инженеров» и «созидателей», однако в союзе с Лысенко он мог теперь рассчитывать на политическую поддержку на новом уровне. Первое, для чего он воспользовался такой поддержкой, было открытое наступление на экологические исследования, проводившиеся Станчинским в Аскании-Нова на Украине. До того как Станчинский был назначен научным руководителем Аскании-Нова, этот комплекс раздирали постоянные конфликты между различными конкурирующими подразделениями. В частности, программы селекции и гибридизации овец и акклиматизации и одомашнивания экзотической фауны постоянно пытались вытеснить научно-исследовательские подразделения заповедника, занимавшиеся более теоретическими проблемами биологии, и использовать остающиеся участки целинной степи для своих практических целей. Общее руководство этими подразделениями осуществлял Михаил Федорович Иванов, в свою очередь конфликтовавший с зерновым хозяйством заповедника. Они также пользовались активной поддержкой руководящих работников украинского Наркомзема.

После реорганизации Аскании-Нова в 1929 г. ее развитие пошло не по тому пути, который намечался прагматическими подразделениями и их покровителями в Наркомземе. Основным направлением работ в Аскании при Станчинском стали теоретические экологические исследования. Зоологи и ботаники заповедника работали не в изолированных друг от друга подразделениях, а как единый коллектив, занятый исследованиями экологической динамики типчаково-ковыльного сообщества. Собирались данные для проверки представлений Станчинского относительно потоков энергии в природных системах, публиковались статьи, собирались материалы для полновесных монографий (Нечаева, Медведев, 1977). Исследовательские интересы коллектива выходили за пределы заповедника; работы велись и в других местах: от Днепра на западе до р. Молочной на востоке. Можно было надеяться, что экологи вскоре включат в круг своих исследований распаханные земли, пастбища и другие типы сельскохозяйственных угодий, для того чтобы сравнить эффективность их трансформации солнечной энергии в органические вещества с исследовавшейся эффективностью целинной степи (там же). Даже численность опекаемой Ивановым отары овец сократилась с 200 тыс. до 10 тыс. голов, а спорные Доренбургские поля были выделены из заповедника и переданы в совхоз («Труды...», 1935, с. 105).

Станчинский достиг пика своей карьеры. С 1929 г. он заведовал кафедрой зоологии позвоночных в Харьковском государственном университете. Будучи основателем Научно-иссле-

довательского зоологического института при университете и руководителем экологического отдела этого института, он становится непререкаемым авторитетом и любимым профессором своих студентов. Он занимает пост главного редактора первого в СССР экологического журнала и становится признанным лидером экологии сообществ среди советских ученых. Ему доверяется организация работы не только секции биоценологии V съезда зоологов, но и всего съезда, проведение которого намечалось в 1933 г. в Харькове. Кроме того, Станчинский и его коллеги по движению за охрану природы намеревались организовать I Всесоюзный съезд по охране природы в Аскании-Нова в сентябре 1931 г.

По иронии судьбы, как раз в те дни, когда Станчинский с успехом выступал на IV съезде зоологов в Киеве, в Харькове произошло событие, значение которого для всей последующей жизни Станчинского в то время не было оценено. 23 марта 1930 г. Совнарком Украины передал Асканию-Нова в прямое подчинение украинскому Наркомзему для организации (в заповеднике) работ по совершенствованию сельскохозяйственного производства. Сразу же после этого непосредственное управление Асканией было поручено Всеукраинской сельскохозяйственной академии, входившей в систему Наркомзема. Тем временем была упразднена коллегиальная межведомственная администрация, управлявшая делами заповедника с 1922 г. (незадолго до того были ликвидированы Научно-исследовательский консультативный комитет Наркомзема Украины и его комиссия по охране природы). Хотя это решение было опротестовано в Совнаркоме Украины Н. А. Скрыпником, наркомом просвещения Украины, однако протест был отвергнут, и решение вступило в силу («Труды...», 1935, с. 108).

До лета 1931 г. в Аскании было не слишком заметно, что от управления заповедником и формирования планов его работы полностью устранены, согласно постановлению, Наркомпрос и все другие не относящиеся к Наркомзему организации. Тем не менее положение Станчинского становилось все более шатким. В частности, хотя до марта 1930 г. руководители Наркомзема Украины молчаливо санкционировали работу Станчинского, следует заметить, что они со все большим разочарованием убеждались, что исследования Станчинского по экологической энергетике не сулят никаких сельскохозяйственных чудес. Кроме того, хотя работы Иванова по разведению и селекции овец и свиней, его эксперименты по гибридизации и работы по акклиматизации вынужденным образом были до некоторой степени свернуты, они тем не менее по-прежнему занимали довольно видное место в жизни Аскании. По мере того как у некоторых руководителей сель-

ского хозяйства возрастал интерес к сулящей новые чудеса гибридизации скота, а также акклиматизации и одомашниванию экзотических животных как к способам решения проблем советского сельского хозяйства, работы Иванова пользовались все более благосклонным вниманием. Это становилось особенно заметным, когда практические достижения Иванова в селекции скота сравнивались с малообещающими перспективами экологических исследований Станчинского. Кроме того, Иванов несомненно был крайне раздражен резким сокращением объемов деятельности его подразделения и пытался восстановить положение, существовавшее до 1929 г., когда экологические работы занимали в Аскании ничтожно малое место.

Конец лета 1931 г. был началом конца Научно-исследовательского степного института Станчинского. Первый серьезный удар был нанесен прибывшей в заповедник высокопоставленной комиссией, направленной Наркомземом Украины. В ее состав входили: Алексей Никанорович Соколовский, президент Украинской сельскохозяйственной академии, А. М. Слипанский, вице-президент, и Н. И. Вавилов, который еще питал надежду вырастить из Лысенко толкового ученого в области сельского хозяйства.

Участие Н. И. Вавилова объяснялось отмеченным выше его интересом к проблемам интродукции, адаптации и экотипов, а во-вторых, тем, что после 1930 г. Наркомзем Украины, так же как и наркомземы других республик, вошел в подчинение Всесоюзного наркомата земледелия. Следовательно, Украинская сельскохозяйственная академия оказалась подведомственной ВАСХНИЛ, президентом которой был Н. И. Вавилов.

Собравшаяся после нескольких дней работы на заседание комиссия вынесла следующее поразительное заключение о том, что Аскания по своему основному профилю должна быть институтом акклиматизации и гибридизации. Это решение означало, что цели, преследовавшиеся при реорганизации заповедника в 1929 г., заменяются на противоположные и создается совершенно новый институт, призванный играть ключевую роль в жизни Аскании. Поскольку в марте 1930 г. заповедник был передан в прямое подчинение Украинской сельскохозяйственной академии и Наркомзема Украины (и одновременно была упразднена межведомственная комиссия по Аскании), не оставалось никакого способа оспорить это жестокое решение. Станчинский покорно подчинился, присоединив свою подпись к стоявшим под рекомендациями комиссии. Его экологические работы были тогда официально признаны «не имеющими практического значения» (Нечаева, Медведев, 1977). Теперь единственным способом спасти возможно бóль-

шую часть его работы было укрыться в тени нового института-гибрида, даже если при этом масштабы работ придется сильно сократить по сравнению с предыдущими. Теперь, когда сторонники прагматического подхода полностью взяли в свои руки власть над Асканией, мало что можно было сделать.

Новый Всесоюзный институт гибридизации сельскохозяйственных животных и акклиматизации был образован совместным постановлением Всесоюзного и Украинского наркомземов от 30 сентября 1931 г. («Труды...», 1935, с. 110). Вполне возможно, что в таком преобразовании Аскании сыграл свою роль Лысенко, в особенности постольку, поскольку он был связан с Яковлевым, с Украинской сельскохозяйственной академией и, по иронии судьбы, с Вавиловым (Резник, 1983, и др.). Однако основную роль в мобилизации сил в поддержку организации нового института сыграл, по-видимому, Иванов, который увидел возможность претворить в жизнь свое представление о сельскохозяйственном рае. Неудивительно, что Иванов был назначен первым научным руководителем института. Вскоре он писал в первом выпуске научных трудов нового научного учреждения:

«Является настоятельной необходимость преобразовать все наше примитивное и малопродуктивное животноводство в культурное, высокопродуктивное... Разрешение этой проблемы может быть осуществлено не только улучшением существующих наших местных пород сельскохозяйственных животных путем селекции, улучшенными методами кормления, содержания и выращивания, путем акклиматизации лучших иностранных пород и метизации с ними наших неулучшенных простых пород, но и путем создания совершенно новых пород и видов домашних животных на основе межпородной, межвидовой и межродовой гибридизации, а также путем акклиматизации и одомашнивания еще не освоенных диких видов животных» (Иванов, 1933) *.

Действительно, директор заповедника Ф. Ф. Бега в одной из наиболее ярких антименделистских статей, написанной еще до открытого разрыва Лысенко с менделеевской генетикой, отмечал, что институт был специально призван проводить широкомасштабные эксперименты по межвидовой гибридизации, «несмотря

* В первом томе трудов нового института, открывшегося статьей заслуженного деятеля науки и техники, научного руководителя ИНГАЖ М. Ф. Иванова, была опубликована почти забытая ныне статья В. В. Станчинского «Теоретические основы акклиматизации животных» — едва ли не единственная теоретическая работа на эту тему в советский период. Но это не только не спасло ученого от преследований, но даже усугубило его судьбу (вскоре он был репрессирован). М. Ф. Иванов, выступая на юбилейной сессии института, назвал Станчинского «злым гением Аскании» (см.: Штильмарк Ф. Заповедная история.— «Природа и человек», 1989, № 1, с. 24—27.— *Прим. ред.*

ни на какие псевдонаучные утверждения старой капиталистической школы» (Бега, 1933), продолжавшей отстаивать существование генетических границ между видами. По иронии судьбы, «менделист» Вавилов был одним из тех, кто активно способствовал рождению нового института.

Для того чтобы достичь этих удивительных свершений, институт был богато оснащен. В первый год на эксперименты по гибридизации ему был выделен 1 млн. руб. («Труды...», 1935, с. 109). Кроме того, он унаследовал 20 тыс. га целинных степей, использовавшихся ранее под пастбища и покосы, 6 тыс. га возделываемых земель, зоопарк, преобразованный в чисто демонстрационный придаток института, 8 тыс. овец, 200 лошадей, 400 голов крупного рогатого скота и большое число свиней «чистых линий», разводившихся Ивановым (Бега, 1933). Научно-исследовательский степной институт Станчинского, превратившийся в довольно второстепенную, но пока вполне автономную часть асканийского комплекса, сохранил за собой два скромных участка целинной степи общей площадью 6,3 тыс. га, к которым были временно добавлены (на 1932 г.) Черноморский и Приазовский заповедники («Труды...», 1935).

Как и в 20-х годах, снова возникла ситуация резкого противостояния между научными и прикладными (а также чисто хозяйственными) тенденциями в Аскании. Наследие заповедника разрывалось между экстенсивным сельским хозяйством, разведением овец, акклиматизацией, и в этой ситуации, как отмечает один из научных сотрудников заповедника, экология была просто недостаточно гибкой, для того чтобы уцелеть (там же). Фактически жить ей в заповеднике оставалось всего несколько месяцев.

На Институт гибридизации и акклиматизации возлагались большие надежды по части сотворения сельскохозяйственных чудес. Одним из первых посетил институт Михаил Иванович Калинин, номинальный глава государства. К несчастью для Станчинского, в числе других посетителей был и Презент. Еще не прошло и шести месяцев после Фаунистической конференции в феврале 1932 г., когда, по иронии судьбы, был окончательно сокрушен «левый уклон» в Обществе краеведов и в ВООП, а судьба организованного в Аскании Станчинским института повисла на волоске. Нам рассказывали, что, выступая от имени руководства Коммунистической академии и уже обладая достаточным политическим авторитетом (благодаря своей связи с Лысенко), Презент после двух недель пребывания в заповеднике вынес смертный приговор Научно-исследовательскому степному институту:

«Нужно придать Аскании единый профиль. До сего времени по-настоящему ясно видел свои задачи Институт гибридизации

и акклиматизации; но этого же самого нельзя сказать про Степной институт. Эти два института были чужды друг другу по своим установкам, и «компенсировала» их лишь территориальная близость... Аскания должна стать мощным центром гибридизации и акклиматизации, но не только животных, а и растений. Надо расширить это учреждение, причем животные должны остаться ведущей и решающей частью Аскании, а заповедная степь должна сама из участка «охраны от человека» стать очагом интродукции в культуру новых, невыявленных растений» (там же, с. 110).

Директор Аскании Ф. Ф. Бега, выступая через несколько месяцев на I Всесоюзном съезде по охране природы, сказал, ссылаясь на эти слова Презента как представителя Коммунистической академии и светоча «диалектического подхода» к постановке научно-исследовательской работы:

«Комментарии, по-видимому, излишни. Вот в чем еще большее мировое значение Аскании, приобретаемое благодаря активной поддержке руководящих партийных товарищей и правительства» (там же).

Ликвидация Научно-исследовательского степного института была первой крупной победой Презента над экологами. Однако для многих советских экологов и деятелей охраны природы события в Аскании казались обратимыми. Они с нетерпением ждали созыва Всесоюзного съезда по охране природы, начало которого после повторного перенесения было назначено на конец января 1933 г., еще надеясь на возможность спасения Аскании и вместе с этим на спасение экологического профиля заповедников.

Глава 13

I Всесоюзный съезд по охране природы

I Всесоюзный съезд по охране природы, который фактически был вторым смотром движения, собрался в Москве в разгар зимы. 25 января 1933 г. секретарь комитета научных организаций Центрального Исполнительного Комитета СССР и руководитель научного отдела этого комитета В. Т. Тер-Оганесов открыл съезд. Присутствовало 190 делегатов с правом решающего и совещательного голоса.

Беглое сравнение со съездом 1929 г. показывает, сколь большой путь прошло советское общество за эти четыре года. Среди более чем двадцати членов президиума съезда еще оставалось довольно много известных лиц, в том числе П. Г. Смидович, В. Н. Макаров, Н. М. Кулагин, А. В. Федюшин, В. В. Станчинский, Ф. Ф. Шиллингер, А. П. Протопопов и В. Т. Тер-Оганесов. Однако в состав президиума вошли и некоторые новые члены, такие, как П. И. Валескалн из Всесоюзной секции научных работников (ВАРНИТСО) — давний сторонник Лысенко — и Н. А. Судариков из Наркомата лесной промышленности. Эти руководители наряду с множеством сотрудников Наркомзема, Наркомвнешторга и Наркомснаба — рядовых делегатов съезда — были «серыми кардиналами» форума.

Наиболее значительные изменения произошли в самом составе делегатов. Делегаты съезда с решающим голосом в количестве 92 человек (лишь по этой группе мы располагаем данными) во многом отличались от 124 делегатов съезда 1929 г. Заметно понизился образовательный уровень: лишь 35% делегатов имели высшее образование по сравнению с 75% среди делегатов 1929 г. В 1929 г. членов партии среди делегатов было не более 12% против 37% в 1933 г. Из общего числа делегатов в 1933 г. с решающим и совещательным голосом треть относилась к категории «служащие».

После традиционных приветствий в адрес Сталина от имени съезда, объявления повестки дня работы съезда и выборов почетного президиума председательствующий П. Г. Смидович (представлявший, как и в 1929 г., центральное правительство) открыл заседание. Хотя Смидович начал с призывов к организациям, за-

нимающимся охраной природы, теснее связывать свою работу с хозяйственным развитием, заключительная часть его вступительного слова содержала несколько расплывчатую, но вполне определенную поддержку фундаментальных исследований как неотъемлемой составной части природоохранной деятельности («Труды...», 1935).

Одним из первых было выступление Макарова, призванное задать тон работе съезда, после чего делегаты непосредственно приступили к откровенному обсуждению судьбы заповедников как базы экологических исследований. Вначале председатель ВООП Макаров придерживался своей давно отработанной стратегии «защитной окраски». Он постарался продемонстрировать, что Наркомпрос окончательно отвергает «фетиш неприкосновенности природы заповедников» (там же, с. 48). Он признавал, что «еще имелась группа лиц», считавших, что «ни о каком воздействии человека на естественный ход природных процессов (в заповедниках) речи быть не может», соглашался даже с тем, что «Госкомитет (межведомственный комитет по охране природы) одно время стоял на такой точке зрения». Но Макаров подчеркнул также, что теперь «эта линия для нас совершенно неприемлема, и этим течениям мы давали и будем давать решительный отпор» (там же, с. 25—26).

Далее Макаров обвинил сторонников абсолютной неприкосновенности заповедников в намеренном искажении статьи Энгельса «Роль труда в процессе происхождения человека от обезьяны», для того чтобы оправдать свою дискредитированную позицию. Зачитав вслух спорный фрагмент текста, он пояснил:

«Таким образом, Энгельс, якобы, указывает, что природа «мстила» человеку за неправильное ее использование. Эти люди, ссылаясь на слова Энгельса, упускают из виду два обстоятельства: во-первых, Энгельс имел в виду не социалистическое общество... а хищническое, неплановое, нерациональное хозяйство капиталистического строя; во-вторых, Энгельс этим замечанием предупреждает... что, прежде чем использовать (любые природные ресурсы), нужно десятки раз взвесить и обдумать, какие хозяйственные последствия, какие последствия для культуры народа... имеет это использование, причем надо учитывать не только близкие, но и отдаленные последствия такого использования. Энгельс учит нас диалектически предвидеть последствия вмешательства человека в природу. Он не запрещал вмешательства человека в природу, он не говорил, что человек не должен регулировать ход природных процессов, не должен подчинять себе природные силы» (там же).

Это рассуждение Энгельса стало в 30-х годах настоящим ябло-

ком раздора (не только на данном съезде). Что касается одной из наиболее горячо обсуждавшихся форм вмешательства человека в заповедники, а именно акклиматизации экзотических видов, то Макаров соглашался — в принципе,— что такая акклиматизация допустима либо в заповедниках в целом, либо в буферных зонах. Впрочем, он признавал, что по этому вопросу было много споров даже в Госкомитете.

Жесткая позиция Макарова в отношении сторонников неприкосновенности заповедников во многом парадоксальным образом определялась его желанием защитить само существование экологических заповедников от тех, кто намеревался ликвидировать их полностью. Отрекаясь от взглядов противников какого бы то ни было вмешательства человека в жизнь заповедников, Макаров надеялся показать всем, будто бы «упрек, что Наркомпрос и Госкомитет занимали позицию «созерцательного подхода» к природе... совершенно неправилен и не имеет под собой в данное время никакой почвы» (там же, с. 27). Выдвигавшие такие обвинения, например участники недавно завершившейся конференции Союзпушнины и Наркомвнешторга, характеризовались Макаровым как «люди, не желающие считаться с фактами». Имея в виду присутствие на съезде представителей хозяйственных органов, Макаров напомнил, что Наркомпрос отвергает «науку ради науки» точно так же, как «изучение ради изучения», и что не следует продолжать искажать позиции Наркомпроса.

Заявления, призывы и словесные заверения Макарова, однако, не убедили противников охраны природы, которые на этом съезде были более многочисленны, чем на предыдущем. После выступления Макарова уполномоченный Наркомвнешторга по Крымской АССР С. В. Туршу потребовал, чтобы Наркомпрос был лишен функций, связанных с охраной природы, особенно в системе заповедников.

Делегат от Средне-Волжского заповедника решительно возразил Туршу, заявив, что если заповедники передать хозяйственным органам, то это «приведет к полной гибели заповедников» * (там же, с. 38). Хозяйственные органы перешли в контратаку. С. А. Петрушин, занимавшийся делами, связанными с охотой, в Наркомвнешторге, в резкой и категорической манере выступил против заповедников Наркомпроса.

«Научные работники заповедников до сих пор не усвоили новых задач, которые стоят перед заповедниками, новых установок, и не претворяют их на практике, и не могут увязать научно-

* Созданный в 1927 г. Средне-Волжский (в последующем — Куйбышевский) заповедник объединил прежние Жигулевский и Пензенский.— *Прим. ред.*

исследовательские работы с задачами народного хозяйства...» (там же, с. 39).

Вспоминая свою язвительную реплику на съезде 1929 г. («Пусть Наркомпрос ведет это изучение (в заповедниках), организует его — мы будем вести другую работу»), Петрушин обвинил заповедники в том, что они превратились в убежища для сотрудников, занимающихся «чистой наукой», не приносящих никакой пользы.

«Положение, которое до сих пор существовало на местах, немыслимо. Недопустимо, чтобы научные работники и работники заповедников занимались всем, чем угодно, но только не работой. Поэтому надо заострить резолюции съезда, сформулировать их четко, так, чтобы они дошли до мест, и суметь их провести»,— зловеще завершил он (там же).

Иван Васильевич Соснин, в прошлом преподаватель факультета экономики и права Иркутского государственного университета, а в описываемое время представлявший на съезде Наркомвнешторг, потребовал заставить Наркомпрос заниматься прикладными исследованиями, развиваемыми в заповеднике его наркомата (там же, с. 212). Намерения передать заповедники Наркомпроса хозяйственным органам активно поддержали также В. П. Малеев, теоретик акклиматизации, и Ф. Ф. Бега, директор Аскании-Нова, которая в это время была уже полностью реорганизована в Институт гибридизации и акклиматизации животных.

Стратегия «защитной окраски», которой придерживался Макаров, стремясь обуздать намерения представителей хозяйственных органов отказаться от экологической ориентации заповедников Наркомпроса, явным образом потерпела неудачу. Макаров был вынужден перейти к обороне. По-прежнему стараясь защитить свой левый фланг, продолжая отвергать концепцию неприкосновенности заповедников, Макаров пытался изобразить позицию Наркомпроса как компромиссную, препятствующую победе бездумного прагматизма. «Этот вопрос нужно рассмотреть не односторонне, как это делают некоторые товарищи, подходя к заповедникам с узкой точки зрения охотничьего, звероводческого или лесного хозяйства,— вразумлял он.— Против такого подхода мы должны бороться, потому что наш заповедник далеко не представляет из себя охотничьей промысловой станции или станции луговодческой и т. д. Заповедник (в первую очередь) ценен своей комплексностью» (там же, с. 48).

Макаров объяснил, что заповедник — это такое место, где отдельные составляющие важны лишь постольку, поскольку они являются частями единого целого, и что заповедник наряду с другими своими функциями «вправе ставить перед собой большие теоретические проблемы». Отвечая на нападки нетерпеливых оп-

понентов, Макаров соглашался с тем, что «научное состояние наших заповедников не позволяет еще нам разрешать такие вопросы, которые давали бы человеку возможность управлять процессами живой природы». Этот недостаток он связал с тем, что сотрудники заповедников «еще слабо владеют методом диалектического материализма», причем этот недостаток, подчеркнул он, отнюдь не относится только к «беспартийным товарищам» и не умаляет ценности уникального подхода заповедников системы Наркомпроса к использованию охраняемых территорий. Этот подход имеет такое же право на существование, как и резко отличающийся от него прагматический подход, практикуемый хозяйственными органами (там же, с. 49).

Особенно возражал Макаров против предложения Соснина передать все заповедники СССР Наркомвнешторгу. Подход, предлагаемый хозяйственными органами, логически приводит нас к выводу о том, сказал он, что «мы должны вообще отказаться от заповедников как комплексных научно-исследовательских институтов. Если такое решение принять, то нужно... сказать прямо, без всяких колебаний, что всю систему заповедников нужно передать в соответствующие хозяйственные организации: Союзрыбу, Наркомвнешторг и т. д. по характерным признакам» (там же, с. 219). Однако, остроумно заметил Макаров, такое развитие событий неизбежно будет сопровождаться острыми конфликтами. Дело в том, что на территории каждого заповедника часто присутствует множество совершенно различных ресурсов, и, следовательно, с хозяйственной точки зрения на один и тот же заповедник могут претендовать различные ведомства и наркоматы. Кто, например, будет компетентен, следует ли расценивать Крымский заповедник в первую очередь как источник древесины — и в этом случае его надо приписать к Наркомату лесной промышленности — или как заказник охотничьих животных — и тогда будет более естественно передать его в Наркомвнешторг. Каждый заповедник рискует превратиться в яблоко раздора еще до того, как он попадет в жадные лапы хозяйственных органов. На это обратил внимание и директор Кавказского заповедника В. И. Краснобрыжев (там же).

Завершая свою критику прагматического подхода, Макаров в довольно откровенных выражениях подвел печальный итог управлению хозяйственных органов заповедниками, ранее находившимися вне их подчинения. Странным образом, заметил он, директора Лапландского, Лопаткинского и даже Воронежского заповедников были вынуждены обратиться в Госкомитет за мате-

риальной поддержкой, поскольку Наркомзем и Наркомвнешторг не могли и не хотели ее предоставить *. Для ведомств, претендующих на расширение своих полномочий, это вряд ли может служить хорошей рекомендацией.

Против претензий хозяйственных органов возвысил свой голос также В. В. Станчинский, расценивший выступление Соснина как «глубоко ведомственное». «Я не считаю, что Наркомвнешторг — ведомство маловажное»,— подчеркнул Станчинский, обращая одновременно внимание на то, что даже фундаментальные исследования могут представлять определенную пользу для хозяйственных органов. Однако он категорически отверг намерения «весь мир рассматривать только с точки зрения внешторговских интересов». Относительно заявления Соснина о необходимости передать в Наркомвнешторг все заповедники Наркомпроса Станчинский предложил: «Товарищи из Внешторга, займитесь правильной организацией своих заповедников, заставьте работать эти ваши заповедники по вашей программе» (там же, с. 219—220).

Подобно Макарову, Станчинский готов был протянуть приверженцам прагматического подхода оливковую ветвь мира, если они склонны были ее принять. Однако он решительно возражал против намерения хозяйственных органов главенствовать над всеми советскими заповедниками. «Неправильно, когда вы хотите заставить заповедники работать только по вашему плану. Вы прямо заявили: «Вот наш план, будьте добры, занимайтесь этой работой...» Но даже если вы предложите соответствующие деньги, то все-таки из этого не следует, что мы должны только вашими вопросами заниматься во что бы то ни стало...» (там же).

С точки зрения Станчинского, его позиция была очень проста: правительство поручало каждому ведомству решение конкретных задач и выделяло определенный участок работы. До тех пор пока постановление о заповедниках от 20 июня 1930 г. остается в силе и пока заповедники Наркомпроса работают в соответствии с этим постановлением правительства, они не только могут, но и обязаны продолжать свою экологическую деятельность в качестве эталонов.

Станчинского и Макарова немедленно поддержали их коллеги. А. А. Шуммер, директор Черноморского заповедника, И. Н. Буланкин ** из украинского Наркомпроса и А. В. Федюшин

* Лопаткинский заповедник (мыс Лопатка на южной оконечности Камчатки) считался местным, т. е. фактически был заказником.— *Прим. ред.*

** Буланкин Иван Николаевич (1901—1960), биолог, специалист по биохимии белков, член АН УССР с 1951 г., преподавал в Харьковском университете с 1934 по 1945 г., когда стал его ректором. Он поддерживал Наркомпрос УССР в борьбе с экономическими ведомствами (см. об этом: Фомин А. В. Украинская ботани-

из Наркомпроса Белорусской ССР присоединили свои голоса к хору возражавших против предлагаемой хозяйственным органами перестройки. Примечательно, что против посягательств Наркомвнешторга выступил также А. А. Умнов, председатель Всекохотсоюза, незадолго до того переименованного в Союзохотцентр *. Более «экологичный», чем сами экологи, Умнов выступил за ликвидацию заповедников, функционирующих лишь в качестве резерваторов и заказников, заявив, что «Союзохотцентр... считает ценными только такие заповедники, где ведется научно-исследовательская работа...» (там же, с. 43). Таким образом, организованные охотники России вновь встали на защиту экологически ориентированной охраны природы в час ее испытаний, в момент, когда она так нуждалась в поддержке.

Представитель Ботанического института АН СССР эколог С. Я. Соколов проявил незаурядную проницательность, поставив в упрек Наркомпросу политику соглашательства со своими оппонентами-прагматиками. Под их давлением, указал он, Наркомпрос отрекся от очень важного организационного аспекта деятельности заповедников, делающего их уникальными, а именно от фундаментальных исследований в условиях неприкосновенности, поскольку ныне, пусть только на словах, предполагается важность реализации прикладных проектов в заповедниках и даже активное хозяйственное вмешательство в их жизнь. Но именно таким соглашательством, считал Соколов, Наркомпрос дает опасное оружие в руки своих противников, поскольку теперь хозяйственные органы вправе потребовать от заповедников Наркомпроса отказа от фундаментальных исследований и принципа неприкосновенности. Хозяйственные наркоматы, считая, что они лучше подходят на роль управляющих такими прагматически ориентированными заповедниками, приходят к намерению потребовать передачи заповедников в свое подчинение. Теперь, когда представитель Наркомвнешторга Соснин выдвинул требование передачи заповедников в его ведомство, занимающееся заготовками и управлением охотничьим хозяйством, Наркомпрос обнаруживает, что ради компромисса он поступился своими основными принципами («Труды...», 1935, с. 318).

ческая конференция 6—10 мая 1931 г. в Киеве.— «Советская ботаника», 1933, № 2, с. 85).— *Прим. авт.*

* Всекохотсоюз (Всероссийский кооперативный союз охотников), оставивший по себе добрую память среди работников охотничьего хозяйства и промысловиков, был ликвидирован в том же 1933 г. как помеха насильственно внедрявшейся колхозной системе.— *Прим. ред.*

Если дискуссия о судьбах и задачах советских заповедников концентрировалась в основном на общих вопросах, то события в Аскании-Нова показали, что за стенами зала заседаний битва за заповедник уже в разгаре. Аскания стала символом великого противостояния в деле охраны природы в Советском Союзе. Активисты движения знали, что если Аскания будет потеряна и отдана акклиматизаторам и животноводам, то экологическая работа в других заповедниках также может быть свернута. Поражение в битве за Асканию могло даже открыть путь к передаче заповедников республиканских наркоматов просвещения в руки хозяйственных органов. Враг был на пороге. Понятно, что интерес к судьбе заповедника был исключительно высок.

Открывая дискуссию о заповеднике Аскания-Нова, его директор Ф. Ф. Бега проследил последовательность событий, приведших к созданию Института гибридизации и акклиматизации и, соответственно, к ликвидации Научно-исследовательского степного института под руководством Станчинского. Эти события он рассматривал в значительной степени как дело, уже решенное. Единственный важный вопрос, по-видимому, состоял в том, что делать теперь с примерно 6 тыс. га целинной степи после закрытия экологического института. В связи с этим Бега вспомнил рекомендации И. И. Презента, который, по-видимому, продолжал активно интересоваться событиями в Аскании: целинная степь должна быть использована в качестве плацдарма для акклиматизации экзотических растений (см. выше).

Пытаясь убедить скептически настроенных деятелей охраны природы в том, что любая акклиматизация будет гармонично сочетаться с задачей сохранения последнего уцелевшего участка целинной степи (о том, как именно это будет делаться, Бега умолчал), он в то же время намекнул, что даже если условия существования степи и будут нарушены, то это не будет трагической потерей для науки. Ведь кроме всего прочего, даже авторитетный геоботаник Е. М. Лавренко писал, что степи Аскании типичны лишь для узкой полоски ковыльных степей юга Украины и вряд ли могут рассматриваться как эталон для много более ценной с сельскохозяйственной точки зрения степи, расположенной севернее и восточнее.

Станчинский ответил на выступление своего директора. Хотя он по-прежнему работал в Аскании, на съезд Станчинский прибыл не в качестве делегата заповедника, в котором работал, и даже не в качестве представителя ведомства, в состав которого входил заповедник, т. е. Наркомзема УССР, а в качестве представителя

Наркомпроса УССР, от имени которого он и выступал. Наркомпрос настаивал на том, что поскольку ликвидация Степного института и вместе с ним еще уцелевшего участка целинной асканийской степи — дело, явно связанное с охраной природы, а в соответствии с постановлениями 1926 и 1928 гг., теоретически попрежнему остающимися в силе, никакие связанные с охраной природы Украины вопросы не могу решаться без участия Наркомпроса, то проводимая реорганизация Аскании, попросту говоря, незаконна. Перекрывая поднявшийся в зале шум, Станчинский «от имени Наркомпроса Украинской ССР» призвал съезд предотвратить смертельную опасность, грозящую Асканийской степи.

«Наркомпрос не сомневается в том, что вопросы гибридизации и животноводства являются чрезвычайно актуальными для нашего социалистического хозяйства. Но из этого не следует, что те вопросы, которые могут решаться в любом учреждении Наркомзема, должны разрешаться непременно в Аскании-Нова... Если директор заповедника-института будет обращать внимание на развитие хозяйственной стороны, эта сторона будет гипертрофироваться, что не в интересах дела, и наша задача не допустить этого» («Труды...», 1935, с. 101).

А. П. Протопопов, в прошлом комиссар времен гражданской войны и активист ВООП, отметил, что было бы совершенно неправильно превращать Асканию в зоотехническую фабрику, поскольку Аскания — это не просто заповедник, а «заповедник, занимающий одно из первых мест среди научных учреждений подобного рода» (там же). Этот аргумент развил и усилил один из ближайших сотрудников Станчинского, С. И. Медведев, который обратил внимание на основную опасность, грозящую исследованиям, проводившимся в Степном институте. Призывая делегатов как можно скорее исправить положение, Медведев подчеркнул, что «всякий, быть может, продолжительный перерыв (хотя бы на один год) чрезвычайно неблагоприятно отразится на работе», которая требует непрерывности исследований. Если съезд этого не сделает, то Аскания превратится в «придаток» хозяйственных органов. Что может быть лучшим доказательством, вопрошал он, чем предложение создать в заповеднике машинно-тракторную станцию? (там же, с. 102).

Было что сказать относительно Аскании и у еще одного официального представителя Наркомпроса Украины, И. Н. Буланкина. Буланкину был всего 31 год, и он был членом коммунистической партии со времен ленинского призыва 1924 г., но не разделял некоторых ортодоксальных убеждений и предрассудков многих своих товарищей и ровесников. Не прибегая к экивокам,

Буланкин взялся объяснить соображения, которые низвели Асканию до ее нынешнего положения.

«Для нас понятно, почему (Степной институт) ликвидирован: потому, что (Наркомзем) не чувствует, для чего ему этот Степной институт нужен. Есть люди, которые часто руководствуются интересами только сегодняшнего дня. Они до сих пор относятся к заповедникам как-то подозрительно: неприятно, когда лежит пустая земля: с одной стороны, она не используется, а с другой стороны, что это за научная работа, которая не даст столько-то центнеров зерна завтра» (там же, с. 55).

Буланкин связывал такую позицию с неспособностью осознать необходимость фундаментальных исследований для технического прогресса, в данном случае для прогресса сельского хозяйства. Он понял, что убежденно прагматический стиль мышления чиновников Наркомзема и соответствующие ему нереалистические ожидания результатов научной деятельности объясняют одну из основных причин разгрома Аскании.

Одним из тех, кто изо всех сил стремился скомпрометировать деятельность Станчинского, был сам Ф. Ф. Бега, который, как объяснил М. С. Шалыт, дал сначала обещания, а теперь «от них отказывается». «Нужно же понять,— сказал Бега в свое оправдание (когда его засыпали критическими замечаниями),— что Степной институт раздут в слишком большую махину для района между Херсоном и Мелитополем, и потому решено: "По одежке протягивать ножки"». Завершая свое апологетическое выступление, Бега заверил, что он делал все возможное, чтобы помочь работе Станчинского, и что он не виноват, «если она у него не совсем клеится» (там же, с. 102—106).

Б. К. Фортунатов, долгое время работавший научным сотрудником в Аскании и старавшийся понравиться новому руководству заповедника, считал, что Степной институт отчасти сам является виновником постигших его невзгод. Фортунатов полагал, что Станчинский неудачно выбрал место для своих экологических исследований, поскольку от изучения «непредставительной» и «биологически бедной» асканийской степи нельзя было ожидать непосредственных практических результатов. Фортунатов, однако, полностью упускал из виду то, что Станчинский руководствовался критериями, ничего общего не имевшими с потенциальной ролью Асканийской степи как места акклиматизации экзотических растений и животных, или ее характерностью для основных зерновых районов Советского Союза. Не собирался Станчинский в то время и выбирать для исследований место, где фауна играла бы — в действительности или потенциально — большую роль в сельском хозяйстве или экономике (в качестве вредителей или в каче-

стве «полезных» видов). Напротив, Станчинский выбрал Асканию именно потому, что ее простые, «бедные» биоценозы создавали, как он полагал, наиболее подходящие условия для развития и уточнения его новых парадигм биологии. Как Станчинский столь часто (и безуспешно) пытался объяснить, лишь мощное развитие теоретических знаний о функционировании живой природы может принести значительную пользу в практических делах.

Однако его работа постоянно оставалась непонятой. Некоторые, такие, как Бега, Иванов и Презент, цинично изображали ее как «научное самооправдание». Со своей стороны чиновники украинского Наркомзема воспринимали исследования Станчинского более снисходительно. Склонные к самообману, они были не способны понять, что исследования Станчинского не могут обернуться «многими центнерами зерна завтра же», но что это вклад в будущее советского сельского хозяйства, который окупится, возможно, лишь в следующем поколении. Предложенное Буланкиным объяснение причин краха Аскании было правильным: это была неспособность заглядывать дальше завтрашнего дня.

В своем выступлении Макаров постарался поставить точки над «i». Он жестко утверждал, что хозяйственные органы пытаются преобразовать заповедники в «опытные хозяйства отраслевого типа». Макаров призвал своих оппонентов называть вещи своими именами и снять с этих учреждений как не имеющих ничего общего с охраной природы наименование «заповедник». Конечно, хозяйственные органы могут превратить Асканию в хозяйство по гибридизации и акклиматизации животных, продолжал он, «но тогда нужно прямо сказать, что для этого нам заповедники не нужны, что они утеряли свое значение... и не нужно никого обманывать. Обсудим вопрос и скажем: на данном этапе социалистического строительства и экономического развития заповедники отжили и не нужны. Но, по-видимому, этого сказать никто не хочет и не может, и доказать это нечем»,—заключил Макаров с огорчением и насмешкой (там же, с. 106—107).

После выступления Макарова создалось впечатление, что под угрозой находится само будущее охраны природы. «Заповедник Аскания-Нова стоит на пути, отрицающем самую идею заповедности». Он подчеркнул само слово «заповедность», служившее обычно синонимом понятия «неприкосновенность», и продолжал: «Но тогда не надо говорить о заповеднике Аскания-Нова, ибо, по существу, его уже нет, а надо говорить об Институте гибридизации и акклиматизации на территории Аскании-Нова» (там же).

Хотя хозяйственные органы и сильно увеличили свое представительство на этом съезде, делегаты, симпатизировавшие позиции Наркомпроса, по-прежнему составляли значительное боль-

шинство. Это отразилось в резолюциях, принятых съездом по Аскании-Нова и по состоянию заповедников в целом.

По вопросу об Аскании съезд постановил создать компетентную комиссию в составе представителей: Наркомзема СССР, Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. Ленина, Академии наук СССР, Коммунистической академии, Всеукраинской академии наук, Наркомпроса и Наркомзема УССР, Всесоюзного и Украинского органов охраны природы, Ученого комитета ЦИК СССР,—а также В. И. Макарова (от съезда). Комиссия уполномочивалась решить будущую организационную судьбу Аскании. Предложение создать такую комиссию с шатким равновесием голосов между организациями, положительно и отрицательно относящимися к недавним событиям в заповеднике, было ответом на внешне сходное предложение со стороны Бега, однако последний при обсуждении предлагал включить в состав комиссии лишь представителей Коммунистической академии, ВАСХНИЛ и Ученого комитета ЦИК СССР. Такая комиссия с заранее очевидным перевесом—два к одному—в пользу организаций, приветствовавших последние преобразования, была сочтена съездом неприемлемой, и окончательный список организаций, перечисленных в резолюции, выглядел как компромисс (там же, с. 112).

Поскольку власть возглавлявшегося Макаровым Госкомитета не распространялась на Украину, а на Всесоюзный орган охраны природы можно было только надеяться, то созыв такой комиссии был единственным для деятелей охраны природы способом восстановления заповедности в Аскании. Таким образом, не имея возможности сделать что-либо иное, съезд постановил, «не предрешая организационных форм», поручить это комиссии. Тем не менее в резолюции отмечалась необходимость «сохранять в основном ту работу, которая относится к комплексному изучению засушливых степей», и то, что «во всяком случае съезд подчеркивает абсолютную необходимость сохранения существующих заповедных участков целинной степи» (там же). Станчинский одержал моральную победу: единство деятелей охраны природы на съезде, несмотря на атаки со стороны хозяйственных органов и присутствие за кулисами Презента, было сохранено.

Генеральный план реконструкции фауны

Аскания-Нова находилась в состоянии кризиса, и поэтому обсуждение ее будущего и будущего сети заповедников в целом приобретало еще большее значение, чем при обычных обстоятельствах. Тем не менее в повестке дня съезда были и другие вопросы, от решения которых во многом зависело будущее охраны приро-

ды и экологии в СССР. Наиболее тревожным из них был вопрос о генеральном плане реконструкции фауны.

Президент призвал советских биологов произвести полную перестройку живой природы страны, а для его подручных оставалась разработка конкретных деталей этой деятельности. Соответственно, после узурпации Аскании-Нова Институтом гибридизации и акклиматизации старые научные сотрудники заповедника, в том числе Фортунатов и Станчинский, были привлечены к разработке теоретических основ и практических рекомендаций по реализации политики акклиматизации в Советском Союзе. Одним из первых результатов этой работы был разработанный Фортунатовым генеральный план реконструкции хозяйственно важной фауны европейской части России и Украины, который он и доложил на съезде по охране природы *.

Хотя идея такого генерального плана принадлежала не Фортунатову — сходный план в отношении Кавказа и Крыма разработал энтузиаст акклиматизации Х. С. Вейцман и докладывал его летом 1932 г. во время дискуссий, проходивших в новом Сухумском институте акклиматизации фауны,— однако Фортунатов не только расширил территориальные рамки плана, но и был первым, кто представил такой план широкой аудитории биологов. В контексте нашей темы еще более важно, что он первым предпринял попытку разработать экологические принципы, на которых могла бы основываться такая реорганизация существующих природных сообществ (Фортунатов, 1935).

Основной аргумент Фортунатова базировался на его убежденности в том, что «гигантская кормовая база», имеющаяся в СССР, не используется в должной мере и пропадает попусту. «У нас налицо громадная диспропорция между кормовыми возможностями диких мест нашей территории, с одной стороны, и той немногочисленной, как количественно, так и качественно, и страшно обедневшей в результате сложного исторического процесса фауной, которая на эту базу опирается,— с другой»,— утверждал он (там же, с. 318—319).

Фортунатов считал, что такая обедненность обусловлена как

* Б. К. Фортунатов служил в частях Красной Армии и после ее прихода в Асканию-Нова стал энтузиастом-зоологом в заповеднике, опубликовал ряд научных работ. Затем он некоторое время работал в Крымском заповеднике, а на Всесоюзном съезде значился как представитель Московского зоопарка (вопрос, работал ли он там фактически, требует уточнения). Считать его довольно эклектический доклад о реконструкции фауны вкладом в науку нет оснований, но сама тема тогда была очень модной (даже официально начало 30-х годов в СССР называли «реконструктивным периодом»). Вскоре Б. К. Фортунатов был выслан из Москвы в Северный Казахстан и более не появлялся в сферах науки и охраны природы.— *Прим. ред.*

хищнической деятельностью человека, так и неспособностью природы в полной мере использовать свои возможности. Превратности зоогеографии и существование топографических барьеров иногда приводят к тому, что районы, пригодные для обитания тех или иных видов, оказываются лишенными их, что сильно снижает биологическую продуктивность соответствующих регионов, полагал Фортунатов. В подтверждение этой своей точке зрения он ссылался на отсутствие белки на Кавказе, хотя здесь существует громадная кормовая база для этого грызуна. Фортунатов считал, что таких «пустых» местообитаний (пустых стаций) в природе очень много. «Мы имеем в природе целый ряд, я бы сказал, биологически пустых мест, иначе говоря, кормовых возможностей, иной раз громадного масштаба, которые не используются просто из-за отсутствия соответствующих элементов фауны, способных эту кормовую базу использовать» (там же, с. 321).

Исходя из этого, Фортунатов разработал генеральный план интродукции многих экзотических видов в регионы, кормовая база которых, как казалось, могла обеспечить успех такой акклиматизации. Северные районы европейской части России Фортунатов рекомендовал для широкой акклиматизации ондатры, каковая, впрочем, уже производилась; акклиматизации овцебыка на Кольском полуострове (считалось, что он некогда обитал там); интродукции камчатского калана, сурка из бассейна Колымы и североамериканского енота; реакклиматизации бобра и восстановления популяции лося и дикого северного оленя в границах их прежних ареалов. В отношении центральной лесной области европейской части СССР Фортунатов предлагал реакклиматизацию лося, косули и глухаря и интродукцию марала и байбака. Для лесостепной зоны и Украины предлагалась акклиматизация пятнистого оленя с Дальнего Востока и из Маньчжурии, зубра, а также ставился вопрос о желательном восстановлении тура — формы крупного рогатого скота — и возвращении его в дикую фауну. Для степной зоны рекомендовались сайгак, корсак и байбак. Для Северного Урала предлагалось завести соболя из Забайкалья и лисицу-огневку с Камчатки; туда же следовало интродуцировать полевок и хомяков, для того чтобы обеспечить кормовую базу хищников. На Южный Урал он предлагал привезти из Сибири дикого барана и козерога.

В действительности план Фортунатова в существенной части сводился лишь в реакклиматизации таких эндемичных видов, как лось, сайгак и зубр, на территории, где они сравнительно недавно были истреблены человеком. Можно предположить, что такое смещение акцентов с акклиматизации совершенно чуждых видов на реакклиматизацию было еще одним проявлением стратегии

«защитной окраски». Хотя сам Фортунатов объяснял такое смещение акцентов как неспособностью Советского государства импортировать в большом количестве дорогих экзотических животных, так и возможностью вытеснения аборигенных видов интродуцированными конкурентами (при реакклиматизации такой риск был гораздо меньше), однако второй аргумент, по-видимому, был более существенным. Это кажется особенно правдоподобным в свете последовавшего затем «разоблачения» Фортунатова директором Аскании, лысенковцем Александром Андреевичем Нуриновым, за приверженность к дискредитированному курсу Станчинского (Нуринов, 1935)*.

Прикрываясь привлекательным лозунгом генерального плана, Фортунатов, по-видимому, стремился действовать очень осторожно. Это проявляется в отсутствии у него энтузиазма в отношении акклиматизации американской норки и енотовидной собаки, его противодействии интродукции пятнистого оленя на Кавказ, где тот мог стать конкурентом местного подвида благородного оленя, в его критическом отношении к неупорядоченному, хаотическому характеру проведения акклиматизации и в отсутствии в его плане термина «вредные виды».

После доклада Фортунатова с содокладом на ту же тему выступил его коллега по Московскому зоопарку П. А. Мантейфель. Он посвятил большую часть своего выступления обсуждению физиологических аспектов акклиматизации, хотя в свою очередь и он предложил список видов, которых, по его мнению, следует интродуцировать прежде всего. Показательно, что в предложенный им перечень входили норка и енотовидная собака, пробную акклиматизацию которой он считал желательной в порядке «крупного по масштабу опыта» в Кавказском заповеднике. «Производством мы должны считать заповедники и не быть оторванными от жизни»,— заключил докладчик (Мантейфель, 1935, с. 345).

Теория экологически пустых мест не вызвала немедленной положительной реакции ни у кого из присутствующих. Станчинский, выступая в прениях первым, отметил отсутствие разработанной теории биоценозов, которая давала бы возможность пред-

* В предисловии к сборнику, где помещена эта статья, директор А. А. Нуринов и будущий академик ВАСХНИЛ Л. К. Гребень называли статью В. В. Станчинского об акклиматизации «контрреволюционной», а всех его сотрудников «клеймили» как «вредителей». Вот образец «научного творчества» того времени из указанной публикации:

«Им, вредителям, удалось оторвать институт от конкретных текущих задач социалистического строительства... использовать институт для своих контрреволюционных целей — таков стиль «ученых» типа Станчинского, Янаты, Фортунатова и др.». Впрочем, сам Нуринов тоже был вскоре репрессирован.— *Прим. ред.*

сказывать, как акклиматизация экзотических животных скажется на трофических и других экологических взаимоотношениях. «В этом отношении у нас крупнейший пробел, у нас прямо прорыв в этом отношении»,— обеспокоенно закончил он (там же).

Станчинский упрекнул Фортунатова за то, что он просто берет отдельные виды животных на первый взгляд почти произвольно и пробует их «довольно удачно» размещать по территории Союза. Это был, по его мнению, чрезмерно упрощенный подход. Проблема много сложнее, даже если рассматривать ее лишь с позиций экологии. Более того, поскольку социализм является синонимом планового и рационального ведения хозяйства, то любой план реконструкции природы прежде всего следует координировать с существующими экономическими потребностями страны. Кроме того, важно выяснить в планирующих и хозяйственных органах их наиболее острые потребности и лишь затем составлять проекты планов повышения биологической продуктивности, отвечающие этим потребностям. Наконец, практически отсутствует организационная база, на которой можно было бы разрабатывать такие системные планы; Сухумский акклиматизационный институт, претендующий на такую планирующую роль, был организован лишь совсем незадолго до того (Станчинский умышленно не упомянул об Аскании-Нова, которую можно использовать в качестве базы для разработки такого рода планов, поскольку он явно надеялся, что Институт гибридизации и акклиматизации будет распущен, а его Степной институт восстановлен).

По совокупности этих причин Станчинский считал, что предложения Фортунатова не могут претендовать на то, чтобы называться «генеральным планом». «Мы не только не готовы к составлению генплана,— заявил он,— но мы совершенно откровенно должны сознаться, что... во вторую пятилетку вступаем с недостаточным материалом, чтобы говорить... даже о каком-нибудь плане реконструкции нашей фауны» («Труды...», 1935, с. 346—347).

Если в отношении предложений Фортунатова Станчинский был лишь придирчив, то к докладу Мантейфеля он отнесся более категорично, заявив, что он его «ни в коей мере не удовлетворил». Он также назвал выступление Мантейфеля «очень субъективным», а содержащиеся в нем выводы поспешными и вряд ли заслуживающими доверия (там же). В результате Мантейфель выглядел чуть ли на патентованным шарлатаном, а Фортунатов как бы пытавшимся изображать такового.

К осторожности в вопросах акклиматизации решительно и авторитетно призвал также Г. А. Кожевников. Ссылаясь на данные менделевской генетики, он обратил внимание присутствующих на то, что животные, предназначенные для акклиматизации, могут

быть связаны из неподходящей популяции или просто принадлежать к неподходящему генотипу. Это может повлечь неспособность их существовать в новых условиях. Ссылаясь на авторитет Н. И. Вавилова и классиков генетики, он напомнил о неспособности животных безгранично приспосабливаться к новым условиям, а также передавать потомству индивидуальные приобретенные признаки. Таким образом, акклиматизация была делом генетического везения, даже если она оказывалась и безопасной для экологического сообщества, выступавшего в роли хозяина по отношению к интродуцированному виду (там же, с. 348).

Кожевников привел также конкретные примеры практической неудачи акклиматизации. В питомнике Сухумского акклиматизационного института погибли все завезенные из Африки человекообразные обезьяны. Поддержав предыдущее выступление Станчинского, Кожевников призвал советских биологов, до тех пор пока не будет создана убедительная теория акклиматизации, ограничиваться реакклиматизацией сравнительно недавно истребленных животных в прежние их ареалы (там же).

Кожевникова и Станчинского поддержал С. А. Северцов. Хотя впоследствии он выступил с критикой ламаркистской биологии с антителеологических позиций классической генетики (Северцов, 1937), по духу близких выступлению Кожевникова, на съезде он ограничился лишь критикой чрезмерно упрощенного подхода Фортунатова с точки зрения экологии. Вопреки мнению Фортунатова дело «сводится... к проблеме викарных видов» («Труды...», 1935 с. 353). Успешная интродукция какого-то вида в сформировавшееся экологическое сообщество может происходить, лишь если этот вид вытесняет кого-то из членов сообщества, занимая его экологическую нишу.

Призывы к осторожности в акклиматизации со стороны деятелей охраны природы в свою очередь вызвали ответные реплики из лагеря поборников акклиматизации. Н. М. Кулагин, позиции которого в деле охраны природы всегда были окрашены определенным утилитаризмом, возразил против выдвинутых Кожевниковым аргументов. Будучи любимцем А. П. Богданова в его последние годы, Кулагин преданно защищал ламаркистские взгляды своего учителя на наследственность, заявив: «Генетики думают, что у одних животных есть гены, которые дают им возможность акклиматизироваться, а у других их нет, и с этими животными ничего не получается. Откуда же эти гены получаются животными? Как будто бы они извне имеются. Такую точку зрения мы разделить не можем» (там же).

Таким образом, позиция Кулагина не сводилась к полному отказу от концепции гена как носителя наследственных свойств ор-

ганизма; он лишь считал, что гены восприимчивы к влиянию внешних условий. «С этой точки зрения,— заявил он,— генетика нам не должна помешать в акклиматизации животных» (там же).

Хотя в это время благодаря экспериментам американца Германа Дж. Мюллера и русских исследователей Д. Д. Ромашова, Г. А. Надсона и Г. С. Филиппова было уже известно, что по крайней мере хромосомы могут претерпевать изменения под действием рентгеновских лучей, генетики по-прежнему отказывались принять взгляды акклиматизаторов-ламаркистов, в соответствии с которыми генетический материал организма мог в ответ на новые условия среды претерпевать изменения адаптивного характера. Эти взгляды отвергались генетиками как телеологические, и попытка Кулагина примирить менделизм с верой в то, что изменяющаяся под действием внешних условий наследственность может быть основой акклиматизации, решительно отвергалась в этом критическом пункте *.

Хотя Кулагин и пытался защитить предложения Фортунатова, но, с точки зрения некоторых энтузиастов, он сделал это недостаточно решительно. Выступавший от Общества юных натуралистов П. П. Смолин выразил недовольство тем, что Фортунатов затронул лишь позитивную сторону реконструкции фауны и не остановился на в равной мере необходимом истреблении таких жизненных форм, как волк, росомаха и рысь. «В конце концов, наша фауна должна иметь известную целевую установку, должен быть создан известный комплекс объектов, которые бы давали максимальный эффект, и все те виды, которые будут ограничивать этот эффект, должны быть поставлены под то или иное сокращение» (там же, с. 350).

Выступления и Кулагина и Смолина были очень характерны для развития биологической мысли в условиях сталинизма. Если выступление Кулагина и реакция на него служили прояснению позиций классической генетики по отношению к акклиматизации, то замечания Смолина обнаруживают полный отказ от концепции целостного природного сообщества в пользу взгляда на природу как на место, где случайно смешаны «полезные» и «вредные» виды. Более того, «полезность» и «вредность» отдельных видов оценивались исключительно с точки зрения сегодняшнего дня. Прагматические приверженцы такого дуалистического взгляда полностью игнорировали возможность того, что неизвестные будущие открытия могут превратить вредные виды в полезные, а также того, что отдельные виды могут оказывать на человеческое

* Ранние советские работы по химическому и радиационному мутагенезу описаны Сойфером В. Н. в кн.: Молекулярные механизмы мутагенеза. М., «Наука», 1969.— *Прим. авт.*

общество в разных ситуациях и полезное и вредное воздействие. Эти люди не признавали никаких других критериев полезности, кроме тех, которые определялись сиюминутными хозяйственными потребностями социалистического строительства.

Макаров на этот раз выступил на стороне осторожного подхода к акклиматизации. Хотя в принципе он повторил уже ранее сказанное им в отношении необходимости акклиматизации, однако в то же время настаивал на том, что крупномасштабная программа акклиматизации еще не готова. Такая работа сразу в массовом масштабе, предупреждал он, «вещь чрезвычайно опасная по своим последствиям для нашего хозяйства», и, следовательно, акклиматизация должна быть ограничена пока опытной работой. Закончил он свое выступление утверждением, что «теории акклиматизации и реакклиматизации у нас не разработаны» (там же, с. 353).

Фортунатов не был бойцом. Опасаясь (не без оснований), что открытые симпатии, высказанные им движению за охрану природы, могут повлечь за собой служебные неприятности, Фортунатов в своем заключительном слове отверг призыв Станчинского к осторожности, и его высказывания могут косвенно свидетельствовать о том, какому давлению подверглись советские ученые. «Осторожность хорошая вещь, и, если бы мы могли подождать в течение, скажем, пятилетки, пока эта проблема будет детально проработана, мы бы, конечно, имели наилучшее разрешение этого вопроса. Но являемся ли мы хозяевами своего времени, хозяевами сроков? Нет. Реконструкция этой фауны началась, и она уже идет полным ходом в огромном масштабе. В это дело уже вкладываются миллионы, громадные партии животных и птиц перебрасываются с одного места на другое» (там же, с. 354).

Мантейфель тем более был склонен к быстрым и решительным действиям, но в отличие от Фортунатова его торопливость была следствием искреннего энтузиазма неофита в деле преобразования природы. Отвергнув возражения Станчинского, Мантейфель подробнее остановился на опасениях Северцова относительно того, что интродуцированный в экосистему вид может оказаться конкурентом эндемичного и привести к его исчезновению. Возможно, считая, что он действует «по Северцову», Мантейфель оптимистически восклицал: «Конкурирующие виды! Да, пусть конкурируют, но пусть кормовая база будет рассчитана и на того, и на другого» (там же, с. 356).

Наивность идей Мантейфеля об обилии в природе достаточном, чтобы прокормить конкурентов, к этому времени уже была ясна благодаря изящным экспериментам, поставленным в Московском государственном университете талантливым молодым

экологом Г. Ф. Гаузе. Эти эксперименты показали, что два вида с очень близкими требованиями к пище и условиям существования не могут жить вместе, но один из них всегда вымирает. Впоследствии Гарретт Хардин назвал эту закономерность принципом конкурентного исключения (см.: Kingsland, 1985). В любой другой стране такие результаты эксперимента, опровергающего идею Мантейфеля, заставили бы ответственных лиц в правительстве и научное сообщество дважды подумать над разумностью акклиматизации. Однако данные Гаузе, ставшие широкоизвестными в мировом сообществе биологов, совершенно не сказались на ходе кампании по акклиматизации в Советском Союзе. Не только практика имела превосходство над теорией; некоторые практики обладали преимущественным положением по отношению к другим. Гаузе вскоре счел за благо оставить свои экологические эксперименты и заняться менее рискованной работой по разработке новых антибиотиков, тогда как колесница акклиматизации продолжала свой путь.

Тем временем делегаты тщательно обсуждали политически безопасные и в то же время эффективные способы предотвращения великого преобразования природы. В рамках все той же стратегии «защитной окраски» склонное к осторожности большинство проявило способность к незаурядной гибкости и дипломатичности. Прежде всего, составители резолюции по проблеме акклиматизации рекомендовали сосредоточить все зоопарки Советского Союза под прямым руководством Госкомитета, тем самым лишив Мантейфеля уникальной научной базы в Московском зоопарке. Во-вторых, хотя в резолюции отмечалась важность работ по акклиматизации, в качестве основной организационной базы реализации этих работ определялись именно зоопарки. Поручая зоопаркам решение этой проблемы, авторы резолюции одновременно достигали двух целей: они освобождали заповедники от обязанностей быть базой работ по акклиматизации и в то же время предотвращали преждевременное неуправляемоее расселение интродуцируемых животных в диких природных сообществах.

Подчеркивая свое намерение сохранить заповедники Наркомпроса в качестве экологических эталонов и освободить их от каких бы то ни было прямых или косвенных хозяйственных функций, включая акклиматизацию, делегаты решили, что пришло время четко определить различия между двумя типами заповедников. К первому типу относились заповедники, которые представляют собой «территории, выделяемые в целях охраны тех или иных генетических фондов, которые являются участками природы, включающими в себя наиболее характерные природно-хозяйственные

черты своего района (края), ведущие на своей территории комплексную научно-исследовательскую работу и ставящие себе задачу диалектически-марксистского освещения закономерностей, определяющих развитие каждого элемента заповедника в отдельности, их взаимосвязи... динамики, и разрешающие ряд общих биологических проблем, главным образом экологического порядка». Ко второму типу заповедников относились охраняемые территории — «резерваты», «имеющие отраслевое назначение и учреждаемые в целях восстановления истощенного фонда тех или иных ценных промысловых видов животных и растений или для постановки массовых опытных работ по акклиматизации, реакклиматизации, гибридизации, звероразведению и т. д. в целях наиболее быстрого и преимущественного получения для эксплуатации определенного ценного хозяйственно-промыслового животного или растительного объекта» (1) *.

Таким образом, съезд попытался снова решить до сих пор не решенный вопрос о классификации охраняемых территорий, что послужило одной из причин теперешнего трудного положения, в которое попали заповедники Наркомпроса. И наконец, в страстном стремлении защитить заповедники Наркомпроса от их врагов делегаты рекомендовали перестроить систему подчиненности заповедников. Хотя большинство делегатов поддерживало республиканские наркомпросы в их борьбе с хозяйственными органами, это не означало, что они выступают за возвращение дел, связанных с охраной природы, в ведение этих наркомпросов. Конфликт вокруг Аскании-Нова выявил малые возможности республиканских наркоматов. Если кто-нибудь и мог защитить интересы охраны природы, то таковым должно было стать какое-то влиятельное всесоюзное (или хотя бы республиканское) ведомство.

Выступавшие один за другим выражали активное желание перевести заповедники из подчинения республиканских наркомпросов в ведение либо Центрального Исполнительного Комитета СССР, либо Совета Народных Комиссаров СССР. Даже Макаров и Буланкин, которые соответственно представляли наркомпросы РСФСР и Украины, были убеждены выступавшими в правильности такого курса. Хотя многим пришлось бы покинуть места, где они столь хорошо служили делу охраны природы, предложение

* Попытки разграничения функционального назначения заповедников не были осуществлены на практике, сдержать натиск прагматиков и хозяйственников на заповедные территории не удалось. К «резерватам», о которых говорилось выше, можно было бы, правда, отнести охотничьи заказники, но они в большинстве своем существовали лишь номинально и — в отличие от заповедников — никогда не были официальными государственными учреждениями.— *Прим. ред.*

передать республиканские госкомитеты и заповедники в ведение ЦИК СССР почти не встретило сопротивления. Логичным при этом выглядело решение соответствующим образом реорганизовать ВООП, придав ему ранг всесоюзной организации. В состав нового организационного комитета Всесоюзного общества содействия развитию и охраны природных богатств вошли 24 члена-основателя, отражавшие оба течения в движении за охрану природы, в том числе Смидович, Тер-Оганесов, Макаров, Шиллингер, Станчинский, Бега, представитель Наркомата лесной промышленности СССР, Кулагин, Буланкин и даже несколько заводских рабочих-коммунистов.

Более интересными были выборы почетных членов нового общества. Эта традиция сохранилась с дореволюционных времен, когда у вновь организуемых академических обществ были покровители из числа членов императорской фамилии. К. Е. Ворошилов и С. М. Буденный, два старых друга Аскании-Нова со времен гражданской войны, а также Н. В. Крыленко, часто с благодарностью вспоминаемый в связи с его борьбой против «левого уклона» во время культурной революции, были избраны такими почетными членами. От научного сообщества почетными членами были выбраны академик Н. И. Вавилов, находившийся в зените своей карьеры, будучи президентом ВАСХНИЛ, и Б. А. Келлер, быстро восходящая «звезда» Академии наук СССР. Остальные избранники были из политических кругов. Выборы, однако, обнаружили и меру политической бесхитростности части деятелей охраны природы. К 1937 г. на политической арене сохранились лишь Келлер, Буденный и Ворошилов. Остальные либо уже умерли, либо вскоре стали жертвами репрессий второй половины 30-х годов.

По завершении съезда дело охраны природы в Советском Союзе снова оказалось на распутье. Выбор ярко характеризовался двумя обликами Аскании: либо центр экологических исследований, которым она была недолгое время при Станчинском, либо центр гибридизации и акклиматизации животных, в который она превратилась.

Глава 14

Охрана природы без экологии: лысенковщина

Профессиональные натуралисты со все большим опасением следили за тем, как утвердившийся на своих позициях И. И. Презент вел шумную пропаганду того, что он считал творческой, передовой биологией. В соответствии с его пониманием науки и общества развитие науки при капитализме неизбежно подавлялось ограниченными возможностями для исследований (например, даже такой выдающийся исследователь, как физиолог растений К. А. Тимирязев, был вынужден проводить свои эксперименты на очень несовершенном оборудовании) и порочной замкнутостью теории, не подлежащей проверке практикой. В особенности отсталым были науки, изучавшие то, что Презент именовал «так называемой дикой природой»,— фаунистика, геоботаника и биоценология. Отражая низкий уровень хозяйственного развития в дореволюционной России в целом, относительно которого Презент говорил, что он был не в состоянии удовлетворить потребности науки в глубоком изучении законов жизни животных и растений в «дикой природе», эти дисциплины не имели возможности разработать необходимую технику и методику полевых исследований. Хуже того, натуралисты мирились с таким печальным состоянием дел, исповедуя кредо «сперва изучение, а эксперимент потом» — девиз «буржуазного» метода (Презент, 1934).

Триумф социалистической революции в России, однако, предоставил все необходимые условия не только для того, чтобы преодолеть эти трудности, но также и превзойти капиталистическую науку, заявил Презент. Как сказал нарком земледелия Яковлев на последнем заседании коллегии наркомата, ныне возможно решать проблемы за короткое время. Такие эксперименты, как, например, по определению районов, в которых может произрастать хлопок, будут теперь проводиться не на крохотных экспериментальных делянках в течение многих лет, лишая общество возможности извлекать немедленную прибыль; теперь, заявил нарком, можно осуществлять наши эксперименты на площади в десятки тысяч гектаров (см.: Презент, 1932). К этому Презент добавил, что преобразование природы в процессе экономического развития само по себе представляет единый гигантский эксперимент;

глубокие изменения, происходящие в целых популяциях, а фактически и целых ландшафтах, могут теперь исследоваться по мере их осуществления (там же).

Кроме создания новых возможностей для научных исследований, утверждал Презент, социализм обогащает научное развитие гармоничным сочетанием теории и практики, причем практика выступает в роли критерия научной истины. Если для «буржуазных» ученых такая проверка теории практикой означает просто убежденность в решающей роли эксперимента, то Презент имел в виду нечто иное. Безоговорочно утвердить истинность научной теории может лишь «общественно-хозяйственная практика». Таким образом, результаты, полученные в лаборатории, на маленьком экспериментальном участке, или даже полевые наблюдения имеют меньшее значение, чем результаты опытных насаждений или акклиматизаций, проведенных на территории в десятки тысяч гектар. В этом утверждении было немало скрытой иронии, поскольку первые демонстрации Лысенко превращения озимой пшеницы в яровую были проведены в паре цветочных горшков и, уж во всяком случае, никогда не были успешно повторены в лабораторных условиях, не говоря уже о полевых. Как утверждает Давид Жоравски, «научная истина» превратилась в заложницу лиц, вынужденных ради самосохранения подавать победные реляции о результатах новых массовых хозяйственных «эксперментов». Как показало «дело Лысенко», массовые приписки и искажения в отчетах приводили к официальному утверждению соответствующих биологических взглядов.

Несмотря на замечательные условия для развития науки, великодушно созданные Советской властью, еще существовали, по мнению Презента, потенциальные силы, препятствующие прогрессу. Главной среди них было множество натуралистов, сохранивших «дореволюционный» образ мыслей. Вместо того чтобы вдохновенно «революционизировать» жизнь растений и животных, к чему призвал их Яковлев, они стремились замкнуться в пассивной «любви к природе» (там же).

В основе такого пассивного, созерцательного и даже раболепного подхода к природе, по мнению Презента, лежала ошибочная убежденность холицистов в том, что не подвергающиеся эксплуатации экологические системы находятся в состоянии природной гармонии, которая может быть так же легко нарушена социалистической хозяйственной деятельностью, как и капиталистической. Фактически, утверждал Презент, существует небольшая группа ученых, которые, придерживаясь теории гармонического равновесия, утверждают, что природа мстит тем, кто нарушает установленные ею границы, и даже что социализм находится под

угрозой такой мести (Презент, 1934). Похоже, что они представляют себе природу, продолжал он, облаченной в «жандармский мундир» и обладающей способностью препятствовать общественно-экономическим изменениям, нежелательным для нее (Презент, 1932).

Одним из приверженцев концепции, вызвавшей резкую критику Презента, был агроном Б. Демчинский, который, по Презенту, исповедовал философию защиты свободной природы от рук человека; человек должен пассивно пользоваться щедротами природы, но ни в коем случае не перестраивать ее. Демчинский, как и другие ученые, склонные к охране природы, в защиту своей позиции ссылался на знаменитый параграф из работы Энгельса «Роль труда...» и доказывал в своей опубликованной в 1932 г. книге, что организмы всегда находятся в состоянии равновесия со средой. Соответственно, изменения как среды, так и организма, производимые с сельскохозяйственными целями, должны всегда понижать приспособленность организма и разрушать существовавшую ранее гармонию. В цитируемой работе Презент утверждает, что идеи Демчинского «ведут практически к отказу от... всех типов акклиматизации сельскохозяйственных растений» и фактически вообще к отказу от любого возделывания сельскохозяйственных культур. Позиция Демчинского в отношении селекционных станций была в искаженной форме представлена так, будто бы он изображал их «уникального типа заповедниками, в которых вредное влияние условий возделывания должно быть устранено». Презент считал, что книга Демчинского опасна с двух точек зрения: она одновременно искажает марксизм и саботирует социалистическое строительство. Это попросту «чистой воды вредительство». «Мы должны дать твердый большевистский отпор книге Демчинского,— писал Презент,— поскольку Демчинский не одинок» (Презент, 1934а).

И действительно, Презент не жалел ни бумаги, ни чернил, предостерегая советское общество от угрозы со стороны тех, кто намерен подложить «теоретическую мину под наше (социалистическое) строительство». Другой заметной мишенью его нападок был соратник Станчинского по Аскании и председатель Украинского комитета охраны памятников природы (УКОПП) видный ботаник А. А. Яната, который совершил непростительный грех, защищая целинные степи от распашки и от использования их для акклиматизации интродуцированных разновидностей, пытаясь сохранить Асканию-Нова как экологический заповедник. Презент закончил свою статью, полемически обыгрывая заголовок знаменитой работы Энгельса: «Огромные массы советских ученых... все советское общественное мнение восстанут против этой клеветы на

марксизм, этой антисельскохозяйственной направленности, этой философии *превращения человека в обезьяну*» (курсив мой.— *Д. В.*) (там же, с. 202).

Диалектический ответ экологов

Правильно оценив ситуацию, советские экологи приступили к пересмотру как своих позиций, так и формулировок, в которые они их облекали. Во многих случаях такие попытки предпринимались с целью сохранить основные черты комплексного подхода к проблемам экологии, принимая при этом во внимание философскую критику с марксистских позиций и устраняя из доктрины положения, выглядевшие телеологически или идеалистически. Так, например, В. Н. Буковский строил свою аргументацию в пользу понятия об относительной саморегуляции в биоценозах, противопоставляя ее абсолютной саморегуляции (Буковский, 1935).

Аналогичным образом Буковский критиковал хорошо известные попытки Пачоского провести аналогию между человеческим обществом и растительными сообществами. Возражал он также против взглядов Беклемишева, сопоставлявшего биоценоз с отдельным организмом, и Тинеманна, который, идя еще дальше, определял биоценоз как настоящий организм второго порядка. Однако такие различия были слишком тонкими для невежественных апологетов диалектического материализма. Поэтому, возражая против полной замкнутости экологического сообщества, Буковский использовал крайние редукционистские позиции Тинеманна, Пачоского и Беклемишева вместе взятых как фон, от которого выгодно отличалась его диалектическая позиция, в соответствии с которой экологические сообщества хотя и обладают некоторой способностью к саморегуляции, но совсем не в том смысле, что отдельный организм.

Демонстрируя свои диалектические убеждения, Буковский готовил оружие против своей основной мишени — континуальной теории растительного покрова. Придерживавшиеся этой теории ученые, возглавляемые Еленкиным, Раменским, Комаровым и Ильинским, считали, что все изменения в растительном покрове обусловлены внешними факторами, такими, как климат, геологические катаклизмы и т. п., а не конкуренцией или мутуализмом, как полагал Буковский. Подчеркивая существенную зависимость растительного покрова от абиотических факторов и недооценивая биотические связи между самими растениями и остальной биотой, противостоящие холицистам сторонники континуальной теории, таким образом, принижали или даже полностью отрицали эффекты, свойственные собственно живой природе. Такая пози-

ция лучше отвечала задачам великого преобразования природы, чем холистические воззрения, даже в модифицированной Буковским форме. Опасаясь последствий победы антихолистических взглядов, Буковский усилил защиту своих позиций и перешел в наступление. С недюжинным полемическим искусством он объявил группу континуалистов духовными преемниками великого немецкого эколога Карла Мёбиуса (который в действительности был духовным отцом холистического лагеря), в особенности в отношении его взглядов на биоценоз как на морфологически статичную целостность, фиксированную и неподвижную. Он объявил теорию растительного континуума не более и не менее, как механистической теорией равновесия биоценозов, а это словосочетание не могло не наводить на ум воспоминание об аналогичной теории общественно-экономического развития Бухарина, столь жестоко высмеянной Сталиным в 1929 г. Буковский мог наклеить этот ярлык на Еленкина и его коллег, поскольку поразительным образом сами антихолицисты сперва называли свою концепцию «теорией динамического равновесия». Фактически, однако, весь «динамизм» в рамках их модели был обусловлен внешними факторами. В ней не было места для внутреннего диалектического развития экологического сообщества, и сам термин «равновесие» был выбран исключительно неудачно, поскольку он предполагает существование системы, а именно это и отрицали холицисты. В соответствии с их теорией было бы более правильно описывать растительность как некий набор статических состояний. Как бы то ни было, антихолицисты сами дали Буковскому в руки оружие, и он не удержался от того, чтобы поставить им в укор употребление нежелательного понятия «равновесие», того самого, которым еще недавно травили холицистов.

Статью Буковского можно рассматривать как элегантное упражнение в научной дипломатии. Отрицая крайности, он создавал себе возможность защищать модифицированный холизм как позицию, разумно противостоящую крайностям. Кроме того, его критика Пачоского, Беклемишева и Тинеманна (двоих из них в это время уже не было в СССР) не причиняла экологии вреда по сравнению с тем уроном, который ей уже нанесла критика деборианцев. И наконец, он надеялся, что правительство скорее предпочтет диалектическую науку в лице холистической экологии, чем противостоящую ей механистическую концепцию, несмотря на то что последняя более созвучна духу великого преобразования природы. Сделав столь высокую ставку, Буковский не видел ничего дурного в легком «шулерстве», приписывая термин «равновесие», который ассоциируется с противодействием экологов прожектам преобразования природы, сторонникам континуальной концеп-

ции, тогда как в действительности это понятие более отвечало холистическому подходу.

Обеспокоенный острейшей необходимостью сделать свои взгляды более приемлемыми для «официального» образа мысли, Станчинский также модифицировал и развил свои экологические воззрения, выделяя в них стороны, отличные от тех, которые он подчеркивал в своих выступлениях и статьях 1930—1931 гг. Так же как и Буковский, Станчинский обнаружил, что диалектический подход не просто политически выгоден, но и может быть эффективным элементом интеллектуальной работы.

Ни в коей мере не отказываясь от трофической динамики как от ключа к пониманию экологических сообществ, Станчинский сосредоточил внимание на историческом и динамическом аспектах своей концепции биоценозов, отличающих ее от телеологической, структуралистской и статической концепций, которые были в высшей степени дискредитированы. Для того чтобы прояснить свое понимание экологических систем, Станчинский детально анализировал отличие своих взглядов от воззрений других школ. Его отрицание телеологических представлений было безоговорочным. Биоценозы в отличие от живых организмов не развивались заранее определенным путем вследствие реализации заложенных в них генетических программ. Вместо этого он предлагал взгляд на биоценоз как на систему видов, взаимно исторически сложившиеся приспособления которых друг к другу и к общей для них и создаваемой ими абиотической среде были диалектичными, заранее не запланированными, непредсказуемыми и неповторимыми. Развитие биоценозов было, как в калейдоскопе, результатом возникновения новых эволюционных фактов в бесконечном потоке взаимодействий.

Однако среди этих мириадов взаимодействий в биоценозе выделялись основные структурообразующие единицы — биоценотические системы видов, связанных между собой особыми взаимоотношениями в пищевую сеть.

В своей, по нашему убеждению, весьма значительной, хотя и малоизвестной, недооцененной в свое время работе «К пониманию биоценоза» (1933а) В. В. Станчинский дал четкую классификацию типов трофических взаимодействий, наблюдавшихся автором во время полевых работ в Аскании, а также схематическое иллюстративное изображение этих структур. Особый интерес представляют рассуждения Станчинского относительно влияния, которое оказывает эволюция биоценотических систем на процессы видообразования. Ученый предлагает гипотезу, в соответствии с которой степень разветвленности биоценоза определяет возможности, которые он предоставляет для потенциально новых ви-

дов. Чем более заселена экосистема, тем более специализированным должен быть новый вид, для того чтобы иметь возможность занять в системе экологическую нишу. Близкие идеи можно найти в ряде значительно более поздних работ таких экологов, как Дж. Э. Хатчисон, Р. А. Макартур и др. Станчинский показал, что в биоценотических системах можно выделить полуавтономные образования, функционально расположенные друг над другом и представлявшие как бы трофическую лестницу в миниатюре, но иногда связи между ними были неправдоподобно сложными и запутанными, и Станчинский начал работу по изучению и наглядной классификации этих ценотических систем (там же, с. 26).

Защитив трофическую динамику как прогрессивный исторический и диалектический подход к биоценологии, Станчинский затем стремится четко отделить свое понимание существования «пропорциональности» в биоценозах от дискредитированной концепции «равновесия», которую он ныне также отвергал как формалистическую. Приверженцы этой концепции (к числу которых он сам принадлежал еще столь недавно), отмечая существование сравнительно устойчивых численных соотношений между популяциями различных видов природных сообществ («пропорциональность»), так же как и существование флуктуаций этих популяций вокруг нормы, спешили заключить, что биоценоз, следовательно, находится в состоянии равновесия. Более того, они расценивали существование равновесия как свидетельство присущей биоценозу способности к саморегуляции и даже к организации использования энергии наиболее эффективным способом. Станчинский ясно давал понять, что ныне он расценивает эти идеи как «идеалистические концепции» и «формалистический подход» к проблеме (там же, с. 24).

В противовес такой концепции Станчинский развивает свое более диалектическое понимание пропорциональности. Не отрицая существования состояния равновесия в биоценозах на коротких промежутках времени, он при этом подчеркивает их относительный и преходящий характер, укрепляя свою аргументацию цитатой из «Анти-Дюринга» Энгельса. Так, по Станчинскому, равновесие, наблюдаемое в природе,— это «не равновесие в обычном смысле слова», и даже не в «относительном смысле». Вообще он считал, что следует избегать использования этого термина при описании свойств биоценозов. Вместо этого он предлагал считать, что биоценоз характеризуется свойством пропорциональности (соразмерности), которое отражает органическую, гармоничную преемственность между прошлым и будущим состоянием системы. «В противоположность равновесной системе биоценоз находится в движении в силу присущей биоценозу динамики... что

ведет к преобразованиям... к эволюции, и выражается прежде в так называемых «сукцессиях» биоценозов. Не равновесие... а именно отсутствие равновесия характерно для биоценозов» (там же, с. 26).

У нас есть основания для ответственного заключения о том, что В. В. Станчинский предвидел концепцию экосистемы, впервые предложенную в 1935 г. Артуром Дж. Тенсли *.

И наконец, Станчинский отказывался от приписываемой ему склонности рассматривать биоценоз как замкнутую самоподдерживающуюся систему. Во многом так же, как и Буковский, он подчеркивал «двойственную принадлежность» или даже «множественное гражданство» фауны соседних биоценозов в качестве обоснования своей точки зрения. Нередко, обращал он внимание, животные, совершающие миграции, оказываются в удаленных экосистемах, иногда на других континентах; бывает, что организмы проводят в определенном конкретном местообитании лишь часть жизненного цикла. Эти организмы создают теоретическую и практическую трудность для биоценолога, отмечает Станчинский, и они, по-видимому, делают невозможным определение границ между отдельными биоценозами. Таким образом, Станчинский и его коллеги старались сохранить то ценное, что было в новой экологии, от нападок, освобождаясь от умозрительных элементов своих концепций и высвечивая созвучность оставшегося с диалектическим образом мыслей. Они также демонстрировали интеллектуальное мужество, отказываясь от голых, априорных схем структуралистов и признавая тот факт, что действительность оказалась обескураживающе запутанной. Это была особенно мужественная позиция, поскольку она означала отказ от намерения превратить экологию в точную, позволяющую делать строгие предсказания науку наподобие физики, а это было то немногое, что могло тогда дать экологии хоть какую-то надежду на получение ранга узаконенной науки.

Неудивительно, что Станчинский также пришел к заключению, что в сложившейся обстановке активная самокритика — вещь неплохая. В материалах, которые он подготовил к V съезду зоологов, Станчинский, оценивая ситуацию в целом, критиковал IV съезд за то, что тот следовал по старым, проторенным путям буржуазной науки (Станчинский, 1933 с. 33).

Оставив надежду на то, что великого преобразования природы в стране удастся избежать, Станчинский переключил свои усилия на разработку истинно научных основ этого дела. Для того чтобы научиться управлять биоценозами, писал он, прежде всего необ-

* См.: A. G. Tansley. The Use and Aluse of Vegetational Concepts and Terms.— "Ecology", 1935, p. 16.— *Прим. авт.*

ходимо понять, как функционируют здоровые, не затронутые воздействием человека биоценозы в природе. Альтернативой, отмечал он, может быть лишь то, что мы наблюдаем в окружающей действительности: осквернённые, наполовину разрушенные природные сообщества.

Аналогичным образом если «до самого последнего времени акклиматизация проводилась в духе голого эмпиризма, без каких-либо теоретических обоснований», то в настоящее время теоретическое развитие этой проблемы становится «насущной необходимостью» (там же, с. 35). Наконец-то перед ним возникла возможность развивать такие исследования.

После того как летом 1932 г. Степной институт был ликвидирован, Станчинскому и другим научным сотрудникам Аскании было предписано заняться разработкой теоретических основ акклиматизации. Перед Станчинским встала проблема выполнения этого задания при одновременном сохранении целостности своих экологических воззрений. Как писал он в предисловии к своей работе «Теоретические основы акклиматизации животных: задачи, пути и методы акклиматизации животных», нет никаких сомнений в том, что «социалистическая наука ставит перед учеными совершенно новые задачи, неслыханные в буржуазной науке». Эти новые задачи наложили сильный отпечаток на проект Станчинского, особенно в свете эволюции его научных взглядов (1933).

Акклиматизация, которую Станчинский определял широко, как переселение человеком диких или домашних животных из их естественных природных местообитаний в новые, их выживание в новых местообитаниях и сохранение ими способности производить плодовитое потомство, представлялась ему совокупностью сложных научных проблем. Прежде всего, каждый вид животных мог существовать лишь в ограниченном наборе местообитаний, и даже животные, способные к существованию в новых условиях, далеко не всегда сохраняли при этом свои хозяйственно ценные признаки. Во-вторых, существовали также биоценотические ограничения на акклиматизацию: так, европейский крупный рогатый скот нельзя было разводить в диких районах Африки, поскольку он был восприимчив к укусам мухи цеце и обречен, таким образом, на гибель. В-третьих, существовало давно известное экологическое возражение, состоявшее в том, что интродукция новых видов может причинить серьезный вред сообществу, поскольку есть риск, что они превратятся во вредителей или сорняки.

Масштаб проблемы в целом определялся сложной природой акклиматизации: синергетическим сочетанием принципов классической генетики и экологии сообществ. Не случайно поэтому Станчинский поддерживал «грандиозную научную работу, прово-

димую академиком Н. И. Вавиловым», как модель научнообоснованной акклиматизации.

Для того чтобы навести порядок в этой области, для которой ранее характерными были лишь общие и поверхностные соображения, Станчинский упорядочил свои собственные представления об акклиматизации в хорошо систематизированной форме. Он последовательно перечислил и оценил все логически возможные типы акклиматизации.

Первый тип, который он обозначил как фенотипическую акклиматизацию, характеризовался отсутствием каких-либо изменений в генотипе или генетической структуре интродуцированных форм. Иногда при этом никаких изменений не происходило и в фенотипе (внешнем облике) интродуцированных форм, и такой процесс Станчинский назвал эндофенотипической акклиматизацией. По Станчинскому, примерами такого типа акклиматизации могли быть переселения серой крысы из Азии в Северную Америку через Европу и интродукция азиатской мангусты на Ямайку. Никаких наблюдаемых изменений их облика при этом не произошло. Эта широкая категория включала в себя также экологически пластичные виды, наследственность которых не претерпевала изменений от поколения к поколению, но популяции которых обладали способностью к ненаследуемым приспособлениям их внешних признаков; этот процесс Станчинский ранее назвал морфозисом. Такое разнообразие фенотипических адаптаций он обозначил как экзотипическую акклиматизацию, примером которой могла служить способность многих пород овец к длинношерстности в более влажном климате. Их генотип допускал в зависимости от внешних условий широкий спектр различных фенотипических проявлений.

Даже работая с экологически пластичными видами, эколог должен отдавать себе отчет в том, что в рамках вида существуют некоторые географические расы, или подвиды, более адаптивные по сравнению с другими. Каждая из таких подгрупп обладает отличными от других потребностями, в частности в питании, возникшими в процессе их индивидуальной эволюционной истории и географической изоляции, и составляет то, что Станчинский называл отдельным экотипом. Работа готовящего акклиматизацию зоолога состоит в том, чтобы определить экологические потребности каждого экотипа данного вида и затем использовать полученную информацию, для того чтобы выбрать для потенциально нового местообитания наиболее подходящий экотип.

По утверждению Станчинского, фенотипическая акклиматизация была единственным типом акклиматизации, при котором могла быть некоторая уверенность в успехе этого мероприятия (по

крайней мере с точки зрения интродуцируемого вида растений или животных), поскольку это был единственный тип, при котором предлагалось использование лишь адаптивных возможностей, предусмотренных генетическим кодом организма.

Второй широкий тип акклиматизации он обозначил термином «генотипическая акклиматизация», поскольку он был основан на изменениях генотипической структуры интродуцируемых форм, дающих им возможность успешно существовать в новых условиях. Такие изменения генетического материала могли возникать либо в результате естественно происходящих мутаций (экотипическая геноакклиматизация), либо в результате появления гибридных разновидностей в процессе скрещивания интродуцированных форм с местными разновидностями (миксотипическая геноакклиматизация).

Что касается первой возможности, то надежд на естественные адаптивные мутации в генетической структуре интродуцируемых форм было, по мнению Станчинского, мало как вследствие редкости естественных мутаций, так и в силу малой вероятности того, что они окажутся адаптивными. Комбинирование генов уже приспособленных, местных рас с генами интродуцированных разновидностей, как это делал Вавилов, давало большую уверенность в успехе. Во всем этом обсуждении возможных типов акклиматизации было вызывающим образом исключено какое бы то ни было упоминание об акклиматизации в ламаркистском духе *.

Возвращаясь затем к рассмотрению экологических аспектов проблемы, Станчинский подчеркивал, что он стремится отыскать «оптимальные» (имея в виду адекватные) условия для интродукции биоты, но не «сверхоптимальные», при которых не существует естественного контроля за численностью интродуцированного вида и в результате тот может превратиться во вредителя. Глубоко проникая в суть проблемы, он обращал внимание на то, что физиологический оптимум экзотического вида может не всегда совпадать с экономическими и социальными намерениями общества. Действительно, не было никаких гарантий того, что, оказавшись в физиологически оптимальных условиях, интродуцированная форма сохранит те хозяйственно ценные признаки, которые и послужили в первую очередь причиной ее интродукции.

И наконец, Станчинский возражал против теории «экологически пустых местообитаний». Признавая возможность их существования в принципе, он, однако, отмечал, что «в подавляющем большинстве случаев» экологически сходные территории, на которые может успешно проводиться интродукция, обычно уже за-

* Заметим, что известный генетик Серебровский А. С. был коллегой Станчинского по работе в Аскании.— *Прим. авт.*

селены сходными видами, т. е. экологическими типами (экотипами) со сходными кормовыми и другими потребностями. Чуждый вид может войти в естественное сообщество только в том случае, если он более высоко дифференцирован по сравнению с местными формами, т. е. способен реализовать действительно вакантную экологическую нишу. Такой исход Станчинский назвал «внутриценотическим вселением». С другой стороны, успешная акклиматизация экзотического вида может происходить полностью за счет местных форм, не выдержавших конкуренции за спорные ресурсы, в соответствии с законом конкурентного исключения Гаузе, и такую ситуацию Станчинский назвал «выселением». В худшем случае успешная интродукция могла приводить к потере устойчивости биоценозом в целом (перенаселение). Такой исход мог причинить больше вреда, чем пользы (там же, с. 55—56).

Хотя работа Станчинского характеризовалась четкой, недвусмысленной логикой, но ни эта логика, ни тем более «защитная окраска» очерка не могли восстановить его доброе имя в глазах его преследователей. Его теория акклиматизации означала крах для него самого. Практически всемогущий еще три года назад, ныне Станчинский превратился в Аскании в крепостного Института гибридизации и акклиматизации. Для врагов Станчинского его работа по акклиматизации открыла возможность наконец покончить с ним. Теперь на него посыпались все более жестокие удары. Публикация уже набранного текста его основной работы о трофической динамике Асканийской степи была внезапно запрещена. На стадии верстки она была признана неактуальной, а дальнейшие исследования прекращены как «не имеющие практического назначения»,— вспоминают бывшие сотрудники Станчинского Н. Т. Нечаева и С. И. Медведев (1977). Неудивительно, что основными критиками его исследований были Т. Д. Лысенко и И. И. Презент, осуществившие свой вердикт после полной победы в Аскании летом 1933 г.

С. И. Медведев обратился в Украинскую академию сельскохозяйственных наук, говоря о крайне важных результатах, полученных Станчинским и руководимым им коллективом и содержащихся в его книге, призывая прекратить преследование своего руководителя. Но этот крик души остался без последствий (Медведев, 1933).

В 1933 г. Станчинский был «разоблачен» на партийном комитете по чистке. Кроме него, в разной степени пострадали С. И. Медведев, А. А. Яната, эколог А. П. Гунали, И. В. Гончаров (исключенный из партии) и даже Б. К. Фортунатов, предлагавший свой план преобразования фауны. В духе того жестокого времени они были объявлены новым директором Аскании, верным сто-

ронником Лысенко А. А. Нуриновым, «ублюдками человеческого общества» и «вредителями». Особый интерес представляет диагноз партийного комитета по чистке, согласно которому Станчинский коварно протаскивал свои контрреволюционные, вредные теории в труды института, выступая вместе со своими учениками под маской прогрессивного советского ученого (Нуринов, 1935).

«Защитная окраска» перестала защищать. Карьера Стачинского, обвиненного в пренебрежении проводимыми в институте работами по акклиматизации и в попытках саботажа работ М. Ф. Иванова по селекции свиней, завершилась. Подобно Кожевникову (скончавшемуся за день до закрытия съезда по охране природы, 1933 г.), Станчинский был смещен со всех занимаемых им постов. Он был лишен возможности публиковаться. Должность редактора «Журнала экологии и биоценологии» перешла к его старому другу, Д. Н. Кашкарову, который занимал политически более приемлемую позицию. На четыре года Станчинский полностью исчез. Известно, что в конце 30-х годов он становится старшим научным сотрудником Центрально-Лесного заповедника, где его приютил старый друг, директор заповедника Г. Л. Граве. Закончив работать в заповеднике, Станчинский умер в полной безвестности в тюрьме г. Вологды в 1942 г. Помимо закрытия в СССР работ по трофической динамике, по-видимому, еще одним результатом падения Станчинского была отмена V Всесоюзного съезда зоологов, анатомов и гистологов, который должен был состояться в Харькове в 1933 г. и основным организатором которого должен был быть Станчинский.

После устранения «вредителей» Всесоюзный институт сельскохозяйственной гибридизации и акклиматизации животных в Аскании-Нова превращается в колоссальное учреждение, на которое опирались Лысенко и Презент на своем пути к владычеству над всей советской биологией. Общая численность сотрудников института составляла около 2 тыс. человек (из них 150 научных сотрудников) при бюджете 5 млн. 438 тыс. руб. (Гребень, 1937). Все это было «наградой за труды» Лысенко и Презента, а заповедник превратился в поставщика угодных им кадров «акклиматизаторов» для других научных учреждений. Ярким примером может служить Л. К. Гребень, впоследствии действительный член ВАСХНИЛ и АН УССР.

На собравшейся в январе 1934 г. в Ботаническом институте АН СССР экологической конференции, посвященной проблеме биоценозов, Презент объяснил, почему были прекращены экологические исследования Станчинского в Аскании. Неудивительно, что одной из основных среди перечисленных причин были «реакционные» экологические взгляды Станчинского, в соответствии с кото-

рыми существовали естественные пределы возможностям человеческой культуры трансформировать природу. По Презенту, Станчинский ошибочно принимал существующее географическое распределение организмов за единственное биологически возможное. Основываясь на этих взглядах, Станчинский приходил к заключению, что для того, чтобы акклиматизировать растения или животных в новом местообитании, необходимо найти новые условия, аналогичные условиям в их прежнем местообитании.

Однако, возражает Презент, «наличная среда обитания и оптимальные необходимые условия далеко не всегда и не во всем совпадают». В поисках физиологически «оптимальных» условий для организма Презент полностью пренебрег проанализированным Станчинским довольно тонким различием между биологическим и хозяйственным оптимумами и заявлял: «Мы никоим образом не должны идти пу́тем ограничения интродукционных пунктов поисками аналогичной среды обитания» (Презент, 1934б, с. 59). Ссылаясь на наблюдения Дарвина, обращавшего внимание на то, что животные и растения далеко не абсолютно приспособлены к местным условиям их обитания, Презент подчеркивал, что управляемая человеческой культурой природа в своих возможностях «гораздо богаче» тех, которые в действительности реализуются на поверхности Земли (там же).

Второй вызвавшей ожесточенные нападки характерной чертой работ Станчинского была его сильная склонность к математике, к использованию символических выражений для описания природных систем и процессов и статистического анализа выборочных данных. К несчастью для Станчинского (который, по иронии судьбы, уже оставил надежду превратить экологию в полностью математизированную, точную науку), Презент и Лысенко считали, что таким методам не место в биологических науках. Как заявил Презент на экологической конференции, «экология — биологическая наука, и ее методы, следовательно, должны быть биологическими. Нельзя позволять математике узурпировать биологическое содержание... Это нужно с особенной силой подчеркнуть... мы заинтересованы в конкретном знании, а не в алгебраических знаках, обезличивающих специфическое биологическое содержание» (там же, с. 61).

В частности, Презент осуждал наметившуюся в современной экологии, в значительной степени благодаря работам Станчинского, тенденцию к изучению продуктивности, или «биомассы», вместо того чтобы, как призывал Презент, заняться изучением «закономерностей конкретных биологических объектов» (там же). При этом, по Презенту, ошибки, связанные с применением математического подхода, дополнялись явной бесполезностью иссле-

дований продуктивности. Вот как он иллюстрировал свою мысль: «...но разве всякая биомасса хозяйственно одинаково значима? Если благодаря отсутствию необходимых условий... растение богато кустится и дает иногда «биомассу» довольно значительную, но не развивается к репродукции, разве эта «биомасса» биологически равнозначна с «биомассой» зерна? И разве мы заинтересованы во всякой биомассе?» (там же).

Эти сомнения в полезности исследований продуктивности служили как бы естественным введением к нападкам на исследования Станчинского в Аскании, которые Презент охарактеризовал как наиболее вопиющий пример «пустоты математических методов» в биологии. Обращаясь к взятым из работ Станчинского графикам, иллюстрирующим колебания во времени биомасс автотрофов и гетеротрофов в Асканийской степи, Презент вопрошал: «Что вам становится понятным из этой работы, для того чтобы действительно овладеть растительным и животным «покровом»? Как и где появляются какие растения и какие животные? Какое можно дать хоть маленькое конкретное указание из этой сложнейшей математической работы, из этого интеграла? Конечно, ничего. Это — математическая игра, это не научное исследование, а лишь игра в научные формулы» (там же, с. 61—62) *.

Действенность такой критики основывалась на предельном, вплоть до абсурда упрощении идей Станчинского. При этом выпады Презента подводили к определенной мысли. Эта мысль была проста: математические методы должны быть совершенно изгнаны из биологии. Для обоснования этого положения Презент оснащает свою длинную речь язвительной цитатой из письма Гёте: «Я считаю математику самой высокой и полезной наукой, пока ее прилагают по месту. Однако я не согласен с тем, чтобы употреблять ее в таких вещах, которые совершенно ее не касаются и где благодарная наука оказывается бессмыслием, будто что-либо только тогда может существовать, если может быть доказано математически. Ведь нелепо было бы, если бы кто-нибудь не захотел верить в любовь своей милой на том основании, что ее нельзя доказать математически» (цит. там же, с. 62).

Интересно размышлять о том, почему Презент сконцентрировал свои удары именно на математизации биологии. Во многом похожие друг на друга, и он и Лысенко обладали очень скудными познаниями в области математики **. Математическое невежество

* Характерно, что в этой «обвинительной речи» Презент не упоминает лично Станчинского, который тогда уже был репрессирован.— *Прим. ред.*

** Это обстоятельство отмечалось в работе Лорена Грэхема и других авторов. Чтобы действенно управлять с философских позиций научной работой биологов, Презент и Лысенко либо должны были получить некоторые знания в матема-

само по себе могло быть для таких людей, при их стремлении быть верховными судьями в биологии, достаточной причиной для того, чтобы ополчиться на количественные исследования (как могли они эффективно управлять тем, в чем ничего не понимали?). Однако, по-видимому, существовали и другие причины. Одной из них могло быть основанное на философских соображениях неприятие статистических методов догматиками-марксистами. Барринтон Мур-младший обращает внимание на то, что статистическая концепция вероятности должна быть чужда убежденности многих марксистов в том, что все явления однозначно предопределены *. Специалист по истории науки во Франции Чарльз Гиллеспи указывает на существование еще одной связи между научным стилем и идеологией. По его мнению, якобинская биология 1790-х годов отрицала математику в силу ее редукционистского, механистического характера, который противоречил динамичной, ориентированной на изменения революционной идеологии **. Его обращение к Гёте, по-видимому, указывает на то, что в рамках большевистской традиции, находившейся под столь сильным влиянием примера французской революции, дух якобинской науки был еще очень силен. Следует отметить, что противодействие применению математики в биологии было распространено не только в Советском Союзе. На Западе, после того как формальные математические модели отношений «хищник — жертва» Альфреда Лотки вскоре были опровергнуты Гаузе, экологи быстро освободились от ощущения привлекательности таких попыток описания биологического поведения. Особенно раздражало при этом кажущееся высокомерие специалистов по математической экологии. Многие из них пришли в экологию из физики, статистики, химии, они были склонны к априорному теоретизированию. Один из основных выводов из их работ состоял в том, что динамика популяций в значительной степени независима от условий среды их обитания. Кроме того, многие экологи-натуралисты считали, что, поскольку реальные экологические явления уникальны, они не могут быть предсказаны, рассчитаны или смоделированы (Kingsland, 1985, и др.). К середине и концу 30-х годов, в особенности среди старой гвардии экологов-полевиков, это противодействие математике широко распространилось. Вне зависимости от того,

тике, либо запретить ее использование в биологии. Они предпочли второе.— *Прим. авт.*

* См.: B. Jr. Moore. Terror and Progress, USSR. New York, Harper Torchbooks, 1966, pp. 146—147.

** См.: Ch. Gillispie, The Encyclopedie and the Tacobin Philosophy of Science: A Study in Ideas and Consequences.— In: M. Clagett, (ed.). Critical Problems in the History of Science. Madison, Wisconsin, University of Wisconsin Press, 1959, pp. 255—308.— *Прим. авт.*

были ли способны Презент и Лысенко понять и разделить эти принципиальные возражения против алгебраизации экологии, их позиция, безусловно, была привлекательна и для многих советских ученых.

Угрозы Презента в адрес математики в биологии, по-видимому, не были пустыми словами. Работа В. В. Алпатова о роли плотности регуляции популяций животных была осуждена как представлявшая «формалистическую, механистическую школу». Таким же образом были квалифицированы основанные на статистике попытки С. А. Северцова исследовать корреляцию между плодовитостью и продолжительностью жизни у животных. В высшей степени оригинальные эксперименты Г. Ф. Гаузе по динамике популяций (которые, по сути дела, являлись значительным улучшением по сравнению с моделью Лотки, поскольку в них конкретные свойства среды сознательно принимались во внимание) также были подвергнуты осуждению. Это, по-видимому, побудило его оставить экологию и заняться микробиологией. Даже Д. Н. Кашкаров, признавший свои прошлые «ошибки» и впоследствии даже вступивший в партию, не избежал критики за высказывания, поддерживающие представления о популяциях животных как саморегулирующихся объектах в рамках биоценотического равновесия. С еще большей яростью была атакована экология после печально знаменитой сессии ВАСХНИЛ в августе 1948 г., после которой нападки на экологов снова усилились (Презент, 1951; Маркевич, 1951 и др.). Последний из этих авторов на экологической конференции в Киеве утверждал, что главная задача советских экологов заключается в том, чтобы «полностью очистить экологию от вейсманизма-морганизма, от формального понимания взаимосвязи организмов и среды, от созерцательности и стремления спекулятивными схемами в отрыве от практики познавать закономерности условий существования вида» (Маркевич, 1951, с. 15—16). Хотя Нечаева и Медведев, возможно, несколько сгущают краски, когда пишут, что «теоретические исследования в биологии, в том числе экология и биоценология, по крайней мере на два десятилетия были исключены из научных планов не только в Аскании-Нова, но и во всех научных учреждениях» (Нечаева, Медведев, 1977), тем не менее несомненно, что концептуальное развитие этих наук было сильно заторможено. Во всяком случае, после изгнания Станчинского экологическая энергетика (трофическая динамика) была действительно полностью исключена из исследований советских научных учреждений, и этот великий эколог почти никогда не цитировался в научной литературе. Как бы то ни было, представляется невероятным, чтобы новые вершители судеб в биологии осуществляли тотальный контроль над всеми по-

левыми исследованиями. Работы по изучению продуктивности, (некоторые из них находились под влиянием работ Станчинского), продолжали потихоньку и в очень ограниченных масштабах проводиться в заповедниках и на академических биологических станциях*. Одно из таких исследований, проведенное В. С. Ивлевым в Астраханском заповеднике, было посвящено потреблению и эффективности переработки энергии многощетинковыми червями литорали Каспийского моря. Впоследствии эти данные были использованы Раймондом Л. Линдеманом, работавшим под руководством Дж. Эвелин Хатчинсона, в его исследованиях по экологической энергетике, выполненных в США в начале 40-х годов **.

После окончания экологической конференции Презент получил среди советских ученых широкую известность как законченный подлец. Хотя среди его высказываний случались и дельные, они были полностью заслонены его репутацией беспринципного и не останавливающегося ни перед чем карьериста. Это впечатление впоследствии еще более укрепилось после кампании, проведенной им совместно с Лысенко против менделевской генетики.

Для Презента и для теории акклиматизации возражения, выдвинутые против акклиматизации с позиции генетики, в том виде, в котором они были сформулированы Кожевниковым и Станчинским, составляли еще не решенную проблему. Классические генетики возражали даже против утверждения Лысенко о том, что новые виды можно создавать посредством гибридизации, поскольку она якобы расшатывает консервативную наследственность, позволяя трансформирующим факторам среды в целом перестроить наследственные характеристики потомства. Незадолго до своего изгнания вслед за Станчинским в 1934 г. из Аскании-Нова генетик А. С. Серебровский высказал сильные возражения против такого несистематического подхода: «Ясно, что работать на авось, как-нибудь, авось что-нибудь да выйдет интересное, он не может, не имеет права, как архитектор не имеет права на авось складывать кирпичи, балки и т. д. в надежде, что авось выйдет на что-нибудь пригодное» (Серебровский, 1933).

Ясно, что такие ученые, как Серебровский, сомневавшиеся во всемогуществе советской практики, не могли быть более терпимы. Однако в деле акклиматизации и гибридизации практика по-прежнему опережала теорию. Например, еще в конце 1934 г., ког-

* Есть основание видеть по крайней мере косвенное влияние идей Станчинского в работах таких гидробиологов, как Г. Г Винберг, В. С. Ивлев, М. В. Ермолаев, и некоторых других, а также ряда энтомологов.— *Прим. авт.*

** См.: R. L. Lindeman, The Trophic—Dynamic Aspect of Ecology.— "Ecology", 1942, vol. 23, № 4, pp. 388—418, esp. p. 403.— *Прим. авт.*

да акклиматизация приобрела важное экономическое значение и проникла даже в заповедники, Презент все еще продолжал разоблачать «механо-ламаркизм» как мелкобуржуазную псевдонауку, базирующуюся на телеологических принципах *. Лишь к концу 1934 г. Презент резко изменил свою точку зрения и начал нападки на понятие гена как на концепцию метафизическую (Презент, 1935). Продолжая резко критиковать ламаркизм и теорию средовой индукции наследственных изменений, он одновременно вступает в конфликт с менделевской генетикой. Ссылаясь на эксперименты Мичурина как противоречащие данным, полученным Лотси и Бетсоном (а также, можно добавить, и Серебровским), Презент подчеркивает возможность создания новых жизнеспособных жизненных форм посредством межвидовой гибридизации. По мнению Презента, это означает опровержение менделевского принципа высшим авторитетом — И. В. Мичуриным. Урок, который отсюда следовало извлечь, состоит в том, что излишнее доверие к математике приводит к ошибочным формалистическим заключениям и что в действительности следует руководствоваться практикой. Он отмечает также, что, хотя «гениальные ученые» Вейцман, Де Фриз, Мендель и Морган внесли гигантский вклад в биологию, «метафизические и идеалистические стороны учения... повергли генетику в кризис» (там же, с. 255). Между тем в 1931 г., когда Презент подвергал ожесточенной критике Кольцова и Филиппченко за их пропаганду евгеники, его аргументы касались лишь социальных приложений теории, а не ее существа. Смена позиций была для И. И. Презента делом недолгим, и вот менделистско-морганистская генетика, подобно тому как до нее экология, занимает место противника социалистического строительства, поскольку утверждает, что возможности природы не безграничны, и начинается широкомасштабная ожесточенная кампания против генетики. Соответственно, акклиматизация возводится в ранг новой науки (Завадовский, 1935). По словам Б. Н. Завадовского, «эти свободные межвидовые скрещивания без специального принуждения со стороны человека ломают еще недавно существовавшие представления о якобы существующих резких границах между различными видами животных» (там же, с. 16). В этих экспериментах скрещивались гуси с утками, антилопы с оленями и т. п. Однако, как предсказывал Серебровский, общая проблема стерильности гибридов так никогда и не была решена сторонниками Лысенко. Такая разновидность ламаркизма, получившая на-

* См., в частности: Хрестоматию по эволюционному учению. Под ред. И. И. Презента. Л., 1935, где Презент одобрительно отзывается о резко критических высказываниях Бляхера Л. Я. в адрес экспериментов Пауля Каммерера, доказывавшего наследование приобретенных признаков.— *Прим. авт.*

звание мичуринской биологии, постепенно завоевывала официальное положение в качестве единственно приемлемого объяснения изменений, происходящих в процессе эволюции.

Хотя Лысенко и его последователи все время критиковали так называемую менделевскую генетику, собственной теории наследственности и эволюционных изменений, изложенной в четкой и законченной форме, они так никогда и не создали. Как отмечал Грехем (Graham, 1972), Лысенко (хотя он и отрекался от ламаркизма) писал, что он считает материалистическую теорию эволюции «немыслимой без признания наследований приобретенных признаков» (Лысенко, 1958, с. 48). Другие последователи Лысенко и Презента были более осторожны, говоря о своем отношении к учению Ламарка. Так, например, А. П. Маркевич критиковал на конференции 1950 г. утверждение Д. Н. Кашкарова в его учебнике «Основы экологии животных» (М., 1945) о том, что «толкование ламаркистское мы должны решительно оставить. Организм пластичен, организм обладает способностью изменяться под воздействием внешней среды, но мы не имеем никаких доказательств наследования этих изменений как таковых...» (Маркевич, 1951, с. 15).

Охрана природы после съезда 1933 г.

Нам остается вкратце завершить историю первого этапа движения за охрану природы в России, рассказав о судьбе самого движения и судьбе заповедников после съезда 1933 г. Помимо всего прочего, съезд продемонстрировал, что фактически между движением за охрану природы и хозяйственными органами страны идет война. Даже ветеран партии П. Г Смидович подверг последние критике за их исключительно прагматический подход («Труды...», 1935, с. 9). Действительно, с началом пятилеток движение за охрану природы попало в опалу. Лучше всего это иллюстрируют сетования В. Н. Макарова на съезде относительно того, что «нам было очень трудно доказывать, что ведомственные интересы должны уступать общегосударственным интересам, приходилось апеллировать по ряду вопросов в соответствующие государственные органы (во ВЦИК, прокуратуру и тому подобное), для того чтобы приостановить действия той или иной хозяйственной организации» (там же, с. 29).

Урок, который из этого можно извлечь, продолжал он, состоит в том, что по-прежнему необходимо прибегать к прямой охране природы и противодействовать решениям местных органов и что «прямую охрану этих объектов (природы) еще рано отметать как дело ненужное». Следовательно, завершал он, «те товарищи, которые указывают на то, что охрана природы сама себя изжила,

что в наших условиях нечего заниматься вопросом охраны природы, могут быть отнесены по меньшей мере к лицам, незнакомым с практикой в этой области работы» (там же, с. 24).

Как бы то ни было, нажим на охраняемые территории продолжался. Он был направлен на то, чтобы лишить Наркомпрос его заповедников и передать их в хозяйственные комиссариаты. Весной 1933 г. после съезда все более складывалось впечатление, что эти усилия достигнут цели. Условия благоприятствовали такому исходу: Станчинский и его последователи — занимавшиеся охраной природы экологи — лишились базы для своих работ, а сам Наркомпрос претерпевал очередную мучительную перестройку, призванную ограничить сферу его компетенции лишь вопросами, непосредственно связанными с образованием (1).

Начиная с марта 1933 г. Госкомитет был полностью занят проблемой будущности заповедников в РСФСР. Эти проблемы уже привлекали внимание руководителей Совнаркома РСФСР, где для изучения ситуации была создана специальная комиссия во главе с заместителем Председателя Совнаркома Тураром Рыскуловичем Рыскуловым. Комиссия рекомендовала организовать вместо Госкомитета Главное управление заповедников РСФСР и подчинить этот новый орган непосредственно Совнаркому РСФСР. Был составлен проект соответствующего постановления (Блошенко, 1933, с. 180).

Однако когда 20 мая 1933 г. Совнарком РСФСР рассматривал этот вопрос, рекомендации возглавлявшейся Рыскуловым комиссии не были приняты. Вместо этого Совнарком решил передать заповедники Наркомзему РСФСР и подчинить ему также организуемое Главное управление заповедников. Проект этого постановления, наносившего страшный удар по лагерю защитников природы, был официально принят Совнаркомом 27 июля 1933 г. и передан для, казалось бы, формального утверждения во Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет.

Здесь, однако, дело обретает удивительный оборот. Секретариат ЦИК вовсе был не склонен бездумно проштемпелевать решение исполнительного органа и, рассмотрев проект этого постановления еще 15 июля, не стал его утверждать. Несомненно, большую роль в принятии такого решения сыграл П. Г Смидович *. Для того чтобы найти выход из создавшегося тупика, был создан еще один межведомственный комитет, который возглавил сам Председатель Совнаркома РСФСР Даниил Егорович Сулимов и в состав которого вошли П. Г Смидович, А. С. Бубнов

* В благоприятном для заповедников разрешении этого вопроса важную роль, наряду с П. Г Смидовичем сыграли В. Н. Макаров и Ф. Ф. Шиллингер (см. сб.: «Экологическая альтернатива». М., «Прогресс», 1990, с. 136).— *Прим. ред.*

и Н. В. Лисицын (заместитель народного комиссара Рабоче-Крестьянской Инспекции РСФСР). Целью комитета было сопоставить различные точки зрения и подготовить проект окончательного решения. И снова Смидович употребил все свое политическое влияние в пользу заповедного дела. По-видимому, это было нелегко. Как бы то ни было, законом, наконец опубликованным в «Известиях» 29 августа 1933 г., Наркомзем РСФСР лишался функций органа, осуществлявшего высший надзор над делами заповедников. Отныне это становилось обязанностью Президиума ВЦИК РСФСР (там же).

П. Г. Смидович в качестве члена Президиума ВЦИК становится первым председателем Комитета по заповедникам, фактически сместив Н. М. Кулагина, который официально до конца возглавлял ныне упраздненный Госкомитет. Макаров же сделался формально заместителем председателя нового ведомства, а фактически — руководителем всех повседневных дел, связанных с охраной природы в России.

Несмотря на этот счастливый исход, результат был далек от реализации программы-максимум деятелей охраны природы. Бóльшая часть активистов движения связывала свои надежды с передачей органов, занимающихся охраной природы, с республиканского уровня на всесоюзный. Несмотря на активные шаги В. Т. Тер-Оганесова, секретаря Комитета научных учреждений ВЦИК, в направлении передачи возглавляемому им органу ответственности, связанной с делами охраны природы, из этого ничего не вышло. К осени 1933 г. стало ясно, что успех движения за охрану природы носит половинчатый характер. Несмотря на свои очевидно благие намерения, Смидович и Макаров мало что могли сделать, защищая заповедники от наступления социалистического строительства. К концу 1934 г. заповедники нового комитета прошли уже изрядную долю пути по направлению к идеалу, обрисованному энтузиастом акклиматизации Х. С. Вейцманом. Такие «заповедники совершенно нового типа» должны были служить «образцом того, что сможет в условиях социализма сделать с природой творческая воля человека» (Вейцман, 1934). Вместо того чтобы быть лабораториями природы, заповедники отныне должны были стать такими лабораториями в природе, в которых ученые были заняты созданием «различных прототипов будущей природы», отличавшихся только степенью приближенности к светлому коммунистическому идеалу (там же). Непосредственная деятельность таких заповедников должна была быть направлена на решение задач акклиматизации и реакклиматизации, сулящих решение проблем «восстановления и развития климата и водного режима, особенно в курортных местностях, вопросов борь-

бы с засухами, наводнениями, суховеями и прочими явлениями, губящими урожаи». Вершиной этой грандиозной программы стал призыв к созданию сети лесозащитных полос в степях, впоследствии получивший название сталинского плана великого преобразования природы (там же, с. 107) *.

После утверждения нового постановления ВЦИК и СНК РСФСР о заповедниках от 1 апреля 1934 г. (2) представления Вейцмана начали превращаться в реальность. Новым положением о заповедниках не только разрешалась их прямая хозяйственная эксплуатация, но и более того, основная задача заповедников теперь определялась как «охрана и умножение особо ценных в хозяйственном и научном отношениях природных фондов». Дополнительной задачей было «выявление новых сырьевых ресурсов, разрешение задач акклиматизации и реакклиматизации диких животных и растений», что означало полную переориентацию заповедников.

Для увеличения численности одного или нескольких конкретных видов фауны, главным образом копытных и пушных животных, создавались новые заповедники и перепрофилировались старые. Например, специально для охраны выхухоли были организованы Окский, Хоперский и Клязьминский заповедники, для сохранения популяции гаги — заповедник Семь Островов.

Бывшие заповедники Наркомпроса были обязаны служить не только заказниками для разведения ценных видов промысловых животных. На них также были возложены функции акклиматизации. Начиная с 1934 г. почти в каждый заповедник были интродуцированы чуждые местной фауне виды, в особенности пятнистый олень, енотовидная собака и зубр (Арсеньев, 1948; Лавров, 1964; Филонов, 1977, 1986 и др.). Новое постановление о заповедниках 1940 г. (3), отменившее предыдущее постановление 1934 г., в списке первоочередных задач, стоящих перед заповедниками, предусматривало истребление волков и других хищников. В неопубликованном отчете Макарова за 1940 г. (4) перечисляются различные злоупотребления хозяйственной деятельностью, среди которых выпас скота, разработка полезных ископаемых, лесозаготовки и браконьерство на заповедных землях. Свой «вклад» в разрушение первоначального облика ранее заповедных территорий вносили многочисленные туристы; например, в Кавказском заповедни-

* Надо подчеркнуть, что сама по себе лесо- и агромелиорация, включая создание сети полезащитных полос, есть дело очень важное и нужное, однако в конце 40-х — начале 50-х годов оно проводилось не в меру парадно и официозно, подчас вызывая огромные расходы без реальных результатов. Была поднята непомерная шумиха на тему о «великом сталинском плане преобразования природы» (как пример см.: Ковда и др., 1951).— *Прим. ред. и авт.*

ке их число ежегодно достигало 40 тыс. Та самая деятельность, которую Макаров расценивал как злоупотребление, официально проводилась в рамках рубрики «заповедное хозяйство» (понятие, введенное некогда К. А. Киселевым), и занимались этой деятельностью сами сотрудники заповедников (Архипов, 1939, 1939а, и др.) *. К концу 30-х годов уже почти ничто не отличало бывшие заповедники Наркомпроса от заповедников системы Наркомвнешторга **. В этих условиях было вполне естественно, что последние были переданы Комитету по заповедникам, очередной раз реорганизованному и получившему теперь наименование Главного управления заповедников при Совнаркоме РСФСР.

Усилиями энергичного В. Н. Макарова и при поддержке таких энтузиастов, как Ф. Ф. Шиллингер, А. П. Протопопов, М. П. Розанов и др., сеть заповедников продолжала расширяться. В РСФСР к 1939 г. их число достигло 25 при суммарной площади 8,5 млн. га (5) (см. также: Макаров, 1940; Штильмарк, 1974).

Что касается Всероссийского общества охраны природы, попытки преобразовать его во всесоюзную организацию не увенчались успехом. Впрочем, ВООП также было передано из Наркомпроса РСФСР в подчинение ВЦИК РСФСР. Число членов в обществе, достигшее максимума в 1932—1934 гг. и составлявшее около 15 тыс., затем медленно пошло на убыль. На январь 1940 г. численность членов ВООП была самой низкой за восемь лет — 2533 человека (6). Даже введение в состав президиума, включавшего 27 членов, восьмерых «пролетариев» не придало обществу дополнительного динамизма. Хотя в это время были начаты важные проекты — подготовка списка видов, находящихся под угрозой исчезновения, и др.,— но эти работы не были завершены (7).

В конце 1933 г. в журнале ВАРНИТСО «Фронт науки и техники» появилась статья о деятельности ВООП (Надеждин, 1933). Судя по комментариям автора, общество оказалось неспособным справиться с задачами, которые ставило перед ним время. За три года, прошедшие после того, как комиссия Рабоче-Крестьянской Инспекции под председательством Н. В. Кирилловой указала на су-

* Киселев К. А., сотрудник Воронежского заповедника, который был в то время подчинен Наркомзему РСФСР, выступая на I Всероссийском съезде по охране природы в 1929 г., говорил: «Каждый заповедник должен вести специальное хозяйство, соответственное его профилю» («Труды...», 1930, с. 89).— *Прим. авт.*

Выражение «заповедное хозяйство» приобрело широкое распространение и нередко употребляется даже в наши дни, хотя оно совершенно неправомерно в научном и юридическом плане, ибо в заповедниках полностью прекращается всякая хозяйственная деятельность.— *Прим. ред.*

** Для того чтобы представить себе, как, по мнению Наркомвнешторга, должно быть организовано управление заповедником, см.: «Научно-исследовательский институт внешней торговли. Внешняя торговля в СССР», т. 2. М., 1936, с. 36, и затем сравните с упомянутыми работами Архипова.— *Прим. авт.*

щественные недостатки в работе ВООП, мало что изменилось к лучшему. «Общество продолжает оставаться изолированным от масс»,— утверждал автор статьи М. Надеждин (1933, с. 78). Пришла пора для ВООП раз и навсегда покинуть башню из слоновой кости и оставить позицию неукоснительной охраны всего существующего в природе. «Старые "любители природы" охотно рассказывают о множестве случаев совершенно беспечного, недопустимого и варварского отношения к живой и мертвой природе, которое имеет место и у нас как наследие старого времени, когда блага природы... принадлежали... помещикам и капиталистам. Однако в советских условиях, в условиях социалистического строительства, когда господами жизни являются рабочие и колхозники, растет и ширится сознание ответственности за эксплуатацию объектов природы, сознание того, что можно эксплуатировать... и в каких пределах» (там же, с. 78).

Неизвестно, последовало ли добровольно ВООП демагогическим советам Надеждина, однако не подлежит сомнению: начиная с 1935 г. и на протяжении шести последующих лет о ВООП ничего не было слышно, да и не могло быть иначе. С 1935 по 1948 г. печатный орган общества, журнал-сборник «Природа и социалистическое хозяйство» (ранее выходивший дважды в месяц под названием «Охрана природы»), впал в необъяснимое молчание, прерванное лишь однажды, в 1941 г.

Вероятно, последней публикацией ВООП, появившейся в 30-х годах, был отчет по работе Всесоюзного съезда по охране природы 1933 г. В. Н. Макаров, под редакцией которого вышел этот выпуск, в предисловии отмечал, что всю работу съезда пронизывала одна общая идея: «Поставить дело охраны природы на службу социалистическому строительству СССР, увязать его с хозяйственными и научными задачами страны, сделать охрану природы также одним из элементов планового рационального использования природных ресурсов нашей великой социалистической родины, подвергнув глубокому критическому анализу все досъездовские установки в деле охраны природы, решительно осудив принцип невмешательства человека в естественный ход процессов природы в заповедниках как принцип реакционный и противоречащий диалектическому взгляду на природу, ее законы и роль человека в природе» («Труды...», 1935, с. 5).

Кожевников не дожил до этого отрицания исповедовавшихся им принципов и фактически дела всей жизни. Но Макарову суждено было стать свидетелем краха своего дела. Проводившаяся в 30-х и 40-х годах политика отнюдь не укрепляла советскую экономику и была чревата серьезными нарушениями биоценозов не только в заповедниках, но и в окружающих их районах, где сильно раз-

множились многие акклиматизированные виды. Попытки исключить сопротивление среды и действие других регулирующих факторов, препятствовавших размножению хозяйственно полезных видов, также приводили к крайне нежелательным экологическим последствиям. Подавление действия естественного отбора на промысловых животных приводило в первое время к необычному росту численности их популяций. В то же время, поскольку слабые и плохо приспособленные особи не изымались более из популяции хищниками (волки в ряде мест были истреблены), в популяциях оленей, лосей и других копытных накапливался генетический груз, что приводило к появлению на свет большого числа неполноценных особей. Это разрушало популяционную структуру и вызывало массовые падежи. Необычайно высокая плотность популяций животных вела к массовым эпидемиям, перекидывавшимся также на сельскохозяйственных животных, которых хозяева тайком пасли на территории заповедников. Одичавшим собакам удалось занять экологическую нишу волков, оказавшуюся вакантной после их истребления, из-за чего возникли серьезные проблемы. Благоприятные условия, специально искусственно созданные для особых экономически ценных видов, иногда приводили к ситуации, когда такие упрощенные, вырожденные экосистемы не могли обеспечить существование даже того уровня численности животных, который был там исходно (Филонов, 1977).

После войны в обстановке крайней международной напряженности Лаврентий Берия, шеф тайной полиции, обвинил заповедники, расположенные вдоль заселенных границ Советского Союза, в том, что они служат убежищем для шпионов и антисоветских партизан*. При этом давлении на заповедники в хорошо известных ныне условиях конца 40-х годов еще более возросло, усилилось отведение земель под лесозаготовки и сельскохозяйственные нужды (8).

Действуя в духе времени, новый начальник Главного управления заповедников РСФСР и, таким образом, непосредственный начальник Макарова А. В. Малиновский, ранее работавший в лесной промышленности и связанный с Берия, предложил в 1950 г план, предусматривавший ликвидацию $^2/_3$ заповедников, зани-

* Архивные материалы объективно свидетельствуют о том, что сокращение сети заповедников в 1951 г. было проведено по инициативе А. В. Малиновского, сменившего в начале 1950 г. К. М. Шведчикова и отличавшегося крайне утилитарным подходом к заповедному делу. Позднее он распространял версию о том, что закрыть заповедники будто бы распорядился Сталин. Впрочем, отрицать это наверняка (как и роль всесильного тогда Берии) мы не можем, однако полагаем, что здесь сыграла основную роль вся обстановка в сферах биологии и охраны природы при торжестве «мичуринской науки» во главе с Лысенко и Презентом.— *Прим. ред.*

мавших 85% их общей площади. В соответствии с этим планом высвободившиеся земли должны были быть распределены между совхозами и Министерством лесного хозяйства. При этом сильно усеченная система заповедников переходила с республиканского уровня в ведение специального Всесоюзного комитета, что лично для Малиновского означало существенное служебное повышение (Малиновский, 1953; Штильмарк, 1986).

Макаров пытался мобилизовать против ликвидации заповедников общественное мнение. С призывами к правительству обращались видные ученые и даже общественные деятели, например И. Д. Папанин, но было уже поздно. В 1951 г. ликвидация заповедников произошла, а положение о заповедниках 1952 г. рассматривало уцелевшие заповедники как в первую очередь экспериментальные сельскохозяйственные станции. Из 128 заповедников общей площадью 12,5 млн. га, что составляет 0,56% территории Советского Союза, уцелело лишь 40 с общей площадью 1 млн. 465 тыс. га, т. е. 0,06% территории Союза (Благосклонов и др., 1967). Макаров был смещен с поста заместителя начальника Главного управления по заповедникам РСФСР, преобразованного в союзный главк, и еще мог видеть, к какому абсурдному завершению привела политика активного вмешательства человека в жизнь заповедников. Макаров умер в 1953 г., когда стратегия «защитной окраски» потерпела полный крах.

Расцвет движения за охрану природы в Советской России был трагически краток. Дух НЭПа был созвучен этому движению, но изменения в культуре и политике, происшедшие в конце 20-х и начале 30-х годов, в корне изменили ситуацию. Анализ причин кратковременного расцвета и последующего краха этого движения позволяет нам пролить свет на некоторые стороны советской общественной и духовной жизни того времени.

Когда в конце 1917 г. большевики захватили власть в стране, в России уже существовало движение за охрану природы. Среди интеллигенции, объединенной журналами, научными и культурными обществами, работавшими при правительстве комиссиями и сетью неформальных профессиональных связей, существовали различные взгляды на необходимость охраны природы. Можно выделить три основные точки зрения, а именно: «пасторальную», экологическую и прагматическую.

«Пасторальная» точка зрения лучше всего отражена в работах А. П. Семенова-Тян-Шанского, И. П. Бородина и Е. В. Тимонова. В основу ее положены прежде всего эстетические и этические критерии. Такую позицию правильнее всего назвать антимодернистской. Ее приверженцы, отвергаемые современным индустриальным обществом,— безразлично, капиталистическим или социалистическим,— стремились к возврату в идеализированный «золотой век» органической сельскохозяйственной культуры, когда человечество не разоряло землю.

Основополагающая «пасторальной» концепции — убежденность в том, что человечество представляет собой некий патологический элемент, само существование которого разрушает изначально присущую природе гармонию. В наиболее чистой форме идеалом пасторалистов был мир без цивилизации. (Разумеется, однако, приверженцы этой точки зрения не впадали в такую крайность!). В менее крайней форме акцент делался на представлении о самоценности природы, вне зависимости от того, приносит ли она пользу для человека, утверждалось, что другие живые существа имеют, наряду с нами, равное право на существо-

вание. К сожалению, сторонники подобного взгляда не говорили открыто о религиозных и философских корнях своих убеждений.

В рамках этой концепции существовало четкое представление о сущности человеческого бытия. Люди, по крайней мере в отдаленном прошлом, были детьми природы (хотя, парадоксальным образом, в настоящее время превратились в ее изгоев!). В силу этого людям присущи внутренние потребности, которые может удовлетворить лишь природа. Отделяя себя от нее и разрушая самою девственную природу, люди тем самым лишают себя возможности удовлетворить эти потребности и разрушают свое собственное естество. Таким образом, «индустриальный» человек превращается фактически в человека «неестественного».

В России концепция пасторалистов испытала на себе сильное влияние немецкого неоромантизма. Зарождавшееся в России движение за охрану природы в значительной степени заимствовало из Германии и Швейцарии программу и организационную схему движения. Так, идеи наиболее яркого деятеля этого движения в Германии Гуго Конвентца в значительной мере нашли себе применение в охране ландшафтов. Немецкое влияние обнаруживается также в патриотическом духе эстетически настроенных деятелей движения в России и в том внимании, которое уделялось ими «уникальности» охраняемых объектов.

Экологическая концепция, олицетворявшаяся в первую очередь Г. А. Кожевниковым и В. В. Станчинским, в противоположность «пасторальной» концепции, в которой было нечто едва ли не религиозное, была сугубо материалистической. Она развивалась в первую очередь натуралистами, в особенности занимавшимися такой новой наукой, как экология, но пользовалась также поддержкой наиболее образованных большевиков, например Луначарского, и интеллигентов-гуманитариев. В соответствии с этой концепцией природа представлялась как некая четкая структура, характеризующаяся взаимозависимостью между составляющими ее биологическими компонентами и относительной равновесностью или, по крайней мере, соразмерностью. Удивительным образом приверженцы экологической концепции, так же как и пасторалисты, рассматривали человечество как нечто чуждое якобы гармоничным и исконно существующим природным системам, окружающим нас, хотя и обосновывали свою позицию научно. Поскольку в таких гармоничных природных системах для человека ме́ста фактически не было, то приверженцы экологической концепции были глубоко обеспокоены тем, что цивилизация, продолжая с прежней скоростью разрушать равновесие в природных системах, рискует разрушить самое себя. Подчеркивая уязвимость природы, сторонники экологической концепции были обе-

спокоены последствиями экологических катастроф для цивилизации. Соответственно ученые, стоявшие на антропоцентрических позициях и обращавшие внимание на опасность таких катастроф, претендовали на ведущую роль в экономических вопросах и в вопросах эксплуатации природных ресурсов, утверждая, что лишь научный анализ может гарантировать то, что экономический рост будет оставаться в рамках, определяемых необходимостью сохранения здоровой природы.

Ставившие во главу угла хозяйственный рост и государственную пользу сторонники утилитарной точки зрения (экологи были более склонны мыслить планетарными масштабами) исповедовали принцип устойчивого урожая и максимальной эффективности использования природных ресурсов. Прагматики склонны были к узкому толкованию понятия «ресурсы» и руководствовались критериями сиюминутной хозяйственной выгоды. Им были чужды представления о рекреационной и эстетической ценности природных объектов, хозяйственная ценность которых была сомнительна. Многие из них делили жизненные формы на «полезные» и «вредные», причем обрекали последние на истребление. Никогда ранее не соприкасаясь с целостностью экологических систем, прагматики были более восприимчивы к целям и методам, навязывавшимся политическим руководством. Такой образ мыслей в значительной степени был свойствен Ленину (хотя он и поддерживал охрану природы), а также геологу А. Е. Ферсману и зоологу Н. М. Кулагину. Однако в иррациональную эпоху Сталина даже приверженцы таких взглядов были вынуждены занять гораздо более технократические позиции. Ярким примером этому служат романы Леонова «Соть» и «Русский лес».

Все эти тенденции в природоохранной деятельности сформулировались еще до революции; особенно процветали тогда «пасторальное» и прагматическое направления. Царскому правительству был ближе подход, ориентированный на обеспечение государственных доходов, тогда как для охраны природы с эстетических позиций оставался широкий простор в рамках частной инициативы. Напротив, в советское время на первый план постепенно выходит экологический подход к охране природы. Организованные при благосклонной поддержке властей заповедники представляли собой уникальные учреждения, выполнявшие функции как центров экологических исследований, так и эталонов определенных природных зон.

Такая смена акцентов может объясняться тем, что новые руководители государства обладали совершенно новой системой ценностей, что повлекло за собой изменения в политической культуре. Такие личности, как В. И. Ленин, А. В. Луначарский,

П. Г Смидович, М. П. Потемкин, Ф. Н. Петров, В. Т. Тер-Оганесов, могут служить примером того, что часть старых большевиков, вышедших из интеллигенции, считали, что социализм должен обеспечить как развитие просвещения, так и рациональную организацию общественной и хозяйственной жизни на научной основе. Ясно, что противостоящие прогрессу антииндустриальные и этико-религиозные традиции пасторального подхода были совершенно несовместимы с целями и ценностями нового строя и потому должны были быть отвергнуты. Однако, с другой стороны, новые руководители тепло приняли идею экологических заповедников, поскольку программа Кожевникова хорошо сочеталась с обоими намерениями. Давая материалистическое научное объяснение сложных природных явлений, экологическая наука способствовала просвещению, а установление допустимых и рекомендуемых параметров хозяйственной деятельности для конкретных регионов на основе изученных экологами эталонов могло способствовать рациональному и самоокупаемому хозяйствованию. Организационной структурой, обеспечивающей выполнение этой функции, стал Наркомпрос.

Несмотря на первоначальные успехи, положение экологически ориентированной охраны природы никогда не было по-настоящему устойчивым, ей всегда противостояли враждебно настроенные силы. Главными препятствиями стали новые приоритеты и задачи первого пятилетнего плана. Прагматическая ориентация была характерна и для руководимого Лениным правительства, в особенности она была присуща наркоматам земледелия и внешней торговли, а также Высшему совету народного хозяйства. Однако их влияние уравновешивалось личной заботой Ленина о Наркомпросе. К концу 20-х годов, когда власть захватили сталинисты, узкий утилитаризм одержал решительную победу и стал центральным элементом в новой совокупности задач. В числе этих задач важнейшими были профессионализация, выдвиженчество, сверхиндустриализация и коренное преобразование как природы человека, так и всей окружающей его природы.

Одним из самых непосредственных следствий такой смены ориентации было перераспределение власти между советскими организационными структурами. Со времен гражданской войны существовало потаенное соперничество между Наркомпросом, основной целью которого было нести культуру в массы, и хозяйственными наркоматами, ориентированными в первую очередь на производство продукции. В середине 20-х годов это соперничество по большей части оставалось под контролем, но отношения резко изменились к худшему после XV съезда ВКП(б), состоявшегося в 1927 г. Сторонники Бухарина, стоявшие у руководства Нар-

комземом, относились к делу охраны природы весьма сдержанно и никогда не испытывали к нему особой симпатии. Теперь эти руководители либо не желали, либо не могли ограничить активность подчинявшихся им лесозаготовительных организаций, вознамерившихся воспрепятствовать организации Центрально-Лесного и других заповедников, которые они обвиняли в культивировании «науки ради науки». С устранением сторонников Бухарина из Наркомзема и резким возрастанием роли Высшего совета народного хозяйства в 1929 г. соперничество переходит в открытую войну. Победы и трофеи достаются тем, кто обещает наиболее бескомпромиссные темпы роста. Резкое падение роли Наркомпроса как мощного и авторитетного фактора внутренней политики олицетворялось смещением Луначарского с поста наркома в сентябре 1929 г. Смещение Луначарского означало отказ от проводимой им политики гуманистического образования, ориентированного на культурный плюрализм и автономию и, соответственно, обрекало на развал программы, ориентировавшиеся на эти ценности. Его отстранение лишало движение за охрану природы влиятельного покровителя. В результате этих событий Госкомитет фактически превратился в относительно небольшой отдел сравнительно маловажного наркомата.

Другой характерной чертой новой сталинской эры была тяга советского руководства к сельскохозяйственным новшествам и даже чудесам. Это объясняет ту поддержку, которую оказывали акклиматизации такие лица, как нарком земледелия СССР Я. А. Яковлев. Так же, как и в 1850-х годах, акклиматизация представлялась панацеей, с помощью которой можно поднять продуктивность российского сельского хозяйства. Поскольку крестьяне были организованы в колхозы по политическим причинам, подобно тому, как они по политическим же причинам были организованы в общины после отмены крепостного права, единственным средством увеличения продуктивности сельского хозяйства оставались технологические усовершенствования. Акклиматизация и «генеральный план преобразования фауны Европейской России и Украины» пропагандировались как такое чудодейственное средство, и власти уповали на то, что его применение приведет к быстрым успехам. Не желая признавать ограниченность возможностей биологии в познании, предсказании и управлении естественными событиями, а также не желая жить в условиях ограничений, накладываемых вероятностным характером законов природы, Сталин обратился к не признанным официальной наукой «практикам», надеясь обрести требуемые ему определенность и могущество. Как мы видели, результат был глубоко плачевен: отчаянное стремление Сталина установить полное господство над при-

родой и людьми заставило его поверить шарлатанам, сулившим сельскохозяйственные чудеса. Как теперь хорошо известно, последствия такой политики были катастрофическими.

Переход к почти безграничной вере во всемогущество прикладной науки совпал с намерением провести индустриализацию максимально возможными головокружительными темпами. Среди всего прочего, это было обусловлено страхом перед тем, что если Советский Союз окажется не способен догнать и перегнать Запад, то он не выдержит соревнования с окружающими его капиталистическими странами. Удивительным образом, советские руководители, формулируя цели развития, ориентировались на Запад. Ставя перед инженерами задачу перегнать Запад, Сталин в первую очередь имел в виду производство промышленной продукции и, в особенности, обеспечение безопасности. Именно в это время, в соответствии с первым пятилетним планом, была поставлена задача доказать превосходство советской системы, показав, что она более эффективна по сравнению с капиталистической в достижении целей — целей капиталистического общества! Это означало окончательный отказ от тех путей, на которых, как полагали Маркс, Бухарин, Луначарский и даже Ленин, будет достигнуто превосходство социализма над капитализмом. Сочетание непоколебимой веры в возможности прикладной науки и ориентации исключительно на экономический рост, исчисляемый в валовых показателях, были чреваты смертельной опасностью для рационального управления природными ресурсами на базе экологического понимания законов живой природы.

Параллельно с этим в конце 20-х — начале 30-х годов наметилась эволюция в критериях, по которым те или иные науки становились официально признанными. Хотя Ленин, несомненно, обладал твердыми убеждениями как относительно природы физической реальности, так и в отношении проблем теории познания, он никогда не пытался навязать их другим в качестве официальной, обязательной для партии догмы. Право на существование имели любые научные факты, если только они не требовали нематериалистического (или неэргетического) объяснения, допускали экспериментальную проверку и не противоречили марксистскому мировоззрению (как, например, это обстояло с учением Фрейда). К концу 20-х годов, однако, критерии, которым должна была удовлетворять наука для официального признания, стали намного более жесткими. После победы в Коммунистической Академии фракции Деборина были провозглашены новые критерии «доброкачественности» науки: активное использование диалектического метода в исследованиях и обязательное изложение научных данных в терминах диалектики.

Эти критерии, однако, в начале 30-х годов дополнились новыми, следовавшими из программных выступлений Сталина в конце 1929 г. В основу нового критерия «доброкачественности» науки легла доктрина о главенстве практики, а это в действительности означало, что все научные учения должны служить обоснованием или по крайней мере соответствовать конкретным общественным и хозяйственным целям советской власти. Если критерий диалектичности не особенно препятствовал развитию экологической теории, то утверждение о главенстве практики сильно подрывало ее. Невозможно было сочетать целостные, комплексные концепции экологов с грандиозными сталинскими проектами преобразования лика земли.

Хотя Сталин выдвинул критерий «практики» в качестве прямой реакции на бухаринские теории экономического равновесия и изыскания социологов-аграрников, отвергавшие коллективизацию, при этом он вполне мог быть приложим и к позиции сторонников экологической охраны природы.

Когда в начале века, в годы, предшествовавшие революции, первые фитосоциологи разрабатывали свои холистические модели природных систем, они, как можно было предположить, занимались этим как чисто умозрительной конструкцией. Это был новый изящный взгляд на структуру природных систем, и ему не противостояла никакая оформленная научная теория. Однако в настоящее время автор более склонен думать, что к концу 20-х годов советские ученые и их покровители оставались приверженцами этих моделей в значительной мере из-за политических ассоциаций, которые они вызывали.

Обладавшие уникальными знаниями о природных сообществах экологи позволяли себе возвысить голос,— а фактически претендовать на право вето,— против определенных экономических целей и методов. Тем самым беспартийная интеллигенция бросала вызов притязаниям большевиков на монопольное принятие решений, при котором власти хотели бы использовать науку, но не допускать ученых к формированию политики. Фактически по мере того, как в конце 20-х годов возникла и росла угроза существованию имевшихся общественных организаций и их и без того весьма относительной автономии, надежды деятелей охраны природы на умеренные темпы хозяйственного развития на основе проведенной им научной экспертизы постепенно развеивались. Специалисты по экологии сообществ, исходя из своих холистических убеждений, доказывали, что способность человека гарантировать безопасность природных систем жестко ограничена, поскольку природные сообщества образуют неразрывные, относительно самоподдерживающиеся «сети жизни», характеризую-

щиеся естественным равновесием. Развивая такого рода экономические аргументы, эти ученые были в числе последних, противостоящих коллективизации, и они же оказали упорное сопротивление тем грандиозным попыткам изменить страну, какими были акклиматизация новых видов и строительство каналов и гидроэлектростанций. Более того, Всероссийское Общество охраны природы и Госкомитет почти постоянно противились политике и заготовительным заданиям различных хозяйственных наркоматов и ведомств, что опасно сближало их с технократической оппозицией партии. Сходные настроения, по-видимому, были распространены среди советских инженеров, жесточайшим образом пострадавших во время Шахтинского процесса и процесса Промпартии, и поэтому позиция деятелей охраны природы требовала от них недюжинного мужества.

Точно так же упорная охрана неприкосновенности заповедников на основе «экологической» аргументации должна рассматриваться в свете социальной и политической обстановки того времени. К концу 20-х годов, и тем более ко времени проведения I Всесоюзного съезда по охране природы советские заповедники, похоже, были чем-то вроде «архипелага свободы». Непрерывно подвергаясь серьезной опасности, но оставаясь под контролем ученых (и их покровителей в Наркомпросе), заповедники представляли собой островки как природного разнообразия, так и научной автономии, в то время, как вся страна, все учреждения и общественные группы постепенно оказывались под тоталитарным, все уравнивающим контролем государства. В этом качестве для широких слоев интеллигенции заповедники как бы символизировали собой ценности и принципы разнообразия и свободы.

Позднее, в 30-х и 40-х годах заповедники служили убежищем для натуралистов. Здесь, вдалеке от столицы, они могли жить и работать сравнительно спокойно, будучи избавленными от смертоносных «чисток», опустошавших города.

Поскольку для научной интеллигенции вопрос был принципиален, жизненно важным было продолжать отстаивать неприкосновенность заповедников на научной основе, а именно на основе холистической модели замкнутых природных сообществ. Однако, как мы знаем, в Советском Союзе, так же как и в других странах, в 20-х годах возникла альтернативная научная концепция: а именно школа континуума, из наиболее ярких представителей которой можно назвать Леонтия Раменского и Генри Аллена Глисона. Эта концепция, не менее хорошо, а может быть, даже и лучше описывавшая структуру живой природы, тем не менее почти полностью игнорировалась советскими экологами, что, мо-

жет быть, опять же объясняется политическими следствиями, вытекавшими из этих концепций: холистическая концепция служила интеллигенции опорой в возможности накладывать вето на некоторые стратегии хозяйственного развития, а также научным обоснованием необходимости существования сети неприкосновенных заповедников, тогда как концепция континуума располагала к более терпимому отношению к воздействию человека на окружающую среду и даже к «великому преобразованию природы».

Существовали ценности, охрана которых волновала советских экологов не меньше, чем охрана природы. Это очень хорошо отразилось в словах Михаила Петровича Потемкина, который говорил: «Ужасная опасность грозит не только нашим природным ресурсам, но и нашим научным и культурным ценностям». Пророк экологической охраны природы Кожевников был особенно обеспокоен угрозой человеческому разнообразию — наступлению индустриальной цивилизации на «естественного» человека (Кожевников, 1914а),— культурным ценностям и общественному порядку, основанному на законе и праве.

Ранее автор считал, что такие сталинистские вершители судеб науки, как И. И. Презент, Б. М. Завадовский или менее известный В. В. Карпов, в своих устных и письменных выступлениях против деятелей охраны природы лицемерили и руководствовались политическими мотивами, стремясь исключительно к тому, чтобы подорвать движение, но в настоящее время автор склонен думать, что в их высказываниях содержалась изрядная доля истины. Даже если сами экологи не вполне отдавали себе отчет в том, что они делают, разве не прав был Презент, говоря, что они обряжают природу «в мундир полицейского» и претендуют на знание отданного им самой природой приказа, предписывающего препятствовать любым общественно-экономическим изменениям, если те представляются им нежелательными? Разве они не подкладывали «теоретическую мину под социалистическое строительство»? Разве не прав был В. Ф. Карпыч, когда обвинял руководимое Смидовичем краеведческое общество в том, что оно превращается во «что-то вроде "общества охраны старины" то есть охраны от революции»? Эти люди поняли существование взаимосвязи между научными обществами и заповедниками: и те, и другие были центром автономии интеллигенции от сталинского государства. Один из них назвал научные общества «всесоюзным заповедником для вымирающих видов буржуазных ученых, в котором они отыскали уютный уголок, укрытый от лучей» партии.

Сопротивление, оказанное движением за охрану природы ста-

линистскому тоталитаризму, выявило также другие очаги несогласия.

Надеюсь, что мне удалось показать, что борьба между И. И. Презентом и экологами была фактически прелюдией к последующему гонению на классическую генетику. Лишь когда экологи, противясь акклиматизации, привлекли аргументы, заимствованные из генетики, Презенту, главному теоретику Лысенко, стало ясно, что генетика, так же как и экология, представляет собой препятствие безграничному преобразованию природы. Интересно отметить, что, несмотря на государственный террор, возникали новые очаги сопротивления. Уже в 50-х годах И. И. Иванов-Омский выражал недовольство по поводу того, что почвовед А. А. Роде, возражая В. Р. Вильямсу, настаивал на том, что социалистическое сельское хозяйство не создает объективных условий для неограниченного роста урожая. Из развиваемых Роде идей следует, отмечал Иванов-Омский, что «наша страна не способна решить задачу непрерывного роста плодородия почвы и, следовательно, роста урожая... что составляет одно из условий перехода от социализма к коммунизму. Необходимо отметить сходство между точкой зрения почвоведа Роде и реакционной позицией вейсманистов-морганистов в биологии, утверждающих, что при создании более ценных и продуктивных сортов растений и пород животных их генофонд обедняется. Профессор Роде и академик Шмальгаузен стоят на одних и тех же позициях, пропагандируя «теорию» затухания роста, существования «естественных пределов» преобразования окружающей среды человеком» (Иванов-Омский, 1950, с. 131).

Приход Сталина к власти способствовал коренному пересмотру представления о «господстве над природой». Унаследовав как традиции русской интеллигенции, так и традиции марксизма, большевики находились под сильным философским влиянием идей просвещения. Одним из важных проявлений этого влияния было стремление лишить природу покрова святости и таинственности. Это делало идеологически допустимым стремлением человека к покорению и преобразованию природы. Во времена НЭПа в России на природу смотрели, следуя Бэкону, Марксу и Энгельсу, рационально и несентиментально. При этом, однако, так же, как и эти три мыслителя, отдавали себе отчет в том, что для того, чтобы управлять природой, необходимо ей подчиняться. Законы природы нельзя изменить, их можно лишь познать и использовать на пользу человеческому обществу, как многократно повторял Ленин и многие другие.

Такой взгляд на природу во времена Ленина и в годы НЭПа весьма способствовал фундаментальным исследованиям устрой-

ства природы. Лишь более полное познание природы и ее законов могло позволить обществу расширить свои возможности извлекать из природы различные блага.

Марксу принадлежит еще одна важная мысль относительно взаимоотношений человека и природы. Она состоит в том, что человек и природа, а точнее, культура и природа — это не две различные силы, противостоящие друг другу, а нечто единое. Как объяснял один советский философ, природа не противостоит человечеству как нечто целостное и вечно неизменное... Это не некая абстрактная реальность со своими неизменными «естественными устремлениями.

Хотя многие догмы сталинской эпохи были заимствованы из только что упомянутых положений классического марксизма, однако во многих существенных пунктах они заметно отличались от них. Восходящие к Бэкону и отчасти постулатам христианства идеи господства над природой приобрели широкое распространение в сталинистской России, но теперь уже для достижения такого господства не считалось необходимым познавать законы природы и подчиняться им. Более того, хотя на словах советские философы-марксисты отвергали противопоставление человека и природы, однако в реальной жизни во времена Сталина природа часто фактически противопоставлялась людям как некая враждебная сила. Достаточно лишь обратиться к произведениям Горького, Маяковского и других писателей того времени для того, чтобы убедиться в этом.

Причина такой антипатии и пренебрежения к природе коренилась в еще одной традиции русских марксистов и радикальной интеллигенции. Человек воспринимался как венец эволюции. Считалось, что прогрессивное развитие человечества ведет к его полному господству над всем ходом жизни на планете, превращает его во всемогущее божество, приходящее на смену низверженным богам религии. Кратко суммировал эти взгляды Павел Аксельрод, когда он писал о прокладывании пути для расы богов на Земле, наделенных всемогущественными возможностями и волей, сознанием и самосознанием, способным подчинить мир своим устремлениям и управлять им.

Близорукий оптимизм, достигший апофеоза в сталинские 30-е годы, считал преобразование природы непременным условием человеческого самосовершенствования. Такой преобразовательский пафос представлял собой крайнее проявление антропоцентризма и коренился, вероятно, не только в учении Маркса, но и, в неменьшей степени, в тысячелетних традициях христианства. Природа обладала лишь опосредованной ценностью как средство самосовершенствования человека. По сути дела, природа представля-

лась противником, которого следует победить в процессе созидания полностью рукотворной социалистической окружающей среды. Как мы теперь знаем, в действительности это означает мир, лишенный природы.

Поскольку Сталин, возглавляя партию, считался глашатаем истины в последней инстанции, определение понятия человеческого самосовершенствования было исключительной прерогативой «корифея науки». Оказалось, однако, что представления Сталина о природе человека страдают некоторой ограниченностью. Достойными внимания потребностями человека считались лишь те, которые можно было свести к подлежащим количественной оценке материальным нуждам. Во всяком случае, сталинскому представлению о человеке было чуждо понимание таких потребностей, как отдых в окружении дикой природы или удовлетворение интеллектуальной или научной любознательности как таковой. Возможно, он отдавал себе отчет в том, что люди с широким кругом творческих потребностей не стали бы долго терпеть его личную диктатуру.

Мировоззрение, в соответствии с которым природа может приносить пользу, лишь когда она подвергается эксплуатации или после того, как она «преобразована», недальновидным образом лишало человечество всех тех благ, которые способны ему дать правильно функционирующие дикие или рекультивированные природные системы. Кроме того, предполагалось почему-то, что полное управление человеком природой на достигнутом уровне научных знаний способно обеспечить правильный ход очень сложных и недостаточно понятных процессов в самой природе. Более того, существовала глубокая убежденность в том, что возможна глубокая и успешная перестройка природы и господство над ней. Отрицая экологическое мировоззрение, нетерпеливые сталинисты, в особенности в период бурной индустриализации и модернизации производства, предпочли ему упрощенный взгляд на природу как на простой конгломерат форм, допускающих произвольную перекомпановку. Кроме того, сторонники преобразования природы отвергали экологическое учение, разделяя все жизненные формы на «полезные» и «вредные», руководствуясь узкими и преходящими критериями хозяйственной полезности. С такими воззрениями, разумеется, экологи не могли согласиться. Триумф идей преобразования природы и превращение их в официально утвержденное кредо по сути дела означало крах самой охраны природы и активистов этого движения, потрясенных быстротой, с которой природа менялась на их глазах.

Другим фактором, ответственным за развал движения за охрану природы, была его неспособность привлечь на свою сторону

широкие круги не только образованной общественности. Экологи и деятели охраны природы не смогли продемонстрировать существенные выгоды, которые можно было бы извлечь из проводимых в заповедниках научных исследований, властям и общественности, которые продолжали третировать такие исследования, как проводимые в духе «науки ради науки». Фактически лишь очень немногие заповедники приступили к исследованиям по экологии сообществ. Большинство остальных погрязли в рутинной работе по инвентаризации своих флор и фаун *. Что касается рекомендаций, исходивших от занимавшихся охраной природы экологов, то они отвергались технократами, в особенности когда они противоречили коллективизации или героическим проектам строек первой пятилетки. Общественная изоляция, в которой оказалось дело охраны природы, может объясняться тем, что к концу 20-х годов из всех общественных групп в Советском Союзе лишь интеллигенция понимала общность своих идеологических интересов и обладала организационными структурами, необходимыми для того, чтобы организованно бороться за эти интересы. Подавляющее большинство советских граждан — рабочих и крестьян — были слишком озабочены обрушившимися на них в начале 30-х годов бедствиями, чтобы беспокоиться об охране редких видов животных или защите экологических сообществ, находящихся под угрозой разрушения. Не могли также встречать у них отклика общие идеи защиты автономии и разнообразия. Это положение коренным образом отличалось от того, которое сложилось примерно в то же самое время в США и Германии, где движение за охрану природы было массовым. В Соединенных Штатах многочисленный преуспевающий и подвижный «средний класс» создавал фундамент общественной заинтересованности в возможности отдыха на лоне природы, что проявилось в организации национальных парков. В Германии идеи охраны ландшафтов нашли активный благожелательный отклик у местных жителей. За исключением Прибалтийского региона и некоторых других периферийных районов, в Российской империи и в Советском Союзе такие умонастроения отсутствовали. Конкретные условия в России сильно отличались и не благоприятствовали массовой поддержке крупномасштабного движения за охрану природы.

Еще одно затруднение возникло из-за отсутствия четкой классификации охраняемых территорий. Поскольку ни в 20-х, ни в 30-х годах согласия относительно такой классификации между Наркомпросом, с одной стороны, и Наркомземом и Наркомвнешторгом — с другой, достигнуть не удалось, то и те, и другие продол-

* Эта причина более чем второстепенна.— *Прим. ред.*

жали именовать подведомственные и охраняемые территории «заповедниками», несмотря на существование глубоких различий в их предназначениях и режимах заповедности. Это приводило к тому, что в общественном мнении отсутствовало ясное понимание того, что такое заповедники, и «смазывался» уникальный характер заповедников, относящихся к системе Наркомпроса. Отсутствие терминологических различий между охраняемыми территориями в системе Наркомпроса и в хозяйственных наркоматах позволило последним развязать кампанию за гегемонию надо всеми советскими заповедниками (впрочем, с аналогичными претензиями выступал и Наркомпрос). Хотя эта кампания и не увенчалась победой хозяйственных наркоматов с организационной точки зрения (наибольшего успеха они достигли в 1929 г., когда из системы Наркомпроса им были переданы три важных заповедника, возвращенные, правда, уже на следующий год), однако наиболее существенным было то, что в конечном счете начиная с 1934 г. экологически ориентированные заповедники Наркомпроса были преобразованы в заповедники, ориентированные на охрану конкретных видов промысловых животных, по образцу хозяйственных наркоматов.

Наконец, жизнеспособность заповедников в качестве эталонов подрывалась противоречивостью функций, которые на них возлагались. К сожалению, в то время не было четко осознано, что функции заповедника как эталона могут вступать в противоречие с использованием заповедника для охраны конкретного, находящегося под угрозой вида. Тогда как первая из этих функций требовала режима полной неприкосновенности, вторая часто нуждалась в человеческом вмешательстве в естественный ход событий в заповеднике для того, чтобы сохранить или восстановить какие-либо важные условия, необходимые для существования охраняемых видов. Возникло также множество других проблем, связанных с пониманием функций заповедников, как, например, определение адекватных границ для таких эталонов. Все это вместе взятое подрывало доверие к роли заповедников как эталонов как у общественности, так и среди сотрудников самих заповедников.

Важно подчеркнуть, что эти трудности оказались столь губительными для экологической охраны природы именно из-за радикальных изменений, происшедших в политике,— благодаря отказу от НЭПа. Хотя это был скорее исторический процесс, чем конкретное событие, зафиксированное каким-либо постановлением Совнаркома, однако к 1929 г. с НЭПом было фактически покончено, а к 1933 г. Советский Союз стал уже совсем иной страной. Исследовавшие этот период современные историки, на работах которых мы основываемся, показали, что признаки эпохи сталиниз-

ма коренятся уже во многих советских организационных структурах середины 20-х годов, таких, как Красная Армия, хозяйственные наркоматы и даже Государственный ученый совет Наркомпроса. Таким образом, было бы не совсем точно говорить о НЭПе как об эпохе исключительно плюралистической или «либеральной», но как бы то ни было, период НЭПа характеризовался широко известной умеренностью: отсутствием мобилизации всего государства на выполнение единых целей и, соответственно, высокой степенью самостоятельности отдельных бюрократических структур. Именно это дало возможность Наркомпросу, несмотря на его постоянно уменьшающуюся роль среди других наркоматов, тем не менее поддерживать такие передовые программы, как экологическая охрана природы. Такая поддержка стала неприемлемой для государства после того, как посредством таких лиц и организаций, как И. И. Презент и ВАРНИТСО, началась мобилизация всей страны на выполнение новых задач, основанных на новой системе ценностей.

Деятели охраны природы старались противостоять этому неблагоприятному стечению обстоятельств различными способами. Начиная с 1930 г. к работе в ВООП привлекались рабочие и крестьяне. Распространяя свои идеи в школах, в особенности организуя День птиц и День леса, движение за охрану природы так же пыталось завоевать умы молодежи. Наконец, что наиболее существенно для нашего исследования, более политически изощренные деятели охраны природы и их партийные покровители придерживались стратегии «защитной окраски». Эта политика заключалась в риторической поддержке целей социалистического строительства и делании тактических уступок там, где это казалось необходимым для спасения всего, что только можно было уберечь из программы экологической охраны природы. На протяжении 20 лет (до ликвидации большинства заповедников в 1951 г.) «защитная окраска» оставалась достаточно эффективной стратегией, и вряд ли альтернативная линия поведения, а именно неуклонное сопротивление хозяйственным ведомствам и лицам, претендовавшим на роль верховных судей в биологии, могла бы привести к лучшим результатам. Однако нельзя отрицать героического и созидательного характера борьбы деятелей охраны природы в тех немыслимо враждебных условиях.

Наконец, вся эта история иллюстрирует общественный характер природы науки. Это особенно ярко проявляется, когда мы обращаемся к экологии — дисциплине, в рамках которой почти не существует общепризнанных концепций, поскольку воспроизводимые эксперименты возможны в дикой природе, а строгие доказательства — тем более. Поэтому противоречивость ситуации со-

стоит в том, что наша приверженность к определенному представлению о структуре организации природы неразрывно связана с нашей приверженностью к определенному взгляду на деятельность человека. Поскольку как в то время, так и ныне экологическая наука не способна дать нам многого в понимании окружающих нас природных систем, то в конечном счете мы приходим к заключению, что какую бы модель природы мы ни постулировали, мы постулируем ту, которую хотим видеть.

Глава 1

1. Закон Государственной Думы № 2396 от 25 октября 1916 г. «Об установлении правил об охотничьих заповедниках».

В книге «Соболиный промысел на северо-восточном побережье Байкала. Материалы Баргузинской экспедиции Г. Г Доппельмаира 1914—1915 гг. (Верхнеудинск — Ленинград, 1926)» подробно сообщается история этого важного для наших заповедников закона. Первоначально Иркутский генерал-губернатор вынес постановление об учреждении в предложенном экспедицией месте «охотничьего заповедника» (по аналогии с ранее учрежденным Китойским). «Вместе с тем была предпринята работа по составлению проекта закона, который был проведен в спешном порядке и опубликован в Собрании узаконений и распоряжений правительства 30 октября 1916 г., № 304, ст. 2396 «Об установлении правил об охотничьих заповедниках»... По издании закона министром земледелия было сделано представление в сенат «Об учреждении Баргузинского заповедника», и это представление было опубликовано в Собрании узаконений и распоряжений правительства 20 января 1917 г., № 18, ст. 107. Далее приводится текст постановления (из книги «Соболиный промысел на северо-восточном побережье Байкала. Материалы Баргузинской экспедиции Г. Г Доппельмаира 1914—1915 гг. Верхнеудинск — Ленинград, 1926)».— *Прим. ред.*

2. Представляют ли парки для защиты памятников природы опасность для лесоводства? Архив МГУ, фонд 200.

Глава 2

1. Г. А. Кожевников. Текст доклада, о котором идет речь (для съезда русских естествоиспытателей и врачей, 1917 г.) сохранился в архиве ученого (Архив МГУ, фонд 200). Изложение его приводится автором книги.

2. Декрет от 9 ноября 1917 г. СУ РСФСР 1917—1918 гг. № 1 ст. 3. Пояснение: «О земле» — Декрет Второго Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 26 октября 1917 г. См.: Решения партии и правительства по хозяй-

ственным вопросам», т. 1, 1917—1928 гг. М., 1967, также «Об охране окружающей среды». М., 1986 с. 17.

СУ — здесь и далее — сборник узаконений и распоряжений правительства.— *Прим. ред.*

3. СУ РСФСР, 1918 г., № 42, ст. 552, пп. 77 и 78.

Пояснение: «О лесах» — Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов 27 мая 1918 г. См.: Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам, т. 1, с. 67—83, также: «Охрана окружающей среды», с. 22—29.— *Прим. ред.*

4. СУ РСФСР, 1919, № 21, ст. 256

Пояснение: Постановление Совета народных комиссаров 27 мая 1919 г. См.: Декреты Советской власти, т. V. М., 1971, с. 245, также: «Охрана окружающей среды», с. 32—33. В сноске приведен первоисточник.— *Прим. ред.*

5. СУ РСФСР, 1921, № 65, ст. 492

Пояснение: «Об охране памятников природы, садов и парков» — Декрет Совета народных комиссаров 16 сентября 1921 г. См.: Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства, 1921, № 65, ст. 492, также «Охрана окружающей среды», с. 43—44. В проекте декрета имелась статья о создании специального госоргана по охране природы, но она не прошла при обсуждении.— *Прим. ред.*

6. СУ РСФСР, 1920, № 39, ст. 18.

Пояснение: фотокопия этого документа приведена в книге «Заповедники Советского Союза».— М., 1969, с. 13.— *Прим. ред.*

7. СУ РСФСР, 1920, № 66, ст. 297.

Пояснение: Ранее, 27 мая 1919 г. был принят декрет СНК РСФСР «О сроках охоты и праве на охотничье оружие» (СУ РСФСР, 1919, № 21, ст. 256), которым запрещалась охота на лосей и косуль, а также сбор птичьих яиц (см.: Улитин А. А. Охота и закон.— М.: Агропромиздат, 1987, с. 6).— *Прим. ред.*

Глава 3

1. Архив МГУ, ф. 200. Протокол № 5 заседания президиума Главмузея от 17 ноября 1921 г. В папке «Докладная записка Главмузея».

2. Центральный государственный архив РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 1988, л. 17.

3. См.: «Еженедельник Наркомпроса», 28 июля 1923 г. № 7(36), с. 2—3.

1. Госплан СССР, Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1927—1928 г. (Постановление президиума Госплана от 25 августа 1927 г.) (Москва, 1928), с. 145. Кроме того, см. Постановление СНК СССР, № 189, 2 февраля 1928, «О мерах к упорядочению лесного хозяйства» в «Известиях» ЦИК СССР, 7 апреля 1928, № 83.

2. Наркомзем РСФСР, Отчет деятельности за 1924—1925 гг. (Москва, 1928), с. 393.

3. Научно-исследовательский институт монополии внешней торговли. Ежегодник внешней торговли за 1931 год, с. 598—599.

4. СУ РСФСР, 1926, № 24, ст. 154 («Об ограничении промысла котиков и морских бобров»), и СУ РСФСР, 1927, № 102, ст. 684.

5. «Природа», 1928, № 2, с. 173 (редакционная статья без подписи).

6. К январю 1924 г. цены на шкурки в среднем составляли 259,9% от уровня 1913 года. См.: «Энциклопедия русского экспорта» под редакцией П. А. Берлина и В. Г Громана, т. 3, «Известия торгового представителя СССР в Германии при участии НКВТ на Украине и Центрсоюза» (Берлин, 1925, с. 4).

7. См.: «Пушное дело», 1927, № 1, (21), с. 138; и «Ежегодник внешней торговли за 1931 г.», с. 405—418.

8. См.: Редакционная статья в журнале «Пушное дело», 1928, № 10, с. 1.

9. См.: «Охотник», 1925, № 2, с. 27 («Хроника»).

10. См.: «Известия Центрального бюро краеведения», 1928, № 3, с. 10.

11. Общий доход ВООП с 1 октября 1927 г. по 14 апреля 1929 г. составлял 8887 руб. («Охрана природы», 1929, № 5, с. 127—128).

12. См.: 15-й съезд ВКП(б), декабрь 1927 г. Стенографический отчет, ч. 2-я (М., 1962, с. 929).

13. Всероссийское общество охраны природы (ВООП). Устав ВООП.— М., 1925 г.; 1933 г.; 1935 г. Общество было уполномочено организовывать дискуссии, проводить публичные собрания и обсуждения, организовывать экскурсии, создавать лаборатории, экспериментальные станции, музеи, выставки, библиотеки и университетские курсы, наблюдать за изменениями природных условий и за соблюдением постановлений об охране природы, издавать свои труды, организовывать съезды, сдавать в аренду и арендовать все виды собственности, заключать договоры.

14. Архив МГУ, ф. 200. Заседание ВООП 15 февраля 1925 г. (памятки к докладам); см.: Шиллингер, 1935.

15. См.: «Охрана природы», 1928, № 1, с. 29, «Первый отчет деятельности ВООП».

16. См.: там же и Weekly News Bulletin от 29 октября 1925 г., № 18—19, с. 14 (Новости Всесоюзного общества культурных связей с зарубежными странами — ВОКС).

17. См.: «Охрана природы», 1929, № 4, с. 109—110, а также листовки секции охраны природы Красноярского отдела Географического общества СССР.

18. Краткий обзор деятельности Всеукраинского общества защиты животных и растений (ЖИВРАС) за 1925—1927 гг. См. также листовку «Почему нужно защищать животных» (место публикации и дата не указаны).

19. См.: обложка журнала «Охрана природы», 1929, № 3.

Глава 5

1. СУ РСФСР, 1925, № 70, ст. 559 «Об охране участков природы и ее отдельных произведений, имеющих преимущественно научное или культурно-историческое значение». Опубликовано в «Еженедельнике Наркомпроса», 1925, № 51 (101), с. 2—4. Фактический текст этого документа (п. 9): «Для объединения, согласования и урегулирования деятельности различных ведомств в отношении охраны природы при Главном управлении Научными, Художественными и Музейными учреждениями образуется Государственный Комитет по охране природы из представителей: три — от Наркомпроса РСФСР и по одному от Государственной Плановой Комиссии РСФСР, Наркомфина РСФСР, Наркомздрава РСФСР, НКВД РСФСР, ВСНХ РСФСР, Академии наук, Российского географического общества, а также специалистов по охране природы по назначению Народного Комиссариата по просвещению РСФСР, но не более пяти лиц».

2. Инструкция Народных Комиссариатов просвещения, РКИ, земледелия, здравоохранения, внутренних дел, финансов, Госплана и ВСНХ по применению пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 5.10.1925 г. (СУ № 70, ст. 559) «Об охране участков природы и ее отдельных произведений, имеющих преимущественно научное или культурно-историческое значение». Документ подписан: зам. наркома просвещения В. Н. Яковлева, зам. пред. Госплана РСФСР А. М. Эссен, зам. наркома земледелия А. И. Свидерский, зам. наркома здравоохранения К. Г Мухтаров, зам. нарко-

ма Финансов Р. Я. Левин, зам. пред. ВСНХ РСФСР А. П. Брыков и нарком внутренних дел А. Г. Белобородов. Опубликовано в «Еженедельнике Наркомпроса», 1926, № 36, с. 5—7.

3. «Еженедельник Наркомпроса РСФСР» 1928, № 16 «Об организации междуведомственных комиссий по охране природы (Циркуляр № 5000/82)» и там же, 1929, № 1 «Об организации междуведомственных комиссий по охране природы и направлении их работы (Циркуляр № 50/001/19)».

4. Г. А. Кожевников «Объяснительная записка по запросу Госплана о научно-исследовательской работе отдела охраны природы при Главнауке Наркомпроса от 15 сентября 1923 г. за № 792». Центральный госархив РСФСР (ЦГА РСФСР), ф. 2307, оп. 8 ед. хр. 281, лл. 143—146 (цит. в статье Штильмарк, Аваков, 1977).

5. Также: «Краеведение», 1926, № 1, с. 194—200, где приводится перечень всех научных учреждений, находящихся в ведении Наркомпроса, включая заповедники.

Глава 6

1. «О памятниках культуры и природы», Украинский комитет по охране памятников природы, «Збирник», № 1 «Охорона памяток природи» (Харькив, 1927), с. 89—90, подписано Петровским Г. И. и Чубарем В. Я.

2. «Журнал экологии и биоценологии», 1931, т. 1, вып. 1, с. 6 («От редакции»). Текст принадлежит Станчинскому В. В., который был главным редактором журнала.

3. «Выписка из протокола № 4 заседания Президиума Госкомитета охраны природы», 21.01.1927 г., подписанная Северцовым С. А. (Центр. гос. архив РСФСР, ф. 2306, оп. 69, ед. хр. 1412). См. также: записку Наркомпроса РСФСР в СНК РСФСР № 69155 от 30 апреля 1927 г., подписанную зам. наркома НКП Яковлевой (там же). Позиция Наркомзема РСФСР отражена в документе «Об утверждении положения о Воронежском гос. охотничьем и бобровом заповеднике» (там же, л. 1-а).

4. Постановление «Об Астраханском государственном заповеднике» от 24 ноября 1927 г., «Известия» ЦИК СССР, 1928, № 4.

Глава 7

1. Это постановление не публиковалось и вскоре было отменено.

2. Личная беседа с Насимовичем А. А. 18 апреля 1980 г в Москве.

Глава 8

1. «Охрана природы», 1930, № 1, с. 4 (От редакции).
2. Там же, 1930, № 4, с. 89—90 (Хроника).
3. Гришин А. И. Письмо редактору, «Охрана природы», 1930, № 8—10, с. 215.

Глава 9

1. Выступление И. Г. Клабуновского опубликовано в журнале «Фронт науки и техники» (ВАРНИТСО), 1932, № 6, с. 108—109, в качестве ответа на вопрос «читателя».
2. Кржижановский Г. М. Социалистическое строительство и краеведение. В сб. Кржижановский Г. М., Смидович П. Г. (ред.) — Социалистическое строительство и краеведение. М., 1930 г.
3. «Охрана природы», 1930, № 6, с. 29 (Информация о деятельности ЦБК за апрель — май 1930 г.).
4. «Охрана природы», 1930, 11—12, с. 56 (об отчете Рабкрина). А также: Постановление коллегии НК РКИ РСФСР об обследовании и чистке ЦБК от 26 октября 1930 г. (протокол № 46, с. 5), «Советское краеведение», 1930, № 11—12, с. 55—56.
5. Выступление К. Квятковского «Ископаемые от науки» в газете ВАРНИТСО «За коммунистическое просвещение», 1931, № 65. Цитаты в тексте приводятся по выдержкам из этой статьи, приводимым в: «Советское краеведение», 1931, № 3, с. 64 (см. п. 6).
6. Постановление президиума ЦБК от 25 марта 1931 г. по поводу статьи Квятковского «Ископаемые от науки», помещенной в № 65 газеты «За коммунистическое просвещение», «Советское краеведение», 1931, № 3, с. 64.
7. «Правда» от 17 сентября 1931 г., № 257, с. 3 (Васильев и Карпыч. Краеведение и туризм — на службу социалистическому строительству).
8. «Советское краеведение», 1931, № 11—12, с. 6 (Потемкин М. П. Одиннадцатый пленум ЦБК).
9. «Советское краеведение», 1932, № 5, с. 20 (Потемкин М. П. «Надо исправить политические ошибки»), с. 37 («Особые постановления XI съезда ЦБК...»).
10. Комиссия по охране природы была ликвидирована 26 сентября 1930 г. (См.: «Охрана природы», 1930, № 8—10, с. 219). Также см.: «Советское краеведение», 1931, № 7—8, с. 93, 96.
11. «Советское краеведение», 1932, № 5, с. 40 (Резолюция

по докладу председателя ЦБК тов. Потемкина «О краеведческой работе», принятая сессией Госкомитета содействия развитию природных богатств, 28 декабря 1931 г.»). Так изменилось название прежнего Госкомитета НКП РСФСР по охране природы (см. ниже).

12. «Сов. краеведение», 1932, № 5, с. 6 (И. Клабуновский. Через советское краеведение — к освоению естественных богатств страны).

13. «Охрана природы», 1930, № 1, с. 17.

14. Ж. «Охрана природы», 1928, № 1, с. 29 (Первый отчет ВООП).

15. «Охрана природы», 1929, № 4, с. 127 (Третий отчет ВООП). В 1929 г. преподаватели составляли 12,4% членов, служащие — 32,8, рабочие — всего лишь 1,4%.

16. «Охрана природы», 1930, № 2, с. 19 (А. Теодорович. Письмо в редакцию).

17. «Природа и социалистическое хозяйство», 1934, с. 213.

18. Годовые отчеты ВООП (с первого по четвертый) в журналах «Охрана природы».

19. Беседа с А. А. Насимовичем, Москва, 10 апреля 1980 г.

20. «Охрана природы», 1930, № 8—10, с. 217 (IV отчет ВООП).

21. Там же, с. 219.

22. «Охрана природы», 1930, № 4, с. 89, и № 8—10, с. 219.

23. Там же и № 7, с. 154 (К вопросу об охране мест зимовок...).

24. «Охрана природы», 1930, № 3, с. 63—68.

25. «Природа и соц. хозяйство», 1932, т. 5, с. 222 (О деятельности ВООП в 1932 г.).

Глава 10

1. СУ РСФСР, 1930, № 9, ст. 108.

2. СЗ (Собрание законов — ред.) РСФСР, 1930, № 45; ст. 465.

3. СЗ РСФСР, 1930, № 59, с. 550.

4. «Природа и соц. хозяйство», 1931, № 4—5, с. 103—104.

5. СУ РСФСР, 1930, № 9, с. 109.

6. «Природа и соц. хозяйство», 1931, № 1—3, с. 51 (Годовой отчет Казахского комитета по охране природы, памятников старины и искусства).

7. СЗ РСФСР, 1930, № 41, ст. 223.

8. СЗ РСФСР, 1930, № 45, ст. 460.

9. Постановление Наркомторга СССР «О заготовке пушнины и мехсырья в 1930—1931 г.» от 18 сентября 1930 г. См.: Законода-

тельство и административные распоряжения по торговле, 1930, № 56, с. 11.

10. Постановление коллегии Наркомснаба СССР от 31 декабря 1930 г., № 366, «О заготовке пушнины и мехсырья в 1931 г.». Там же, 1931, № 3, с. 1.

11. Постановление ЭКОСО РСФСР от 3 сентября 1931 г., № 286, «Об утверждении «Положения о комитете по делам охотничьего хозяйства при Наркомснабе РСФСР». См.: «Наша внешняя торговля», 1931, № 1—2, с. 7.

12. «Наша внешняя торговля», 1931, № 12, с. 10.

13. «Внешняя торговля», 1931, № 23, с. 25 (приказ НКВТ СССР от 24 октября 1931 г., № 657).

14. «Ежегодник внешней торговли» за 1931 г., с. 626.

15. «Наша внешняя торговля», 1931, № 6, с. 8.

16. Там же, № 9, за 1931, и др.

17. «Природа и соц. хозяйство», т. 5, 1932, с. 226 (Обзор деятельности гос. междуведомственного комитета содействия развитию природных богатств за 1932 г.).

18. «Природа и соц. хозяйство», 1931, № 1—3, с. 53—54 (Постановление СНК РСФСР от 1 января 1931 г. «О мерах охраны перелетной дичи»).

19. «Охрана природы», 1930, № 4, с. 91—92 (Обзор деятельности Госкомитета... в 1932 г.).

20. «Природа и соц. хозяйство», 1931, № 9—10, с. 251 (О работе Госкомитета за 1931 г.).

21. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 20 июня 1930 г. «Об охране и развитии природных богатств РСФСР». См.: «Охрана природы», 1930, № 6, с. 150—152.

22. «Природа и соц. хозяйство», 1931, № 4—5, с. 98.

23. Там же, с. 91, и «Труды...», 1935, с. 147.

24. «Природа и соц. хозяйство», 1931, № 4—5, с. 94, 101, и др.

25. «Труды...», 1935, с. 137, 147, и др.

26. «Природа и соц. хозяйство», 1931, № 4—5, с. 98.

27. Там же, с. 103.

28. СУ РСФСР, 1930, № 9, ст. 109 (Положение об охотничьем хозяйстве РСФСР).

29. «Охрана природы», 1930, № 4, с. 90.

30. «Внешняя торговля», 1932, № 16, с. 8 (Резолюция Всесоюзного совещания уполномоченных НКВТ...).

31. «Бюллетень Наркомпроса РСФСР», 1931, № 55, с. 2—4 (Постановление коллегии НКП № 689 от 28 ноября 1931 г. «О государственном Кавказском заповеднике»).

32. Там же, 1931, № 35, с. 12—13 (Постановление НКП

№ 7444 от 19 августа 1931 г. «Положение о Печоро-Илычском заповеднике»).

33. «Природа и соц. хозяйство», 1931, № 1—3, с. 48 (также: «Труды...», 1935, с. 67).

34. «Природа и соц. хозяйство», 1932, т. 5, с. 246.

35. «Охрана природы», 1930, № 4, с. 96 (Постановление СНК РСФСР от 4 мая 1930 г. — об учреждении новых заповедников).

36. Архив МГУ, ф. 200 (Макаров В. Н. Тезисы докладов НКП РСФСР на Первом Всесоюзном съезде: «О состоянии работы в области охраны природы в РСФСР и перспективе ее развития во второй пятилетке»). См. также: «Природа и соц. хозяйство», 1931, № 9—10, с. 249 (Резолюция по докладу В. Н. Макарова «Сеть госзаповедников и перспективы работы их на ближайшие годы»).

37. «Природа и соц. хозяйство», 1931, № 4—5, с. 45 (Резолюция по докладу В. Н. Макарова «Производственный план Гос. межведомственного Комитета содействия развитию природных богатств РСФСР и сектора науки Наркомпроса по этому разделу работы на 1931 год»).

38. «Научное слово», 1930, № 7—8, с. 116 (Ф. Н. Петров. «Об организационных изменениях в Наркомпросе»).

39. «Бюллетень Наркомпроса РСФСР», 1932, № 1, с. 4—5 (О работе Государственного межведомственного комитета содействия развитию природных богатств РСФСР, подписан зам. наркома просвещения М. Эпштейном 21 декабря 1931 г.).

40. «Природа и соц. хозяйство», 1932, т. 5, с. 223—224 (Обзор деятельности...).

Глава 11

1. Труды IV Всесоюзного съезда зоологов, анатомов и гистологов («О программных докладах...»). — Киев, 1931, с. 27.

2. Там же, с. 20 (По вопросам, связанным с преподаванием...).

3. История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. — М.: Правда, 1938, с. 300.

4. «Пушное дело», 1928, № 5, с. 70 (В Госторге РСФСР).

5. Труды третьего Всероссийского съезда зоологов, анатомов и гистологов. — М., 1928, с. 24.

6. Там же, с. 401.

7. Труды сессии ВАСХНИЛ, посвященной поднятию урожайности и развитию социалистического животноводства (г. Воронеж, 15—20 февраля 1933 г.) — Воронеж, 1933—1934.

Глава 12

1. «Бюллетень яровизации», 1932, т. 1, № 1, с. 71—72 (Постановление коллегии Наркомзема СССР от 9 июля 1931 г., протокол № 33).

2. Там же, с. 74—75 (Резолюция, принятая Всеукраинской селекционной конференцией 17.09—20.09.1931 г. «О значении работ т. Лысенко»).

3. Беседа с М. Поповским 12 февраля 1981 г. в Нью-Йорке.

Глава 13

1. «Природа и соц. хозяйство», 1933, т. VI, с. 185—186.

Глава 14

1. СУ РСФСР, 1933, № 52 ст. 277 (от 25 октября 1933 г. «О реконструкции Наркомпроса РСФСР»).

2. Научно-методические записки по заповедникам, вып. 1.— М., 1938, с. 90—91 («Об утверждении положения о заповедниках». Постановление. ВЦИК и СНК РСФСР от 1.04.1934 г.).

3. Макаров В. Н. Заповедники СССР.— М.: Сельхозгиз, 1940, с. 156—157 (Постановление СНК РСФСР № 159, 17 марта 1940 г. «Об утверждении положения о заповедниках» и далее «Положение о государственных заповедниках на территории РСФСР»).

4. Архив МГУ, ф. 200 (недатированная рукопись В. Н. Макарова «О необходимости союзного законодательства», 6 стр. маш. текста).

5. Макаров В. Н. Справка о работе Комитета (по заповедникам), 1939, № 2, 5 стр. машинописи.

6. «Охрана природы» № 1, М., с. 19 (А. Г Гиллер. Отчет о работе ВООП за 1938—1947 гг.).

7. «Природа и соц. хозяйство», 1934, т. 7, с. 215 (С. Фридман. Отчет ВООП. О деятельности в 1934 г.).

8. Беседа с А. А. Насимовичем в Москве 18 апреля 1980 г.

Советские заповедники: подчиненность (принадлежность), площадь и административный статус в 1925—1933 гг.

Республика	Государственные заповедники		Заповедники местного подчинения		Всего	
	Число	Площадь в га	Число	Площадь в га	Число	Площадь в га
1	2	3	4	5	6	7
РСФСР						
1925						
Наркомпрос	6	337 000	7	37 417	13	374 417
Наркомзем	1	540 000[1]	2	14 077	3	554 077
Итого	7	887 000	9	51 949	16	918 494
1929						
Наркомпрос	6	428 439	22[2]	170 388	28	598 827
Наркомзем	3	1 346 477[1]	10	1 710 000[1]	13	3 056 477
Наркомздрав			1	10 000	1	10 000
Итого	9	1 774 916	33	1 890 388	42	3 665 304
1933						
Наркомпрос	12	2 495 039	21[2]	203 788	33	2 698 527
Наркомвнешторг СССР	3	1 346 477[1]	10[3]	1 710 000	13	3 056 477
Наркомздрав			1[4]	10 000	1	10 000
Дальневосточное отделение Академии наук СССР			1	17 000	1	17 000
Местные органы управления Карелии			2	19 300	2	19 300
Итого	15	3 841 516	35	1 960 088	50	5 801 604
Белорусская ССР с 1925 по 1933 гг.						
Наркомзем	1	65 000			1	65 000
Украинская ССР						
1925						
Наркомпрос			2	1 800	2	1 800
Наркомзем	1	42 000[5]	2	2 430	3	44 430
Итого	1	42 000	4	4 230	5	46 230
1929						
Наркомпрос			5[6]	2 310	5	2 310
Наркомзем	3	75 700[5]	2	2 430	5	78 130
Итого	3	75 700	7	4 740	10	80 440

1	2	3	4	5	6	7
1933						
Наркомпрос			5	2 310	5	2 310
Наркомзем	3	59 700	2	2 430	5	62 130
Итого	3	59 700	7	4 740	10	64 440
Азербайджанская ССР						
1925						
Наркомпрос			1	500	1	500
1929 и 1933						
Наркомпрос			1	500	1	500
Наркомзем	1	50 000	1	28 380	2	78 380
(В 1933 г. заповедники Наркомзема находились под юрисдикцией Наркомвнешторга СССР)						
Итого	1	50 000	2	28 880	3	78 880
Грузинская ССР						
1925						
Наркомпрос			2	821	1	821
1929 и 1933						
Наркомпрос			3	14 344[7]	3	
Туркменская ССР						
1929						
Туркменский филиал Академии наук СССР			1	25 200	1	25 200
1933						
Наркомпрос	1	69 700			1	69 700
Туркменский филиал АН СССР			1	25 200	1	25 200
Итого	1	69 700	1	25 200	2	94 900
Узбекская ССР						
1929						
Наркомзем	1	5 400			1	5 400
1933						
Наркомзем			1[8]	5 400	1	5 400
Весь Советский Союз						
1925						
Все Наркомпросы	6	377 000	11	40 538	17	337 538
Все Наркомземы	3	647 000	4	16 507	7	663 507
Итого	9	984 000	15	57 045	24	1 041 045
1929						
Все Наркомпросы	6	428 439	31	187 402	37	615 841
Все Наркомземы	9	1 542 577	13	1 740 810	2	3 283 387
Наркомздрав			1	10 000	1	10 000
Академия наук			1	25 200	1	25 200
Итого	15	1 971 016	46	1 963 412	61	3 934 428

1	2	3	4	5	6	7
1933						
Все Наркомпросы	13	2 564 739	30	220 942	43	2 785 681
Все Наркомземы	4	124 700	3	7 830	7	132 530
Наркомвнешторг СССР	4	1 396 477	11	1 738 380	15	3 134 857
Академия наук СССР			2	42 200	2	42 200
Местные органы Карелии			2	19 300	2	19 300
Итого	21	4 085 916	48	2 028 652	69	6 111 568

Источники информации: Алехин В. В. (Перечень и краткое описание заповедников), машинописный экземпляр, 1 стр. (не датирована, примерно 1932 г.). Архив МГУ, фонд 207, ед. хран. 1; Аверин В. Г. В сб.: «Всероссийский съезд по охране природы», с. 48—53; Благосклонов К. П., Иноземцев А. А., Тихомиров Н. В., с. 421—425 (табл. 19); Макаров В. Н. «Заповедники», БСЭ, 1-е изд., т. 26, с. 238—246; Мильченко А. Ф. В сб.: «Всесоюзный съезд по охране...», с. 133; «Внешняя торговля в СССР», 2 части (Москва—Ленинград, 1936); Комитет по заповедникам при президиуме ВЦИК, Научно-методические записки, 1938, т. 1, № 1; Потемкин М. П. В сб.: «Всероссийский съезд по охране природы», с. 18; Розанов М. П. «Заповедники за границей и в СССР», Известия Центрального бюро краеведения, 1929, № 10, с. 17—23; Реймерс Н. Ф., Штильмарк Ф. Р. «Особо охраняемые...», с. 41—49 (табл. 2 и 3); Северцов С. А. «Заповедники СССР»; Васильковский А. П. (составитель). «Перечень участков и отдельных предметов природы, заслуживающих охраны», «Краеведение», 1929, № 6, с. 362—378; Всесоюзный институт научно-технической информации по сельскому хозяйству, обзор литературы, 1967, № 14(85); Зыков К. Д., Нухимовская Ю. Д., Штильмарк Ф. Р. «Разработка и совершенствование перспективного плана создания заповедников в РСФСР». В кн.: «Географическое размещение...», с. 89—90 (табл. 4).

[1] — В эту территорию входят как обширные охранные зоны заповедников, так и зоны полной заповедности.

[2] — Включая заповедник «Кунгурская пещера» (300 га), статус которой неясен.

[3] — Включая 7 заповедников (площадью 2,5 тыс. га), указывавшихся Северцовым в 1929 г., но не упоминавшихся в 1933 г.

[4] — В 1933 г. существование заповедников не подтверждено.

[5] — Весь комплекс Аскании в целом. В 1930 г.— 16 тыс. га, занятых зерновыми, были переданы местным совхозам; оставшиеся 26 000 га представляли собой в основном не возделывавшуюся степь, включая зону полной заповедности площадью 6 600 га.

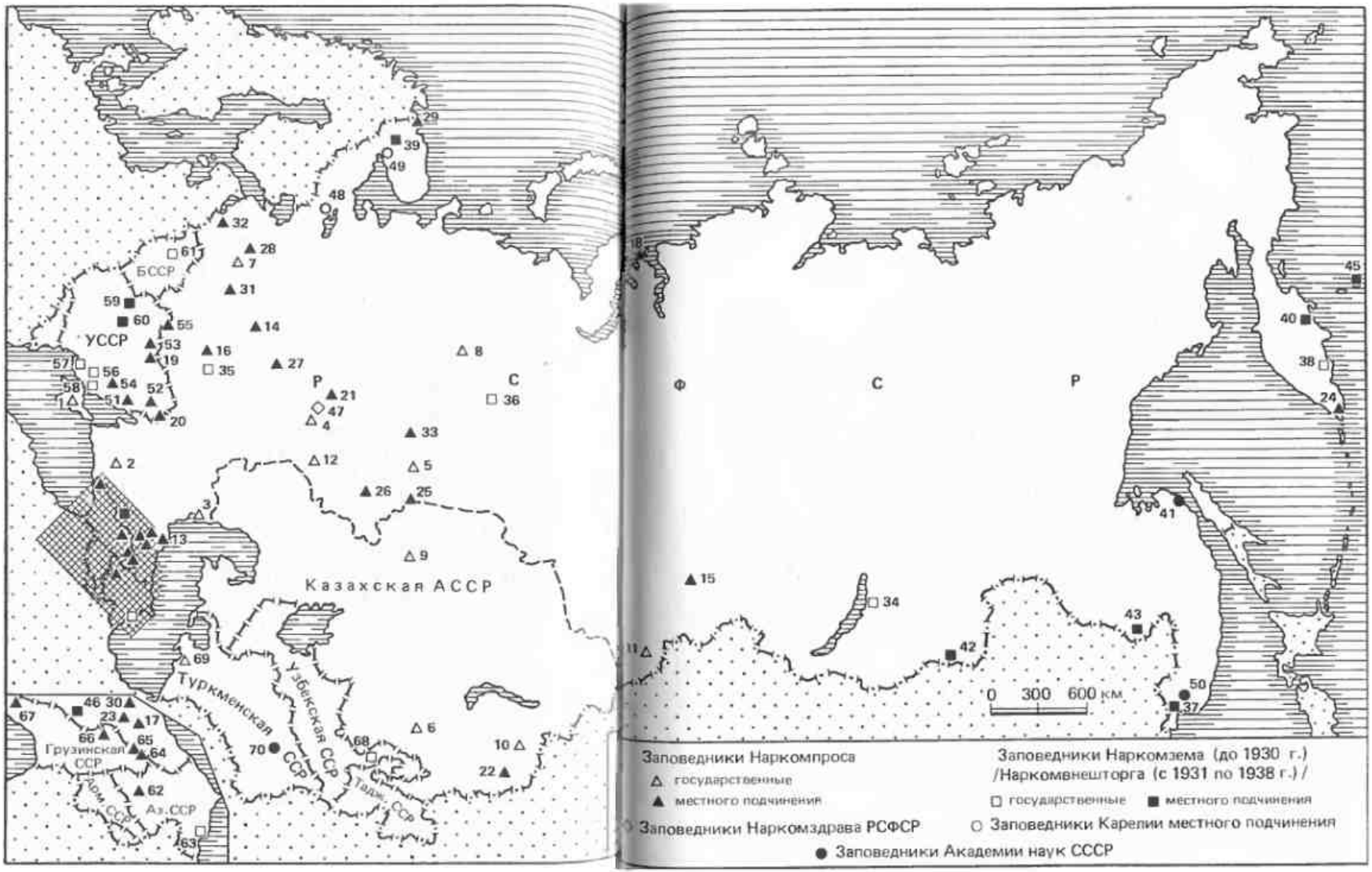
[6] — Включая Академическую степь (площадь ее неизвестна) и Диканьскую степь (находившуюся, вероятно, в ведении Наркомпроса Украины).

[7] — Данных о площади Лагодехи в 1929 г. не найдено; площадь принята равной современной: 13 283 га.

[8] — Подчиненность Зааминского заповедника неизвестна; в таблице он обозначен как заповедник местного подчинения Наркомзема УзССР.

Примечание: Семенов-Тян-Шанский В. П. «Географическое изучение Советского Союза», Петров Ф. Н. (ред.) «Десять лет советской науке», с. 276—277, упоминают также: Лахтинский лесной заповедник неподалеку от Ленинграда,

бобровый заповедник местного подчинения в Смоленской области, ликвидированный в 1927 г., заповедник на днепровском острове Хортица, сталактитовые пещеры неподалеку от Новой Ладоги и маленький заповедник реликтовой растительности в Лужском уезде Ленинградской области. Однако эти заповедники не включены в перечни, приводимые в каких-либо еще источниках того времени и, вернее всего, юридически представляли собой «памятники природы», не имевшие ни сотрудников, ни специальных ассигнований.

БССР
УССР
Р С Ф С Р
Казахская АССР
Туркменская ССР
Узбекская ССР
Таджик. ССР
Грузинская ССР
Азерб. ССР
Арм. ССР
0 300 600 км
Заповедники Наркомпроса
государственные
местного подчинения
Заповедники Наркомзема (до 1930 г.)
/Наркомвнешторга (с 1931 по 1938 г.)/
государственные
местного подчинения
Заповедники Наркомздрава РСФСР
Заповедники Карелии местного подчинения
Заповедники Академии наук СССР

Заповедники СССР в 1933 г.

Заповедники	Дата постановления об организации	Дата организации заповедника[1] в качестве		Площадь в гектарах
		местного	государственного	
1	2	3	4	5
РСФСР				
I. Наркомпроса				
А. Государственные				
1. Крымский	1917	1923	1923	21 138[к]
2. Кавказский (280 000[к]; 337 000[с]; 350 000[а,г])	1917	1924	1924	335 000[и]
3. Астраханский	1919	1919	1927[2]	22 794[к]
4. Пензенский[3] (Средне-Волжский)			(1927)[3]	6 000[а]
5. Ильменский	1920		1920	15 000[а,г,и]
6. Аксу-Джебаглы (30 000[к]; 35 000[а])	1925	1925	1927	30 540[г]
7. Центрально-Лесной (35 000[а,г,е,и])	1927	1928	1931	60 000[к]
8. Печоро-Илычский (1 300 000[и])			1930	1 000 000[а,г,е]
9. Наурзумский (200 000[г]; 250 000[а])			1930[4]	15 000[т]
10. Алма-Атинский			1931[4]	13 000[т]
11. Алтайский (1 500 000[к])			1932	1 000 000[г,е,и]
12. Бузулукский Бор (5 000[г])			1932	3 600[и]
Б. Местные				
13. Уч-коса (60 000[а]; 80 000[п])	1916	неизв.		58 000[к]
14. Живая Книга	1923	1923		27[к]
15. Красноярский (Столбы) (3 000[и])	1924[к]	1924[к] 1925[3]		3 960[к]

1	2	3	4	5
16. Галичья Гора	1925	1925		16[к]
17. Самарский	1925[к]	1925[к]		2 700[к]
18. Олений Остров	1925[к]	1925[к]		неизв.
19. Лес на Ворскле (1 000[в])	1925	1925 1923[к]		174[к]
20. Донецкий	1926[к]	1926[к]		1 000[к]
21. Татарский национальный (Раиф)	1926[к]	1926[к]		730[к]
22. Джети-суйский	1926[к]	1926[к]		20 000[к]
23. Гунибский	1926[к]	1926[к]		1 368[к]
24. Лопаткинский	1927[к]	1927[к]		3 000[г]
25. Троицкий	1927	1927		1 510[к,м]
26. Башкирский	1927 [5]	1930		15 000[к] 85 000[к5]
27. Ямбирский	1928[к]	1928[к]		165[к]
28. Железнинский	1928[к]	1928[к]		143[к]
29. Озеро Могильное	1929[м]	1929[м]		неизв.
30. Парабочевский	неизв.	неизв.		2 000[к]
31. Звенигородский (Городок)	неизв.	неизв.		неизв.[к]
32. Пушкинский	неизв.	неизв.		295[к]
33. Кунгурская пещера [6]	неизв.	неизв.		300[м]
II. Наркомзема				
А. Государственные				
34. Баргузинский (573 000[7а])	1916		1926 [2]	540 000[7к]
35. Воронежский		1923	1927	6 477[7к]
36. Кондо-Сосьвинский (843 000[а]; 1 500 000[в])	1929		1929	800 000[к,г,м]
Б. Местные				
37. Кедровая Падь	1916	1924		7 600[к]
38. Кроноцкий	1927	1930[а]		1 500 000[7м]
39. Лапландский (Чунатундра) (250 000[к])	1929[к]	1930 [3]		200 000[м,с]
40. Уткинский	неизв.	неизв.		неизв.[к]
41. Песчаный полуостров	неизв.	неизв.		неизв.[к]

1	2	3	4	5
42. Озера Зун-Торей и Барун-Торей	неизв.	неизв.	неизв.	неизв.[к]
43. Озеро Теплое	неизв.	неизв.		неизв.[к]
44. Остров Карагинский	неизв.	неизв.		неизв.[к]
45. Остров Медный	неизв.	неизв.		неизв.[к]
46. Десять местных заповедников в Кабардино-Балкарской автономной республике (считались единым заповедником)	1929[к]	1929[к]		2 500[к]
III. Наркомздрава				
47. Урянбашский	неизв.	неизв.		10 000[к]
IV. Карельские				
А. Государственные не было				
Б. Местные				
48. Кивач (1 888[с])		1932		2 500[к]
49. Кандалакшский (22 046[м])		1932		16 800[м]
V. Академии наук СССР (Дальневосточное отделение)				
А. Государственные не было				
Б. Местные				
50. Уссурийский (Супутинский) (16 500[м])	1912	1932		17 000[м]
Украинская ССР				
I. Наркомпроса				
А. Государственные не было				
Б. Местные				
51. Каменные Могилы	1925[к]	1925[к]		600[к]
52. Хомутовская степь	1925[к]	1925[к]		1 200[к]
53. Михайловская Целина (202[м]; 240[б])	1928	1928		220[л]

1	2	3	4	5
54. Академическая степь	неизв.	неизв.		неизв.[к]
55. Диканьская лесостепь	неизв.	неизв.		150[к]
II. Наркомзема				
А. Государственные				
56. Аскания-Нова (Чапли) (43 000[г])	1898[г]		1919	42 000[р]
57. Черноморский (Песчаный)[9]	1924		1927	8 700[к]
58. Приморский (Азово-Сивашский)[9]	1924		1927	25 000[к]
Б. Местные				
59. Конча-Заспа (713[к])	1921[к]	1921[к]		250[к]
60. Каневский (Имени Шевченко)	1923[к]	1923[к]		2 180[к]
Белорусская ССР				
I. Наркомпрос: не было				
II. Наркомзем				
А. Государственные				
61. Белорусский (Березинский)	1925		1925	65 000[к]
Азербайджанская ССР				
I. Наркомпрос				
А. Государственные: не было				
Б. Местные				
62. Гек-Гельский	1925	1925		500[с]
II. Наркомзем				
А. Государственные				
63. Кызылагачский (120 000[к])	1929	1929		50 000[г]
Б. Местные				
64. Закатальский	1929	1929		28 380[с]

1	2	3	4	5
Грузинская ССР				
I. Наркомпрос				
А. Государственные: не было				
Б. Местные				
65. Лагодехский	1912	1928[3]		13 283[м]
66. Ахметовский (600[л])	1925[к]	1925[к]		821[к]
67. Пицундский	1926[к]	1926[к]		420[к]
Узбекская ССР				
I. Наркомпрос: не было				
II. Наркомзем				
А. Государственные				
68. Зааминский	1926	1933[10]	1926	400[л]
Туркменская ССР				
I. Наркомпрос				
А. Государственные				
69. Гасан-Кули (Красноводский) (70 000[к])			1932	69 700[к,м]
II. Наркомзем: не было				
III. Туркменский филиал АН СССР				
70. Репетекский	1912	1928		25 000[к]

Примечания

Источники информации приведены в примечаниях к Приложению 1.

[1] Даты основания заповедников взяты из работы Реймерса и Штильмарка, если источник специально не оговорен. Фактически заповедники часто существовали еще до официального учреждения.

[2] Астраханский и Баргузинский заповедники считались государственными еще задолго до того, как были предприняты шаги, узаконивающие это положение.

[3] Основан в 1919 г. под названием «Пензенский». Территория заповедника была сильно расширена в 1927 г., а сам заповедник был преобразован в Средневолжский.

[4] Не функционировал до 1934—1935 гг. из-за противодействия со стороны местных властей.

[5] Башкирский заповедник, первоначально занимавший площадь 15 000 га, был в 1930 г. объединен с Ильменским с образованием заповедника местного подчинения площадью 83 400 га.

[6] Хотя Кунгурская пещера на Урале, представляющая собой сеть полостей в известняке, получила статус заповедника в 1943 г., не понятно, обладала ли она до того статусом заповедника местного подчинения или памятника природы.

[7] Всего, включая буферные зоны.

[8] Его организация планировалась в конце 20-х гг., но затянулась до 1931 г., когда Наркомзем был отстранен от управления охотничьим хозяйством и охраной промысловых животных; подчинялся местным органам.

[9] В 1932 г. Черноморский и Приморский заповедники были временно объединены с Асканией-Нова.

[10] В период между 1930 и 1933 гг. Зааминский заповедник не функционировал. Он был вновь открыт в 1933 г., вернее всего, в качестве заповедника местного подчинения.

[а] — Алехин. Заповедными были отдельные участки степи, и данные об общей площади заповедника не заслуживают доверия.

[б] — Аверин. Он упоминает также о Парасоцком заповеднике на Украине площадью 155 га, но фактически это, по-видимому, был заказник.

[в] — Благосклонов и др. В работе имеются некоторые ошибки относительно дат учреждения заповедников.

[г] — Макаров. Не упоминаются многие мелкие заповедники.

[д] — «Внешняя торговля в СССР».

[е] — Комитет по заповедникам при Президиуме ВЦИК.

[ж] — Потемкин.

[з] — На основе архивных изысканий Штильмарка; работа Реймерса и Штильмарка — это одна из лучших среди существующих хронологий. Площади заповедников не указаны.

[и] — Розанов. Основано на данных Северцова. Однако площадь Кавказского заповедника рассчитана на основе личного знакомства с заповедником.

[к] — Северцов. Основано на его компетентном изучении данных Главнауки. Лучший из существующих справочников по 1929 году.

[л] — Васильковский. Перечень существовавших и планировавшихся охраняемых территорий. Можно рекомендовать, если другие источники недоступны.

[м] — Всесоюзный институт. Указаны площади на 1967 г. Используется при отсутствии сопоставимых данных.

[н] — Зыков и др. Основано на архивных изысканиях Штильмарка. Источник столь же надежный, как и работа Реймерса и Штильмарка. Содержит первоначальные площади заповедников РСФСР, сохранившихся к тому времени. Числа округлены.

[п] — Замечания Н. Н. Шульженко, представителя Дагестанского института культуры, на съезде по охране природы 1929 г. (Всесоюзный съезд по охране.., с. 39).

[р] — Завадовский и Фортунатов, с. 24. Указана площадь 45 000 десятин (41 190 га); Колодько и Фортунатов, с. 6, говорят о 40 000 га;

Директор Аскании Ф. Ф. Бега, говоря о площади заповедника в период, предшествовавший 1931 году, в своем докладе на Съезде по охране природы 1933 года указывает площади 43 000 га. (Всесоюзный съезд по охране.., с. 94). Площадь полей и пастбищ составляла около 26 000 га, из которых 6 000 га были неприкосновенны и принадлежали Научно-исследовательскому степному институту. В 1931 г. 16 000 га возделываемых земель были переданы государственным хозяйствам.

[с] — П. Ковальская-Ильина, доклад на съезде 1933 г. (Всесоюзный съезд по охране.., с. 66).

[т] — Мильченко.

Послесловие

В нелегкое время, когда бушующие над страной политический, экономический и экологический кризисы угрожают слиться воедино, издается книга Дугласа Р. (Вайнера) Уинера «Экология в Советской России», посвященная важным этапам развития природоохранного движения в СССР. По мнению автора, дело это не только созидательное, но и героическое. Вся монография проникнута чувствами глубокой симпатии и уважения к нашим деятелям охраны природы, которым приходилось работать «в немыслимо враждебных условиях».

Действительно, история советской науки при всем ее официальном блеске по сути глубоко трагична. Более того, величие трагедии здесь сочеталось подчас с унизительным фарсом и прямым растлением, что наложило сильнейший отпечаток и на общественные представления и на облик каждого ученого. Поэтому само понятие «советская наука» (так же как «советская культура») представляет собой особое социологическое явление. Феномен «гомо советикус от науки» еще не понят.

«Наука лежит на ладони у государства и согревается теплом этой ладони»,— высказался в начале 70-х годов академик Л. А. Арцимович. Что же, каково государство, такова и его политизированная, проникнутая официальной идеологией, слитая воедино с партийно-административной системой послушная наука, которой так свойственны коллективизм, дисциплинированность, приспособляемость к частой смене руководящих ориентиров, вырабатывающая у своих жрецов лживость и лицемерие, а как следствие всего этого — апатию и равнодушие. Если же говорить о биологии, то надо учитывать еще и влияние прямого мракобесия, связанного с довольно продолжительным влиянием лысенковщины. Страшная эта эпоха вырастила особое поколение приспособленцев и циников, передающих — вполне по Ламарку! — эти отнюдь не во благо приобретенные признаки своему потомству.

Это жесткое редакторское пояснение представляется необходимым, поскольку автор книги отличается сдержанностью и деликатностью в отношении своего объекта исследований. Он более

чем корректен в политическом смысле, и его мягкая благожелательность пронизывает все произведение, распространяясь порой даже на тех, кто вряд ли ее достоин. Не будет преувеличением сказать, что книга написана не только человеком «с другого берега», но как бы и с иной планеты. Вот откуда некоторая авторская наивность, удивление тем, что для нас привычно.

Дуглас Р. Уинер — сравнительно молодой американский историк, ныне — профессор Аризонского университета. Над своей монографией (первоначальное ее название — «Модели природы») он работал, собирая материалы и в США, и в СССР, на переломе 70—80-х годов, книга была издана университетом штата Индиана в 1988 году, русское же издание попадает к читателям лишь в начале последнего десятилетия века. Надо ли говорить, что в такую динамичную эпоху книги не успевают за быстротекущим временем, они отстают от него, однако же подчас парадоксальным образом способны его опередить. Думается, что наш читатель, даже профессиональный эколог, не вполне готов воспринять данное исследование. Оно слишком непривычно, ибо мы все очень долго пребывали в замкнутой атмосфере давно сложившихся и прочно усвоенных представлений, стереотипов и мифов.

С другой стороны, на фоне обрушившейся за последние годы информационной лавины, вызванной сотрясениями времен перестройки и гласности, некоторые частные проблемы, освещенные в книге Д. Уинера, могут показаться не столь значительными. Но факт остается фактом: работа Дугласа Р. Уинера представляет собой по сути едва ли не первое подлинное исследование истории охраны природы в Советском Союзе, что и предопределяет значимость и успех этой книги.

Читатель вправе возразить — разве не ломятся объемистые шкафы и длинные библиотечные полки от всевозможных учебников, пособий, больших и малых трудов по проблемам охраны природы в СССР? Этой темой занимаются сейчас сотни учреждений и многие тысячи ученых. В любом из многочисленных курсов «Охрана природы», для кого бы он ни был предназначен, можно прочитать буквально один и тот же набор сведений о развитии природоохранного движения в России и расцвете его после великого Октября, о светлом ленинском периоде с декретами о создании заповедников и т. п. Подобная стандартизированная научно-репортильная литература, созданная усилиями А. Г. Банникова, Н. А. Гладкова, В. В. Петрова и их многочисленных современных продолжателей, сформировала тот весьма прочный круг представлений, выйти за который было практически невозможно *.

* Наглядным примером прочности устоявшихся представлений может слу-

Только на волне гласности стали появляться такие публикации, как цикл статей В. Я. Александрова «Трудные годы советской биологии», работы И. А. Тугаринова о зловещей роли ВАРНИТСО, статьи о разгроме краеведческого движения и т. д. Несомненно, следует ожидать новых правдивых трудов на эти темы, однако же, к нашему стыду, американский ученый явно опередил советских исследователей, многие из которых отнюдь не спешат расставаться с прошлым.

Объективности ради надо сказать, что по ряду разделов истории советской биологии имеются серьезные научные труды, такие, как широко использованные в книге Д. Уинера работы Г. И. Дохман (1973) и Х. Х. Трасса (1976), а также изданные позднее монографии Г. А. Новикова (1980), А. В. Гайсиновича (1988) и некоторые другие. Интересны новые публикации, посвященные жизни и деятельности ряда выдающихся ученых, занимавшихся проблемами охраны природы (в частности, брошюры о В. П. Семенове-Тян-Шанском П. М. Поляна, об А. А. Силантьеве О. А. Егорова и др.). Имеются, наконец, содержательные зарубежные издания, которые в последнее время постепенно становятся доступными и нашим читателям (книги Жореса Медведева, Марка Поповского, Бориса Комарова).

Но и с учетом сказанного монография Дугласа Уинера должна быть по праву оценена как весьма серьезный вклад в историографию природоохранного дела нашей страны. Главными достоинствами книги являются разносторонний подход автора и его объективность. Историк и социолог, он демонстрирует глубокое понимание проблем экологии и генетики, осуществляет синтетический анализ сложных процессов и явлений, проявляя при этом чисто человеческий интерес к реальным личностям, попадающим в его поле зрения. В особую ему заслугу могут быть поставлены страницы, посвященные жизни и деятельности таких крупных наших ученых, как Григорий Александрович Кожевников и Владимир Владимирович Станчинский, которые в наше время, к сожалению, мало известны соотечественникам. Профессор В. В. Станчинский, основатель плодотворной научной школы, выдающийся эколог, погиб в расцвете лет, разделив горькую судьбу Николая Ивановича Вавилова. Что касается замечательного ученого и педагога, директора Зоологического музея МГУ, профессора Г. А. Кожевникова, то этот биолог с мировым именем был по су-

---

жить недавно изданная книга Рахилина В. К. «Общество и живая природа. Краткий очерк истории взаимодействия» (М., «Наука», 1989), наполненная официальной демагогией о преуспеянии дела охраны природы в СССР, когда страна превращается на самом деле чуть ли не в сплошную зону экологического бедствия.

ти изгнан в 1929 году из Московского университета, и, быть может, только скорая кончина спасла его от грядущих репрессий.

Читатель встречает на страницах книги Д. Уинера целую плеяду других энтузиастов охраны природы в России и в СССР — от известных академиков и профессоров (И. П. Бородин, А. П. и В. П. Семеновы-Тян-Шанские, В. Е. Тимонов и др.) до полузабытых в наши дни активистов, работников Наркомпроса, Комитета по заповедникам при ВЦИК и других ведомств (В. Н. Макаров, Ф. Ф. Шиллингер, В. Т. Тер-Оганесов и др.). Порой можно лишь удивляться настойчивости и какому-то особому чисто профессиональному «чутью» автора при его библиографических и архивных поисках. Подлинным борцам за охрану природы в книге противостоят мрачные фигуры разных догматиков, демагогов и карьеристов, возглавляемых печально известным «философом от биологии» И. И. Презентом. Посвященный ему раздел также вызывает живой интерес и содержит новые для читателя сведения. Такая конкретная «личностная» насыщенность оживляет книгу, придает ей особый колорит, восстанавливает своеобразие и подлинность эпохи.

При самом дружеском отношении к автору и его книге, нельзя ограничиться только похвалами; наш нелегкий долг заключается также и в том, чтобы отметить неизбежные недостатки издания. Отдавая должное авторской эрудиции, прекрасному знанию советской литературы, мастерству поиска, нельзя не заметить некоторой эклектичности изложения, элементов торопливости и сумбурности, наличия некоторых неточностей и «накладок», которые не могли быть полностью устранены при переводе и редактировании. Наш дотошный читатель, знакомый с предметом исследований, иногда должен быть снисходителен, обнаруживая известные ему сведения (особенно это относится к дореволюционному периоду). Думается, что есть и определенные упущения. Так, например, следовало бы подчеркнуть, что идея создания правительственного органа по делам охраны природы, равно как и разработки специального закона, были внесены Природоохранительной комиссией Русского Географического Общества еще до 1917 года. В укор автору может быть поставлено и отсутствие в его книге известных высказываний профессора В. В. Докучаева (1895 г.), которые легли в основу нашего заповедного дела, о чем впоследствии очень ярко писал А. А. Насимович (1974, 1979).

Дуглас Уинер констатирует наличие в России, а затем и в СССР на первых этапах его становления трех принципиальных подходов к охране природы и заповедному делу: эстетического (этического), хозяйственного (прагматического) и научного (экологического). Первый из них, как убедительно показывает автор, постепенно

был утрачен к началу 30-х годов (наиболее яркими представителями этого направления были А. П. Семенов-Тян-Шанский и В. И. Талиев). Такое утверждение, безусловно, соответствует исторической истине, однако же с ним нельзя согласиться безоговорочно. По нашему убеждению, эстетический (этический или эмоциональный) подход как бы незримо присутствует во всех делах, связанных с охраной природы, даже если при этом пишутся или произносятся различные доводы совсем иного рода. Все дело лишь в том, как тот или иной деятель относится к окружающему миру, каковы его личные взгляды на природу. Думается, что советская (а быть может, и мировая) наука вообще недооценивает эмоционально-личностный фактор. Можно привести множество примеров его решающего значения,— примеров того, как те или иные важные вопросы в сфере охраны природы решались не на строго научной, а именно на эмоциональной основе в зависимости от конкретного отношения тех или иных лиц к природным объектам. Не может быть сомнений в том, что плодотворная деятельность таких ярких биологов, как Г. А. Кожевников, И. П. Бородин, В. Н. Сукачев, и многих других (включая Н. И. Вавилова и В. И. Вернадского) черпала истоки в чувствах глубокой любви к родной природе, в том самом «эмоционально-этическом факторе», которому наш автор в качестве объективного историка вынужден выносить жестокий приговор... * В то же время было бы странно искать сыновние чувства к общей нашей матери-природе, допустим, у того же Т. Д. Лысенко или А. В. Малиновского, собственноручно передавшего в 1951 году более 10 млн. гектаров заповедных лесов под вырубку. Конечно, этические «комплексы» здесь отсутствовали. А вот такие официальные деятели заповедных ведомств, как В. Н. Макаров или Ф. Ф. Шиллингер, боролись за создание новых заповедников не только по служебному долгу, не из одних деловых расчетов, но в силу своих убеждений, своего чисто эмоционального стремления спасти заповедные уголки России.

Что же касается хозяйственно-прагматического и научного подходов, то здесь природе надо выбирать из двух зол меньшее (то есть, конечно, второе). Любая форма «отдачи» тех же наших заповедников, будь то коммерчески-хозяйственная или научно-информационная, почти неизбежно связана с нежелательными воздействиями на живую и косную природу. Мы оказываемся не

---

* Следует заметить, что в заключении своей книги автор называет данный подход «пасторальным», что придает этому направлению дополнительный оттенок сентиментальности, чуждой материалистическому мировоззрению советского человека. Тем самым эстетический подход как бы окончательно отклоняется.

в силах просто предоставить ее самой себе, оставить в относительном покое, устранить хотя бы непосредственное влияние (полностью исключить антропогенное воздействие невозможно при нынешнем глобальном загрязнении воды и воздуха). Такова уж суетная человеческая натура, которой дороже сиюминутный интерес, нежели забота о будущем. Надо заметить, что проблемы экологической этики в сфере природопользования остаются у нас буквально «tabula rasa»; почти не затронуты они и в книге Д. Уинера, но этого нельзя ставить в укор автору — в нашем обществе отсутствует сам предмет для такого рода исследований... А по сути-то, истинные корни природоохранного дела лежат в самых глубинных слоях общественной нравственности, в его религиозно-моральных основах.

Наибольшей авторской удачей (наряду со страницами, посвященными В. В. Станчинскому) представляются главы, связанные с горьким периодом «культурной революции» на переломе 20—30-х годов, когда происходило становление сталинского «социализма» и велась неравная борьба честных и принципиальных «буржуазных» ученых с представителями бурной поросли идеологизированных мракобесов и догматиков. Тогда-то охрана природы и была официально объявлена дополнительным рычагом всеобщего социалистического преобразования, конечным результатом чего стало превращение богатейшей страны в нынешний союз экологических пустынь. И ответ за это наряду с большими и малыми вождями былой державы должны бы нести и наши официозные экологи, прославлявшие в своих трудах теорию и практику планового «рационального природопользования». Смыкаются с ними многочисленные сторонники активной переделки живой природы, всевозможные активисты-акклиматизаторы, прямые наследники Лысенко, сменившие ныне скомпрометированные слова «преобразование» и «покорение» на «обогащение» или «управление».

Чутко уловив основные тенденции общественных сдвигов в бурные 20-е годы, Д. Уинер очень тщательно разбирает некоторые частные нюансы этих процессов, например борьбу разных ведомств (прежде всего Наркомпроса и Наркомзема) за право управления заповедниками. Тщательно рассмотрена драматическая эволюция Аскании-Нова, вокруг которой разгорается подлинное сражение: его жертвами в конце концов оказались наиболее одаренные ученые-экологи и самые рьяные энтузиасты охраны природы.

Феномену лысенковщины, его зарождению и развитию посвящены теперь специальные исследования, но Д. Уинеру и здесь удалось найти нечто новое. Для многих читателей будет неожи-

данностью узнать, что И. И. Презент до своей битвы с классической генетикой тренировался на борьбе с теоретической экологией. Ведь сейчас даже трудно себе представить, что в начале тридцатых годов благодаря усилиям Д. Н. Кашкарова, В. В. Станчинского, В. И. Беклемишева и других выдающихся наших экологов эта отрасль биологии находилась на самых передовых позициях, откуда была, по существу, отброшена догматиками-обскурантами. Дуглас Уинер убедительно восстанавливает попранное достоинство нашей экологической школы, которая, как удалось показать автору, послужила основой для многих плодотворных идей, развитых позднее в США и других странах Запада.

Период начала 30-х годов предстает в монографии Уинера как эпоха воинствующего обскурантизма, разрушения основ былой культуры, укрепления идеологического тоталитаризма. В этот период рушатся древние памятники и храмы, происходит всеобщая «чистка» и «реконструкция», изгоняются с кафедр заслуженные профессора. Именно тогда были разогнаны многие научные общества, редакции, издательства; прекратила свое существование даже охотничья кооперация («Всекохотсоюз»). Время было поистине страшное. И все-таки современный читатель — особенно молодой! — должен учитывать, что общественное сознание тогда существенно отличалось от нынешнего. И дело не только в отсутствии или наличии гласности, но в самой сути представлений «о времени и о себе». Трагический и грандиозный социальный эксперимент, осуществленный в октябре 1917 года усилиями продолжателей дела В. И. Ленина, шел в 20—30-х годах на подъем. Это сейчас наша пресса приводит слова академика И. П. Павлова, что он пожалел бы ради такого опыта даже лягушку, а в начале 30-х годов великий ученый был вынужден славословить вместе со всеми другими (вспомним обращение к советской молодежи!). Новым поколениям трудно себе представить, что массовый энтузиазм народа (включая интеллигенцию) не был только пропагандистской выдумкой, но существовал в реальности. Под завесой общепризнанных представлений о нашей стране как могучем утесе, противостоящем всему мировому злу, оправдывалось едва ли не любое нарушение привычных человеческих норм морали «во имя светлого будущего». Смирившиеся с новым строем интеллигенты не столько верили в идеалы коммунизма, сколько отвергали буржуазно-мещанское прошлое. Другое дело, что уже тогда формировался «новый класс» **советского** мещанства, столь бурно расцветший в будущем.

Сегодня, когда все посевы драконьих зубов большевизма дали столь обильные всходы, отношение к прошлому, конечно, меняется, но даже сейчас происходит это трудно и медленно. Очередная го-

довщина Октябрьской революции отмечалась как общенародный государственный праздник, но наша осмелевшая пресса в то же время позволяла себе самые резкие оценки. Вот лишь один пример:

«...Октябрь после Февраля обернулся невиданной несвободой и террором, уничтожением мыслящей части нации и поворотом сознания остальной части населения таким образом, что оно должно было воспевать свое рабство как идеал свободы. Создалась небывалая система обмана, лжи, лицемерия... Исторический регресс продолжался и в 1929 г., привел страну к крепостному праву... Таким образом, нам нужно расстаться с еще одной некорректной формулировкой «Великая Октябрьская социалистическая революция». Объективно революции, тем более социалистической, не было. Была реакция, погрузившая страну в бездну террора, лжи, восстановившая крепостную зависимость и создавшая систему тотального отчуждения» («Век XX и мир», 1990, № 10, с. 45—46). Читатель согласится, что в свете подобных оценок следовало бы иначе рассматривать конкретные вопросы истории природоохранного дела в Советской России и СССР! В одной из совсем свежих газет («Куранты», № 13, декабрь 1990 г.) можно было прочитать такое высказывание зарубежного журналиста:

«Вашу страну нельзя реформировать... Оставьте все как есть, в назидание всему миру... Право же, вы будете зарабатывать дикие деньги, выступая в качестве коммунистического заповедника». Надо только поправить благожелателя: здесь уместнее говорить не о заповеднике, а скорее о национальном (или многонациональном!) парке...

Читая сегодня подобные высказывания и оглядываясь на пройденный нашей страной скорбный путь, очень трудно себе представить атмосферу 30-х годов — особенно тем, кто сам не жил в это время. Дуглас Уинер прибегает к еще одному способу вернуться в прошлое — он обращается не только к научным исследованиям, но и к советской художественной литературе. Уместно заметить, что ни ученые, ни писатели наши почти не задавались вопросом о влиянии художественного творчества на природоохранное движение, хотя значимость его — тем более в условиях массовой пропаганды — совершенно несомненна. Миллионы советских школьников выросли, радостно заучивая бодрые строки Самуила Маршака о войне с Днепром, десятки переизданий выдержал учебник «Родная речь» для четвертого класса начальной школы с очерком «Наступление на тайгу» (отрывок из романа В. Ажаева) — примеров таких сколько угодно. Но на псевдоподъеме 30-х годов наша литература с особой силой восхваляла всевозможные

новации, реконструкции и преобразования, внося тем самым немалую лепту в формирование массового «антиэкологического» мировоззрения. Д. Уинер убедительно показывает особую роль в этом М. Горького с его культом человека (существует только человек, все остальное — дело его рук и разума), стремлением властвовать над природой, а позднее — гимнами подневольному труду на Соловках и Беломор-канале...

Все это вместе взятое подводит автора к выводам о том, что движение за подлинную охрану природы в СССР в годы «культурной революции» было делом не только безмерно трудным, но и смертельно опасным, а потому и достойным преклонения, достойным благодарной памяти потомков. Истинные борцы за охрану природы России хотя и были вынуждены подчас тщательно маскироваться (не только под ученых-материалистов, но даже под марксистов-ленинцев!), но все же отважно противостояли разрушительным тенденциям большевизма. «Консерваторы», которых обвиняли в охране природы «от социализма», оказались на самом деле несравненно прогрессивнее тех, кто рядился в одеяния реформаторов и призывал двигаться «вперед и выше». Одни поплатились за это жизнью (как мученически погибшие В. В. Станчинский и Ф. Ф. Шиллингер), иные — годами неволи (Б. Е. Райков, В. Я. Генерозов и многие другие), третьи — суровой опалой, лишением кафедр и должностей (Г. А. Кожевников, В. Н. Макаров, М. М. Завадовский, А. Н. Формозов — список сей слишком длинен, чтобы его продолжать!). Впрочем, были и такие, кто умел вовремя перейти из лагеря гонимых в стан гонителей (например, П. А. Мантейфель), обеспечив себе житейское благополучие. И лишь в качестве счастливого исключения можно назвать тех, которые, подобно академику В. Н. Сукачеву, сумели с достоинством и успехом превозмочь все испытания, продолжая работать и принося пользу науке и обществу.

Дуглас Р. Уинер рассматривает природоохранное и заповедное дело в Советском Союзе как своеобразный «архипелаг свободы». С этим можно согласиться полностью, если рассматривать именно тот отрезок истории нашего государства, на котором сосредоточивается автор, то есть на периоде 20—30-х годов. Позднее, под тяжким давлением укрепившегося строя, когда представители прежних поколений по разным причинам (подчас весьма горестным!) выбыли из борьбы, этот «архипелаг» изрядно поредел... Те, кто родился после Октября 1917 года, не в состоянии оказались сменить павших борцов, у них была уже иная жизненная основа!

Но меняются времена, должны когда-то измениться и люди. Лестная оценка американским историком природоохранного дела

в СССР должна поддержать современных советских экологов, в частности сотрудников наших многострадальных заповедников, вступающих ныне в новый этап развития, который не сулит им особых радостей и надежд. Ведь корни зла пока сохраняются, и, скорее всего, следует ждать новых испытаний для дела охраны природы. При этом полезно прислушаться к спокойному и благожелательному голосу ученого «с другого берега», оценивающего процессы эволюции охраны природы в СССР объективно и тщательно. Ведь, как известно, нет пророков в своем отечестве...

Уверенно предсказывая книге Дугласа Р. Уинера читательский успех, можно все же надеяться, что поднятая в ней тема будет развита в трудах тех исследователей, кто сумеет наконец вырваться из круга представлений сталинско-брежневской эпохи, чтобы показать правдивую картину дальнейшего развития природоохранного дела в нашей великой и несчастной стране.

Ф. Штильмарк, канд. биол. наук

Алехин В. В. Что такое растительное сообщество? М., 1924.

Алпатов В. В. Экологическая лаборатория МГУ и ее работа в 1931—1934 гг. Успехи современной биологии, т. 4, вып. 6, 1935.

Алферов Л. А. Крымские леса и основной вопрос их сохранения. Бюлл. «Охрана природы и заповедное дело в СССР», 1962, вып. 7.

Арсеньев В. А. Акклиматизационная работа в заповедниках. Научно-методические записки Главного управления по заповедникам при Совете Министров РСФСР, 1948, № 10.

Архипов С. С. Об организации заповедного хозяйства.— «Научно-методические записки Комитета по заповедникам при президиуме ВЦИКа», вып. 1. М., 1938.

Архипов С. С. Инструкция для организации заповедного хозяйства.— «Научно-методические записки Комитета по заповедникам при Совете Народных Комиссаров РСФСР», вып. 2. М., 1939.

Архипов С. С. Формы заповедного хозяйства.— «Научно-методические записки Комитета по заповедникам при Совете Народных Комиссаров РСФСР», вып. 2. М., 1939а.

Аскания-Нова: Степной заповедник Украины. Сб. статей под ред. Завадовского М. М., Фортунатова Б. К. М., 1924.

Баландин В. Н. Социалистическая реконструкция и задачи краеведческих организаций в области охраны природы.— «Советское краеведение», 1930, № 11—12.

Банников А. Г. По заповедникам Советского Союза. М., 1974.

Бега Ф. Ф. Институт сельскохозяйственной гибридизации и степной акклиматизации животных в Аскании-Нова: характер и значение его работ.— «Труды Гос. НИИ сельскохозяйственной гибридизации и акклиматизации животных (Аскания-Нова)», 1933, т. 1, № 1.

Белоусова Л. С. Из истории охраны ботанических памятников природы в России. Бюлл. «Охрана природы и заповедное дело в СССР», 1960, вып. 6.

Благосклонов К. Н., Гептнер В. Г. Ленинские принципы охраны природы.— «Зоол. журнал», 1970, т. 49, № 4.

Благосклонов К. Н., Иноземцев А. А., Тихомиров В. Н. «Охрана природы». М., 1967.

Блошенко Е. Г. Из материалов Госкомитета.— «Природа и соц. хозяйство», 1931, № 4—5.

Блошенко Е. Г. Обзор деятельности Государственного междуведомственного Комитета содействия развитию природных богатств РСФСР за первое полугодие 1933 г. Сб. «Природа и соц. хозяйство», 1933, вып. 6.

Болховитянов В. Д. О задачах, стоящих в области биологических исследований... на первую пятилетку.— «Труды Всесоюзной фаунистической конференции Зоологического института. Секция гидробиологическая». Л., 1934.

Бородин М. П. Охрана памятников природы.— «Труды Ботанического сада Юрьевского ун-та», вып. 4, т. XI, 1910.

Бородин М. П. Хортицкое общество охраны природы.— «Труды Ботанического сада Юрьевского ун-та», вып. 1, т. XIII, 1912.

Бродский А. Л. Охрана природы в Туркестане. Ташкент, 1923.

Брызгалин Г. А. О соболиных заповедниках в Сибири. «Бюлл. Харьковского об-ва любителей природы», 1917, № 1.

Бугаев М. М. Фитосоциология или фитоценология?— «Естествознание и марксизм», 1929, № 1.

Буковский В. Н. Пути зоологических исследований в заповедниках.— «Природа и соц. хозяйство», 1931, № 1.

Буковский В. Н. К критике основных проблем и понятий биоценологии.— «Вопросы экологии и биоценологии», 1935, № 2.

Буковский В. Н. Наземные беспозвоночные крымского букового леса (Биоценологический очерк).— «Научные труды Крымского гос. заповедника». 1936, сер. 2, № 1.

Бутурлин С. А. Охотничье дело в СССР.— «Пушное дело», 1925, № 1.

Бутурлин С. А. Освоение чужеземных зверей.— «Охотник», 1928, № 2.

Бутурлин С. А. Еще об освоении чужеземных животных.— «Охотник», 1928а, № 5.

В обществе акклиматизации.— «Природа и охота на Украине», 1924, № 1—2.

Вангенгейм А. Ф. Засуха, суховеи и борьба с ними.— «Фронт науки и техники», 1931, № 12.

Васильковский П. Е. Назревший вопрос.— «В мастерской природы», 1922, № 2.

Вейцман Х. С. Заповедник будущего. Сб. «Природа и соц. хозяйство», 1934, т. 7.

Верещагин Н. К. Зоологические путешествия. М., 1987.

Вернадский В. И. Очередная задача в изучении производительных сил.— «Народный работник», 1926, № 7—8.

Викторов Б. К. Первый заповедник имени Х. Г. Раковского (бывший Аскания-Нова).— «Природа и охота на Украине», 1924, № 1—2.

Высоцкий Г Н. Растительность Велико-Анадольского участка. Труды Экспедиции, снаряженной Лесным Департаментом под руководством В. В. Докучаева, т. 2, № 2, 1898.

Генерозов В. Я. Ондатра — американская выхухоль — и ее акклиматизация на Соловецких островах. Соловки, 1927.

Горький и наука. Сб. статей. М., 1964.

Горький М. и др. Беломорско-Балтийский канал имени Сталина. История строительства. Под ред. Горького М., Авербаха Л. М., 1934.

Гребень Л. К. Итоги научно-исследовательской работы института гибридизации и акклиматизации животных за 15 лет. Труды Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина, 1937, № 11, ч. 1.

Гроссман И. Необходимо ускорить выпуск ондатры.— «Пушное дело», 1928, № 6—7.

Грэхэм Л. Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М., 1991.

Гуров П. Я. (ред.) Лесной кодекс РСФСР (в вопросах и ответах). М., 1924.

Дементьев Г П. Животный мир СССР и его охрана. Бюлл. «Охрана природы и заповедное дело в СССР», вып. I — М., 1956.

Дементьев Г. П., Макаров В. Н. Бюлл. «Охрана природы и заповедное дело в СССР», 1958, № 3.

Дитмар Б. П. Охрана природы в России: Исторический очерк.— «Охрана природы», 1928, № 5.

Доброхотов В. И., Ермолаев А. М. Астраханский государственный заповедник: Краткая история, современное состояние и работа в 1935 г. М., 1936.

Долгошов В. О судьбе Центрального лесного заповедника.— «Охрана природы», 1929, № 5.

Дохман Г И. История геоботаники в России. М., 1973.

Емельянов А. С. Состояние пушного хозяйства СССР к десятой годовщине Октябрьской революции.— «Пушное дело», 1927, № 1.

Жадин В. И. Биотехническое и фаунистическое исследование районов и их биотоков в связи с хозяйственными работами, изменяющими условия существования водных животных. Труды Всесоюзной фаунистической конференции Зоологического института. Секция гидробиологическая. Л., 1934.

Жадин В. И. Влияние гидротехнических сооружений на биологический режим и фауну рек.— «Природа», 1937, № 12.

Житков Б. М. Ондатра и возможность ее распространения на Сибирском севере.— «Пушное дело», 1925, № 3.

Житков Б. М. Об итогах работ Центральной биологической охотничье-промысловой станции в Погоно-Лосином острове за десятилетие 1922—1932 гг.— «Советский север», 1932, № 4.

Завадовский Б. М. Живая природа в руках человека: Записки охотника за гормонами. М., 1935.

Захаров В. Судьба зубров Беловежской Пущи.— «Бюлл. Харьковского об-ва любителей природы», 1917, № 1.

Зенкевич Л. А. Об акклиматизации в Каспийском море новых кормовых (для рыб) беспозвоночных и теоретические к ней предпосылки.— «Бюлл. МОИП», отд. биол., т. 49, 1940.

Зенкевич Л. А., Бирштейн Я. О возможных мероприятиях повышения продуктивных свойств Каспия и Арала.— «Рыбное хозяйство СССР», 1934, № 3.

Злобина В. И. (ред.). Воспитанники Московского Университета— соратники В. И. Ленина. М., 1973.

Иванов М. Ф. По поводу столетия существования Аскании-Нова (1828—1928). Бюлл. Зоотехнической опытной станции в Госзаповеднике «Чапли», 1928, № 4.

Иванов М. Ф. Письмо в редакцию.— «Охрана природы», 1929, № 2.

Иванов М. Ф. Введение. Труды Гос. НИИ гибридизации и акклиматизации животных (Аскания-Нова), 1933, т. I, № 1.

Иванов-Омский И. И. Исторический материализм о роли географической среды в развитии общества. М., 1950.

Карзинкин Г. С. Попытка практического обоснования понятия биоценоза.— «Зоологический журнал», т. VI, вып. 4; т. VII, вып. 1, 2; 1927.

Карпов В. В. Письмо в редакцию.— «Охрана природы», 1930, № 8—10.

Карпыч В. Ф. Борьба за марксизм в советском краеведении.— «Вестник Комм. Акад.», 1931, № 8—9.

Карпыч В. Ф. Под знаменем большевистской партийности! (По-новому работать, по-новому руководить).— «Советское краеведение», 1931а, № 7—8.

Кашкаров Д. Н. Национальные парки США.— «Научное слово», 1929, № 6.

Кашкаров Д. Н. Среда и сообщество. М. Медгиз, 1933.

Кашкаров Д. Н. Изучение животного мира пустынь Средней Азии и Казахстана в прошлом и задачи его в настоящем и будущем. В сб.: Хозяйственное освоение пустынь Средней Азии и Казахстана. Ташкент, 1934.

Кашкаров Д. Н. Основы экологии животных. М., 1945.

Кащенко Н. Ф. Развитие человеческого господства над организованной природой.— «Естествознание и география», 1898, № 1.

Кащенко Н. Ф. Роль акклиматизации в процессе подъема производительных сил СССР. Югоклимат. В кн.: Сборник по вопросам акклиматизации растений и животных, ч. 7, 1929.

Квятковский К. Научные общества перед судом советской общественности.— «ВАРНИТСО», 1931, № 3.

Квятковский К. «Научные» болота.— «ВАРНИТСО», 1931а, № 3.

Керцелли С. К вопросу об акклиматизации в СССР ондатры.— «Пушное дело», 1925, № 6—7.

Кирьянова Е. Всесоюзная фаунистическая конференция.— «Природа», 1932, № 5.

Кнорина М. В. Памятники неживой природы. Бюлл. «Охрана природы и заповедное дело в СССР», 1960, № 6.

Ковда В. А. и др. Великие стройки коммунизма и преобразование природы. М., 1951.

Кожевников Г. А. О необходимости устройства заповедных участков для охраны природы. Труды Всероссийского юбилейного акклиматизационного съезда. Вып. 1. М., 1909.

Кожевников Г. А. Отчет об юбилейном заседании Императорского русского общества акклиматизации животных и растений. М., 1909.

Кожевников Г А. О заповедных участках. Труды Второго Всероссийского съезда охотников в Москве с 17 до 25 ноября 1909 г. М., 1911.

Кожевников Г А. Международная охрана природы.— «Землеведение», кн. I—II, 1914.

Кожевников Г А. Международная охрана природы. М., 1914а.

Кожевников Г. А. Значение Косинского заповедника.— «Труды Косинской биологической станции», 1925, № 2.

Кожевников Г. А. Школьный учитель и охрана природы. М., 1926.

Кожевников Г. А. Задачи охраны природы в СССР.— «Охрана природы», 1928, № 1.

Кожевников Г. А. Как вести научную работу в заповедниках.— «Охрана природы», 1928а, № 2.

Козлов П. К. Современное положение «Аскания-Нова».— «Природа», 1919, № 10—12.

Колодько М. Н. Первый степной государственный заповедник «Чапли». Сб. «Степной заповедник Чапли — Аскания-Нова». М.— Л., 1928.

Комаров Борис (псевдоним). Уничтожение природы. Обострение экологического кризиса в СССР. Франкфурт-на-Майне: Изд-во «Посев», 1978.

Координационный план ВООП и ЦБК.— «Охрана природы», 1930, № 1.

Кравчук П. В. И. Ленин о лесах. Сб. «Охрана природы Молдавии». 1970, № 8.

Крепс Г. М. Задачи и история Лапландского заповедника. В кн.: Лапландский заповедник. М., 1937.

Крымский государственный заповедник: его природа, история и значение. Предисл. В. Т. Тер-Оганесова. М., 1927.

Кудрявцев Ю. А. Пути строительства охотхозяйства. М., 1929.

Кулагин Н. М. Учет пушных зверей в СССР. Л., 1928.

Кулагин Н. М. К вопросу о временном запрете добычи соболя в пределах СССР.— «Охрана природы», 1928а, № 5.

Кулагин Н. М. Современное положение вопроса об охране природы в РСФСР.— «Научное слово», 1928б, № 2.

Кулагин Н. М., Кожевников Г А. К вопросу о всесоюзном органе по охране природы.— «Охрана природы», 1930, № 6.

Куражковский Ю. Н. Владимир Ильич Ленин и природа. Астрахань, 1969.

Лавров А. К вопросу о регулировании сроков охоты.— «Охрана природы», 1930, № 7.

Лавров Н. П. Акклиматизация ондатры в СССР. М., 1957.

Лавров Н. П. Акклиматизация и реакклиматизация пушных зверей в СССР. Томск, 1964.

Ласточкин Д. А. а) Методика количественного учета бентоса и планктона озер; б) Методика количественного учета фауны зарослей (тезисы). Труды Всесоюзной фаунистической конференции Зоологического института. Секция гидробиологическая. Л., 1934.

Левицкий В. Ф. Сельское хозяйство Аскании-Нова (Чапли) в связи с перспективами орошения долины Днепра.— «Пути сельского хозяйства», 1929, № 10.

Леонов Л. Соть. М.—Л., 1933.

Лесозаготовительная политика. Пособие для лесозаготовительных политических курсов. М.: Госиздат, 1921.

Ловетский Б. Необходимо оживить работу СОЖ.— «Природа и соц. хозяйство», 1931, № 1—3.

Лучник В. Библиографические заметки.— «Охрана природы», 1930, № 9—10.

Лукина Т А. Борис Евгеньевич Райков, 1880—1966. Л., 1970.

Лысенко Т Д. Избранные сочинения. М., т. 2, 1958.

Лысенко Т. Д., Папанин И. Д., Поздняков Е. В., Варунцян И. С., Презент И. И. и др. П. А. Мантейфель. Агробиология, 1960, № 3.

Лысогоров В. И. Институт гибридизации и акклиматизации Аскания-Нова имени академика М. Ф. Иванова.— «Труды Гос. научн. ин-та сельскохозяйственной гибридизации и акклиматизации животных (Аскания-Нова)», т. 3, 1949.

Люди русской науки, т. 3. М., 1961.

Мазармович А. Н. Провалы и пещеры южной части Нижегородской губернии.— «Землеведение», т. XIX, вып. 3—4, 1912.

Мазурмович Б. Н. Выдающиеся отечественные зоологи. М., 1960.

Макаров В. Н. Наши задачи.— «Природа и соц. хозяйство», 1931, № 1—3.

Макаров В. Н. К совещанию секторов науки союзных республик о постановке дела охраны природы в РСФСР (материалы в целях информации).— «Природа и соц. хозяйство», 1931а, № 4—5.

Макаров В. Н. Тезисы доклада на сессии Госкомитета в декабре 1931 г.— «Природа и соц. хозяйство», 1931б, № 9—10.

Макаров В. Н. Заповедники. БСЭ, 1-е изд., т. 26, 1931в.

Макаров В. Н. Заповедники СССР. М., 1940.

Макаров В. Н. Охрана природы в СССР, 1-е изд. М., 1947.

Макаров В. Н. Охрана природы в СССР, 2-е изд. М., 1949.

Макаров В. Н. Заповедники. БСЭ, 2-е изд., т. 16, 1952.

Максимов А. А. История развития сельскохозяйственного ландшафта в лесной зоне европейской части СССР. Бюлл. «Охрана природы и заповедное дело в СССР», вып. 7, 1962.

Малиновский А. В. Заповедники Советского Союза. Сб. «Достижения науки и передового опыта в сельком хозяйстве». М., 1953.

Мантейфель П. А. К проблеме акклиматизации. В кн.: Труды Всесоюзного съезда по охране природы. М., 1935.

Маркевич А. П. Состояние и задачи советской экологии животных. Вторая экологическая конференция по проблеме «Массовое размножение животных и их прогноз». Тезисы докладов. Киев, ч. 3, 1951.

Марков Е. Л. Об акклиматизации в Закавказье уссурийского пятнистого оленя.— «Природа и соц. хозяйство», 1931, № 6—8.

Медведев С. И. Комплексность при эколого-биоценологических исследованиях. Проблемы биоценологии.— «Труды сектора экологии Всеукраинского зоолого-биологического ин-та при Харьковском гос. ун-те», т. 1, вып. 1, 1933.

Мировая охрана природы. Отчет академика И. П. Бородина о командировке в Берн на конференцию по международной охране природы. Пг., 1915.

Надеждин М. Общество без актива.— «Фронт науки и техники», 1933, № 12.

Налимов В. П. Священные рощи удмуртов и мари.— «Охрана природы», 1928, № 4.

Немилов А. В. Заметки ученого.— ВАРНИТСО, 1930, № 6.

Нечаева Н. Т., Медведев С. И. Памяти В. В. Станчинского (к истории биоценологии в СССР).— «Бюлл. МОИП», отдел. биол., т. 82, вып. 6, 1977.

Новиков Г. А. Очерки истории экологии животных. Л., 1980.

Новопокровский И. В. О сохранении целинной степи для почвенных и ботанических наблюдений и об организации при опытных полях защитных участков целины. Труды совещания по опытному делу, с 2 по 5 мая 1911 года в городе Новочеркасске. Новочеркасск, 1911.

Нуринов А. А. Выше классовую бдительность в науке. Труды Государственного научного института сельскохозяйственной гибридизации и акклиматизации животных (Аскания-Нова), т. 2, 1935.

О положении в биологической науке. Стенографический отчет. М., 1948.

О работе Госкомитета за 1931 год.— «Природа и соц. хозяйство», 1931, № 9—10.

Огнев С. И. Григорий Александрович Кожевников.— «Зоол. журнал», 1933, т. 13, № 4.

Огнев С. И. А. П. Семенов-Тян-Шанский.— «Бюлл. МОИП», отдел. биол., т. 51, вып. 3, 1946.

Опыт работы и задачи заповедников СССР. Под ред А. А. Насимовича, Ю. А. Исакова. М., 1979.

От Постоянной природоохранительной комиссии при Императорском Русском географическом обществе. «Лесной журнал», 1914, № 4.

От редакции.— «Охрана природы», 1928, № 1.

От редакции. «Журнал экологии и биоценологии», т. 1, вып. 1, 1931.

Обзор деятельности Государственного междуведомственного комитета содействия развитию природных богатств за 1932 год (II, III и IV кварталы). Сб. «Природа и соц. хозяйство», 1932, т. 5.

Отчет о деятельности Общества за время с 24 сентября 1911 г. по 1 марта 1912 г. Бюлл. Харьковского общества любителей природы, 1912, № 1.

Отчет о деятельности ВООП. Второй.— «Охрана природы», 1928, № 1.

Отчет о деятельности ВООП. Третий.— «Охрана природы», 1929, № 4.

Отчет о деятельности ВООП. Четвертый.— «Охрана природы», 1930, № 8—10.

Охрана зверей и птиц, полезных в сельском хозяйстве./Сост. А. А. Силантьев/ Пг., 1915.

Охрана природы на Кавказе. Известия Кавказского отделения Имп. Русского Географического общества, т. 22, № 3, 1914.

Очерки по истории экологии. /Под ред. Г. А. Новикова/. М., 1970.

Парамонов И. В., Коробочкин Н. П. Николай Михайлович Федоровский. М., 1979.

Пачоский И. К. Описание растительности Херсонской губернии. I. Леса. Херсон., 1915.

Пачоский И. К. Основы фитосоциологии. Херсон, 1921.

Пачоский И. К. Наблюдения над целинным покровом в Аскании-Нова в 1923 г. Вісті державного степового заповідніка Чаплі, т. 3, 1924.

Пачоский И. К. Социальный принцип в растительном царстве. «Журнал Русского ботанического общества», 1925, т. 10, № 1—2.

Пачоский И. К. По поводу статьи проф. В. В. Алехина «Фитосоциология и ее последние успехи у нас и на Западе». «Журнал Русского ботанического общества при Акад. наук СССР», т. 11, № 1—2, 1926.

Перевалов В. А. Производственно-охотничьи станции (ПОСы) и их строительство в 1932 году.— «Советский Север», 1933, № 5.

Пересветов А. Единая школа и дело охраны природы.— «Охрана природы», 1928, № 4.

Перечень участков и отдельных предметов природы, заслуживающих охраны. /Сост. А. П. Васильковский/.— «Краеведение», 1929, № 6.

Пинкевич А. П. Предмет советского краеведения.— «Советское Краеведение», 1930, № 1—2.

Подъяпольский Н. Н. Что дает природа трудовому народу: Об охране природы в РСФСР. М., 1925.

Подъяпольский Н. Н. Охрана природы и сельское хозяйство.— «Охрана природы», 1928, № 1.

Подъяпольский Н. Н. Владимир Ильич и охрана природы.— «Охрана природы», 1929, № 2.

Подъяпольский Н. Н. Индустриализация сельского хозяйства и очередные задачи охраны природы.— «Охрана природы», 1930, № 3.

Подъяпольский Н. Н. Еще о значении девственных земель для сельского хозяйства.— «Природа и соц. хозяйство», 1931, № 9—10.

Поповский М. А. Дело академика Вавилова. М., 1991.

Постоянная природоохранительная комиссия при Императорском Русском географическом обществе. «Мировая охрана природы». /Под ред. В. А. Дубянского. Пг., 1915.

Потемкин М. П. Доклад в ЦБК. «Известия Центрального бюро краеведения», № 9, 1928.

Потемкин М. П. Охрана природы и социалистическое строительство.— «Охрана природы», 1929, № 1.

Потемкин М. П. X пленум ЦБК.— «Советское краеведение», 1931, № 2.

Презент И. И. Классовая борьба на научно-естественном фронте. М.— Л., 1932.

Презент И. И. Теория Дарвина в свете диалектического материализма. Л.: Ленмедиздат, 1932а.

Презент И. И. Коммунистическая Академия. Институт Философии. Материалы научной сессии к пятидесятилетию со дня смерти Маркса. М.— Л., 1934.

Презент И. И. Против вреднейшей «философии агрономии».— «Под знаменем марксизма», № 3, 1934а.

Презент И. И. Выступление в дискуссии.— «Советская ботаника», № 3, 1934б.

Презент И. И. Учение Ленина о кризисе естествознания и кризисе буржуазной биологической науки. В сб.: Материализм и эмпириокритицизм. /Под ред. В. Ральцевича/ Л., 1935.

Презент И. И. О «чистой науке» и вдумчиво-динамической ее защите.— «Яровизация», 1936, № 6(9).

Презент И. И. Закон единства организма и условий существования. Вторая экологическая конференция по проблеме «Массовое размножение животных и их прогноз», Киев, ч. 3, 1951.

Природа и общество. М., 1968.

Пузанов И. И. О границах акклиматизации, допустимых в заповедниках. Труды 3-го Всероссийского съезда зоологов, анатомов и гистологов. М., 1928.

Пузанов И. И. Крымский государственный заповедник: Описание и путеводитель. Симферополь, 1928а.

Пузанов И. И. В Йеллоустонском парке.— «Охрана природы», 1928б, № 5.

Пузанов И. И. Охрана природы в Крыму. Сб. «Природа и соц. хозяйство», т. 5, 1932.

Пузанов И. И. По нехоженому Крыму. М., 1960.

Райков Б. Е. Русские биологи-эволюционисты до Дарвина. В 4-х тт. М., 1951—1958.

Реймерс Н. Ф., Штильмарк Ф. Р. Особо охраняемые природные территории. М., 1978.

Резник С. Дорога на эшафот. Париж—Нью-Йорк, 1983.

Розанов М. П. Зоологическая экспедиция Главнауки в Кавказском заповеднике.— «Охрана природы», 1928, № 3.

Рыжкова Е. В. Академик Исай Израйлевич Презент.— «Вестник Ленинградского гос. ун-та», 1948, № 10.

Сабанеев Л. П. Указатель книг и статей охотничьего содержания. М., 1883.

Савин Н. Из Смоленской области.— «Охрана природы», 1930, № 4.

Савич В. М. Лесные заказники и их государственное значение.— «Вестник Тифлисского ботанического сада», 1910, № 18.

Северцов С. А. О междуведомственных комиссиях по охране природы.— «Охрана природы», 1928, № 1.

Северцов С. А. О деятельности Госкомитета по охране природы.— «Охрана природы», 1929, № 1.

Северцов С. А. Заповедники СССР.— «Охрана природы», 1929а, №№ 2, 3, 4.

Северцов С. А. О репрессивных мерах, применяемых в настоящее время к нарушителям законов об охране природы и охоты.— «Охрана природы», 1929б, № 5.

Северцов С. А. Об исследованиях биологии размножения в заповедниках.— «Природа и соц. хозяйство», 1931, № 6—8.

Северцов С. А. Дарвинизм и экология. «Зоологический журнал», т. 16, № 4, 1937.

Семенов-Тян-Шанский А. П. Таксономические границы вида и его подразделений: опыт точной категоризации низших таксономических единиц. СПб. 1910.

Семенов-Тян-Шанский А. П. Свободная природа, как великий живой музей, требует неотложных мер ограждения.— «Природа», 1919, № 4—6.

Семенов-Тян-Шанский А. П. Задачи момента в деле охраны природы в России. Труды первого всероссийского съезда любителей мироведения. Пг., 1921.

Семенов-Тян-Шанский А. П. Музеи центральные и областные и их взаимоотношения. В сб.: «Научные известия Акадцентра Наркомпроса», № 4, 1922.

Семенов-Тян-Шанский В. П. Географическое изучение Советского Союза. В сб.: «Десять лет советской науки». Под ред. Ф. Н. Петрова.— М.— Л., 1927.

Семенов-Тян-Шанский В. П. Заповедники и заказники СССР. «Известия Центрального бюро краеведения», № 3, 1928.

Сепп Е. К. Необходимо реорганизовать научные общества.— «ВАРНИТСО», 1930, № 1(12).

Сергеев В. Выставка Главнауки.— «Народное просвещение», 1926, № 1.

Серебровский А. С. Гибридизация животных как наука, Труды Гос. НИИ сельскохозяйственной гибридизации и акклиматизации животных (Аскания-Нова), т. 1, № 1, 1933.

Сидоров С. А. Вымирающие животные. М., 1928.

Силантьев А. А. Животные, преимущественно звери и птицы, полезные в сельском хозяйстве. Ежегодник Департамента земледелия за 1912 год. СПб., 1913.

Смидович П. Г. Краеведение на путях социалистического строительства. В сб.: Социалистическое строительство и краеведение. /Под ред. П. Г. Смидовича и Г. М. Кржижановского/ М., 1930.

Смирнов Н. А. Об одном из акклиматизационных опытов.— «Наша охота», 1915, № 1.

Соколов В. Д. Охрана природы и повышение урожая. М., 1930.

Соловьев Д. К. Типы организаций, способствующих охране природы (Русское географическое об-во. Постоянная природоохранительная комиссия. Вып. 3). Пг., 1918.

Справочник: На пути в Асканию. Геническ, 1927.

Сталин И. В. Год великого перелома. В кн.: «Вопросы ленинизма», изд. 10, М., 1934.

Сталин И. В. Соч., тт. IX—XII. М., 1949—1951.

Станчинский В. В. Изменчивость организмов и ее значение в эволюции. Смоленск, 1927.

Станчинский В. В. О некоторых основных понятиях зоологии в свете современной экологии. Труды Четвертого всесоюзного съезда зоологов, анатомов и гистологов в Киеве, с 6 по 12 мая 1930 г. /Под ред. И. И. Шмальгаузена/. Киев—Харьков, 1931.

Станчинский В. В. К методике количественного изучения биоценозов травянистых ассоциаций.— «Экология и биоценология», т. 1, № 1, 1931а.

Станчинский В. В. О значении массы видового вещества в динамическом равновесии биоценозов.— «Экология и биоценология», т. 1, № 1, 1931б.

Станчинский В. В. Сухопутные сообщества животных и методы их изучения. Труды Четвертого всесоюзного съезда зоологов, анатомов и гистологов в Киеве, с 6 по 12 мая 1930 г. /Под ред. И. И. Шмальгаузена. Киев—Харьков, 1931в.

Станчинский В. В. Экологическое направление в изучении биоценозов травянистых ассоциаций.— «Экология и биоценология», т. 1, № 1, 1931г.

Станчинский В. В. Теоретические основы акклиматизации животных: задачи, пути и методы акклиматизации животных. Труды Гос. НИИ сельскохозяйственной гибридизации и акклиматизации животных (Аскания-Нова), т. 1, № 1, 1933.

Станчинский В. В. К пониманию биоценоза. Проблемы биоценологии, т. 1, № 1, 1933а.

Станчинский В. В. Предисловие. Проблемы биоценологии, т. 1, № 1, 1933б.

Станчинский В. В. Задачи, содержание, организация и методы комплексных исследований в государственных заповедниках. Научно-методические записки Комитета по заповедникам при президиуме ВЦИКа, вып. 1, 1938.

Станчинский В. В. Кашкаров Д. Н. Курс зоологии позвоночных животных. 2-е изд. М., 1940.

Станчинский В. В. Радионова Т В. К установлению биоценотических понятий и биоценологической терминологии. Проблемы биоценологии, т. 1, № 1, 1933.

Степной заповедник Чапли — Аскания-Нова. Сб. ст./Под ред. М. Н. Колодько и Б. К. Фортунатова. М., 1928.

Сукачев В. Н. Растительные сообщества: Введение в фитосоциологию. М.—Л., 1928.

Сукачев В. Н. Об охране природы Жигулей. Записки Симбирского областного естественно-исторического музея, № 2, 1914.

Сытин В. А. На диспуте об ондатре.— «Северная Азия», 1928, № 1.

Съезд русских естествоиспытателей и врачей в Москве. Двенадцатый. Дневник. М., 1911.

Талиев В. И. Охраняйте природу! Харьков, 1913.

Талиев В. И. Да здравствует новая, свободная Россия! «Бюлл. Харьковского общества любителей природы», № 1, 1917.

Талиев В. И. Охрана природы.— «Природа», 1917а, № 11—12.

Теодорович А. А. Проблема урожайности и охрана природы.— «Охрана природы», 1930, № 1.

Тер-Оганесов В. Т. Индустриализация СССР и вопросы организации науки.— «Научный работник», 1926, № 9.

Тимонов В. Е. Охрана природы при инженерных работах.— «Природа», 1922, № 1—2.

Трасс Х. Х. Геоботаника: история и современные тенденции развития. Л., 1976.

Троицкий Н. А. Крымский государственный заповедник, его значение и его история. Сб. «Крымский государственный заповедник» М., 1927.

Троицкий Н. А. Роль Кавказского государственного заповедника в изучении пастбищ и в вопросе рационализации горнопастбищного хозяйства. В кн.: «Государственный Кавказский заповедник. Спутник экскурсанта». Ростов-на-Дону, 1931.

Труды Всероссийского юбилейного акклиматизационного съезда. М., 1909.

Труды Второго Всероссийского съезда охотников. М., 1911.

Труды Первого Всероссийского съезда по охране природы. М., 1930.

Труды Всесоюзной фаунистической конференции Зоологического института. Секция гидробиологическая. Л., 1934.

Труды Всесоюзного съезда по охране природы. М., 1935.

Туров С. С. К вопросу о Баргузинском соболином заповеднике (отчет о поездке летом 1922 г.). Известия Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества, т. 46, № 2, 1923.

Туров С. С. В. Н. Макаров. Сб. «Охрана природы», № 2, 1948.

Федюшин А. В. К основанию Березинского заповедника. Березинский заповедник: Исследования, № 1, ч. 1, 1972.

Филонов К. П. О заповедности и заповедном режиме.— «Охота и охотничье хозяйство», 1975, № 8.

Филонов К. П. Динамика численности копытных животных и заповедность. Сб. «Охотоведение». М., 1977.

Филонов К. П. Развитие принципов заповедного дела в СССР. Сб. «Итоги и перспективы заповедного дела в СССР». М., 1986.

Фортунатов Б. К. Степной заповедник. Зоопарк. Сб. «Степной заповедник Чапли — Аскания-Нова». М.—Л., 1928.

Фортунатов Б. К. О генеральном плане реконструкции фауны. В кн.: Труды Всесоюзного съезда по охране природы. М., 1935.

Хроника.— «Бюлл. Харьковского об-ва любителей природы», № 2, 1917.

Хроника.— «Охрана природы», 1929, № 2.

Хроника.— «Бюлл. Харьковского общества любителей природы», № 2, 1917 (текст В. И. Талиева).

Цинзерлинг Ю. Д. Первая производственная конференция геоботаников и флористов, с 25 февраля по 2 марта 1931 года.— «Советская ботаника», 1933, № 1.

Чефранова Н. А. Охрана природы в эпоху Петра Первого. Бюлл. «Охрана природы и заповедное дело в СССР», вып. 6, 1960.

Чехов А. П. Собрание сочинений в 12 томах. Т. 12 М., 1970.

Шапошников Л. К., Борисов В. Первые мероприятия советского государства по охране природы. Бюлл. «Охрана природы и заповедное дело в СССР», № 3, 1958.

Шапошников Х. Г. Кавказский государственный заповедник.— «Охрана природы», 1928, №№ 1, 2.

Шарлемань Н. В. Последние дни европейского зубра. «Бюлл. Харьковского общества любителей природы», № 1, 1917.

Шиллингер Ф. Ф. Лоси и проект Муромского заповедника.— «Охрана природы», 1928, № 2.

Шиллингер Ф. Ф. Информационный доклад о работе Печоро-Илычской экспедиции ВООП 1929 г.— «Охрана природы», 1929, № 6, а также №№ 8—10, 1930.

Шиллингер Ф. Ф. Еще о всесоюзном органе по охране природы.— «Охрана природы», 1930, № 8—10.

Шиллингер Ф. Ф. Крымский полуостров, его роль и значение в СССР. В сб.: Крымский полуостров, его роль и значение в СССР. /Под ред. В. Н. Макарова. М., 1935.

Штильмарк Ф. Р. Формирование сети заповедников на территории РСФСР (история и перспективы).— «Бюлл. МОИП», отд. биол., т. 79, № 2, 1974.

Штильмарк Ф. Р. Ф. Ф. Шиллингер.— «Охота и охотничье хозяйство», 1977, № 5.

Штильмарк Ф. Р. Василий Никитич Макаров и его роль в развитии заповедного дела (к двадцатипятилетию со дня смерти).— «Бюлл. МОИП», вып. 5, т. 83, 1978.

Штильмарк Ф. Р. Развитие заповедного дела после Октябрьской революции. В сб.: Опыт работы и задачи заповедников СССР. /Под ред. А. А. Насимовича и Ю. А. Исакова. М., 1979.

Штильмарк Ф. Р. Принципы заповедности (теоретические, правовые и практические аспекты). Сб. «Географическое размещение заповедников в РСФСР и организация их деятельности». М., 1981.

Штильмарк Ф. Р. Наука разочарования.— «Сельская молодежь», 1986, № 5.

Штильмарк Ф. Р. Заповедная история.— «Природа и человек», 1989, № 1.

Штильмарк Ф. Р. Аваков Г. С. Первый проект географической сети заповедников для территории СССР.— «Бюлл. МОИП», отд. биол., т. 82, вып. 2, 1977.

Ярошенко В. А. Экспедиция «Живая вода». М., 1989.

Kendall E. Bailes, Technology and Society under Lenin and Stalin: Origins of the Soviet Technical Intelligentsia, 1917—1941. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1978.

John Richard Carpenter, "Recent Russian Work on Community Ecology" The Journal of Animal Ecology, 1939, vol. 8, pp. 354—386.

Theodosius Dobzhansky, "Is Genetic Diversity Compatible with Human Equality?" Social Biology, 1973, vol. 20, pp. 280—288.

Sheila Fitzpatrick, "Cultural Revolution as Class War", in S. Fitzpatrick, ed., Cultural Revolution in Russia, 1928—1931. Bloomington: Indiana Universiry Press, 1978.

Henry A. Gleason, "The Individualistic Concept of the Plant Association", Bulletin of the Torrey Botanical Club, 1926, vol. 53, pp. 1—20.

Marshall I. Goldman, The Spoils of Progress. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1972.

M. Gorky, Belomor: The Construction of the Great White Sea-Baltic Canal. New York and London: Smith and Haas, 1935.

Loren R. Graham, The Soviet Academy of Sciences and Communist Party 1927—1932. Princeton, 1967.

Loren R. Graham, Science and Philosophy in the Soviet Union. New York: Alfred A. Knopf, 1972.

Lisa Heiss, Askania-Nova, Animal Paradise in Russia: Adventure of the Falz-Fein Family. London: Bodley Head, 1970.

W. Carter Johnson and Norman R. French, "Soviet Union". Chapter 20 in Edward J. Kormondy and J. Frank McCormick, eds., Handbook of Contemporary Developments in World Ecology, pp. 343—383. Westport, Ct.: Greenwood Press, 1981.

David Joravsky, Soviet Marxism and Natural Science, 1917—1932. New York: Columbia University Press, 1961.

David Joravsky, The Lysenko Affair. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1970.

D. N. Kashkarov, Environment and Community: A Course of Lectures Read at the Middle Asian State University. Translated from the Russian by Michael Poggenpohl. Albany, N. Y.: New York State Education Department and the Works Project Administration, 1935.

Sharon E. Kingsland, Modeling Nature: Episodes in the History of Population Ecology. Chicago: University of Chicago Press, 1985.

Ladis K. D. Kristof, Francis Bacon and the Marxists: Faith in the Glorious Future of Mankind". In Society and History: Essays in Honor of Karl August Wittfogel, pp. 233—257. Edited by G. L. Ulmen. The Hague: Mouton, 1978.

Raymond L. Lindeman, "The Trophic-Dynamic Aspect of Ecology". Ecology, 1942, vol. 23; no. 44, pp. 388—418.

Robert P. McIntosh, "Excerpts from the Work of the Work of L. G. Ramenskii", Bulletin of the Ecological Society of America, 1983, vol. 1, no. 1, pp. 12—13.

Zhores A. Medvedev, The Rise and Fall of T. D. Lysenko. New York: Columbia University Press, 1969.

Diane Paul, "Marxism, Darwinism, and the Theory of the Two Sciences" Marxist Perspectives, Spring 1979, pp. 116—143.

Philip R. Pryde, Conservation in the Soviet Union. Cambridge: Cambridge University Press, 1972.

James Martin Swanson, "The Bolshevization of Scientific Societies in the Soviet Union: An Historical Analysis of the Character, Function and Legal Position of Scientific and Scientific—Technical Societies in the USSR, 1929—1936". Ph. D. diss., Indiana University, 1966.

Vucinich A. Science in Russian Culture: 1871—1917, v. 2, Stanford, 1970.

Zigurds L. Zile, "Lenin's Contribution to Law: The Case of Protection and Preservation of the Natural Environment". In Lenin and Leninism: State, Law and Society, pp. 83—100. Edited by Bernard W. Eissenstat. Lexington, Mass.: D. C. Heath, 1971.

Оглавление

Предисловие к русскому изданию 5
Введение 11
Глава 1. Памятники природы 19
Глава 2. Охрана природы и революция 39
Глава 3. Охрана природы при НЭПе 57
Глава 4. Пределы роста 70
Глава 5. Госкомитет и заповедники 90
Глава 6. Эталоны природы: заповедники и экология сообществ 107
Глава 7. Съезд по охране природы 1929 г. 140
Глава 8. Культурная революция приходит в биологию 163
Глава 9. Защитная окраска 182
Глава 10. Охрана природы и пятилетний план 205
Глава 11. Великое преобразование природы 244
Глава 12. Инженеры природы 264
Глава 13. I Всесоюзный съезд по охране природы 287
Глава 14. Охрана природы без экологии: лысенковщина 309
Заключение 336
Приложения 352
Послесловие. С другого берега 375
Библиография 385

Вайнер (Уинер) Д. Р.

В 14 Экология в Советской России: Пер. с англ./ Послесл. и ред. Ф. Р. Штильмарка.— М.: Прогресс, 1991.—400 с.

Книга американского историка профессора Дугласа Вайнера посвящена становлению охраны природы в СССР, развитию заповедного дела в первые годы советской власти, деятельности таких замечательных ученых, как Д. Н. Кашкаров, В. В. Станчинский, Г. А. Кожевников.

Значительное внимание в книге уделено анализу культурной революции на рубеже 20—30-х годов. Убедительно показано негативное влияние «научной» деятельности Т. Д. Лысенко и И. И. Презента на свертывание экологических исследований в СССР в конце 30-х годов.

Дуглас Вайнер много работал в советских архивах и, как объективный ученый, сумел восстановить приоритет советской науки во многих важных разделах экологии и охраны природы.

В $\frac{1502010000—071}{006(01)—92}$ без объявл. **ББК 28.08**

ISBN 5—01—002701—1